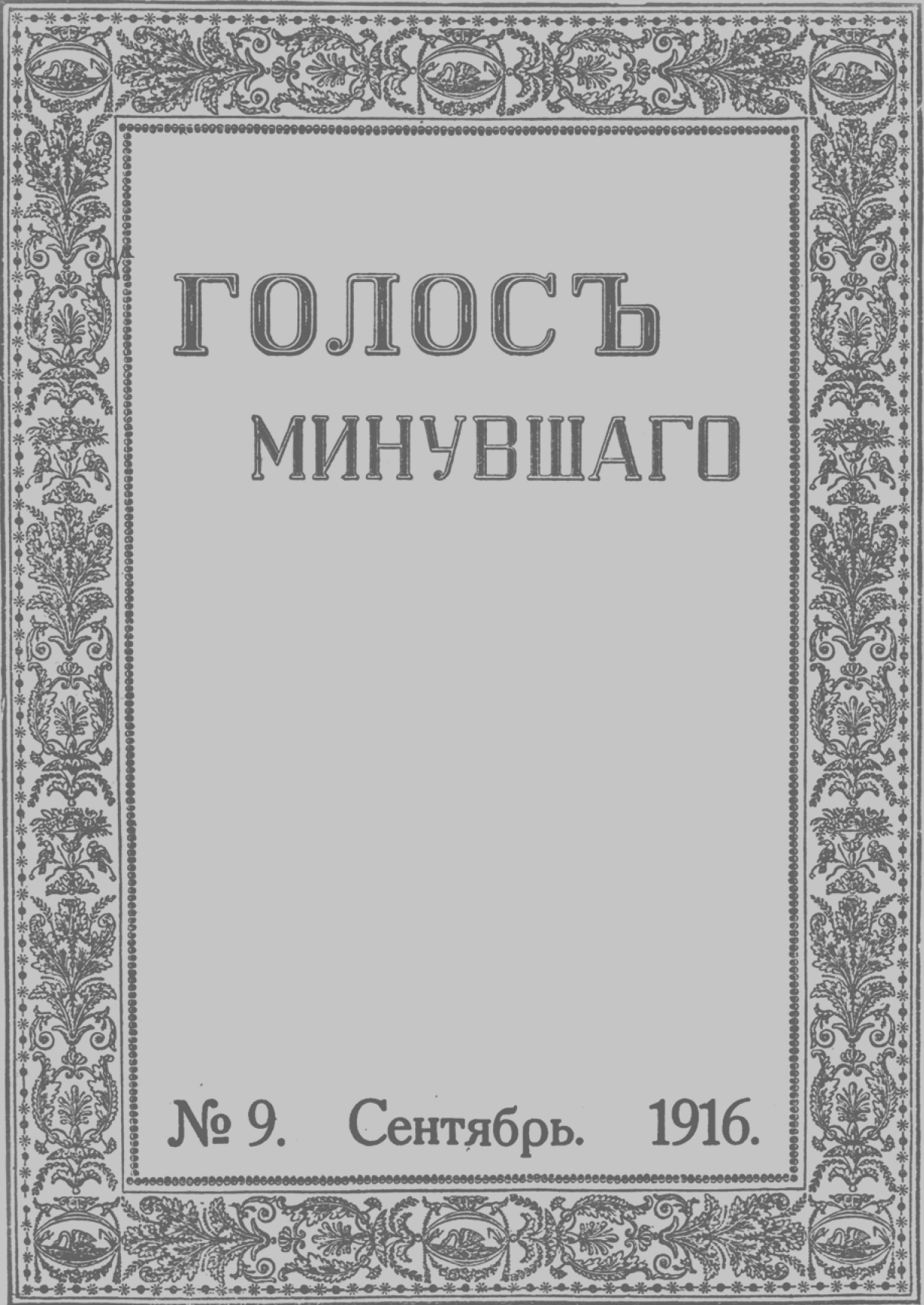

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

№ 9. Сентябрь. 1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ

	Стр.
I. Вл. Розенбергъ. Путь «писателя Короленко»	5
II. Н. И. Шатиловъ. Изъ недавняго прошлаго. IV. Ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковъ.	21
III. С. Р. Минцловъ и В. И. Семевскій. Старый шестидесятникъ. (Съ портретомъ В. Р. Щиглева).	40
IV. В. Керженцевъ. Парнелль и его время.	54
V. А. Прибылева. Воспоминанія о «Народной Волѣ»	90
VI. П. Л. Лавровъ. Письма Е. А. Штакеншнейдеръ 1872—73 г.г.	114
VII. Г. М. Тумановъ. Изъ записокъ гр. И. И. Воронцова-Дашкова.	139
VIII. Ян. Аренбергъ. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. III. В. Карлъ Фонъ-Денъ. Пер. подъ ред. К. Ф. Тиандера.	147
IX. В. Евгеньевъ. Н. А. Некрасовъ и люди 40-хъ г.г. III. Письма В. П. Боткина.	171
X. ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ: I. А. Дерманъ. Дневникъ Л. Н. Толстого. II. В. П. Бузескулъ. Нѣмецкій историкъ Эд. Мейеръ объ Англіи и нынѣшней войнѣ. III. И. М. Херасковъ. Изъ иностранныхъ журналовъ.	192
XI. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. А. Дерманъ. Письма А. П. Че- хова т. VI. В. А. Филипповъ.—С. Бертенсонъ. Дѣдъ рус- ской сцены.—П. Н. Сосницкій. Н. Н. Фирсовъ. А. В. Фло- ровскій. Составъ законодательной комиссіи 1767—74 г.г. Н. И. Карѣевъ. Г. Шпетъ. Исторія, какъ проблема логики. М. С. Грушевскій. Художественная старина Гали- ціи. К. В. Сивковъ. С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Новыя книги.	223
XII. Некрологъ † И. Г. Симоновъ.	244
XIII. В. Н. Сторожевъ. Братья Рубинштейны. (Историческая справка къ пятидесятилѣтію московской консерваторіи).	246
XIV. Объявленія отъ издательствъ: «Задруга», Бухгейма, Гранатъ, «Жизнь и Знаніе», Фадѣева, «Огни», «Свободное Искусство», Некрасова, Сабашниковыхъ, Водовозовой, «Міръ», Попова, «Русскаго Богатства», Косцова	

В. И. Семевский.

Тяжелое горе постигло «Голосъ Минувшаго»—21 сентября не стало *Василія Ивановича Семевскаго*.

Эта смерть обрушилась такъ внезапно, наша совмѣстная работа прервалась такъ неожиданно, что сразу трудно отдать себѣ отчетъ въ той невознаградивой уtratѣ, которую понесъ нашъ журналъ и всѣ мы, въ немъ работавшіе.

Мы гордились тѣмъ, что въ нашу товарищескую среду вступилъ одинъ изъ самыхъ выдающихся русскихъ историковъ; мы гордились тѣмъ, что однимъ изъ основателей журнала былъ Василій Ивановичъ Семевскій, знаменитый историкъ русскаго крестьянства, тотъ, чье имя въ послѣднее десятилѣтіе было связано съ главнѣйшими работами по исторіи русской общественности; мы гордились тѣмъ, что онъ, по праву занимавшій первенствующее мѣсто среди представителей ученаго міра, послѣдніе годы своей жизни посвятилъ нашему журналу. Для насъ онъ былъ и старшимъ товарищемъ, и другомъ, и любимымъ учителемъ.

Какъ учесть все то, что вкладывалъ Василій Ивановичъ въ редакціонную работу? Его огромныя знанія, опытъ, мысль—все отдавалось намъ. Чрезвычайно строгій въ выполненіи своихъ обязанностей, онъ относился къ редактированію журнала съ той же тщательностью, которую проявлялъ въ своихъ научныхъ изслѣдованіяхъ. Кропотливая редакціонная работа заполняла почти все его время, и по неизбѣжности онъ откладывалъ выполненіе своихъ многочисленныхъ научныхъ замысловъ, далеко еще не исчерпанныхъ за сорокъ слишкомъ лѣтъ поистиннѣ славнаго служенія русскому народу.

До послѣднихъ дней Василій Ивановичъ работалъ съ неослабѣвающей энергіей. Казалось, что прожитые 68 лѣтъ неустаннаго труда прошли для него незамѣтно; казалось, что изъ неоскудѣвающей сокровищницы его знаній и архивныхъ изысканій польются еще новыя работы, когда только окажется возможнымъ отдохнуть отъ усиленнаго редакціоннаго труда въ начинающемся дѣлѣ.

Но такъ только казалось...

Жизнь сдѣлала свое—смерть преждевременно унесла Василія Ивановича. И сдѣлала это именно русская

жизнь съ ея волненіями и горестями, неизбежными для каждаго, кто только не способенъ замкнуться въ сферу узкаго научнаго себялюбія.

Василій Ивановичъ Семевскій былъ не только ученымъ; онъ былъ прежде всего русскимъ гражданиномъ. Ученикъ Чернышевскаго, соратникъ Михайловскаго, Василій Ивановичъ свято чтить завѣтъ старшаго поколѣнія русской интеллигенціи—все для народа. И этому народу служили всѣ его научные труды. Онъ говорилъ о безправіи народномъ въ прошломъ, о социальной неправдѣ и о тѣхъ подвижникахъ слова и дѣйствія, которые боролись отъ временъ декабристовъ до нашихъ дней за свѣтъ, свободу и равенство въ отчизнѣ.

Историкъ-демократъ, историкъ-гражданинъ, посвятившій себя исключительно какъ бы научной дѣятельности, не могъ, конечно, проходить мимо той юдоли несчастія, которая разсѣяна кругомъ. Не могъ этого дѣлать Василій Ивановичъ и потому, что у него было дѣйствительно великое и страждующее сердце. Друзья, товарищи, знакомые и незнакомые приходили къ нему—онъ совѣтовалъ, хлопоталъ, ѣздилъ, страдалъ за нихъ, готовый всегда забыть о своихъ научныхъ занятіяхъ. Не только архивы видѣли въ своихъ стѣнахъ замѣчательнаго русскаго изслѣдователя, его видѣли и тюремныя стѣны, когда въ 1905 г. Василій Ивановичъ въ делегаціи съ другими пытался предотвратить кровавое 9 января...

Да, Василій Ивановичъ Семевскій прожилъ свою жизнь, какъ немногіе—его чистое сердце было общественной совѣстью.

И, быть можетъ, наше личное горе должно ступать передъ всеобщимъ горемъ, которое сопровождало смерть Василія Ивановича. Съ великой гордостью мы вновь должны сказать—онъ былъ среди насъ. Дорогая память о немъ, память о человѣкѣ съ незапятнанной совѣстью, сумѣвшемъ соединить науку съ гражданственностью—она одна поможетъ намъ идти по намѣченному имъ пути.

И мы будемъ счастливы, если сможемъ только думать, что Василій Ивановичъ съ нами.

ГОЛОСЪ МИНУВШАГО

ЖУРНАЛЪ ИСТОРІИ и ИСТОРІИ ЛИТЕРАТУРЫ

(Годъ изданія IV)

ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ

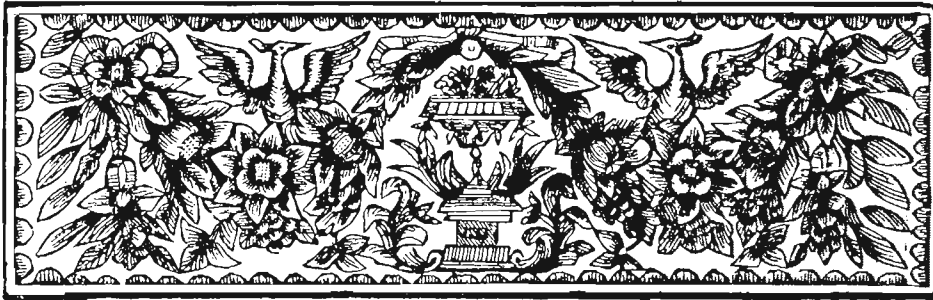
С. П. МЕЛЬГУНОВА и В. И. СЕМЕВСКАГО.

№ 9. Сентябрь. 1916.

МОСКВА.
Типографія Т-ва Рябушинскихъ, Страст. бульв., Путинковскій пер., соб. домъ.
1916.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	<i>Стр.</i>
I. Вл. Розенбергъ. Путь «писателя Короленко»	5
II. Н. И. Шатиловъ. Изъ недавняго прошлаго. IV. Ген.-губ. кн. В. А. Долгоруковъ.	21
III. С. Р. Минцловъ и В. И. Семевскій. Старый шестидесятникъ. (Съ портретомъ В. Р. Шиглева).	40
IV. В. Керженцевъ. Парнелль и его время.	54
V. А. Прибылева. Воспоминанія о «Народной Волѣ»!	90
VI. П. Л. Лавровъ. Письма Е. А. Штакеншнейдеръ 1872—73 г.г.	114
VII. Г. М. Тумановъ. Изъ записокъ гр. И. И. Воронцова-Дашкова.	139
VIII. Як. Аренбергъ. Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи. III. В. Карлъ Фонъ-Денъ. Пер. подъ ред. К. Ф. Тиандера	147
IX. В. Евгеньевъ. Н. А. Некрасовъ и люди 40-хъ г.г. III. Письма В. П. Боткина.	171
X. ИЗЪ ТЕКУЩЕЙ ЛИТЕРАТУРЫ: I. А. Дерманъ. Дневникъ Л. Н. Толстого. II. В. П. Бузескулъ. Нѣмецкій историкъ Эд. Мейеръ объ Англіи и нынѣшней войнѣ. III. И. М. Херасковъ. Изъ иностранныхъ журналовъ.	192
XI. КРИТИКА и БИБЛІОГРАФІЯ. А Дерманъ. Письма А. П. Че- хова т. VI. В. А. Филипповъ.—С. Бертенсонъ. Дѣдъ рус- ской сцены.—П. Н. Сосницкій. Н. Н. Фирсовъ. А. В. Фло- ровскій. Составъ законодательной комиссіи 1767—74 г.г. Н. И. Карѣевъ. Г. Шпетъ. Исторія, какъ проблема логики. М. С. Грушевскій. Художественная старина Гали- ціи. К. В. Сивковъ. С. Ф. Либровичъ. Исторія книги въ Россіи. Новыя книги. † И. Г. Симоновъ	223
XII. В. Н. Сторожевъ. Братья Рубинштейнъ. (Историческая справка къ пятидесятилѣтію московской консерваторіи).	246
XIII. Объявленія отъ издательствъ: «Задруга», Бухгейма, Гранатъ, «Жизнь и Знаніе», Фадѣева, «Огни», «Свободное Искусство», Некрасова, Сабашниковыхъ, Водовозовой, «Міръ», Попова, «Русскаго Богатства», Косцова	

Путь «писателя Короленко».

(Вл. Г. Короленко. Полное собрание сочинений. Томы I—IX. Пет. 1914 г.).

I.

У науки—свои задачи и свои средства достижения цели, у искусства—свои, у публицистики—свои. Для работы в одной области нужны одни силы и способности, для работы в другой—другия. И разница может быть не только количественная, но и качественная, а некоторыя качества, способности и свойства ума и характера, необходимые для того или иного рода деятельности, встрѣчаются сравнительно рѣдко. По одному этому обладатели ихъ особенно цѣнятся и, какъ бы ни были значительны ихъ склонности и способности къ работѣ на другихъ поприщахъ, направляются, даже независимо отъ собственной воли и влеченія, сознательными или безсознательными усилиями общества именно на тотъ путь, гдѣ они могутъ проявить свои рѣдкія, исключительныя дарованія.

Различны и условія, въ которыхъ осуществляютъ свои задачи служители науки и искусства съ одной стороны, публицисты и журналисты—съ другой. Никто не станетъ спорить съ поэтомъ, когда онъ говоритъ:

Служенье музъ не терпитъ суеты,
Прекрасное должно быть величаво.

А публицистика вся въ суетѣ: журналистъ съ головой погруженъ въ «суету суетъ и всяческую суету» быстробѣгущей жизни, долженъ напряженно слѣдить за пестрою вереницею конкретныхъ фактовъ, которые въ большинствѣ далеко не «прекрасны» и не «величавы», долженъ откликаться на «мелочи жизни», на «злобы дня», долженъ пережить, перечувствовать и освѣтить своею мыслью именно тѣ «мелочи», изъ которыхъ складывается жизнь общества въ данное время.

Работа журналиста необходима и полезна, и результаты ея могутъ быть громадны и возвышенны, не въ меньшей мѣрѣ, чѣмъ результаты дѣятельности художника или ученаго. И все-таки отдавая должное публицистикѣ, признавая ея важность и полезность, даже равноцѣнность съ наукой и искусствомъ, всякій разъ, когда въ толпѣ журналистовъ оказывается художникъ Божіею милостью или *настоящій* ученый, отмѣченный печатью избранія для научнаго творчества, вы становитесь передъ старымъ вопросомъ:

Но... позабывъ свое сужденье
Алтарь и жертвоприношенье,
Жрецы-ль у васъ метлу берутъ?

Вопросъ риторическій: предполагается, что отвѣтомъ на него можетъ служить только отрицаніе. А жизнь нерѣдко отвѣчаетъ утвердительно, и, поскольку дѣло идетъ о публицистикѣ, у насъ громче, чѣмъ гдѣ бы то ни было, она говоритъ: Жрецы ли? Да,—жрецы—поэты, художники, свѣточи мысли, служители чистой науки. Многіе изъ нихъ, «рожденныхъ не для житейскаго волненія», не уклонились отъ участія въ «битвахъ» жизни, далекихъ отъ «звучковъ сладкихъ и молитвъ», и отдали свое «вдохновеніе» прозаическому дѣлу публицистики. Да—«метлу» журнализма у насъ нерѣдко держали руки, въ которыхъ естественнѣе было бы видѣть другіе, болѣе тонкіе инструменты. И началось это давно—съ того же Пушкина, и продолжалось долго-долго, да не кончилось и въ наши дни.

Можетъ быть, объ этомъ по указаннымъ основаніямъ слѣдуетъ жалѣть,—не знаю. Но по другимъ соображеніямъ я бы лично не сталъ. Во всякомъ случаѣ причины, заставлявшія и заставляющія у насъ «жрецовъ» искусства и науки покидать свои «алтари» для публицистическихъ битвъ, такъ глубоки и основательны, что иначе и быть не могло. Нельзя представить Пушкина сторонящимся отъ «житейскаго волненія» въ обстановкѣ его «Деревни». Нельзя вообразить Владиміра Соловьева или Чупрова, безстрастно уходящихъ на высоты философіи и науки отъ печальнаго зрѣлища національной и экономической политики эпохи «безвременья». Немыслимо, чтобы Левъ Толстой при извѣстныхъ и всѣмъ еще памятныхъ обстоятельствахъ остался въ позиціи пассивнаго непротивленца и не крикнулъ страстно и гнѣвно свое знаменитое: «Не могу молчать».

Русская художественная литература и русская наука давно связали себя тѣсными узами съ публицистикой. Ученый и журналистъ, художникъ слова и публицистъ—у насъ явленія неисключительныя и даже прямо—нерѣдкія. Но, кажется, среди нихъ

нельзя указать ни одного, въ комъ обѣ эти ипостаси—писатель-художникъ и писатель-публицистъ—были бы такъ гармонично слиты и такъ полно и оригинально развиты, какъ во Владиміръ Галактіоновичъ Короленко. Первокласный художникъ въ немъ не затмеваетъ публициста, и крупный по силѣ мысли и значительности вліянія публицистъ не даетъ повода забыть о художникѣ. Правда, популярность его, какъ художника, такъ велика, что чаще и охотнѣе пишутъ и говорятъ объ его вкладѣ въ русскую художественную литературу. Но я бы еще поспорилъ, не шире ли извѣстность Короленко въ качествѣ публициста, при томъ извѣстность, выходящая за предѣлы тѣхъ круговъ общества, изъ которыхъ вербуются постоянные читатели газетъ и журналовъ. Этимъ онъ обязанъ своеобразности своего публицистическаго поприща, сдѣлавшей его *единственнымъ* въ своемъ родѣ публицистомъ и ознакомившей съ именемъ «писателя Короленко» такую среду и такія мѣста, гдѣ обыкновенно совсѣмъ не интересуются писателями и, пожалуй, о существованіи ихъ на бѣломъ свѣтѣ не всегда знаютъ.

II.

Въ небольшой статьѣ частью біографическаго содержанія, помѣщенной въ юбилейномъ сборникѣ «Русскихъ Вѣдомостей», В. Г. Короленко, говоря о первомъ своемъ печатномъ произведеніи, въ нѣсколькихъ мимоходомъ брошенныхъ словахъ отмѣчаетъ одну черту своего характера, толкнувшую его въ публицистику и наложившую, какъ мнѣ кажется, яркую печать на всю его публицистическую карьеру. «У меня,—пишетъ Короленко,—всегда было стремленіе вмѣшаться прямо, съ практическими послѣдствіями, въ тѣ области жизни, которыя стояли ко мнѣ близко и на виду»... Этого «страстнаго желанія», конечно, не могли утолить никакіе успѣхи на пути художественнаго творчества. Художникъ Короленко, конечно, не меньше публициста Короленко защищалъ и защищаетъ «право и достоинство человека всюду, гдѣ это можно сдѣлать перомъ»; но «вмѣшаться въ жизнь» съ надеждой на прямая, непосредственныя «практическія послѣдствія», оставаясь писателемъ, возможно только въ роли публициста. И Короленко, предваряя исключительный успѣхъ своихъ первыхъ рассказовъ, выдвинувшихъ его сразу въ первые ряды литературы, выступилъ впервые въ печати со скромной репортерской замѣткой.

Самъ писатель рассказываетъ о содержаніи своей первой статьи слѣдующее: «Рѣчь шла объ освѣщеніи одного «народнаго движенія» въ Петербургѣ,—погрома дворниковъ и полиціи въ Апраксиномѣ

переулкѣ,—въ 1878 году. Вся петербургская печать освѣщала эту, рѣдкую тогда по характеру и размѣрамъ, массовую вспышку, какъ вызванную національнымъ антагонизмомъ (дворники были татары и свѣдѣнія шли изъ полицейскихъ источниковъ). Я доказывалъ, что примѣсъ національнаго мотива случайна, что движеніе было вызвано притѣсненіями дворовой и участковой полиціи. Для меня это была не простая репортерская замѣтка. Вспышка была внезапная и бурная. Вызывались войска. Теперь такія явленія не рѣдки; тогда это было какъ внезапный подземный толчокъ еще далекаго землетрясенія. Въ качествѣ наблюдателя, я замѣшался въ самую гущу толпы и пытался установить истинный характеръ происходившаго».

Разыскивая эту первую замѣтку Короленко, я пересмотрѣлъ нумера нѣсколькихъ петербургскихъ газетъ («Голоса», «Новаго Времени», «Новостей», «С.-Петербургскихъ Вѣдомостей», «Русскаго Міра», «Биржевыхъ Вѣдомостей», «Петербургской Газеты», «Недѣли») за первую половину іюня 1878 г. (апраксинскій погромъ произошелъ 5-го іюня).

Повидимому, немедленно отозваться на эту злобу дня всѣмъ столичнымъ газетамъ помѣшали тогда «независящія обстояательства». 6-го іюня ни одна изъ вышедшихъ въ тотъ день газетъ не проронила ни слова о происшедшемъ. Но уже на другой день прямой цензурный запретъ, если онъ существовалъ, былъ снятъ, и описаніе погрома появилось почти во всѣхъ газетахъ, съ большими или меньшими подробностями, но въ главныхъ чертахъ тождественное. Недѣлю спустя Суворинъ объяснялъ въ «Новомъ Времени», что происшествіе «описалъ одинъ газетный репортеръ и разослалъ свое описаніе почти по всѣмъ газетамъ; всѣ напечатали это описаніе, не исключая насъ; мы только выпустили нѣкоторыя мелодраматическія подробности». Но дѣло было не въ «мелодраматическихъ подробностяхъ» и не въ «газетномъ» репортерѣ. Дѣло было въ источникѣ освѣдомленности репортера и въ оцѣнкѣ происшествія, шедшей изъ этого источника и распространенной черезъ газеты. «Голосъ» тоже напечаталъ циркулярную замѣтку съ сокращеніями, но не ограничился этимъ и сопровождалъ ее заявленіемъ отъ редакціи, которое какъ бы приглашало читателя принимать эту реляцію о происшедшемъ съ нѣкоторою осторожностью, не безъ критики и скептицизма. «Вчера весь день—пишетъ «Голосъ» въ номерѣ отъ 7-го іюня—и сегодня въ городѣ много говорятъ о безобразномъ побоищѣ близъ апраксинскаго рынка. Вотъ что намъ сообщаютъ по этому поводу изъ источника, который мы считаемъ возможнымъ назвать «оффиціознымъ». Въ петербургскихъ кружкахъ, прикосновенныхъ

къ литературѣ, какъ мнѣ передавали, было извѣстно, что отчетъ репортера составлялся въ участкѣ по полицейскимъ даннымъ. А полиціи было выгодно выставить происшествіе, какъ результатъ «ненависти къ татарамъ».

Но не всѣ были такъ осторожны, какъ «Голосъ». Полицейская версія о національномъ антагонизмѣ, будто бы вызвавшемъ погромъ, нашла поддержку въ печати съ разныхъ точекъ зрѣнія, и напр., «Биржевыя Вѣдомости», выходившія тогда подъ редакціей Полетики, печатали стихи (Минаева,—по свидѣтельству Суворина), въ которыхъ въ обличительномъ и либеральномъ тонѣ воспроизводилась въ сущности та же басня о «національномъ антагонизмѣ».

Народнымъ духомъ горды,
Бойцы родной страны
Разбили вражьи морды
Поклонниковъ луны.
Бойцамъ ни полъ, ни лѣта,
Ни званье нипочемъ.
Все къ дьяволу. Вотъ это
«Подъемъ»—такъ ужъ подъемъ... и т. д., и т. д.

Стихи были обращены къ Каткову, незадолго передъ тѣмъ по поводу извѣстной охотнорядской исторіи въ Москвѣ восхвалявшему «здравый смыслъ» народа. Газета Полетики, конечно, отнеслась къ апраксинскому погрому такъ же отрицательно, какъ и къ московскому побоищу. Но, полемизируя съ Катковымъ, она все-таки принимала за доказанное или, по крайней мѣрѣ, не возражала, что въ безпорядкахъ сыграла роль вражда къ «поклонникамъ луны». На эти рельсы многіе становились тѣмъ легче, что дѣло было вскорѣ послѣ окончанія русско-турецкой войны 1877—78 гг.

Суворинъ въ упомянутой статьѣ (отъ 11-го іюня) пространно и рѣзко полемизируетъ съ Полетикой и Минаевымъ, становясь на ту точку зрѣнія, что причиной погрома «была вражда, но не вражда національная и религіозная, а чисто семейная, такъ сказать, будничная, «корни которой, по всей вѣроятности, кроются въ обиходныхъ отношеніяхъ рабочаго къ дворнику». Но Суворинъ шелъ уже по проторенному пути: раньше его эта точка зрѣнія была противопоставлена официозной версіи единственнымъ «наблюдателемъ» происшествія, рѣшившимся выступить тогда въ печати. Въ самый день появленія въ газетахъ циркулярнаго полицейскаго отчета, 7-го іюня, въ № 144 маленькихъ еще въ то время и совсѣмъ невліятельныхъ «Новостей» было напечатано слѣдующее «письмо въ редакцію»:

«М. г. Въ городѣ ходятъ самые разнообразныя слухи объ

«исторіи», которая разыгралась вчера (5-го іюня) у Апраксина двора. Такъ какъ я былъ очевидцемъ эпилога этой трагедіи, то постараюсь передать то, что видѣлъ. Около пяти часовъ вечера я проходилъ съ товарищемъ по Садовой улицѣ. На улицѣ замѣтно было какое-то необычайное оживленіе. Въ дверяхъ магазиновъ, у лавочекъ на Сѣнной стояли кучки торговцевъ, посматривавшихъ въ одну сторону—въ сторону Невскаго. Теченіе публики въ этомъ направленіи было сильнѣе, чѣмъ въ обратномъ. Вотъ по улицѣ, по направленію къ Покрову, проѣхали извозицы пролетки въ сопровожденіи конныхъ жандармовъ. Онѣ ѣхали рысью. Я не успѣлъ разглядѣть, кто сидѣлъ въ пролеткахъ. Въ публикѣ носились отрывочные, смутные слухи: «Бунтовщика везутъ», «Татаринъ», «Убитый», «Раненый». Я обратился къ городовому: «Что случилось?»—«Не знаемъ, не знаемъ; проходите, господа, проходите».

Мы сѣли въ вагонъ, который направился къ Невскому, и сошли около Апраксина двора. Густыя кучки народа толпились по палатамъ Апраксина переулка, а дальше, въ глубинѣ его, толпа стояла сплошною массой, около высокаго, кажется, 7-этажнаго дома. Желѣзные ворота этого дома были заперты, у входа стояли жандармы, которые держали лошадей въ поводахъ: офицеры стояли тутъ же. По срединѣ улицы, среди нѣскольکو раздавшейся толпы, стоялъ какой-то военный (кажется, генераль) не полицейскій. Пристава и жандармы что-то почтительно докладывали. Обстановка напоминала бивуакъ. По временамъ изъ толпы подальше слышались громкіе крики «ура». Тогда полиція изъясляла нѣкоторое безпокойство. Въ публикѣ образовались густыя кучки, центромъ которыхъ были рассказчики. Дѣятельность полиціи въ это время ограничивалась тѣмъ, что она, по возможности, мѣшала образованію этихъ кучекъ, «уговаривая» довольно вѣжливо разойтись: «Спать пора, господа!». Толпа незамѣтно рѣдѣла.

«Какъ водится, рассказы о происшествіи въ толпѣ были разнообразны. Впрочемъ, средній выводъ о фактической сторонѣ дѣла слѣдующій. Въ д. № 5—восемь дворниковъ, и все татары. Въ день происшествія эти дворники хотѣли отправить въ часть матроса (вѣроятно, матросикъ «былъ выпивши»). Сидѣвшіе въ трактирѣ напротивъ мастеровые вступились и «не дали». Дворники, вооружившись «подметальниками», стали дѣлать «не давшей публикѣ» внушеніе. «Били по чемъ попало»,—разсказывали въ толпѣ; публика накинута на дворниковъ, и вотъ явилось въ толпѣ: «татары бунтуютъ!», и пошла писать. Дворники скрылись во дворъ, затѣмъ въ дворницкую; нѣкоторые спасались на лѣстницы.

Разгнѣванная толпа находила ихъ вездѣ. Одинъ, убѣгая, кинулся съ четвертаго этажа, другаго, говорятъ, нашли въ сундукѣ... Полиція, по рассказамъ очевидцевъ, не смѣла противодѣйствовать. Приставъ потерпѣлъ «непріятности».

— Итакъ, на сценѣ вопросъ національный,—заклучилъ бывший со мною товарищъ.

«Оказалось, впрочемъ, изъ дальнѣйшихъ разспросовъ, что вопросъ былъ *не совсѣмъ національный*. Намъ случилось, наконецъ, встрѣтить человѣка, близко знавшаго дѣло. Мужичокъ, шедшій съ провизіей изъ лавочки, слѣдовательно, живущій по сосѣдству, рассказалъ намъ слѣдующее.

«Исторію начали мастеровые, которымъ дворники могли и сумѣли напакостить. «Извѣстно, дворникъ можетъ притѣснять нашего брата,—придешь попозже—ворота заперты, не пускаютъ, а пустятъ, такъ во дворѣ такую встряску зададутъ,—особливо, если выпивши, бѣда,—ограбятъ совсѣмъ, да и бока намнутъ». Полиція всегда за дворниковъ. И вотъ, результатомъ этого ряда дворничихъ «неправдъ» явилось то, что до нихъ давно «добирались». Случай съ матросомъ послужилъ только поводомъ: первыми, говорятъ, кинулись люди, которымъ приходилось долго выносить на себѣ десницу татаръ-дворниковъ. Толпа, собравшаяся у воротъ, не позволяла вмѣшиваться въ эту расправу. Говорятъ, пристава схватили за грудь съ криками: «И ты заодно! смотри, и тебѣ то же будетъ»...

«Часовъ около двѣнадцати ночи толпа значительно порѣдѣла. Мы еще разговаривали съ очевидцемъ исторіи, когда жандармы были смѣнены. Они сѣли на лошадей и уѣхали, а на мѣсто ихъ въ ворота дома № 5 былъ введенъ отрядъ солдатъ. Черезъ нѣкоторое время изъ воротъ вышелъ офицеръ въ гвардейской (кажется) формѣ. Полицейскіе отдали честь; офицеръ сѣлъ въ коляску и уѣхалъ...

«Толпа все болѣе рѣдѣла...

«Вотъ тѣ впечатлѣнія, которыя я вынесъ, внимательно взвѣсивъ слухи и видѣнные мною факты.

«Число жертвъ мнѣ не извѣстно. Замѣчу только, что на мѣстѣ говорили объ одномъ убитомъ дворникѣ; о числѣ раненыхъ нельзя было собрать даже приблизительныхъ свѣдѣній».

Письмо подписано инициалами писателя: В. К.

На другой же день взглядъ, выраженный Короленко, усвоенъ былъ нѣкоторыми органами петербургской печати, напр., «Петербургской Газетой», которая, возражая автору циркулярнаго «офиціознаго» сообщенія, писала: «Драка была пьяной или буйной толпы (а не русскихъ людей) съ дворниками, (а не съ

татарской «націей»). Но редакторъ «Новостей», напротивъ, на первыхъ порахъ не былъ доволенъ письмомъ В. К. и въ послѣдующіе дни усердно «дополнялъ» рассказъ Короленко выдержками изъ другихъ газетъ, рисовавшими происшествіе въ духѣ полицейскаго отчета. Только послѣ статьи Суворина онъ вернулся на точку зрѣнія своего случайнаго сотрудника и отмѣтилъ основательность сужденій тѣхъ, кто полагаетъ, что «апраксинская» исторія «возникла не вслѣдствіе какой-нибудь національной розни, а просто по «домашнимъ» счетамъ между пострадавшими дворянами и буйствовавшей толпой». И въ бесѣдахъ съ сотрудниками редакторъ теперь не скупился на похвалы замѣткѣ Короленко, не безъ основанія находя, что «она перемѣнила общій взглядъ на это дѣло».

Такъ началъ публицистъ Короленко—и, быть можетъ, самое интересное и самое привлекательное въ образѣ этого оригинальнѣйшаго изъ русскихъ публицистовъ это—то, что онъ *такъ* же и продолжалъ въ теченіе всей своей почти сорокалѣтней литературной дѣятельности.

III.

Первый рассказъ Короленко, написанный какъ разъ въ то время, когда онъ «въ качествѣ наблюдателя» «замѣшался въ самую гущу толпы», чтобы «установить истинный характеръ» апраксинскаго погрома, начинается слѣдующимъ эпиграфомъ изъ Некрасова:

Средь міра дольнаго
Для сердца вольнаго
Есть два пути.
Взвѣсь силу гордую,
Взвѣсь волю твердую—
Какимъ итти.

Короленко избралъ трудный, тернистый публицистическій путь, шествіе по которому облегчается только тѣмъ, что онъ освѣщенъ для писателя на всемъ протяженіи высокой путеводной звѣздой. «Сила гордая» таланта и «воля твердая» характера—это нужно отмѣтить прежде всего—отданы имъ на служеніе возвышенному идеалу.

Сіянія этой путеводной звѣзды не можетъ не замѣтить въ произведеніяхъ нашего писателя самый невнимательный и равнодушный читатель.

Трудно однако въ немногихъ словахъ изобразить богатое идейное содержаніе произведеній Короленко. Но если сжато и выпукло формулировать сущность его писательской проповѣди,

то придется повторить его же слова, сказанные по поводу произведений Горького.

Въ одной малоизвѣстной критической статьѣ Короленко приводитъ изреченіе Гёте: «великаго человѣка мы познаемъ только въ совокупности человѣчества» и замѣчаетъ:

«Въ этой фразѣ, особенно характерной въ устахъ гениальнаго писателя,—цѣлая философія, цѣлое направленіе мысли, чувства, настроенія, совершенно противоположное представленію о ничшеанскомъ «сверхъ-человѣкѣ». Могутъ быть ничтожные люди, очень много ничтожныхъ людей, но человѣчество не ничтожно, передъ всѣмъ человѣчествомъ самый великій человѣкъ—только атомъ, только одна капля, лишь потому несущаяся на верхушкѣ волны, что ее вмѣстѣ съ волной подняла величайшая и самая могучая изъ стихій, вся состоящая изъ порывовъ мысли, изъ кипѣнія чувства, изъ миллионовъ стремленій, сливающихся въ безграничный океанъ и создающихъ въ совокупности представленіе о величій все совершенствующейся человѣческой природы. Это представленіе глубоко демократично: все, что литература создала лучшаго, наиболѣе реальнаго и вмѣстѣ наиболѣе идеалистическаго, покоилось, сознательно или безсознательно, на этомъ представленіи... Въ «совокупности человѣчества» участвуютъ не одни великіе, живущіе на освѣщенныхъ вершинахъ. На днѣ, въ глубокихъ трущобахъ, тоже есть черты, нужныя для созданія великаго образа коллективнаго человѣка; заслуга реалистовъ-художниковъ состоитъ въ изученіи «человѣка» всюду, гдѣ онъ проявляется».

Можно спорить, правильно ли Короленко истолковалъ фразу Гёте. Но то содержаніе, которое онъ вложилъ въ эту фразу, несомнѣнно является отраженіемъ «философіи» самого Короленко, характеризующей цѣлое и цѣльное «направленіе мысли, чувства, настроенія», которыми проникнуты произведенія нашего писателя. Если для него «лучшее» во всей міровой литературѣ—создаваемый ею «великій образъ коллективнаго человѣка», если главная заслуга литературы—изученіе «человѣка» всюду, гдѣ онъ проявляется,—а онъ проявляется всюду, «въ глубокихъ трущобахъ» такъ же, какъ и на «освѣщенныхъ вершинахъ»,—то понятно, что для художника Короленко не было иной, болѣе важной и болѣе притягательной задачи, какъ исканіе *человѣка*, какъ художественное раскрытіе «чертъ человѣчности» всюду, куда бы его самого ни заносила волна «безграничнаго океана» жизни.

Но, съ другой стороны, такъ естественно, что и публицистъ Короленко, работая въ томъ же «направленіи мысли, чувства, настроенія», сталъ, по его собственному выраженію, «партиза-

номъ», выступающимъ на защиту «права и достоинства человѣка всюду, гдѣ это можно сдѣлать перомъ».

Въ другой странѣ, въ другой историческій моментъ, при другихъ условіяхъ публицистическая дѣятельность Короленко, возможно, носила бы лишь спорадическій характеръ. Вѣдь, нужно было глубокое потрясеніе всего уклада общественной жизни Франціи, чтобы Зола выступилъ со своимъ «J'accuse», увѣнчавшимъ его неувядаемой славой въ исторіи доблестной борьбы за «права и достоинство человѣка». Допускаемъ, что въ отзывчивой душѣ нашего художника-гуманиста чаще возникала бы потребность прямого отклика на «житейскія волненія» и въ томъ случаѣ, если бы онъ былъ призванъ дѣйствовать въ другой политической обстановкѣ. Быть можетъ, и тогда, не разъ и не два въ теченіе своей долголѣтней писательской дѣятельности, онъ схватился бы «за метлу» публициста, чтобы очистить жизнь отъ непорядковъ, посягающихъ на человѣческое достоинство и права гражданина. Но у насъ въ наше время такой писатель, какъ Короленко, неизбѣжно долженъ былъ стать не случайнымъ только гостемъ въ газетѣ или политическомъ журналѣ, а присяжнымъ, постояннымъ публицистомъ. И взявъ на себя эту нелегкую ношу, онъ не только пошелъ навстрѣчу всѣмъ непріятностямъ, сопряженнымъ со званіемъ политическаго писателя на Руси, но не уклонился отъ черновой, часто утомительной и скучной работы рядового журналиста.

Возьму одинъ примѣръ. Немногіе изъ нашихъ писателей-художниковъ, не говоря объ иноземныхъ, отдали столько времени и вниманія, какъ Короленко, «печатному калейдоскопу, называемому газетой». Газеты онъ не «просматриваетъ» только, подобно громадному большинству читателей, даже тѣхъ, для которыхъ чтеніе газетъ стало серьезной потребностью. Короленко «слѣдитъ за прессой», слѣдитъ такъ усердно, какъ это дѣлаютъ по обязанности не всѣ, а только нѣкоторые постоянные сотрудники газетъ и журналовъ, работающіе въ извѣстныхъ отдѣлахъ газетной хроники или журнальныхъ обзоровъ.

Такое чтеніе—не развлеченіе, не удовлетвореніе потребности, а большой и утомительный трудъ. Самъ Короленко говоритъ: «...Попробуйте полчаса безъ перерыва глядѣть на пеструю смѣну калейдоскопа, и вы почувствуете, что у васъ разбаливается голова, стучить въ вискахъ и глаза застилаетъ туманомъ. Такъ же приблизительно должна дѣйствовать на умъ и на чувство пестрая смѣна явленій, мелькающихъ въ печатномъ калейдоскопѣ, называемомъ газетой»... Бѣглый просмотръ одной-двухъ газетъ, конечно, мало кого можетъ утомить, но когда передъ вами «туча газетъ,

ежедневно появляющихся утромъ, чтобы къ вечеру погибнуть подобно бабочкамъ—поденкамъ», ... то естественно рождается вопросъ: зачѣмъ и почему отдаетъ свои силы этому невеселому занятію знаменитый русскій писатель?

Жизнь, отражающаяся въ газетѣ вереницею «разнородныхъ фактовъ, несоизмѣримыхъ и несвязанныхъ никакою внутреннею связью,—отвѣчаетъ на этотъ вопросъ Короленко,—движется извѣстными глубокими началами, и въ ней, какъ въ колеблющемся океанѣ, внимательный и чуткій наблюдатель способенъ уловить и нѣкоторый ритмъ и основную болѣе или менѣе глубокую ноту». Не все случайно въ живущей одинъ день газетной хроникѣ. «Корреспондентъ, берущійся за перо въ какомъ-нибудь глухомъ городишкѣ, часто побуждается къ этому непосредственнымъ ощущеніемъ той или другой, общей глухимъ мѣстамъ, боли. И частое повтореніе одного и того же мотива въ разныхъ мѣстахъ указываетъ на его распространенность и значеніе... Несомнѣнно, въ этомъ ненужномъ уже листѣ были факты, извѣстія, отмѣтки, разбросанныя черты типическихъ явленій, которыя можно бы схватить и удержать съ большой пользой... Сами по себѣ они скользнули незамѣтно, въ лучшемъ случаѣ всколыхнувъ на время мысль или чувство читателя. Но, накладываясь одно на другое, суммируясь въ своей однородности,—эти черты приобретаютъ порой глубокое и немимолетное значеніе».

Какъ это дѣлается, какъ эти мимолетныя извѣстія, отрывочныя факты, «разбросанныя черты типическихъ явленій» развертываются подъ рукою талантливаго писателя и «чуткаго наблюдателя» въ широкія многозначительныя картины русской жизни или слагаются въ цѣлыя изслѣдованія, полныя глубокаго интереса, или вырастаютъ въ потрясающія разоблаченія нашихъ общественныхъ недуговъ и непорядковъ, лучше всего показалъ на собственномъ примѣрѣ тотъ же Короленко. Чтобы быть понятнымъ, мнѣ достаточно напомнить читателю, на примѣръ, «Современную самозванщину», или циклъ статей «Въ холерный годъ». «Честь мундира и нравы военной среды», или хотя бы только новѣйшее изъ произведеній этого рода—«Бытовое явленіе». Въ этихъ и во многихъ другихъ случаяхъ исключительный литературный талантъ и сильная мысль, изощренная и закаленная въ непрестанный работѣ, помогли Короленко создать изъ обрывковъ подлинной русской дѣйствительности, принесенныхъ давно истлѣвшими газетными «бабочками-поденками», произведенія, которыя живутъ десятки лѣтъ, которымъ въ исторіи русской публицистики обеспечено безсмертіе. Но что ему самому помогло не утратить этой «тучи» газетъ, ежедневно изливающей на «впечатлительнаго

и чуткаго наблюдателя» потоки «несоизмѣримыхъ и несвязанныхъ, внутренней связью» фактовъ? То же, конечно, что въ началѣ его литературной карьеры побудило его «въ качествѣ наблюдателя» «замѣшаться въ самую гущу толпы», бушевавшей въ Апраксиномѣ переулкѣ...

IV.

«Страстное» стремленіе «вмѣшаться въ жизнь», своими глазами узрѣть и своими руками осязать «происходящее», чтобы «установить истинный характеръ» его и, если нужно, «громко крикнуть», наложило на публицистическую дѣятельность Короленко печать такой оригинальности, которая дѣлаетъ его единственнымъ, неповторяемымъ явленіемъ въ нашей журналистикѣ: не довольствуясь тѣмъ, что даютъ присяжные освѣдомители о событіяхъ нашей общественной жизни, онъ *самъ становится своимъ корреспондентомъ*, самъ собираетъ, изслѣдуетъ и провѣряетъ на мѣстѣ свѣдѣнія, на основаніи которыхъ построены многія изъ важнѣйшихъ его публицистическихъ произведеній.

И вотъ на протяженіи десятковъ лѣтъ мы, публика, русское общество, оказываемся «наблюдателями» одного удивительнаго явленія, которое ни въ комъ, однако, не возбуждаетъ удивленія, потому что очень ужъ всѣ къ нему привыкли. Въ моменты самыхъ острыхъ общественныхъ кризисовъ, въ мѣстахъ, гдѣ совершаются событія, возбуждающія глубокое и серьезное «жизненное волненіе», среди самыхъ ожесточенныхъ «битвъ жизни», «въ самой гущѣ толпы» почему-то непременно находится вдумчивый «наблюдатель», — «писатель Короленко», который намъ сообщаетъ, что и какъ было, устанавливаетъ и разъясняетъ «истинный характеръ происшедшаго». Въ голодный годъ (1891—92), ознаменовавшійся первымъ подъемомъ общественнаго движенія въ эпоху реакціи конца XIX вѣка, мы видимъ Короленко въ Лукояновскомъ уѣздѣ. Онъ отправляется туда, конечно, съ цѣлью организаціи посильной помощи голодающимъ, но не только съ этой цѣлью. Онъ ѣдетъ именно въ Лукояновскій уѣздъ, ѣдетъ въ тотъ самый моментъ, когда «взгляды всѣхъ мужико-ненавистниковъ во всей Россіи обращаются съ надеждой на дальній уѣздъ, гдѣ кучка земскихъ начальниковъ съ предводителемъ во главѣ храбро борется за отстраненіе помощи отъ голодающаго народа». Ему нужно быть тамъ въ это время, нужно «замѣшаться въ самую гущу» лукояновской жизни, ибо... «какъ солнце въ малой каплѣ воды», — въ этой исторіи отражаются глубокіе признаки крѣпостническо-дворянской реакціи въ нашемъ пореформенномъ строѣ.

Книга Короленко о голодѣ читается и теперь, черезъ чет-

верть вѣка, съ захватывающимъ интересомъ. Легко представить, какое впечатлѣніе она произвела въ свое время. Легко также представить, какой взрывъ недоброжелательства навлекъ на себя «писатель Короленко» на верхахъ лукояновской «капли воды». Но зато какъ дорого стало это имя широкому кругу читателей. А самый способъ собиранія матеріала для знаменитой книги снискалъ «писателю Короленко» популярность и тамъ, гдѣ книгъ тогда, по крайней мѣрѣ, еще не читали. Лукояновскіе низы провозжали его словами:

— Мы вотъ молебень служили и тебя тоже вспоминали. Спасибо тебѣ...

Съ другимъ глухимъ угломъ, въ Вятской губерніи, «писатель Короленко» связалъ себя серіей статей, объединенныхъ теперь подъ общимъ названіемъ «Мултанское жертвоприношеніе». Известно, что исторія мултанскихъ вотяковъ, сначала дважды обвиненныхъ въ человѣческомъ жертвоприношеніи, а затѣмъ оправданныхъ, привела Короленко не только къ столику судебного корреспондента, но и на трибуну судебного защитника. Еще крупнѣе была его роль въ печати, его борьба съ перомъ въ рукахъ противъ «темнаго предрасудка» и «судебной интриги», опутавшей, какъ сѣтью, невинныхъ людей. Страстная полемика, вызванная статьями Короленко, тянулась долго и возобновлялась годы спустя послѣ того, какъ оправдательный приговоръ суда вошелъ въ силу. На этотъ разъ приходилось сражаться на два фронта: не было недостатка въ низкихъ заподозрѣваніяхъ,—дѣйствовалъ, молъ, «для поэзіи, для эффекта», для того, «чтобы произнести нѣсколько словъ объ угнетенномъ племени, о достоинствѣ Россіи...» Съ другой стороны, «писателя Короленко» не то обвиняли, не то восхваляли за защиту вотяковъ, которая велась якобы «съ благой цѣлью», изъ сожалѣнія къ «дикарямъ», но вопреки собственному убѣжденію защитника въ ихъ виновности. И всего лишь три года назадъ Короленко вынужденъ былъ вернуться къ старому дѣлу о «мултанскихъ жертвоприношеніяхъ», чтобы парировать одинъ изъ такихъ полемическихъ выпадовъ.

Я привожу одно мѣсто изъ этой недавней статьи Короленко. На мой взглядъ оно прекрасно освѣщаетъ интересный эпизодъ въ біографіи нашего писателя. Но еще важнѣе оно въ другомъ отношеніи: здѣсь Короленко ставитъ и рѣшаетъ—рѣшаетъ не вообще, а *для себя*—очень важный для характеристики каждаго дѣятеля печати вопросъ,—вопросъ о профессиональной этикѣ писателя.

«Дѣло моей жизни,—пишетъ Короленко,—литература, а не судебная защита. И если я одинъ разъ выступилъ на судебной

трибунѣ по вопросу, о которомъ писалъ, то это не значить, что я писалъ какъ профессиональный защитникъ, а, наоборотъ, я защищалъ, какъ писатель, изучившій лучше профессиональныхъ защитниковъ этнографическую сторону даннаго явленія. Не писатель въ этомъ случаѣ служилъ адвокату, а случайный адвокатъ стремился закрѣпить судебнымъ приговоромъ убѣжденіе писателя. Благородная задача адвокатуры—защитить невиннаго и сказать все, что можетъ послужить къ смягченію вины виновнаго... Главное для нея въ каждомъ данномъ дѣлѣ участь живого человѣка и только черезъ нее—общія условія. Для писателя, наоборотъ, главная задача—освѣщеніе общихъ условій и типичныхъ явленій. Въ этой области онъ не въ правѣ—не говорю уже, прямо солгать, хотя бы изъ сожалѣнія,—но даже скрыть что бы то ни было, что онъ считаетъ истиной... Изъ сожалѣнія къ живымъ людямъ, онъ можетъ не вмѣшиваться со своимъ взглядомъ до произнесенія приговора. Но когда онъ уже говоритъ печатно о томъ или другомъ вопросѣ общественнаго значенія,—то это должна быть только правда и вся правда, какъ онъ ее понимаетъ...

Возвращаясь къ мултанскому дѣлу, Короленко прибавляетъ: «такъ какъ для судебной защиты мнѣ не приходилось поступиться хотя бы одной іотой своихъ убѣжденій, такъ какъ въ интересахъ подсудимыхъ вотьковъ важно было то самое, что нужно для иллюстраціи моихъ публицистическихъ взглядовъ...,—то я не видѣлъ причины отступить передъ несвойственной мнѣ ролью защитника. И я счастливъ, что участвовалъ въ качествѣ сотрудника въ славномъ дѣлѣ этой борьбы адвокатуры съ магистратурой. При всѣхъ инквизиціонныхъ приемахъ слѣдствія, при всѣхъ неслыханныхъ ограниченіяхъ защиты со стороны короннаго суда,—присяжные разглядѣли истину, и сѣть была разорвана. Вердиктъ присяжныхъ сказалъ ясно: нѣтъ, народная, хотя бы и инородческая, масса—не каннибалы. Она лучше, чѣмъ вы ее считаете, при всей ея темнотѣ и безправіи. Но вашъ судъ гораздо хуже, чѣмъ вы думали,—онъ пошелъ назадъ въ сторону покровительства предразсудкамъ, подлогамъ, истязаніямъ, инквизиціонному процессу...»

Въ мултанскомъ дѣлѣ, повинувшись строгому закону своей писательской морали, Короленко не отступилъ передъ «несвойственной» ему ролью судебного защитника. Позднѣе та же неуклонная вѣрность заповѣди: въ печати «только правда и вся правда», какъ ты ее понимаешь,—сдѣлала его мишенью для возмутительныхъ оскорбленій и низкихъ клеветъ, которыми «писателя Короленко» осыпали не только со столбцовъ «охранительныхъ» и офиціозныхъ газетъ, но и съ трибуны Государственной Думы.

Частью по сознательной злонамѣренности, частью по легкомыслію противниковъ эта недостойная травля писателя затянулась надолго и продолжалась уже тогда, когда судебнымъ разслѣдованіемъ, которое велось *противъ* Короленко, было документально установлено, что онъ писалъ и въ данномъ случаѣ, какъ всегда, «только правду и всю правду».

Мы говоримъ сейчасъ о «Сорочинской трагедіи», объ одной изъ многихъ печальныхъ трагедій, послѣдовавшихъ, по ироніи судьбы, непосредственно за обнародованіемъ манифеста 17 октября, о «мрачномъ клубкѣ», «начавшемся,—говоря словами писателя,—административными арестами послѣ манифеста, продолжавшемся буйствомъ толпы, загипнотизированной неизвѣстнымъ агитаторомъ, и закончившемся еще болѣе мрачными массовыми истязаніями сотенъ людей, стоявшихъ на колѣняхъ въ снѣгу...» Короленко разоблачалъ эту трагедію въ печати, помѣстивъ въ мѣстной полтавской газетѣ «открытое письмо» къ главному виновнику послѣдовавшей за буйствомъ толпы административной оргіи, мѣстному же чиновнику Филонову. Въ то время навстрѣчу волнѣ административныхъ карательныхъ экспедицій по всей Россіи прокатилась волна революціоннаго террора. Паль отъ руки неизвѣстнаго террориста и Филоновъ. Этого было достаточно для нѣкоторыхъ круговъ, которымъ разоблаченія «писателя Короленко» не могли нравиться, чтобы повести противъ него атаку, не брезгуя ни подлогомъ, ни злонамѣренной сплетней, ни низкой клеветой. Этотъ-то второй «клубокъ» мерзости «писателю Короленко» и пришлось разматывать при помощи суда, наряженнаго противъ него же и послужившаго къ выясненію его правоты.

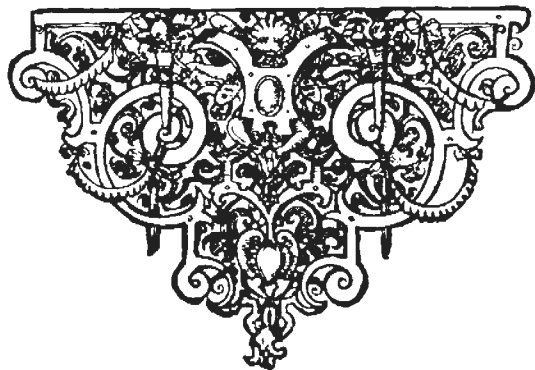
Пережить подобное испытаніе, конечно, нелегко: человѣкъ, В. Г. Короленко, безъ сомнѣнія много выстрадалъ отъ незаслуженной обиды, но образъ «писателя Короленко», отважившагося, среди всеобщей смуты и ожесточенія, «стать между револьверомъ террориста и безнаказанностью вопіющаго беззаконія»—стать съ призывомъ къ «законности и праву, для всѣхъ равному», поднялся еще выше въ глазахъ всѣхъ, для кого правда и справедливость не пустыя слова.

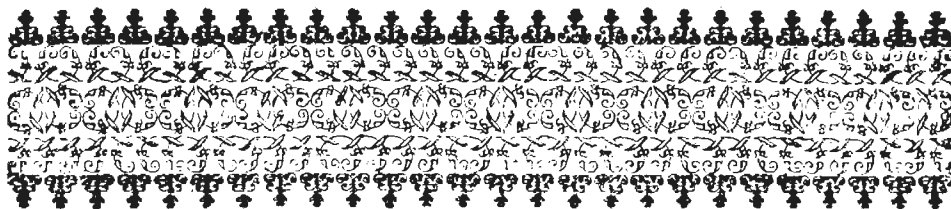
Думаю, что приведенныхъ примѣровъ достаточно, чтобы иллюстрировать исключительное своеобразіе публицистическаго пути Короленко «Партизана», смолodu написавшаго на своемъ знамени: «защита права и достоинства человѣка», мы встрѣчаемъ вездѣ, гдѣ этому праву и достоинству наносится ущербъ. Никто другой, а онъ, «писатель Короленко», влекомый своимъ «страстнымъ желаніемъ вмѣшаться въ жизнь», поспѣшилъ въ Кишиневъ, чтобы по горячимъ слѣдамъ еврейскаго погрома времени Плеве

самолично «установить истинный характеръ происшедшаго». Онъ, «писатель Короленко», попадаетъ какъ разъ во-время и въ «успокоенную» Саратовскую губернію для того, чтобы нарисовать намъ «картинки подлинной дѣйствительности», временъ Столыпина, поражающія своей ужасной «правдой». Онъ, «писатель Короленко»,—среди огромной толпы корреспондентовъ, собравшихся со всѣхъ концовъ міра на процессъ Бейлиса. Но и среди немногихъ голосовъ, раздавшихся въ защиту несчастныхъ обитателей современныхъ «мертвыхъ домовъ» отъ «истязательной оргіи», звучитъ голосъ его же, «писателя Короленко». И ужъ совсѣмъ одинъ въ наши дни, когда весь міръ обратился въ военный лагерь, онъ же, «писатель Короленко», первый вспоминаетъ о «забытыхъ» и бьетъ тревогу о помощи голодающимъ семьямъ «русскихъ волонтеровъ», сражающихся на поляхъ Франціи за свободу и родину, за «права и достоинство человѣка». И такъ всегда,—по завѣту старой пѣсенки некрасовскаго Гриши, ставшей лейтмотивомъ юношеской повѣсти Короленко:

Гдѣ трудно дышится,
Гдѣ горе слышится,—
Будь первый тамъ.

Владиміръ Розенбергъ.

Изъ недавняго прошлаго¹⁾.

IV. Ген. губ. кн. В. А. Долгоруковъ.

Съ проведеніемъ желѣзныхъ дорогъ общественная жизнь всей страны стала замѣтно измѣняться; измѣнилась и московская жизнь. Москва 70-хъ годовъ уже сильно отличалась отъ Москвы 50-хъ и 60-хъ гг.: исчезли шлагбаумы и будки съ сонными будочниками, вооруженными аллебардами, исчезли старинныя колымаги, запряженные цугомъ, съ фореиторомъ, и извозщицы колибри, пѣтушинные бои и продавцы сбитня. Какъ пережитокъ стараго оставались еще нѣкоторыя народныя гулянья, какъ-то: на Подновинскомъ на Масляницу и Пасху; на Красной площади въ Вербную субботу и 1 мая въ Сокольникахъ. Гулянье на Подновинскомъ во время Масляной и Пасхальной недѣль были очень многолюдны и оживленны, особенно въ послѣдніе три дня каждой изъ этихъ недѣль. Все московское дворянство и купечество считало своимъ долгомъ выѣзжать на это гулянье, щеголяя одни передъ другими красотою своихъ запряжекъ, богатствомъ дорогихъ мѣховъ и брильянтами. Нигдѣ потомъ мнѣ не приходилось видѣть такого количества великолѣпныхъ рысаковъ и экипажей и столько роскошныхъ собольихъ и лисьихъ чернобурыхъ мѣховъ, какъ на этихъ гуляньяхъ. Экипажи описывали кругъ: начиная отъ Никитскихъ воротъ, они тянулись одинъ за другимъ вдоль всей Большой Никитской по Подновинскому и Арбату до самой Арбатской площади и возвращались, поворачивая по Арбату, Подновинскому и Большой Никитской вновь къ Никитскимъ воротамъ.

Живя на Кудринской площади, въ концѣ Большой Никитской и въ началѣ Подновинской, мы послѣдніе три дня Масляной и Пасхи могли любоваться изъ своихъ оконъ отъ полудня до вечера лучшими московскими экипажами и лошадьми.

На самомъ Подновинскомъ, начиная отъ Кудринской площади до Смоленскаго рынка, строился рядъ балагановъ, каруселей и качелей. На балаганахъ вывѣшивались громадныя вывѣски съ изображенными на нихъ фантастическими сценами сраженій, возмущеній въ султанскихъ гаремахъ, продѣлокъ чертей и т. п.

¹⁾ См. „Гол. Мин.“ №№ 1, 4, 7—8.

Въ промежуткахъ между представленіями на устроенные наверху балагановъ открытые балконы выходила вся труппа въ своиѣхъ костюмахъ; паяцы дурачились передъ собравшейся толпой и зазывали публику, размахивая своими колпаками и расхваливая даваемое у нихъ представленіе, нерѣдко при этомъ дрожа и ежась отъ холода. Въ особенности эти выходы были чувствительны для женскаго персонала балагановъ, появлявшихся въ декольте и въ бальныхъ костюмахъ.

Такъ какъ въ то время въ Москвѣ еще не существовало зоологическаго сада, то на Подновинскомъ всегда показывались заѣзжіе звѣринцы. Я помню, какъ однажды въ одномъ изъ нихъ взбѣсился слонъ. Находясь на цѣпи, онъ къ счастью не могъ сойти со своего возвышенія и начать разорять клѣтки съ остальными звѣрями, на зато онъ сталъ ломать самый балаганъ, разбивая и раскидывая хоботомъ ближайшія къ нему стѣнки и крышу. Публика въ страхѣ разбѣжалась; изъ балагана торопливо вывозили клѣтки съ другими звѣрями и была вызвана рота солдатъ, которые, сколько я помню, застрѣлили разбушевавшагося слона.

Не менѣе многолюдно бывало гулянье и на Красной площади въ Вербную субботу. Сюда тоже выѣзжала вся Москва, но это было больше катанье дѣтей, которыхъ привозили на Вербы покупать разныя игрушки и сдѣланныя изъ цвѣтной бумаги подобія какихъ-то вѣтокъ съ яркими бумажными цвѣтами и съ восковыми головами херувимовъ, съ размалеванными красными щеками.

Въ Сокольники на гулянье 1 мая вывозили въ прежнее время на показъ невѣстъ, и выѣзжали посмотреть на нихъ женихи. Почему-то московскій генераль-губернаторъ со своими адъютантами, оберъ-полицмейстеръ и другіе начальствующие лица изъ военныхъ появлялись на этомъ гуляньѣ всегда верхомъ, образуя собою блестящую своими мундирами кавалькаду, разбѣгающую среди двойнаго ряда экипажей. Катающихся на 1-е мая бывало всегда масса, равно какъ и пѣшей публики, состоявшей по большей части изъ мастеровыхъ и фабричныхъ, справлявшихъ маевку по-своему, расположившись безчисленными группами среди лѣса и на полянкахъ съ самоварами и штофами водки.

Въ это время я началъ выѣзжать въ свѣтъ, хотя никогда не увлекался свѣтской жизнью, сознавая всю ея пустоту. Этимъ выѣздамъ способствовало то обстоятельство, что, по желанію моей матери, ея младшій братъ Вильгельмъ Вильгельмовичъ Оливъ, состоявшій тогда адъютантомъ при московскомъ генераль-губернаторѣ Долгоруковѣ Владимірѣ Андреевичѣ, записалъ меня на службу въ генераль-губернаторскую канцелярію.

Служа при генераль-губернаторѣ, мнѣ пришлось видѣть все тогдашнее московское общество и бывать приглашеннымъ въ нѣкоторые дома, хотя я старался, сколь возможно, избѣгать выѣздовъ и свѣтскихъ знакомствъ, занимаясь въ школѣ и приберегая все свое время главнымъ образомъ для работы. Меня тогда звали поѣхать съ нимъ за границу Н. С. Мосоловъ, но моя мать, не желая отпустить меня, настояла на моемъ опредѣленіи на службу. Что касается службы при князѣ Долгоруковомъ, то она была не изъ тяжелыхъ: насъ было нѣсколько человѣкъ, такимъ образомъ приписанныхъ къ канцеляріи. Кромѣ меня, былъ князь Алексѣй Ивановичъ Кудашевъ, Ватковскій, князь Эристовъ и еще нѣсколько другихъ, именъ которыхъ не помню. Обязанность наша состояла въ томъ, чтобы разъ въ недѣлю дежурить при князѣ въ его апартаментaxъ, и разъ или два въ мѣсяцъ отбывать дежурство по канцеляріи; но послѣдняго никто изъ насъ не отбывалъ, а уплачивалъ по три рубля за эти дежурства одному канцелярскому чиновнику.

Кромѣ дежурствъ, мы еще были обязаны являться для проводовъ и встрѣчъ князя при его поѣздкахъ и возвращеніяхъ изъ Петербурга, куда, впрочемъ, онъ ѣздилъ нечасто. Чтобы не терять времени для занятій, я всегда просилъ назначать меня на дежурство по воскресеньямъ и большимъ праздникамъ, чему, конечно, всѣ бывали очень рады, ибо дежурить въ такіе дни никому не было охоты, кромѣ меня. На дежурствахъ насъ бывало трое: адъютантъ, военный чиновникъ особыхъ порученій и канцелярскій чиновникъ; въ этомъ тріо главная роль принадлежала адъютанту, онъ принималъ просителей, ходилъ докладывать о нихъ князю, завтракалъ съ княземъ въ его кабинетѣ, ѣздилъ по его порученіямъ, обѣдалъ съ нимъ и сопровождалъ его въ театръ, въ циркъ и на разныя торжества.

Военныхъ чиновниковъ особыхъ порученій можно было скорѣе назвать лицами безо всякихъ порученій, такъ какъ таковыя давались имъ очень рѣдко. Что касается насъ, канцелярскихъ чиновниковъ, то наша роль заключалась въ пріемѣ посылаемыхъ изъ канцеляріи бумагъ, на которыхъ требовалась подпись князя, заграничныхъ паспортовъ и ежедневнаго рапорта государю о состояніи Москвы. Послѣдній посылался въ Петербургъ ежедневно и въ канцеляріи имѣлся особый чиновникъ, обладавшій замѣчательно красивымъ почеркомъ, который писалъ всѣ эти рапорты.

По окончаніи всѣхъ пріемовъ, когда адъютантъ объявлялъ, что князь требуетъ бумаги, канцелярскій чиновникъ шелъ съ ними въ кабинетъ и подавалъ ихъ для подписи князю, давая иногда

по нимъ необходимыя объясненія, по большей части ограничиваясь молчаливымъ прикладываніемъ кляксъ-папира на свѣжія подписи князя. Затѣмъ князь объявлялъ: «Можете ѣхать домой». — Чиновникъ раскланивался, выходилъ изъ кабинета, передавалъ бумаги курьеру и отправлялся домой. Что касается личности Владимира Андреевича Долгорукова, то это былъ добрый и хорошій человекъ, представлявшій собою уже тогда отживающій типъ вельможи прежняго времени; отчасти избалованный всеобщимъ поклоненіемъ и раболѣпствомъ, онъ былъ сибаритъ, любившій женщинъ, хорошій столъ, и не признающій поспѣшности и беспокойства, но въ то же время доступный для каждаго.

Привѣтливый, когда былъ въ духѣ, истинно благородный, онъ умѣлъ съ достоинствомъ себя держать передъ великими міра, не раболѣпствуя передъ ними.

Я не разъ видѣлъ его, какъ онъ принималъ у себя государя Александра II и другихъ царственныхъ особъ, оставаясь съ ними все тѣмъ же спокойнымъ, полнымъ собственнаго достоинства вельможей, чего далеко не умѣли сохранять многіе изъ высокопоставленныхъ лицъ, превращавшіеся въ присутствіи высочайшихъ особъ изъ олимпійцевъ въ какихъ-то фельдфебелей или юнкеровъ. Я помню, какъ на одномъ балу у князя, на которомъ присутствовалъ государь, послѣдній, идя рядомъ съ княземъ въ большой залъ, у входа въ него замѣтилъ среди почтительно разступившейся группы генераловъ старика Гильденштубе, тогдашняго командующаго войсками московскаго военного округа. Государь, желая ему что-то сказать, сдѣлалъ ему знакъ рукой, подзывая его. Надо было видѣть, съ какимъ проворствомъ этотъ очень старый, тучный и важный человекъ буквально выскочилъ изъ-за стоявшихъ передъ нимъ и съ какимъ подбострастіемъ сталъ во фронтъ передъ государемъ. Какой это былъ контрастъ съ княземъ, принимавшимъ царя съ непринужденной вѣжливостью любезнаго хозяина.

Когда въ началѣ 80-хъ годовъ, послѣ ряда покушеній на жизнь Александра II и многихъ изъ сановниковъ, для охраны послѣднихъ были даны казаки, то и къ особѣ князя Долгорукова были прикомандированы таковыя, чтобы сопровождать его во время выѣздовъ; но онъ никогда не бралъ ихъ и продолжалъ, какъ и прежде, ѣздить всегда одинъ, а казаковъ, назначаемыхъ къ нему, приказывалъ хорошо и сытно кормить и чуть ли не давалъ имъ еще на чай.

Въ Москвѣ Долгорукова любили, и онъ пользовался большою популярностью среди простого народа. Сколько мнѣ помнится, въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг. были случаи, когда онъ

лично выѣзжалъ уговаривать бастующихъ фабричныхъ, которые успокаивались и становились на работу послѣ его простой и мирной бесѣды съ ними.

Тогда подъ вліяніемъ господствующихъ среди извѣстнаго круга молодежи идей, я не умѣлъ достаточно цѣнить хорошихъ сторонъ князя и сдѣлалъ, быть можетъ, большую ошибку, не оставшись служить при немъ, тѣмъ болѣе, что эта служба ничему не мѣшала; но тогда меня многое возмущало. Князь былъ вдовцомъ и, не взирая на свои тогда уже далеко не молодые года, любилъ молодиться; поэтому онъ проводилъ все утро, чуть ли не до 12 часовъ, за своимъ туалетомъ. Брить его, подкрашивать волосы и завивать приходилъ ежедневно молодой куаферъ, французъ Жюль, изъ французской парикмахерской Леона, находившейся неподалеку отъ генераль-губернаторскаго дома на Тверской улицѣ. Такъ какъ я тоже брился и стригся у Леона, то и зналъ хорошо весь персоналъ его артистовъ, какъ они себя величали, и въ особенности Жюля, неистощимаго болтуна и балагура, хваставшаго тѣмъ, что забавляетъ князя своими анекдотами и двусмысленными бонмо. Между 12-ю и часомъ князю подавали завтракъ, и его старикъ камердинеръ входилъ въ залъ, гдѣ мы дежурили, просить къ завтраку адъютанта. Завтракъ этотъ продолжался довольно долго: князь не любилъ торопиться. Въ это время начинали уже обыкновенно съѣзжаться разные лица, бывавшіе съ ежедневными докладами.

Первымъ пріѣзжалъ обыкновенно оберъ-полицмейстеръ Николай Устиновичъ Араповъ, напыщенный и важный генераль, имѣвшій крупную, представительную фигуру, но далеко не соответствовавшій ей умъ и распорядительность. Ему частенько приходилось ожидать аудіенціи у князя въ гостиной, рядомъ съ залой, въ которой мы дежурили, и нерѣдко аудіенціи эти сопровождались, очевидно, выговорами, такъ какъ Араповъ выходилъ часто изъ кабинета разсерженнымъ.

Изъ обычныхъ посѣтителей бывалъ еще гражданскій чиновникъ Стрѣльцовъ, завѣдующій расчетной частью при постройкѣ храма Спасителя, и который чуть не ежедневно являлся къ князю для подписанія какихъ-то бумагъ, такъ какъ князь былъ предсѣдателемъ строительной комиссіи. Стрѣльцовъ былъ настоящимъ типомъ чиновника Николаевского времени; ему приходилось обыкновенно дольше всѣхъ ожидать пріема, и онъ очень этимъ возмущался, говоря, что его ждуть, и онъ напрасно теряетъ время.

«Вотъ,—говаривалъ онъ,—то ли было дѣло при покойномъ гр. Закревскомъ; къ тому, когда, бывало, ни приди, хотя бы среди ночи,—сейчасъ приметъ, а этотъ до которыхъ поръ валан-

дается, небось по цѣлымъ часамъ вздоръ болтаетъ съ французомъ парикмахеромъ, да за завтракомъ сидитъ цѣлую вѣчность, слушая городскія сплетни адъютанта, а меня тамъ люди ждуть».

Я вполне раздѣлялъ взглядъ Стрѣльцова, который обыкновенно изливалъ свое неудовольствіе мнѣ, не жалуя адъютантовъ и военныхъ чиновниковъ особыхъ порученій, которые постоянно надъ нимъ подсмѣивались и дразнили его, говоря, что и безъ него у князя много дѣла и что, «ничего, молъ, подождете, дѣло не медвѣдь и въ лѣсъ не убѣжитъ».

Кого всегда немедленно принимали, такъ это генерала Слезкина, начальника московской жандармеріи; впрочемъ онъ и пріѣзжалъ обыкновенно не рано, а послѣ завтрака, часа въ два или три. Мужчинъ князь принималъ въ своемъ кабинетѣ за гостиной, пріѣзжавшія же дамы и архіереи принимались въ гостиной; а по большимъ праздникамъ, когда служилась обѣдня въ домово́й церкви генераль-губернаторскаго дома, на которую съѣзжалось много разныхъ сановныхъ особъ со своими женами, заходившихъ послѣ богослуженія обыкновенно съ визитомъ къ князю, пріемъ ихъ происходилъ въ другой половинѣ перваго этажа генераль-губернаторскаго дома, въ такъ называемой половинѣ княгини, въ большой гостиной, гдѣ гостямъ подавался шеколадъ и печенье.

Нерѣдко пріѣзжали къ князю извѣстные артисты и артистки, привозившіе ему билеты на свои бенефисы или желавшіе представиться ему передъ своими гастрольями въ Москвѣ. Такъ бывала у него знаменитая Аделина Патти, бывшая тогда замужемъ за маркизомъ де-Ко, Нильсонъ и мн. др. Изъ нашихъ актрисъ мнѣ пришлось видѣть во время моихъ дежурствъ Федотову и Ермолову. Князь очень любезно принималъ ихъ и, вѣроятно, щедро платилъ за привозимые ему билеты.

Между прочимъ, былъ на пріемѣ и пріѣзжавшій въ Москву фокусникъ Эпштейнъ, съ которымъ въ Москвѣ произошелъ слѣдующій непріятный случай, характеризующій дикость тогдашнихъ нравовъ: въ числѣ показываемыхъ имъ на сценѣ Московскаго Большаго театра фокусовъ былъ одинъ номеръ, въ которомъ онъ отрубалъ голову своему сотоварищу, и тотъ потомъ снова оживалъ. Въ одно изъ представленій, когда онъ показывалъ этотъ фокусъ и отрубилъ ему голову, изъ шеи которой полилась кровь, публика вдругъ пришла въ ярость и стала кричать, что ее обманываютъ, и что онъ вовсе не отрубилъ настоящей головы; на это Эпштейнъ съ любезной улыбкой вѣжливо заявилъ почтеннѣйшей публикѣ, что конечно это есть фокусъ, и что онъ не можетъ для удовольствія зрителей совершать передъ ними преступленія, убивая на самомъ дѣлѣ человѣка; но расходившаяся

публика не удовольствовалась этимъ логичнымъ объясненіемъ, и зрители съ крикомъ: бей его! устремились на сцену по сдѣланнымъ черезъ оркестръ изъ зрительнаго зала мосткамъ. Кто-то, увидя на сценѣ лежавшій обезглавленный трупъ, сталъ колотъ его булавкой, отчего убитый быстро вскочилъ на ноги и бросился бѣжать со сцены, за нимъ послѣдовалъ и Эпштейнъ, выбѣжавшій со страху въ одномъ фракѣ и бѣлой жилеткѣ на театральную площадь. Представленіе было немедленно прекращено, и публику удалили; вслѣдъ за этимъ и Эпштейнъ покинулъ Москву. Вотъ на какія дикія выходки была способна наша публика въ 70-хъ годахъ.

Парадные залы, гдѣ происходили рауты и балы, помѣщались въ верхнемъ этажѣ генераль-губернаторскаго дома; къ нимъ вела мраморная лѣстница изъ большой прихожей параднаго подъѣзда съ Тверской площади. Кромѣ этого большого подъѣзда, существовалъ другой, маленькій, во дворѣ около воротъ, выходившихъ въ переулокъ; на дверяхъ этого подъѣзда была придѣлана небольшая мѣдная дощечка съ французской и русской надписями «Le prince Dolgoroukow.—Князь Владимиръ Андреевичъ Долгоруковъ».

Это былъ, такъ сказать, интимный подъѣздъ, о существованіи котораго не подозрѣвало большинство смертныхъ. Черезъ него проникали въ апартаменты князя его пріятельницы; въ мое время таковою была балерина Собещанская, красивая и симпатичная шатенка.

Такъ какъ на дежурства канцелярскіе чиновники должны были являться первыми для пріема бумагъ, то я обыкновенно пріѣзжалъ раньше адъютанта и военнаго чиновника, принималъ почту и бумаги и занимался чтеніемъ газетъ до прибытія этихъ господъ. Съ ихъ прибытіемъ начинались всевозможные разговоры, темами для которыхъ служили главнымъ образомъ городскія новости и сплетни, а также скабрзные анекдоты и рассказы о появляющихся на московскомъ горизонтѣ новыхъ дамахъ легкаго поведенія. По части послѣднихъ, т.-е. дамъ полусвѣта, былъ особенно свѣдущъ одинъ изъ военныхъ чиновниковъ, большой любитель прекраснаго пола, представлявшій изъ себя положительно справочное бюро по этой части. Въ подобной пустой болтовнѣ, прерываемой время отъ времени приходившими посѣтителеми, проходило все время дежурства, и оно оставляло во мнѣ всегда впечатлѣніе бесполезно потеряннаго времени. Живя одновременно въ двухъ, совершенно противоположныхъ, средахъ, я душою принадлежалъ къ артистической средѣ, а въ этой являлся постороннимъ наблюдателемъ, интересующимся,

какъ художникъ, ея разнообразными и блестящими внѣшними проявленіями. Служба при князѣ давала мнѣ возможность многое видѣть, чего иначе, конечно, я не видалъ бы.

Къ этому времени относится первый пріѣздъ въ Россію персидскаго шаха Насръ-Эдина. Встрѣчать его на русской границѣ выѣзжалъ князь Меншиковъ. Шахъ по дорогѣ въ Петербургъ долженъ былъ остановиться на нѣсколько дней въ Москвѣ. Для него было отведено помѣщеніе въ Кремлевскомъ дворцѣ, но такъ какъ оказалось, что его сопровождаютъ нѣсколько наложницъ, а послѣднихъ, согласно этикету, помѣщать во дворцѣ неудобно, то князь Меншиковъ распорядился, чтобы для помѣщенія этихъ дамъ была приготовлена его дача въ Петровскомъ паркѣ, куда ихъ и провезли по прибытіи въ Москву. Самъ же шахъ со своей свитой помѣстился въ Кремлевскомъ дворцѣ. Много курьезовъ рассказывали тогда о некультурности этихъ восточныхъ гостей.

Долгоруковъ принялъ персидскихъ гостей со свойственнымъ ему гостепріимствомъ. Ихъ возили по театрамъ, и въ генералъ-губернаторскомъ домѣ въ верхнихъ парадныхъ покояхъ былъ данъ блестящій балъ.

Шаха все очень интересовало; въ особенности сильное впечатлѣніе произвелъ на него балетъ съ его эффектными декораціями и балеринами. Послѣ всѣхъ этихъ новыхъ для него зрѣлищъ онъ ѣздилъ въ Петровскій паркъ къ своимъ женамъ и рассказывалъ имъ обо всемъ видѣнномъ. Слыша его рассказы, султанши подняли, какъ говорятъ французы, знамя бунта и стали требовать, чтобы онъ и ихъ возилъ повсюду, гдѣ бываетъ. Шахъ сильно вознегодовалъ на нихъ за это и рѣшилъ, недолго думая, предать султаншъ смертной казни.

Когда же ему сказали, что въ Россіи смертной казни не существуетъ, и что поэтому произвести ее въ Москвѣ нельзя, потребовалъ немедленнаго отправленія своихъ женъ обратно въ Персію, что и было исполнено. Сопровождать этихъ дамъ до границы былъ назначенъ служившій по дѣламъ печати Зармаиръ Мсеровичъ Мессарьянцъ, армянинъ по происхожденію, хорошо знающій персидскій языкъ. Возвратясь изъ этой командировки, Мессарьянцъ рассказывалъ много забавныхъ случаевъ, бывшихъ съ нимъ въ пути. Евнухи, сопровождавшіе женъ шаха, строго охраняли ихъ. На одной станціи султанши вышли изъ вагона; когда онъ стали вновь садиться, одна изъ нихъ оступилась, и Мессарьянцъ, какъ любезный кавалеръ, хотѣлъ было поддержать ее и помочь войти въ вагонъ, но старшій евнухъ, мгновенно очутившійся между султаншей и имъ, грозно оттолкнулъ его въ сторону, пригрозивъ ему при этомъ торчащимъ у него за поясомъ кинжаломъ. Другой

разъ, проѣзжая по живописной мѣстности, среди усѣянныхъ цвѣтами лѣсныхъ полянъ, султанши захотѣли остановиться погулять по лѣсу и нарвать цвѣтовъ. Онѣ сообщили о своемъ желаніи своему главному блюстителю, и, послѣдній, придя въ купѣ къ Мессарьянцу, сказалъ ему, чтобы онъ велѣлъ остановить поѣздъ, такъ какъ султанши хотятъ погулять. Удивленный такимъ требованіемъ, Мессарьянцъ заявилъ старшему евнуху, что останавливать въ пути поѣзда нельзя, и что онъ, при всемъ своемъ желаніи угодить султаншамъ, не имѣетъ права этого сдѣлать. Старшій евнухъ остался очень недоволенъ такимъ отвѣтомъ и сказалъ Мессарьянцу:

«Какой же ты послѣ этого чиновникъ русскаго царя, коли даже не можешь приказать остановиться поѣзду на какой-нибудь часъ времени. У насъ не такіе порядки, у насъ всѣ повинуются, если мы, слуги шаха, что нибудь приказываемъ»,—при этомъ онъ помахалъ туда-сюда рукой, желая, вѣроятно, этимъ жестомъ выразить все ничтожество Мессарьянца, и недовольный вышелъ изъ купѣ.

Другой разъ онъ заявилъ, что султанши желаютъ покушать мороженаго. Узнавъ объ этомъ, Зармаиръ Мсеровичъ съ первой же маленькой станціи телеграфировалъ на ближайшую большую, гдѣ былъ буфетъ, чтобы къ прибытію ихъ поѣзда было приготовлено мороженое для женъ шаха.

Когда султаншамъ было подано мороженое, старшій евнухъ остался такъ доволенъ, что, увидя Мессарьянца, подошелъ къ нему и, похлопавъ его рукой по головѣ, похвалилъ за распорядительность.

Не знаю, какая дальнѣйшая участь постигла непокорныхъ султаншъ по возвращеніи ихъ на родину, но въ слѣдующихъ своихъ поѣздкахъ въ Европу Насръ-Эдинъ своего гарема съ собою не бралъ. Быть можетъ и потому, что недостатка въ одалискахъ не было для него и въ Европѣ.

Во время бала, даннаго княземъ въ честь шаха, послѣдній смотрѣлъ на танцы изъ отдѣльной, специально для этого убранной и обставленной комнаты, дверь которой выходила въ балльную залу, такъ какъ по персидскому этикету шахъ не могъ находиться среди простыхъ смертныхъ.

Въ наружности Насръ-Эдина, равно, какъ и въ наружности его приближенныхъ, несмотря на ихъ полувосточныя одежды, проглядывало что-то дикое, необузданное; подъ ихъ человѣческой внѣшностью въ нихъ чувствовались звѣри.

Какъ характеристику взглядовъ и понятій Насръ-Эдина,

привожу эпизодъ во время его пребыванія въ Англіи въ эту же поѣздку въ Европу.

Одинъ изъ богатѣйшихъ аристократовъ Англіи, герцогъ Суттерландскій, устроилъ у себя во дворцѣ банкетъ въ честь короля Эдуарда, тогда еще принца Уэльскаго, и въ честь персидскаго шаха. Шахъ былъ очарованъ сказочнымъ великолѣпіемъ приѣма и обстановки дворца герцога и шепотомъ сообщилъ принцу Эдуарду свое предположеніе, что этотъ его вельможа долженъ быть очень могущественъ и богатъ. На это принцъ ему отвѣтилъ, что то, что онъ видитъ во дворцѣ лорда герцога, даетъ лишь слабое понятіе о богатствѣ послѣдняго, такъ герцогъ имѣетъ еще нѣсколько громадныхъ имѣній, изъ которыхъ каждое въ отдѣльности представляетъ собою громадное состояніе. Услышавъ это, шахъ глубоко задумался, а затѣмъ, вдругъ повеселѣвъ, сказалъ на ухо принцу: «Если герцогъ такъ богатъ, какъ вы говорите, то могу васъ поздравить отъ всей души: когда престолъ перейдетъ къ вамъ, то вы его....» при этомъ шахъ сдѣлалъ выразительный жестъ рукою вокругъ шеи, желая пояснить принцу смыслъ своихъ словъ. Когда же принцъ, понявъ, что шахъ совѣтуетъ ему со временемъ задушить герцога, отвѣтилъ, что въ Англіи нельзя такъ поступать со своими подданными для присвоенія себѣ ихъ богатствъ; шахъ такъ удивился, что у него расширились даже глаза отъ удивленія.

Въ началѣ 70-хъ годовъ четвертый сынъ государя Алексѣй Александровичъ, увлекшись фрейлиной Александрой Васильевной Жуковской, дочерью поэта Жуковскаго, обвинчался съ ней за границей, но бракъ этотъ не былъ признанъ Александромъ II. Жуковская была удалена отъ двора, а Алексѣй Александровичъ былъ отправленъ въ кругосвѣтное плаваніе. Какъ говорили, Александра Васильевна Жуковская, не будучи красавицей, отличалась умомъ и имѣла что-то обворожительное въ себѣ. Для нея было куплено имѣніе въ Италіи, съ которымъ было соединено право на титулъ герцогини Седжіано. У нея отъ великаго князя былъ сынъ Алексѣй, которому былъ данъ титулъ графа Бѣлевскаго. Впослѣдствіи графъ Бѣлевскій женился на дочери свѣтлѣйшей княгини Юрьевской, жены Александра II.

Во время своего тогдашняго кругосвѣтнаго плаванія великій князь Алексѣй Александровичъ посѣтилъ и Японію, въ то время только что начавшую возрождаться подъ мудрымъ управленіемъ своего молодого микадо, незадолго передъ тѣмъ захватившаго въ свои руки власть и побѣдившаго феодальныхъ князей. Алексѣй Александровичъ былъ первымъ изъ лицъ, принадлежащихъ къ европейскимъ царственнымъ домамъ, высадившимся на берегъ

страны Восходящаго Солнца и радушно принятымъ ея властелиномъ.

Замѣчательною личностью была тогда въ Москвѣ княжна Екатерина Андреевна Гагарина, двоюродная сестра князя Гагарина, тогдашняго предсѣдателя Государственнаго Совѣта, а равно и князя Долгорукова. Княжна Екатерина Андреевна въ молодости имѣла романъ, послѣдствіемъ котораго было рожденіе дочери; ея воспитанію она посвятила свою жизнь. Не взирая на это, она, благодаря своему уму, энергіи, добротѣ и остроумію, сумѣла заслужить всеобщее уваженіе, сохранить свое положеніе въ обществѣ и дѣлать массу добра. Она постоянно за кого нибудь хлопотала, кому нибудь и что нибудь устраивала. Пользуясь большимъ вліяніемъ, благодаря своимъ связямъ, она употребляла это вліяніе на помощь всѣмъ, кто только къ ней ни обращался, въ то же время безпощадно высмѣивая своимъ острымъ языкомъ тѣхъ, кто этого заслуживалъ своею глупостью или напыщенностью. Лицамъ, посѣщавшимъ княжну, которые пользовались ея благоволеніемъ, она любила рассказывать свои всевозможныя филантропическія похожденія въ разныхъ сферахъ и среди различныхъ лицъ. Посѣтителей она принимала всегда полулежа на кушеткѣ въ широкомъ стариннаго покроя темномъ шелковомъ платьѣ, при чемъ, рассказывая объ особенно смѣшныхъ эпизодахъ, сама отъ души смѣялась, выразительно закрывая при этомъ глаза. Спуска она никому не давала: пріѣхалъ тогда въ Москву вновь назначенный на мѣсто Перфильева губернаторъ Дурново, человѣкъ очень богатый, съ большими связями, еще молодой, но чрезвычайно дерзкій и надменный. Онъ былъ женатъ на Кочубей и передъ тѣмъ, какъ занять мѣсто губернатора въ Москвѣ, былъ губернаторомъ въ одномъ изъ нашихъ южныхъ городовъ, не помню теперь, въ какомъ именно. Тамъ у него былъ романъ съ одной актрисой, о которомъ въ свое время много говорили, такъ какъ онъ имѣлъ трагическій исходъ: предметъ его страсти умеръ, и, чтобы почтить ея память, онъ обратилъ въ домовую церковь или часовню домъ, въ которомъ она скончалась. Прибывъ въ Москву, Дурново своимъ высокомеріемъ сразу возстановилъ московское общество противъ себя. Первымъ къ этому поводу послужилъ приемъ, оказанный имъ тогда московскому городскому головѣ Шумахеру, которому онъ позволилъ себѣ сдѣлать рѣзкій выговоръ за то, что онъ явился къ нему не въ мундирѣ, а во фракѣ. Кромѣ этого случая съ Шумахеромъ, были и другіе, обнаружившіе москвичамъ, не привыкшимъ къ такому съ собой обращенію, грубость и высокомеріе Дурново. Едва занявъ свой постъ, онъ сталъ удалять прежнихъ служащихъ; между прочими уволилъ совер-

шенно незаслуженно и одного незначительнаго чиновника, челоѣка бѣднаго, жившаго исключительно своею службой. Мать этого чиновника обратилась къ княжнѣ Гагариной съ просьбой заступиться за него. Дурново, слыхавшій много о княжнѣ, по приѣздѣ въ Москву искалъ случая познакомиться съ нею, но княжна, знавшая объ его обращеніи съ людьми, избѣгала до поры до времени этого знакомства. Когда же по просьбѣ матери удаленнаго со службы чиновника явилась необходимость въ ея свиданіи съ Дурново, она рѣшила лично поѣхать къ послѣднему, и въ назначенные губернаторомъ для приѣма часы скромно подъѣхала къ губернаторскому дому на извозчикѣ въ старой потертой лисьей ротондѣ, въ капорѣ и сѣромъ оренбургскомъ платкѣ. Не сказавъ своего имени, она, раздѣвшись въ передней, вошла въ комнату, гдѣ ожидали просители, и въ своемъ неизмѣнномъ темномъ платьѣ стараго фасона сѣла среди другихъ просителей и просительницъ.

Назначенный для приѣма часъ уже давно прошелъ, но его превосходительство все не выходилъ, несмотря на то, что давно отзавтракалъ и ничѣмъ не былъ занятъ, такъ какъ, судя по доносившимся въ приемную изъ сосѣдней комнаты звукамъ, забавлялся со своими собачками. Только послѣ долгаго ожиданія, наконецъ, растворилась дверь сосѣдней комнаты, и въ приемную вошелъ молодой генералъ съ сѣрымъ цвѣтомъ лица и холодными свѣтлыми глазами. Обходя просителей и подойдя къ княжнѣ, онъ спросилъ у нея, что ей нужно; когда же она обратилась къ нему съ просьбой объ уволенномъ чиновникѣ, Дурново разсердился и закричалъ на княжну, какъ она смѣетъ и по какому праву обращается къ нему съ подобной просьбой; на это она спокойно отвѣчала, что она до сихъ поръ не знала, что для того, чтобы о комъ нибудь просить, требуется какое-то особое право. Этотъ отвѣтъ еще больше разсердилъ желчнаго сановника, который послѣ нѣсколькихъ фразъ, выражающихъ его негодованіе, крикнулъ, наконецъ, на княжну: «Да кто вы такая?» На что послѣдняя ему отвѣтила: «Je suis la princesse Catherine Gagarine. Jusqu'a présent Moscou savait, comment vous recevez les hommes et maintenant elle saura la manière, dont vous recevez les femmes». Послѣ чего она повернулась и направилась къ выходу, оставивъ безъ вниманія извиненія сконфуженнаго и растерявшагося генерала, всѣ попытки котораго лично повидаться съ нею послѣ этого инцидента остались тщетны.

Онъ недолго пробылъ въ Москвѣ и очень скоро покинулъ свой постъ, на которомъ такъ неудачно выступилъ на первыхъ же шагахъ.

Княжна Гагарина умерла въ преклонныхъ годахъ и, несмотря

на тяжелыя потери, которыя имѣла въ жизни (она потеряла свою дочь, умершую въ расцвѣтъ лѣтъ, любимаго племянника и другихъ родственниковъ), до конца дней сохранила бодрость духа и рядомъ со своимъ острымъ умомъ доброе, отзывчивое ко всѣмъ нуждающимся сердце. Всякій, кто нуждался, какъ бы скромно ни было его социальное положеніе, могъ быть увѣренъ, что найдетъ въ ней горячую заступницу и покровительницу. Много людей вспоминаетъ о ней съ глубокою благодарностью.

Къ воспоминаніямъ, соединеннымъ со временемъ моей службы у князя Долгорукова, относится и пріѣздъ Высочайшаго Двора въ Москву передъ свадьбой великой княжны Маріи Александровны съ принцемъ Единбургскимъ, вторымъ сыномъ королевы Викторіи.

Съ государемъ, великою княжной и ея женихомъ, и великими князьями пріѣхали тогда въ первопрестольную и братья жениха,—принцъ Уэльскій, наслѣдникъ англійскаго престола, и его младшій братъ, а также какой-то нѣмецкій принцъ, имени котораго не помню.

Въ этотъ пріѣздъ Дворъ провелъ нѣсколько дней въ Москвѣ. Въ честь гостей былъ данъ дворянствомъ балъ въ Дворянскомъ собраніи, на которомъ присутствовалъ государь со всей своей семьей и иностранные принцы. Въ числѣ чествованій былъ, между прочимъ, наканунѣ этого бала ужинъ у князя Долгорукова, на которомъ присутствовали англійскіе принцы и молодые великіе князья, сыновья государя, за исключеніемъ наслѣдника Александра Александровича. Во время ужина пѣли цыгане. Ужинъ этотъ, по словамъ очевидцевъ, былъ очень веселый: молодежь такъ разошлась, увлеченная и наэлектризованная удалыми цыганскими пѣснями, что приняла участіе въ пляскахъ, при чемъ сынъ англійскаго посланника, молодой лордъ Лофтусъ, такъ неудачно упалъ и настолько серьезно повредилъ себѣ ногу, что былъ принужденъ на другой же день уѣхать обратно въ Петербургъ. Я помню, что тогда вызвала много разговоровъ въ Москвѣ свободная манера себя держать англійскихъ принцевъ, которые запросто выходили изъ дворца, нанимали извозчиковъ и одни разѣзжали по городу.

Во время моей службы князь Долгоруковъ получилъ орденъ Андрея Первозваннаго, и по случаю этой награды всѣ служащіе при немъ рѣшили отпраздновать монаршую милость, оказанную ихъ начальнику, обѣдомъ въ ресторанѣ Эрмитажъ, считавшимся тогда лучшимъ въ Москвѣ. Его владѣльцемъ былъ въ ту пору французъ Оливье. Я помню этотъ ресторанъ еще въ дѣтствѣ, но тогда это былъ не первокласный ресторанъ, а первобытный

трактиръ, обычнаго старо-московскаго типа. Мы ѣздили туда смотреть панораму американскихъ видовъ, которую показывалъ заѣзжій антрепренеръ въ одной изъ его залъ. Чтобы попасть въ помещеніе панорамы, надо было проходить черезъ общую залу трактира, и я запомнилъ ее, благодаря тому, что посреди нея въ большомъ кустѣ, устроенномъ изъ какихъ-то вѣчно зеленыхъ растений, посаженныхъ въ большія зеленыя кадки, сидѣло три или четыре человѣка, свиставшихъ для услажденія посѣтителей по соловьиному, при посредствѣ особыхъ машинокъ.

Взявъ этотъ ресторанъ, Оливье совершенно преобразилъ его: простая некомфортабельная обстановка и помещенія были переделаны имъ на манеръ первоклассныхъ парижскихъ ресторановъ, залы украсились зеркалами, позолотой и лѣпкой на стѣнахъ, появились бархатные удобные диваны, изящная посуда и серебро, а кустъ, со свистѣвшими по соловьиному евреями, былъ замѣненъ прекраснымъ органомъ.

Кромѣ того, для полнаго удовольствія и удобства веселящихся москвичей онъ устроилъ въ отдѣльной пристройкѣ, примыкающей къ ресторану, рядъ очень чисто и уютно обставленныхъ номеровъ для тайныхъ свиданій и интимныхъ пирушекъ, при чемъ входъ и выходъ изъ этихъ номеровъ былъ такъ комбинированъ, чтобы предупредить случайности непріятныхъ встрѣчъ.

Вотъ у этого-то Оливье и состоялся обѣдъ служащихъ при генераль-губернаторѣ, памятный для меня тѣмъ, что я впервые тогда познакомился съ изнанкой чиновничьяго міра. Среди съѣхавшихся къ обѣду лицъ находился архитекторъ Зыковъ, служащій архитекторомъ при генераль-губернаторскомъ домѣ. Этотъ Зыковъ былъ въ то же время и преподавателемъ архитектуры въ Московской школѣ живописи, гдѣ учился и его сынъ, студентъ московскаго университета, талантливый и симпатичный молодой человѣкъ, котораго я хорошо зналъ по школѣ, работая одновременно съ нимъ въ натурномъ классѣ. Будучи знакомъ и съ его отцомъ, я за обѣдомъ сѣлъ рядомъ съ нимъ, а недалеко отъ насъ на противоположной сторонѣ стола помѣстился завѣдующій хозяйственной частью генераль-губернаторскаго дома Вельтищевъ. Съ начала обѣда все шло, какъ нельзя лучше: провозглашались тосты, говорили о городскихъ новостяхъ, о театрахъ, рассказывали анекдоты; словомъ, все было такъ, какъ всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ; но къ концу обѣда, послѣ того, что было выпито немалое количество разныхъ винъ и шампанскаго, настроеніе, измѣнилось, и вмѣсто прежнихъ безобидныхъ разговоровъ среди нѣкоторыхъ собравшихся, имѣвшихъ повидимому, какъ говорятъ французы, *le vin mauvais*, начали сводиться разные счета, и начало этого

положили мои сосѣди Зыковъ и Вельтищевъ. Слово за слово, они начали самую беззастѣнчивую перебранку, сопровождаемую площадной бранью и упреками другъ друга въ томъ, сколько каждый изъ нихъ при различныхъ обстоятельствахъ положилъ себѣ въ карманъ казенныхъ денегъ, и это во всеуслышаніе, не стѣсняясь присутствіемъ адъютантовъ, правителя канцеляріи и иныхъ постороннихъ лицъ. При моей тогдашней еще наивности и неопытности, я не вѣрилъ своимъ ушамъ и пришелъ въ ужасъ; мнѣ сразу представилось, какъ будетъ непріятно молодому Зыкову, если его отца отдадутъ подъ судъ, благодаря такимъ публичнымъ упрекамъ и разоблаченіямъ Вельтищева, такъ страшно, на мой взглядъ, его компрометирующимъ, и, дабы положить конецъ этой ожесточенной перебранкѣ, я сталъ уговаривать Зыкова пойти послушать органъ въ общей залѣ ресторана; но Зыковъ не хотѣлъ уступать своему противнику и, въ свою очередь, не стѣсняясь, сыпалъ фактами мошенническихъ продѣлокъ Вельтищева, приправляя свою рѣчь самыми отборными эпитетами русскаго ругательнаго краснорѣчія, за которыя, я думалъ, Вельтищевъ по меньшей мѣрѣ вызоветъ его сейчасъ же на дуэль, и все время ожидалъ момента, когда они оба отъ словъ перейдутъ къ дѣлу и, подготовивъ атаку артиллерійскимъ огнемъ своихъ языковъ, бросятся другъ на друга въ рукопашный бой; уже всѣ, сидящіе ближе къ намъ, бросили свои споры и съ любопытствомъ ожидали, чѣмъ все это кончится, но наконецъ, мнѣ все-таки удалось увести изъ-за стола расходившагося Зыкова. Я отвелъ его въ одинъ изъ небольшихъ кабинетовъ и, спросивъ шампанскаго, продержалъ его тамъ, пока онъ не успокоился; но каково же было мое удивленіе, когда мы вновь вернулись къ покинутой компаніи, видѣть, что оба противника встрѣтились, какъ будто между ними ничего не бывало; невольно мнѣ вспомнилась поговорка, что воронъ у ворона глаза не выклюетъ. Съ тяжелымъ чувствомъ вернулся я тогда домой; немало времени прошло съ тѣхъ поръ, но этика русской бюрократіи не измѣнилась, и если бы и сейчасъ въ своей компаніи развязались языки многихъ статскихъ и тайныхъ совѣтниковъ, то немало поучительныхъ свѣдѣній можно было бы получить о томъ, какимъ образомъ прокормленіе одного казеннаго воробья даетъ возможность обзаводиться доходными домами и собирать кругленькіе капиталчики. У Зыкова и Вельтищева были тоже домики; у перваго нѣсколько домовъ на Тверскомъ бульварѣ, а у втораго на Большой Никитской, при чемъ въ одномъ изъ нихъ помѣщалась женская гимназія.

Не могу не рассказать здѣсь и о томъ, какъ Василій Григорьевичъ Перовъ писалъ портретъ съ князя Долгорукова. Это писаніе

княжескаго портрета было цѣлымъ событіемъ въ генераль-губернаторскомъ домѣ и не лишено интереса, характеризуя отношеніе къ художникамъ и пониманіе искусства многихъ лицъ тогдашняго высшаго общества, виднымъ представителемъ котораго являлся князь. Не помню теперь, для какого учрежденія потребовался княжескій портретъ, и такъ какъ Перовъ считался въ то время лучшимъ портретистомъ въ Москвѣ, написавъ рядъ прекрасныхъ портретовъ, изъ которыхъ особенно выдѣлялись портреты писателей Островскаго, Достоевскаго и историка Погодина, то исполненіе этого портрета было поручено ему. Въ данномъ случаѣ это оказалось крупной ошибкой. Перовъ могъ превосходно увѣковѣчить Островскаго, Достоевскаго, Погодина, Даля и др. лицъ, имѣя подобныхъ, понимавшихъ искусство, и самихъ художниковъ слова, которые позировали ему, какъ хорошіе натурщики, не мѣшая улавливать ихъ характерныя черты и ихъ индивидуальность, но, какъ модный живописецъ, умѣющій подлаживаться подъ вкусъ и требованія заказчиковъ, онъ никуда не годился; въ данномъ же случаѣ требовалось именно послѣднее.

Перовъ началъ писать портретъ въ одной изъ залъ, въ такъ называемой половинѣ княгини. Уже съ самаго начала своей работы онъ встрѣтился съ весьма непріятными для всякаго художника условіями, а именно съ непослѣдовательностью и неаккуратностью сеансовъ со стороны князя, который то опаздывалъ, и, вмѣсто двухъ часовъ сидѣлъ только полчаса, то совсѣмъ не могъ позировать, и Перовъ, пріѣхавъ и прождавъ понапрасну, уѣзжалъ, потерявъ время и ничего не сдѣлавъ.

Надо быть художникомъ, чтобы понять, насколько работа при такихъ условіяхъ дѣйствуетъ энервирующе и раздражительно. Съ этимъ, впрочемъ, можно было бы еще кое-какъ мириться, но главныя мученія для художника начались, когда онъ сталъ писать красками; бойко и реально проложенный портретъ не понравился князю, который, любя молодиться, находилъ, что портретъ его старить и непохожъ на него. Ища подтвержденія своему мнѣнію, онъ показывалъ портретъ всѣмъ лицамъ своего антуража, начиная со своего камердинера, который, конечно, ему въ угоду находилъ въ портретѣ именно всѣ тѣ недостатки, на которые указывалъ ему князь. Онъ бывало скажетъ кому нибудь изъ такихъ лицъ: «Вѣдь неправда-ли я на портретѣ гораздо старше?» и лицо, приглашенное смотрѣть портретъ, спѣшитъ подтвердить его слова, говоря: «Портретъ даже совсѣмъ непохожъ на ваше сіятельство; на портретѣ художникъ сдѣлалъ вамъ лицо гораздо полнѣе, да и цвѣтъ лица совсѣмъ не тотъ, оно какое-то желтоватое», или: «Волосы у вашего сіятельства совсѣмъ другіе,

да и морщины у вашего сіятельства никакихъ нѣтъ, а онъ вонъ какія морщины сдѣлалъ». и т. д. И вотъ на слѣдующій день послѣ такой экспертизы князь начинаетъ говорить Перову то, что ему сказалъ его камердинеръ или какой нибудь угодливый чиновникъ, и Перовъ, проклиная въ душѣ всѣхъ и вся, принужденъ по вкусу князя портить тонко подмѣченныя характерныя черты и виртуозно вылѣпленныя мѣста.

Мнѣ было извѣстно отъ самого Перова, что онъ началъ писать княжескій портретъ, но ихъ сеансы бывали обыкновенно по окончаніи пріемовъ и, слѣдовательно, когда насъ отпускали съ дежурства, мнѣ не приходилось встрѣчаться съ Василиемъ Григорьевичемъ, чему въ душѣ я былъ очень радъ, такъ какъ мнѣ было бы крайне неловко являться въ роли критика работы своего же преподавателя, но этой моей радости не суждено было быть продолжительной: въ одно изъ моихъ дежурствъ, послѣ того, что князь кончилъ подписывать поданныя ему бумаги, и я уже хотѣлъ уходить, онъ остановилъ меня вопросомъ, видѣлъ ли я его портретъ, а когда я отвѣтилъ, что не видѣлъ его, то сказалъ: «Скоро Перовъ пріѣдетъ, пойдите посмотрите, что онъ дѣлаетъ. Всѣ говорятъ, что я на портретѣ совсѣмъ непохожъ».

Дѣлать было нечего, и я отправился на половину княгини, гдѣ дѣйствительно засталъ уже Перова, приготовляющагося приступить за работу. Когда онъ увидѣлъ меня, на его лицѣ появилось выраженіе неудовольствія, и прежде чѣмъ поздороваться со мной, онъ еще издали встрѣтилъ меня словами:—«Что, и васъ онъ прислалъ меня контролировать? Тутъ, батюшка мой, онъ всѣхъ лакеевъ спрашиваетъ, похожъ ли на него портретъ, а тѣ ему въ угоду говорятъ, что въ натурѣ онъ гораздо моложе. Это прямо чертъ знаетъ что! я не радъ, что взялся его дѣлать; да какъ съ него и писать, когда онъ красится!? вотъ хотя бы волоса,—то они у него одного тона, то другого; я прямо брошу работать, такъ работать я не могу».

Хорошо зная пылкій характеръ Василія Григорьевича, который въ то же время былъ добрѣйшимъ человѣкомъ, я старался его успокоить, и, когда черезъ нѣсколько минутъ пришелъ князь, Перовъ встрѣтилъ его довольно спокойно, хотя въ его живыхъ и умныхъ карихъ глазахъ мелькало хорошо мнѣ знакомое выраженіе неудовольствія, въ особенности, когда князь при немъ сталъ спрашивать меня, какого я мнѣнія о портретѣ и не нахожу ли, что онъ на немъ выглядитъ старше, чѣмъ въ натурѣ, хотя на самомъ дѣлѣ Перовъ сдѣлалъ его гораздо моложе.

Стараясь быть въ данномъ случаѣ хорошимъ дипломатомъ, я сказалъ, что портретъ мнѣ нравится, и что тѣ рѣзкости, которыя

въ немъ находить князь, происходятъ оттого, что онъ еще не вполнѣ законченъ, и что мѣстами краска вжухла; когда же онъ покроется лакомъ, который равномерно вызоветъ всѣ тона лица, то этихъ рѣзкостей не будетъ; на самомъ дѣлѣ ихъ и тогда не было, но нельзя же было, чтобы лицо уже почти 70-тилѣтняго старика, даже при помощи самага искуснаго примѣненія косметическихъ средствъ, походило на лицо 20-тилѣтняго юноши, что очевидно было желательно князю. Когда начался сеансъ, я откланялся и уѣхалъ домой.

На слѣдующій же день я узналъ, что Перовъ бросилъ писать портретъ и пересталъ ѣздить въ генераль-губернаторскій домъ. Въ ближайшее мое дежурство, когда я явился къ князю съ бумагами для подписи, онъ спросилъ меня: «Почему Перовъ не кончаетъ моего портрета? Онъ, говорятъ, боленъ, поѣзжайте и узнайте, что съ нимъ такое. Всѣ говорятъ, что портретъ не хорошъ».

Ну, подумалъ я, это порученіе еще хуже перваго. Какъ узнаеть Василій Григорьевичъ, что я посланъ для того, чтобы узнать, дѣйствительно ли онъ боленъ, то онъ еще больше разсердится и не станетъ кончать портрета. Но такъ какъ отказываться я не могъ, то въ тотъ же день поѣхалъ къ Перову. Меня встрѣтила его жена Елисавета Егоровна и на мой вопросъ, могу ли я видѣть Василья Григорьевича, отвѣтила, что онъ боленъ и лежитъ въ постели, — «впрочемъ, сказала она, — я пойду спрошу его, можетъ ли онъ васъ принять».

Черезъ минуту она позвала меня въ спальную, гдѣ я увидѣлъ Перова, лежащаго въ халатѣ на постели; въ глазахъ его бѣгали зловѣщіе огоньки, и мрачное выраженіе лица предвѣщало бурю. Появленіе мое было встрѣчено словами: «Что, онъ прислалъ васъ меня провѣрять? не вѣрить, что я боленъ. Скажите ему, что я больше къ нему не поѣду и кончать портрета не буду».

Я сѣлъ на стулъ рядомъ съ нимъ и началъ уговаривать его, говоря, что князь вовсе не посылалъ меня за тѣмъ, чтобы провѣрить, боленъ ли онъ, а просилъ меня, зная, что я у него бываю, зайти и узнать, какъ онъ себя чувствуетъ, и что это доказываетъ, насколько онъ къ нему хорошо относится.

«Нечего говорить: хорошее отношеніе! онъ ровно ничего не понимаетъ и слушаетъ всѣхъ, кто бы что ни сказалъ. Нѣтъ, батюшка, не стану я больше съ него писать, я и такъ заболѣлъ отъ всего этого, пускай князь обращается къ комунибудь другому, а я не поѣду».

Продолжая разговоръ въ томъ же примирительномъ тонѣ я скоро увидѣлъ, какъ мало по малу злобное выраженіе карихъ глазъ смягчилось и, наконецъ, приняло свое обычное добродушное

выраженіе, хотя гнѣвные огоньки и продолжали вспыхивать въ нихъ, когда онъ вспоминалъ всѣ перипетіи писанія этого зло-счастливаго портрета. При одной такой вспышкѣ онъ воскликнулъ: «Скажите ему, что если онъ хочетъ, чтобы я кончилъ корпусъ, то пусть присылаетъ за мной свою карету, иначе я не поѣду», но тутъ же самъ улыбнулся своей фантазіи. Теперь я былъ вполне спокоенъ, что онъ окончитъ портретъ и безъ присылки за нимъ княжеской кареты, какъ только поправится отъ простуды.

На слѣдующій день я доложилъ князю, что Перовъ дѣйствительно нездоровъ и что онъ кончитъ портретъ, какъ только поправится, что и произошло черезъ нѣсколько дней. Портретъ былъ оконченъ, и хотя продолжалъ не нравиться князю и его ближайшему антуражу, поддакивавшему ему, какъ это и подобало истымъ куртизанамъ, тѣмъ не менѣе онъ былъ принятъ, оплаченъ и сданъ по назначенію.

Вотъ черезъ какія испытанія приходится проходить художникамъ и какъ мало часто понимаютъ въ искусствѣ лица, принадлежащіе даже къ высшимъ кругамъ общества. Впрочемъ, я не могу не отдать справедливости князю Долгорукову, что хотя онъ имѣлъ своеобразныя понятія объ искусствѣ, тѣмъ не менѣе, будучи предсѣдателемъ Московскаго художественнаго общества, основавшаго и поддерживавшаго Московскую школу живописи, ваянія и задчества, онъ въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ вмѣшательство его могло быть полезно для учащейся въ ней молодежи, бралъ ея сторону и отстаивалъ ея интересы, даже наперекоръ рѣшенію совѣта. Такъ исключительно его настоянію ученики школы были обязаны, что имъ разрѣшили устраивать ежегодно выставку ихъ работъ въ помѣщеніи школы.

Н. Шатиловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Старый шестидесятникъ.

I.

«Рѣка временъ въ своемъ стремленіи уносить всѣ дѣла людей и топить въ пропасти забвенья народы, царства и царей».... Такъ было еще во времена Державина.

Теперь для забвенья не нужно уже «рѣки» временъ—достаточно двухъ-трехъ лѣтъ, и память ушедшаго человѣка задерживается занавѣсомъ. Пьеса сыграна, зрители разошлись и смотрять новыхъ актеровъ, ежеминутно выдвигаемыхъ кипучимъ водоворотомъ современной жизни... вчерашнее уже въ туманѣ и полузабыто. И—насмѣшка судьбы—забываются въ первую голову тѣ, кто особенно были полны этою жизнью, сильнѣе другихъ болѣли злобами дня, чутко отзывались на нихъ.

Такая незаслуженная участь постигла и того, о комъ я собираюсь напомнить этой замѣткой,—поэта-сатирика Владимира Романовича Щиглева.

На литературное поле онъ вышелъ въ 1858 г. и рядъ лѣтъ принималъ участіе въ знаменитой «Искрѣ», въ «Русскомъ Словѣ» и «Будильникѣ», не только въ качествѣ поэта, но и выдающагося каррикатуриста. Съ семидесятыхъ годовъ онъ немало работалъ въ «Нивѣ», затѣмъ въ «Новостяхъ», «Петербургской Жизни» и другихъ журналахъ, частью подъ собственной фамиліей, но чаще подъ псевдонимами—«Щигровъ» и «Стариковъ». Театру оставилъ онъ маленькое наслѣдіе—водевиль «Помолвка въ Галерной гавани», вотъ уже сорокъ два года не сходящій съ подмостковъ. Другія пьески его, всегда небольшія, теперь забыты совершенно; таковы «Одуванчикъ», «Оселъ», «Сонъ Петра Ивановича», «Сонъ, или свои козыри» и пр.

Во дни революціи вышла изъ-подъ его пера забавная «Феськина крамола», но свѣта ramпы она такъ и не увидала; не видали ея, по понятнымъ причинамъ, и сцены «Зарницы», напечатанныя въ 1894 г. въ Лондонѣ и послужившія затѣмъ сюжетомъ для драмы Степняка «Новообращенный».

В. Р. Щиглевъ.

Это былъ одинъ изъ остроумнѣйшихъ людей своего времени. У него имѣлось много того, что стало совсѣмъ переводиться на святой Руси—настоящаго, вызывающаго смѣхъ, юмора. Юморъ Щиглева особенный—съ крупинками соли сатирика.

Взрощенный духомъ шестидесятихъ годовъ, онъ до конца дней своихъ († 1 октября 1903 г. въ СПб.) оставался ярымъ, не признающимъ никакихъ компромиссовъ, шестидесятникомъ.

Чрезвычайно живой и отзывчивый, онъ откликался, порою весьма язвительно, на всѣ замѣтныя событія русской жизни и, разумѣется, большинство экспромптовъ и стихотвореній его въ печати появиться не могло и ходило по рукамъ въ спискахъ, возбуждая смѣхъ.

Не миновала его и общая чаша, которой отвѣдали почти всѣ люди его направленія. Объ этомъ въ рукописяхъ В. Р. Щиглева сохранились слѣдующія строки:

Поздній часъ, а кошка,
Сидя у окошка,
Такъ и умывается.
Значить, по примѣтѣ—
(Ахъ, чего на свѣтѣ
Только не случается!)—
Будутъ гости милые....
А какъ вдругъ—постылые,
Съ тонкимъ осязаніемъ?!....

Не требуетъ объясненій и экспромптъ его о дворникѣ, и стихотворенія «Ежегодно по веснѣ» и въ «Лѣсу».

Дворникъ! Въ жизни, насъ гнетущей,
Онъ вѣдь тоже винтъ не малый...
Вотъ когда мужикъ-то сущій
Попадаетъ въ генералы!

В ъ л ѣ с у.

Дюжъ, что добрая дубинушка,
Красенъ, какъ купецъ тверской,
Въ лѣсѣ идетъ, бредетъ дѣтинушка,
Съ рыжеватой бородой;
А кафтанъ суконца тонкаго,
Съ оторочкою на немъ,
И топорикъ съ рукавичками
За цвѣтистымъ кушакомъ.

Крякнулъ парень—гулко по лѣсу
 Стукъ пошелъ отъ топора;
 Что ни взмахъ—валится сосенка,
 Разлетается кора...
 Прошибаетъ потъ дѣтинушку,
 А топоръ звенить, блестить.
 Вотъ и слышитъ парень пѣсенку,
 Что весь лѣсъ ему гудить:
 «Хоть руби ты день-деньской—
 Все не будетъ толку.
 Заруби-ка на носу
 Лучше втихомолку:
 То, что батъка твой перомъ
 Написалъ, несмѣло—
 Не погубишь топоромъ—
 Брось! Пустое дѣло!
 Не въ писаньи сила та
 И не въ козняхъ бѣса;
 Сила жизни молодой
 Въ самой силѣ лѣса.
 Лѣсъ все живъ, а видѣлъ онъ
 Разнаго злодѣя....
 Что жъ теперь ему топоръ
 Дюжаго пигмея?....
 Дюжъ, что добрая дубинушка,
 Красенъ, какъ купецъ тверской,
 Слушалъ, слушалъ все дѣтинушка
 И..... не понялъ пѣсни той!....

Не малая дань была принесена В. Р. Щиглевымъ и народ-
 ничеству. Изъ числа ея привожу два стихотворенія—«Каріати-
 ды» и «Я—мужикъ».

Каріатиды.

Рождественская сказка.

Морозъ крѣпчалъ, и надо мной
 Уже былъ поздней ночи часъ;
 Не торопясь я шелъ домой.
 Какъ мѣдный вычищенный тазъ,
 На синемъ бархатномъ коврѣ
 Луна блестѣла....

Въ серебрѣ

Чудесно-матовомъ кругомъ
Деревья спали мертвымъ сномъ...
Люблю некупленный эффектъ!
Но вотъ я вышелъ на проспектъ:
Нѣтъ въ окнахъ каменныхъ громадъ
Ни даже огонька лампадъ,
И тихо такъ, что лишь шаговъ—
Моихъ шаговъ—мнѣ слышенъ звукъ...
Иду задумавшись, и вдругъ—
Живая рѣчь... Но хриплыхъ словъ
Не могъ я сразу разобрать...
Гляжу туда-сюда, но нѣтъ:
Довольно ярокъ лунный свѣтъ,
А никого тутъ не видать!...
Но чей-то голосъ все хрипѣть.
Взглянулъ наверхъ—а тамъ балконъ;
Изъ чугуна и камня онъ,
И руки двухъ каріатидъ,
Въ тѣни подъятыя, дрожатъ....
Я—ближе... Не античный видъ,
У этихъ двухъ каріатидъ!
И, Боже мой, какой нарядъ!
Сермяги клочья на плечахъ...
Одна съ бородкой жидковатой....
И сердце сжалъ какой-то страхъ;
Испугомъ, наконецъ, объятый,
Невольно испустилъ я крикъ:
Да это баба и мужикъ!!!
И слышу:—«Видъ-то не мудреный!
Неужто прежде не видалъ,
Кто споконъ вѣку подпиралъ
Всѣ ваши барскіе балконы?
Но.... Слушай! Съ голодухи мы
Ослабли, значить, баринъ милый...
Она грознѣй любой чумы,
А какъ совсѣмъ ослабнуть силы—
Намъ не сдержать балконъ такой!
На что ужъ намъ привычны муки,
Но если жить все лебедой—
Такъ затрещать, голубчикъ мой,
И эти каменные руки....»

* * *

Я—мужикъ,
 Ты—мужикъ—
 И бурчить утроба...
 Я—Иванъ,
 Ты—Степанъ,
 А... Макары оба!
 День въ трудѣ—
 Толкъ-то гдѣ?
 Ну, и мучитъ злоба...
 Я былъ дранъ,
 Ты былъ дранъ...
 Пороты мы оба!

Его стихотвореніе (декабрь 1887 г.), рассказывающее о крестинахъ Салтыкова, имѣло большой успѣхъ ¹⁾.

Смерть Побѣдоносцева, петербургская пресса и общее положеніе дѣлъ въ родномъ ему Петербургѣ вызвали у В. Р. Щиглева слѣдующіе экспромпты и стихи:

Пусть все царство мракобѣсія
 Этой смертью огорчается,
 Похоронная процессія
 На версту пусть удлиняется,
 Пусть Фонтанка мрачно плещется,
 Пусть гробъ бархатный малиновый,
 Но надъ гробомъ мнѣ мерещится
 Заостренный колъ осиноый!

Изъ дневника.

Мчатся рожи, выются рожи...
 Смрадно, душно! Гуще мракъ...
 Тутъ прохвость попалъ въ вельможи,
 Тамъ съ вола дерутъ двѣ кожи,
 Здѣсь командуетъ дуракъ!...
 Благоденствуютъ султаны,
 Находя весь рай въ ...
 В..... болваны
 И пониже ихъ—Миланы—
 Тонуть въ собственномъ добрѣ.

¹⁾ Оно напечатано въ книгѣ: «Знакомые. Альбомъ М. И. Семевского», 1888, стр. 339—41.

До того вся жизнь нелѣпа,
 Что, сдается, видишь сонъ,
 Ананасъ затмила рѣпа;
 Молодежь отъ Боголѣпа
 Изъ Россіи мчится вонъ.
 Вонъ, въ помои тычась носомъ,
 Смотрятъ свиньи съ торжествомъ,
 И, живя на свинство спросомъ,
 Гадить старческимъ поносомъ
 Бурый Викторъ, сѣвъ орломъ.
 «Въ ноябрѣ—кончина свѣта»—
 Гдѣ-то, кто-то говорить....
 Не могу повѣрить въ это:
 Носъ зажавъ, сама комета
 Быстро мимо пролетитъ!

По субботамъ въ квартирѣ Щиглевыхъ, помимо молодежи, собиралось немало близкихъ друзей и пріятелей хлѣбосольнаго Владиміра Романовича.

Чаще другихъ бывали: В. И. Водовозовъ, В. И. Семевскій, Скабичевскій, В. П. Острогорскій, А. И. Введенскій, В. Н. Давыдовъ, С. А. Венгеровъ, В. В. Лесевичъ и Н. Н. Ге, съ которыми особенно былъ близокъ Владиміръ Романовичъ. Вечера протекали шумно и оживленно; читались стихи и всякія литературныя новинки, кипѣли злободневные споры и разговоры.

Вотъ одинъ «застольный» спичъ самого хозяина:

Господа! Со временъ Мамаея—
 Говорю я не грѣша—
 Уходить пугливо въ пятки
 Стала русская душа.
 Шли вѣка... Свисталь свободно
 Надъ душой старинный кнутъ,
 И казаться сталъ желаннымъ
 Неестественный пріютъ.
 Сидя въ немъ, душа навѣрно
 Потеряла бъ все чутье,
 Но наука, лира, сцена
 Дѣло дѣлали свое.
 Время шло... И вотъ изъ пятокъ
 Стали кликать душу вонъ;
 Какъ манилъ ее, волнуясь,
 Богатырь Виссаріонъ!
 Встрепенулась... «Ну—ка, выйду?»

Да и вышла не попадѣ:
«Эй, поди ты! Прочь съ дороги,
Осади, душа, назадъ!»
Шли года... Свѣтъ жизни новой
Разливался, не спѣша,
И куда виднѣе стала
Нынче русская душа.
Всѣмъ, ее манившимъ къ свѣту,
Всѣмъ, взывавшимъ къ ней—«впередъ!»—
И живымъ и погребеннымъ—
Честь и слава и почетъ!

Но и на этого крѣпкаго, всю жизнь сверкавшаго фейерверкомъ остроумія, человѣка, находили минуты хандры и сомнѣній.

Свидѣтельствуешь между прочимъ о нихъ и стихотвореніе «Подъ мѣдную пѣсню», написанное Владиміромъ Романовичемъ за шесть лѣтъ до смерти.

Подъ мѣдную пѣсню.

Скоро ночь, но сижу я, согбенный;
О быломъ дума спать не даетъ....
На столѣ самоваръ мой почтенный
Свою мѣдную пѣсню поетъ.
Ты и я—оба, братъ, мы помяты,
И пора бы обоихъ насъ въ ломъ!...
Не томи своей пѣсней меня ты—
Знаю я, затянулъ ты о чемъ!
«Растопокъ было много,
Хорошій уголь былъ,
Труба тянула славно
И я, блестя, бурлилъ!
Бурлилъ я, стоя твердо,
Жаръ вовсе не тая....
Съ пожарной каской въ блескѣ
Поспорить могъ бы я!
И думалось: наступить
Вотъ, вотъ желанный рай....
И что жъ?... Китайскій только
Заваривался чай»!....
Эта мѣдная пѣсня правдива—
Оттого она сердце щемитъ...
Да, не кровь, а вода въ насъ бурливо
Закипала—отважна на видъ!

Рвался паръ къ потолку изъ-подъ крышки,
Но мы оба—ни съ мѣста! Я бралъ,
Остывая, хорошія книжки;
Холодѣя, ты пѣть начиналъ.
Не желѣзные, братъ, мы съ тобою!
Изъ желѣза быть, видно, другимъ...
Но зато подъ досужей рукою
Мы по-мѣдному ярко блестимъ.
А близка уже наша разлука:
Я въ могилу, ты въ лавочку, въ ломъ;
Это, другъ ты мой, старая штука
Вѣчно новая въ мірѣ живомъ!
Пусть я скоро исчезну безслѣдно,
Но тебѣ не завидую я,
Ибо въ формѣ плевальницы мѣдной
Можетъ жизнь возродиться твоя!

Умеръ В. Р. Щиглевъ внезапно.

Очеркъ свой закончу его словами:

«Всѣмъ, ее манившимъ къ свѣту,
Всѣмъ, вызывавшимъ къ ней «впередъ»!
И живымъ и погребеннымъ —
Честь и слава и почетъ»!.

Такимъ, неустанно манившимъ человѣческую душу къ свѣту
и правдѣ былъ и самъ, сказавшій эти слова.

Безпокойный оводъ, сорокъ лѣтъ непрерывно вившійся, жалившій и будившій общественную совѣсть — прожилъ недаромъ.

И хочется думать, что найдутся люди, которые соберутъ литературное наслѣдіе его воедино, особенно все, расходившееся только въ рукописныхъ спискахъ.

С. Р. Минцловъ.

II.

Въ дополненіе къ сказанному въ очеркѣ С. Р. Минцлова о В. Р. Щиглевѣ приведу о немъ еще нѣсколько біографическихъ свѣдѣній.

В. Р. Щиглевъ родился въ Царскомъ Селѣ 16 окт. 1840 г. (Отецъ его Романъ Петровичъ былъ въ 1828—68 гг. сначала учителемъ, а затѣмъ адъюнктъ-профессоромъ математики въ Лицеѣ). Среднее образованіе Щиглевъ окончилъ въ 1-ой С.-Петербургской гимназіи, гдѣ сильное вліяніе имѣлъ на него извѣстный педагогъ Василій Ивановичъ Водовозовъ, преподававшій

тамъ русскій языкъ, словесность и исторію литературы. Стремленіе къ литературному труду зародилось въ Щиглевѣ подѣ вліяніемъ В. И. Водовозова, у котораго онъ сталъ бывать еще за годъ до окончанія гимназіи и съ которымъ оставался до самой его смерти въ дружескихъ отношеніяхъ. Щиглевъ напечаталъ о Водовозовѣ интересныя воспоминанія въ «Русской Старинѣ» (1886 г. № 11). Въ стихотвореніи, посвященномъ его памяти и тамъ же напечатанномъ, онъ называетъ своего бывшаго наставника отцомъ своей души.

По окончаніи гимназіи Щиглевъ поступилъ въ 1862 г. на юридическій факультетъ Петербургскаго университета, но не нашелъ удовлетворенія въ университетской наукѣ: то было время, когда наиболѣе талантливыя и популярныя профессора (Кавелинъ, Спасовичъ, Б. Утинъ, Стасюлевичъ и Пыпинъ) покинули университетъ. Увлечшись сильнымъ стремленіемъ тогдашней молодежи къ сближенію съ народомъ, Щиглевъ уѣхалъ въ деревню въ Полтавскую губ., съ кружкомъ товарищей, а по возвращеніи въ Петербургъ несъ въ продолженіе болѣе трехъ десятилѣтій тяжелый трудъ въ частныхъ учрежденіяхъ, отдавая свои досуги любимымъ занятіямъ литературую и живописью.

Первый разсказъ Щиглева появился въ печати въ 1858 г., когда онъ былъ еще гимназистомъ. Въ «Искрѣ» и «Будильникѣ» Щиглевъ помѣстилъ въ шестидесятыхъ годахъ много каррикатуръ и юмористическихъ стихотвореній за подписью В. Романычъ, В. Щ-левъ, Р., Щ., В. Левъ. Кромѣ изданій, названныхъ въ очеркѣ С. Р. Минцлова, Щиглевъ участвовалъ еще въ «Маярѣ» (1877 г.), «Русской Правдѣ» (издан. въ 1878—80 гг.), «Сѣверномъ Курьерѣ» (1899 г.).

Значительная часть его литературныхъ произведеній (въ стихахъ) не могла быть напечатана по причинамъ цензурнымъ, такъ какъ они представляли рѣзкую сатиру на проявленія произвола правительства и горячее восхваленіе людей, борющихся съ нимъ, гонимыхъ и преслѣдуемыхъ. Часть этого цѣннаго литературнаго наслѣдства Щиглева была къ сожалѣнію уничтожена авторомъ, когда онъ былъ предупрежденъ объ обыскѣ, но кое-что сохранилось у частныхъ лицъ, которымъ авторъ сообщалъ свои стихотворенія. Нѣсколько изъ нихъ напечатаны въ очеркѣ г. Минцлова, далѣе вслѣдъ за моей замѣткой печатаются два другія, сообщенныя мнѣ авторомъ: 17—19 октября 89 г. и «У Кокушкина моста». Но и сейчасъ не все возможно печатать изъ написаннаго Щиглевымъ: таково, напр., прекрасное стихотвореніе «4 августа 1878 г. (Памяти С. М. Кравчинскаго-Степняка)», таковъ снимокъ съ картины Щиглева, изображающій Ни-

колая I въ Монплефирѣ (въ спальнѣ Петра В.). Государь изображенъ, на основаніи разсказа Н. Н. Ге (бывшаго съ Щиглевымъ въ весьма дружескихъ отношеніяхъ), въ халатѣ, колпакѣ и туфляхъ Петра I, которые этотъ высокій посѣтитель надѣвалъ, чтобы, по объясненію сторожа, «силы Петровской набираться». Въ фотографическомъ снимкѣ эта картина очень интересна, техникою же живописи. Щиглевъ владѣлъ плохо. Одаренный весьма разносторонними способностями, онъ вообще презиралъ школу и въ живописи; и въ драматургіи хотя и писалъ драматическіе этюды ¹⁾, но въ театрѣ совсѣмъ не бывалъ.

Я близко зналъ В. Р. Щиглева въ теченіе многихъ лѣтъ и могу и теперь повторить сказанное о немъ мною въ его некрологѣ: онъ былъ человѣкъ безукоризненно честный, съ вполне определенными убѣжденіями, неспособный ни на какія сдѣлки съ совѣстью; до послѣдней минуты онъ былъ вѣренъ идеаламъ молодости. Въ его многочисленныхъ стихотвореніяхъ были иной разъ недостатки относительно формы, но по внутреннему содержанию въ нихъ не было ни одного фальшиваго звука.

В. Семеvскій.

17—19 окт. 89 г.

(На смерть Н. Г. Чернышевскаго).

Надъ Волгой, гдѣ-то тамъ, вдали,
Обрядъ свершается печальный:
Писатель умеръ тамъ опальный—
Угасъ старикъ многострадальный
И вѣрный сынъ родной земли!
Да, трупъ «опаснымъ» быть не можетъ!
Его теперь не потревожить
Внезапное бряцанье шпоръ:
Защищены и слухъ и зорь
Печатью смерти своевольной
Отъ злобы вольной и невольной,
Отъ оскорбленій и обидъ...
Онъ, успокоенный, лежитъ
Вдали отъ насъ, когда-то пѣвшихъ
«Впередъ, безъ страха....» и смотрѣвшихъ,
Какъ у позорнаго столба
Стоялъ онъ, слабый, но упорный,
Могучій духомъ, но покорный,
Но—не покорностью раба!

¹⁾ Онъ издалъ еще въ 1898 г. 12 пьесокъ для дѣтскаго театра подъ названіемъ «Дюжинка».

Средь суеты безцѣльной, шумной
 И подлости благоразумной
 Мы изнывали, господа,
 Подъ гнетомъ жгучаго стыда.
 И.... пѣсни старыя забыты:
 Свой теплый уголь возлюбя....
 Прости, прости насъ! Мы тебя
 При жизни мало такъ любили...
 Да и теперь.... зачѣмъ скрывать?
 Опасно—Господи, помилуй!—
 Вѣнокъ, простой вѣнокъ послать
 На эту свѣжую могилу,
 Какихъ немного на Руси!...
 Чу! погребальный звонъ далекій...
 Туда, туда нашъ вздохъ глубокій
 Хоть ты, о Волга, донеси!

У Кокушкина моста.

Вотъ перешедши мостъ Кокуш-
 кинъ,
 Опершись о гранитъ,
 Самъ Александръ Сергѣичъ Пуш-
 кинъ
 Съ мосье Онѣгинымъ стоитъ.
 Не устаивая взглядомъ
 Твердыни власти роковой,
 Онъ къ крѣпости сталъ гордо
 задомъ —
 Не плюй въ колодезь, милый мой!
 Пушкинъ.

Свѣтлой ночью, ночью майской,
 Но холодной и дождливой,
 Шелъ я около канала
 Съ думой старой и тоскливой.
 Ни души кругомъ! Пустынно...
 Даже дворники заснули...
 Вотъ въ виду и мостъ Кокушкинъ...
 Вдругъ двѣ тѣни промелькнули—
 Промелькнули, не исчезли
 И, едва земли касаясь,
 На мостъ двинулись подъ ручку,
 Тихо, плавно колыхаясь...
 Этихъ призраковъ контуры
 Такъ знакомыми, родными
 Показались мнѣ сразу,
 Что и я на мостъ—за ними.

Тѣни плыли предо мною,
Путь къ Невѣ свой направляя...
Чу! одна заговорила—
Зазвучала рѣчь живая:
 «Въ честь твою, голубчикъ Саша,
 Вишь, какая вдругъ затѣя!
 Ахъ, какъ жаль, что ты не дожилъ
 До такого юбилея!»...
«Есть чего жалѣть, помилуй!—
Возразила тѣнь другая:—
Какъ припомню все—мила мнѣ,
Право, пуля та шальная...
 Что жъ, вѣдь только двое сутокъ
 Я провелъ весьма плачевно,
 Но подумай: задыхаться....
 Задыхаться ежедневно—
Развѣ это лучше пули?..
Мракъ вокругъ меня сгущался
И.... я въ меньшую могилу
Изъ обширной—перебрался»...
 «А куда жъ плывѣмъ мы, Саша?
 Гдѣ еще не побывали?»
 «А туда, гдѣ мы когда-то,
 Помнишь, гордо такъ стояли...
Мало новой Русью пахнетъ,
Мало, мало перемѣны!
И поютъ, я слышу, тѣ-же
Пѣсни невскія сирены...
 Больше стало крупной скверны...
 Вотъ, въ дурномъ—впередъ шагнули!
 Знаю: многіе Оаддея
 Съ трескомъ за поясъ заткнули....
Ну, а этотъ «праздникъ шумный»—
Нѣтъ, меня не подкупаетъ!
И опять мнѣ какъ-то душно...
Сердце снова закипаетъ...
 Въ міръ тѣней пора вернуться—
 Столь же мрачный и унылый,
 А пока, передъ отлетомъ,
 На Неву, Евгеній милый!
Тамъ гранить... колодезь старый...
Тамъ мой *Всадникъ* со змѣею,
И оттуда на столѣтье
Улечу опять съ тобою!»...

Парнеллъ и его время ¹⁾.

10. Преслѣдованіе лиги.

Черезъ годъ дѣятельности Земельной Лиги ея популярность превзошла ожиданія ея сторонниковъ, и ея вліяніе возросло гораздо больше, чѣмъ это предполагали ея враги. Въ Ирландіи было основано до 200 отдѣловъ Лиги. Эти отдѣлы являлись мѣстными «Комитетами общественной безопасности» (какъ выразился Дэвиль). Они не только завѣдывали всѣмъ аграрнымъ движеніемъ въ мѣстности, но вообще вмѣшивались во всѣ дѣла округа. Иной разъ они создавали особые суды Земельной Лиги и судили тѣхъ, кто шелъ противъ общаго движенія ²⁾.

Противъ широкаго движенія въ пользу земельныхъ реформъ англійское правительство прежде всего примѣнило испытанное средство—«чрезвычайныя положенія».

Секретаремъ по дѣламъ Ирландіи былъ въ эту пору Фостеръ. Въ прошломъ этого либеральнаго дѣятеля были яркія страницы, напр., помощь Ирландіи въ періодъ голода и преобразование школьнаго дѣла въ Англіи. Но вся его дѣятельность на отвѣтственномъ посту ирландскаго секретаря оказалась одной сплошной неудачей. Вмѣсто того, чтобы подойти прямо къ сути дѣла и смѣло приступить къ до очевидности необходимымъ преобразованіямъ, онъ избралъ жалкій путь репрессій. Біографъ Фостера (T. Reid) пытался доказать, что Фостеръ былъ полонъ благихъ намѣреній по отношенію къ Ирландіи и готовъ былъ къ реформамъ, но всѣ документы, которые онъ самъ же приводитъ въ своей книгѣ ³⁾, повторяютъ настойчивѣе всего одну ноту—«репрессій»! Позднѣе товарищи Фостера по кабинету, не исключая и самого Гладстона, должны были признать близорукость этого государственнаго дѣятеля и его полную неспособность къ отвѣтственной работѣ въ Ирландіи ⁴⁾. Фостеръ вѣрилъ только полицейскимъ

¹⁾ См. «Гол. Мин.» № 7—8.

²⁾ M. Davitt. Fall etc. 311 и сл.

³⁾ T. W. Reid. Life of W. E. Foster. vol I и II. L. 1888.

⁴⁾ См. книгу Lord Eversley. Gladstone and Ireland. L. 1912. стр. 127—8. Эверсли былъ членомъ кабинета Гладстона. См. также слова самого Гладстона: Morley. Life of Gladstone. vol III, 49 стр.

донесеніямъ и объ ирландскихъ неурядицахъ судилъ съ пронизательностью главнаго констебля: стоитъ арестовать вождей Земельной Лиги, думалъ онъ, и аграрное движеніе прекратится, недовольство исчезнетъ. Кучка агитаторовъ въ его глазахъ была повинна въ томъ историческомъ процессѣ, который складывался столѣтіями.

Всю осень 1880 г. Фостеръ атаковалъ кабинетъ настойчивыми требованіями отмѣнить «Habeas Corpus Act». 25 октября онъ пишетъ, что врядъ ли можно будетъ пережить зиму безъ введенія усиленной охраны. Онъ полагаетъ, что специальный актъ «долженъ дать ирландскому правительству право арестовывать всякое лицо, представляющее ему опаснымъ». Онъ находитъ, что «лэнд-лорды ведутъ себя хорошо», и вся бѣда въ Земельной Лигѣ. 8 ноября онъ снова заявляетъ о необходимости отмѣнить «Habeas Corpus Act» и добавляетъ: «Мнѣ это крайне не нравится. Я боюсь и ненавижу такую отмѣну». А 28 ноября Фостеръ опять настойчиво требуетъ скорѣйшаго созыва праламента для надѣленія—ирландской исполнительной власти сугубыми полномочіями и даже угрожаетъ отставкой ¹⁾).

То же самое требованіе повторялось въ донесеніяхъ вице-короля Ирландіи лорда Коупера. «Всѣ совѣтуютъ намъ пріостановить дѣйствіе Habeas Corpus Act'а, пишетъ онъ осенью 1880 г., и лордъ-лейтенанты, и полиція, и судьи. Полиція заявляетъ, что она знаетъ всѣхъ лицъ, «производящихъ насилія». Въ ноябрѣ вице-король пишетъ: «Съ каждымъ днемъ и часомъ я все болѣе убѣждаюсь въ необходимости отмѣнить дѣйствіе «Habeas Corpus Act» и ввести законъ о правѣ ношенія оружія». 12 декабря въ униссонъ съ Фостеромъ онъ грозитъ отставкой, если чрезвычайныя полномочія не будутъ ему предоставлены ²⁾).

Уступая этимъ требованіямъ, кабинетъ согласился пойти по пути репрессій. Въ началѣ ноября правительство привлекло къ отвѣтственности Парнелла, Диллона, Биггера и другихъ дѣятелей Земельной Лиги по обвиненію въ образованіи преступнаго сообщества, имѣющаго цѣлью агитировать въ пользу неплатежа аренды, препятствовать выселеніямъ и т. д.

Съ конца декабря начался судебный процессъ, длившійся почти мѣсяцъ. Жюри, послѣ шестичасоваго совѣщанія, не смогло притти къ единогласному рѣшенію, требуемому англійской судебной практикой. Какъ проговорился одинъ изъ присяжныхъ, только двое изъ двѣнадцати присяжныхъ стояли за обвинитель-

¹⁾ T. Reid. Life of Forster, vol. II, стр. 261, 264, 270, 271, 296.

²⁾ B. O'Brien. Life of Ch. Parnell, 195, 201, 204.

ный приговоръ. Лига одержала побѣду. Преслѣдованіе создало ей небывалую популярность.

Потерпѣвъ поражение на судебномъ полѣ, правительство немедленно внесло давно жданный ирландской исполнительной властью билль объ отмѣнѣ Habeas Corpus Act'a. Въ тотъ самый день, когда Лига выслушала въ сущности оправдательный приговоръ въ залѣ Дублинскаго суда, Гладстонъ заявилъ, что внесенный наканунѣ билль о чрезвычайномъ положеніи въ Ирландіи, долженъ быть рассмотрѣнъ внѣ очереди. Фостеръ, внося билль, произнесъ рѣчь о ростѣ аграрныхъ преступленій, полную фантастическихъ цифръ и передержекъ ¹⁾.

Ирландцы съ большой энергіей приступили къ испытанной обструкціонной тактикѣ. Засѣданіе 25 декабря было затянуто до 2 часовъ слѣдующаго дня. Но главный бой произошелъ въ засѣданіи, начавшемся въ понедѣльникъ 31 января (въ 4 часа дня) и закончившемся черезъ 41 часъ, въ 9 часовъ утра въ среду 2 февраля. Въ этомъ засѣданіи правительство рѣшило закончить первое чтеніе ирландскаго билля. Пренія начались довольно вяло. Въ часъ ночи, въ отвѣтъ на предложеніе прервать засѣданіе, Гладстонъ отвѣтилъ рѣшительнымъ отказомъ. Тонъ дебатовъ сразу сталъ гораздо болѣе оживленнымъ. Обѣ стороны приготовились къ бою. Сторонники министерства раздѣлились на очереди, чтобы посмѣнно присутствовать въ палатѣ. Большинство депутатовъ разбрелось частью по квартирамъ, если онѣ были рядомъ съ палатой, частью по помѣщеніямъ Вестминстерскаго дворца, гдѣ можно было бы подкрѣпиться сномъ на мягкомъ диванѣ или глубокомъ креслѣ.

Пренія въ теченіе первой ночи шли при почти пустомъ залѣ: едва-едва набирался кворумъ. Настроеніе палаты было довольно веселое. Биггеръ былъ въ особенномъ ударѣ и сыпалъ злыми остротами.

Настало утро вторника. Дебаты продолжались безостановочно. Ирландцы изобрѣтали всевозможныя ухищренія, чтобы затянуть засѣданіе до послѣдней возможности. Въ 11 часовъ вечера съ консервативныхъ скамей послышалось предложеніе принять рѣшительныя мѣры противъ обструкціи. Ирландцы продолжали свои безконечныя рѣчи. Палата представляла унылую картину. Немногіе оставшіеся депутаты спали на скамьяхъ,

¹⁾ Онъ говорилъ напримѣръ о 2590 аграрныхъ преступленіяхъ, причемъ включалъ сюда 1337 случаевъ полученія угрожающихъ писемъ, а также всѣ случаи разбитыхъ стеколъ, поваленныхъ заборовъ, сломавшихся калитокъ. Детальный разборъ цифровыхъ данныхъ Фостера см. у О'Коннора. Parnell Movement, 412—424 и рѣчь Лабушера. Hansard. CCLVII, 1517 и сл.

мѣста для публики опустѣли, монотонно звучали голоса ораторовъ. Подъ утро Секстонъ произнесъ свою трехчасовую рѣчь, очень яркую и убѣдительную, но его аудиторію составляли только десятка полтора дремавшихъ депутатовъ. Той порой его коллеги отдыхали, готовясь продолжать борьбу. Когда стрѣлка приблизилась къ 9 часамъ, палата внезапно наполнилась депутатами. Одни знали, другіе догадывались о подготовленномъ *coup d'état*. Спикеръ, смѣнившій въ этотъ моментъ своего помощника, заявилъ, что въ интересахъ «достоинства и авторитета палаты» онъ рѣшилъ своею властью прекратить дебаты и немедленно поставить вопросъ на голосованіе. Баллотировка состоялась, и засѣданіе закрылось подъ возгласы ирландцевъ: «Привилегіи. Привилегіи» ¹⁾.

Черезъ три часа, когда засѣданіе палаты возобновилось, ирландцы начали кампанію противъ спикера: одинъ за другимъ они стали вносить резолюціи осужденія поступка спикера. Вслѣдъ за тѣмъ ирландцы сдѣлали запросъ относительно ареста Дэвита. Дэвита находилъ на свободѣ на правахъ освобожденнаго досрочно и могъ быть арестованъ безъ всякихъ мотивовъ ²⁾. Первый же ораторъ, настойчиво потребовавшій объясненія отъ правительства (Диллонъ), былъ по предложенію Гладстона исключенъ изъ засѣданія, но отказался уйти. Онъ былъ выведенъ приставомъ палаты. Гладстонъ попытался продолжать прерванную этимъ инцидентомъ рѣчь, но тогда встаетъ Парнелль и холоднымъ тономъ вноситъ резолюцію о томъ, что палата «не желаетъ больше слушать почтеннаго члена». Спикеръ призываетъ Парнелла къ порядку. Тотъ настаиваетъ, чтобы его резолюція была поставлена на голосованіе. Тогда палата исключаетъ его изъ засѣданія. Парнелль уходитъ.

Затѣмъ происходитъ историческая сцена. Ирландцы—одинъ за другимъ повторяютъ ту же резолюцію и дѣлаютъ тѣ же запросы правительству, и палата изгоняетъ ихъ одного за другимъ. 32 депутата подверглись исключенію изъ засѣданія, и почти всѣ покинули залу только послѣ того, какъ приставъ положилъ имъ на плечо свою руку, знакъ, что дальнѣйшее упорство повлечетъ примѣненіе физической силы. Только когда бурные ирландцы были насильственно удалены изъ палаты, Гладстонъ смогъ закончить свою рѣчь и провести резолюцію ³⁾.

Благодаря упорной ирландской оппозиціи, билль объ отмѣнѣ Habeas Corpus Act'a сталъ закономъ только къ началу марта.

¹⁾ Hausard. Vol. CCLVII. 1725 стр. и сл. заявленіе спикера—2032—33 стр. См. также живой очеркъ очевидца O'Коннора. Parnell Movement. 430—436.

²⁾ Онъ просидѣлъ больше года—до 6 мая 1882 г.

³⁾ Hausard. Vol. CCLVIII. 69—88 стр.

Фостеръ и Коуперъ получили въ свои руки власть арестовывать безъ суда и слѣдствія и держать подозрѣваемыхъ мѣсяцами въ тюрьмѣ; эти полномочія, по ихъ увѣреніямъ, давали имъ возможность очень быстро положить конецъ разраставшемуся аграрному движенію Ирландіи. Въ Ирландіи начались массовые аресты среди дѣятелей Земельной Лиги и всѣхъ лицъ, казавшихся полиціи подозрительными.

11. Арестъ Парнелла.

Исключительныя мѣры, принятыя противъ Ирландіи, вызвали демонстраціи и митинги протеста не только на самомъ Зеленомъ Островѣ, но и въ Англіи. При этомъ въ англійскихъ городахъ (Лондонѣ, Бирмингамѣ, Бродфортѣ и т. д.) главное участіе на митингахъ приняли англійскіе организованные рабочіе.

Учитывая это новое обстоятельство, Парнеллъ опубликовалъ письмо (отъ 13 февраля 1881 г.), въ которомъ прозвучали новыя нотки: онъ говорилъ о необходимости опереться на англійскую демократію, главнымъ образомъ, рабочій классъ, и тѣмъ нанести ударъ Англіи въ самое сердце. Онъ предлагалъ выставить въ каждомъ избирательномъ округѣ Англіи кандидата отъ рабочихъ и тѣмъ разстроить ряды обѣихъ партій.

Несмотря на аресты и провозглашеніе цѣлыхъ районовъ Ирландіи на положеніи усиленной охраны («Coercion Act»), митинги Земельной Лиги и ея обычная работа шли своимъ чередомъ. Приливъ денежныхъ средствъ, особенно отъ 1200 отдѣловъ американской Лиги, продолжался. Призывы Лиги не платить несправедливыхъ арендъ и не уплачивать недоимокъ встрѣчали откликъ. Неплатежи аренды стали хроническими. Вліяніе Лиги было такъ сильно, что тѣ фермеры, которые хотѣли жить въ мирѣ съ помѣщиками, не осмѣливались открыто платить аренду. Они уплачивали ее ночью, тайкомъ, черезъ третьихъ лицъ, черезъ лавочниковъ или банкировъ и т. д. При этомъ они просили не выдавать имъ никакихъ расписокъ и даже иной разъ просили помѣщика, чтобы онъ за ихъ счетъ получилъ отъ суда приказъ объ ихъ выселеніи, яко бы за неплатежъ аренды ¹⁾).

Чтобы нѣсколько ослабить движеніе, министерство Гладстона сейчасъ же вслѣдъ за закономъ, лишившимъ ирландцевъ обычныхъ правъ свободныхъ гражданъ, внесло земельный билль, который, послѣ безчисленныхъ поправокъ въ палатѣ общинъ и у лордовъ, сталъ въ теченіе лѣта закономъ.

Законъ 1881 г. несомнѣнно былъ довольно рѣшительнымъ и

¹⁾ Report of the Special Commission 1888, стр. 53

выгодно отличался отъ прежнихъ аграрныхъ биллей, касавшихся Ирландіи. Онъ до нѣкоторой степени вводилъ въ практику тѣ знаменитыя три «F's», о которыхъ безуспѣшно ратовалъ Баттъ (т.-е. твердость держанія, справедливую арендную плату и свободную продажу держанія—fixity of tenure, fair rent, free sale). По плану правительства были введены особые земельные суды, которымъ было предоставлено устанавливать (на 15 лѣтъ) размѣръ арендной платы и вообще регулировать отношенія между арендаторами и лэндлордами. Фермеръ получилъ право продавать свой арендный участокъ, и ему гарантировали, что онъ не будетъ согнанъ, пока будетъ уплачивать арендную плату.

Однако, несмотря на многія положительныя стороны новаго закона, онъ уже не соотвѣтствовалъ положенію дѣлъ въ Ирландіи и не могъ удовлетворить далеко зашедшаго движенія. Законъ пришелъ черезчуръ поздно, чтобы успокоить разбушевавшееся море. Парнелль и его сторонники пытались расширить сферу закона, но, за однимъ, двумя исключеніями, безуспѣшно ¹⁾.

Отношеніе Лиги къ закону было двойственно. Въ палатѣ ирландцы воздержались отъ голосованія, а на осенней конференціи Лиги былъ избранъ компромиссный путь: законъ рѣшено было использовать, но сдержанно и лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ. Закономъ проектировалось пользоваться, такъ сказать, подъ руководствомъ Земельной Лиги.

Тѣмъ временемъ репрессіи не прекращались. Вице-король и Фостеръ требовали дальнѣйшаго расширенія своихъ исключительныхъ полномочій и предлагали признать Лигу незаконнымъ сообществомъ и воспретить ея митинги и собранія. Затѣмъ явился проектъ арестовать Парнелла и всѣхъ прочихъ видныхъ депутатовъ—вождей Лиги. На эту тему Фостеръ пишетъ Гладстону 26 сентября, 2 октября и почти ежедневно. Наконецъ, 12 октября Фостеръ прибылъ въ Лондонъ, и здѣсь кабинетъ далъ требуемое разрѣшеніе арестовать Парнелла. Согласно условію, заключенному съ вице-королемъ Ирландіи, Фостеръ передаетъ вѣсть о своей побѣдѣ однимъ словомъ: «proceed» («продолжайте») ²⁾.

13-го утромъ Парнелль былъ арестованъ въ одномъ дублинскомъ отелѣ и отвезенъ въ Кильмэнхемскую тюрьму. Черезъ нѣсколько часовъ Гладстонъ въ своей рѣчи въ лондонскомъ Гилд-

¹⁾ Позднѣе одинъ изъ членовъ кабинета Гладстона долженъ былъ признать, что «главныя возраженія Парнелла и его сторонниковъ противъ билля и ихъ поправки и дополненія, казавшіяся тогда нелѣпыми и чрезмѣрными, оправдались впоследствии и вошли въ законодательство» Lord Eversley. Gladstone and Ireland. 162 стр. Интересно и позднѣйшее признаніе Гладстона: «не будь Земельной Лиги, актъ 1881 г. никогда бы не сталъ закономъ». Тамъ же, 163 стр.

²⁾ Reid. Life of Forster. II vol, стр. 339, 342, 355.

холлѣ, во время традиціоннаго обѣда вновь избраннаго лорда-мэра, сообщилъ присутствующимъ объ арестѣ ирландскаго некоронованнаго короля. По словамъ очевидца, это извѣстіе «вызвало громъ аплодисментовъ и такой небывалый энтузіазмъ, какъ будто дѣло шло о знаменательной побѣдѣ, одержанной Англіей надъ ненавистнымъ и опаснымъ врагомъ». Кромѣ Парнелла, къ серединѣ октября были заключены въ тюрьму и многіе другіе видные дѣятели Лиги—Диллонъ, Секстонъ, Бреннанъ, Кеттле, О'Келли, Вильямъ О'Брайенъ и др. ¹⁾.

Только что основанная 13 августа Парнелломъ газета «United Ireland» также подверглась преслѣдованіямъ. Большинство сотрудниковъ, наборщиковъ и служащихъ конторы были арестованы. Чтобы не прерывать изданія, пришлось печатать газету не въ Дублинѣ, а въ другихъ городахъ. Одинъ номеръ выходилъ изъ типографіи Ливерпуля, слѣдующій печатался въ Глазго, затѣмъ изданіе переносилось въ Манчестеръ и, наконецъ, стало издаваться въ Парижѣ ²⁾. Сотрудники ухитрялись посылать статьи даже изъ тюремной камеры, а сама газета достигала читателей, благодаря ухищреннымъ приемамъ контрабанды.

Въ отвѣтъ на арестъ Парнелла и другихъ, Земельная Лига издала свой знаменитый манифестъ, призывавшій не платить аренду («No-rent Manifesto»).

Этотъ лозунгъ не былъ новъ ни для ирландскаго аграрнаго движенія ³⁾, ни для Лиги. Еще лѣтомъ 1880 года многіе лидеры призывали «не отдавать урожая». По всей Ирландіи читалось стихотвореніе, написанное сестрой Парнелла Фанни, гдѣ повторялся этотъ призывъ:

Не платите аренды, не отдавайте жатвы, ребята,
Передайте этотъ кличъ изъ села въ село.
Огшвырните прочъ всѣ преграды, ребята.
И вы станете свободными людьми.

Еще въ началѣ 1881 г., какъ разъ передъ арестомъ Дэвита, лидеры Лиги съ участіемъ Парнелла обсуждали эту тактику. Тогда проектировалось, чтобы манифестъ былъ изданъ въ первый же день введенія усиленной охраны въ Ирландіи. Депутаты должны были покинуть палату и лично руководить борьбой въ самой странѣ. Парнеллъ, повидимому, былъ склоненъ къ этой

¹⁾ Всего Форстеръ арестовалъ 1083 человѣка, изъ нихъ 872 человѣка, въ качествѣ «подозрительныхъ».

²⁾ См. воспоминанія редактора газеты W. O'Brien'a *Recollections*. L. 1905. 382—3, 778.

³⁾ Это была, напримѣръ, одна изъ любимыхъ идей Лалора (1847). См. мою статью «Революціонная Ирландія». «Гол. Минувш.» 1914 г., № 7, ст. 12.

тактикѣ, но нѣкоторые изъ его коллегъ рѣшительно запротестовали. Вопросъ остался открытымъ ¹⁾.

Теперь призывъ не платить аренды былъ сдѣланъ по инициативѣ Форда и Эгана, а текстъ манифеста составленъ Вильямомъ О'Брайеномъ. Подъ манифестомъ стояли подписи Парнелла, Кеттле, Диллона, Секстона и др. Всѣ эти лидеры, кромѣ одного Эгана, находились въ этотъ моментъ въ тюрьмѣ. Среди подписей имѣлась и подпись Дэвита, хотя съ нимъ не успѣли снестись (онъ сидѣлъ въ англійской тюрьмѣ). Самъ Дэвиль, горячо призывавшій къ этой тактикѣ въ февралѣ, не сочувствовалъ манифесту, считая его запоздавшимъ.

Въ манифестѣ дѣлались такіе призывы: «Товарищи и граждане. Насталъ для васъ часъ испытанія и время исполнить свои обѣщанія. Исполнительный Комитетъ Національной Земельной Лиги... считаетъ своей обязанностью посовѣтовать фермерамъ Ирландіи отнынѣ ни подъ какимъ видомъ не платить лэндлорду арендной платы. Не платить до тѣхъ поръ, пока правительство не оставитъ своей системы террора и не возстановитъ конституціонныхъ правъ народа... Не смущайтесь угрозами о примѣненіи военной силы. Не платить аренду такъ же законно, какъ и получать ее. У военныхъ властей нѣтъ оружія противъ пассивнаго сопротивленія всего населенія. Стойте дружно передъ лицомъ вашего жестокаго и трусливаго врага. Ни подъ какимъ предлогомъ не платите аренды. Будьте тверды и безстрашны». «Никакое освященное закономъ насиліе не сможетъ противъ вашей воли взять даже одного пенни изъ вашего кошелька. Если васъ выселятъ, вы не пострадаете, а самъ лэндлордъ, прогнавшій своихъ арендаторовъ, превратится въ розореннаго бѣдняка. Правительство, которое его поддерживаетъ своими штыками, послѣ первой же зимы убѣдится, какъ беспомощна вооруженная сила, ведущая противъ воли объединеннаго, рѣшившагося и надѣющагося только на свои силы, народа» ²⁾.

Первое время манифестъ имѣлъ нѣкоторый успѣхъ. Но въ общемъ надо признать, что онъ не оправдалъ ожиданій и оказался почти что холостымъ выстрѣломъ. Это произошло отчасти потому, что къ этому моменту Лига была сильно ослаблена арестами, отчасти вслѣдствіе энергичнаго противодѣйствія духовенства. Наконецъ, извѣстную роль сыгралъ сравнительно удовлетворительный урожай и надежды использовать новый земельный законъ.

¹⁾ Разсказъ М. Дэвита. *Fall of feudalism* стр. 302, 337.

²⁾ Текстъ цѣликомъ помѣщенъ въ книжкѣ Дэвита: *Fall of feudalism*, 335—337 стр.

Немедленно вслѣдъ за опубликованіемъ манифеста правительство закрыло Земельную Лигу и усилило репрессіи.

Двухлѣтнее существованіе Земельной Лиги произвело цѣлый переворотъ въ борьбѣ Ирландіи за освобожденіе. Благодаря Лигѣ, аграрное движеніе получило организованный характеръ и развилось въ угрожающую силу. Земельный вопросъ былъ поставленъ на первый планъ. Широкая масса сельскаго населенія объединилась ради ближайшей, понятной ей задачи.

О размахѣ дѣятельности Земельной Лиги свидѣлствуетъ, напримѣръ, тотъ фактъ, что ея бюджетъ за три года, къ 14 октября 1882 г., равнялся 244.820 фун. ст. (около 2¹/₂ милл. рублей). Главными статьями расхода были: поддержка голодающихъ—50 тыс. ф. ст., расходы на судебный процессъ Зем. Лиги—15 тыс. ф., разные расходы—148 тыс. ф. ст. Въ эту послѣднюю графу вошли суммы на поддержку выселяемыхъ фермеровъ, на постройку для нихъ жилищъ, на мелкіе судебные процессы и т. д. ¹⁾ Земельная Лига имѣла къ осени 1881 г. до тысячи отдѣловъ и до 200 тысячъ членовъ.

Послѣ закрытія Земельной Лиги часть ея работы продолжала исполнять «Женская Земельная Лига» («Ladies' Land League»), въ которой главное участіе принимала сестра Парнелла Анна ²⁾. Проектъ созданія женской лиги принадлежалъ Фанни Парнеллѣ. Этотъ планъ нашелъ энергичную поддержку только у Дэвита и Эгана. Парнеллъ и другіе рѣшительно протестовали противъ него. Парнеллъ крайне несочувственно относился къ участію женщинъ въ политикѣ и въ этой области, какъ и во многихъ другихъ, былъ крайнимъ консерваторомъ. Въ концѣ концовъ, въ началѣ 1881 г. Лига была основана, главнымъ образомъ, благодаря усиліямъ Дэвита. Самъ основатель Лиги вскорѣ послѣ этого попалъ въ тюрьму, и вся тяжесть работы легла на плечи Анны Парнеллѣ. Эта хрупкая съ виду дѣвушка, красивая и талантливая, отличалась врожденной «парнелловской» энергіей, упорствомъ и страстной преданностью дѣлу.

Главной задачей Женской Лиги было поддерживать выселяемыхъ фермеровъ, размѣщать ихъ семьи въ специально выстроенныя временныя помѣщенія, поддерживать семьи арестованныхъ

¹⁾ Report of the Special Commission, 96 ст. Послѣ закрытія Лиги, ея касса, находившаяся въ Парижѣ и питавшаяся главнымъ образомъ пожертвованіями изъ Америки, продолжала функционировать.

²⁾ По-русски нельзя точно перевести названіе Лиги. Слово «Ladies» вм. «Women's» носитъ отгѣнокъ извѣстнаго барства. Писательница Кэтринъ Тайнанъ (Тупан) сообщаетъ въ своихъ воспоминаніяхъ, что, когда она спросила, почему лига не названа «Женская» (Women's), ея вопросъ сочли проявленіемъ неумѣреннаго демократизма. См. К. Тупан. Twenty five years. L. 1913, ст. 75.

и т. д. Послѣ закрытія Земельной Лиги ея функціи перешли къ Женской Лигѣ. Именно она распространила манифестъ о неплатежѣ ренты, организовывала бойкотъ, устраивала тайныя собранія и т. д.

Фостеръ арестовалъ нѣсколько женщинъ, но работа Лиги продолжалась попрежнему. Женская Лига, дѣйствовавшая на положеніи подпольной организаціи, въ своей тактикѣ отличалась даже большей революціонностью, чѣмъ Земельная Лига. Это обстоятельство возбуждало особое недовольство Парнелла. Онъ принималъ всевозможныя мѣры, чтобы сдѣлать изъ Лиги лишь орудіе своей воли и, когда это не удалось, самъ закрыть Лигу, — лишивъ ее финансовой поддержки (весна 1882 г.) ¹⁾. Въ общемъ Женская Лига израсходовала около 70 тысячъ фунтовъ стерлинговъ.

12. «Кильмэнхемскій договоръ».

Лѣтомъ 1880 г. Парнелль встрѣтился съ женщиной, которая на всю жизнь осталась его единственной любовью и единымъ другомъ—Кэтринъ О'Ши. Она имѣла право сказать въ своихъ воспоминаніяхъ, что только она одна во всемъ мірѣ знаетъ душу гордаго и скрытнаго лидера ирландцевъ. О'Ши была секретаремъ и совѣтчикомъ Парнелла и принимала видное, хотя и закулисное, участіе въ борьбѣ ирландцевъ. Десять лѣтъ квартира О'Ши была въ то же время и квартирой Парнелла и его генеральнымъ штабомъ, откуда шли приказанія и инструкціи, куда направлялись посланцы Гладстона и адресовались письма вождей консерваторовъ.

Кэтринъ О'Ши была очень умной, красивой и энергичной женщиной, отмѣченной той же печатью скрытой страстности, что и Парнелль. Когда она встрѣтилась съ Парнелломъ, у нея уже было трое дѣтей, и она насчитывала тринадцать лѣтъ своего замужества. Капитанъ О'Ши, блестящій гусарскій офицеръ, принадлежалъ къ категоріи аристократическихъ посредственностей. Онъ обладалъ всѣми данными свѣтскаго джентельмена и кодексъ внѣшнихъ приличій почиталъ выше всего. Онъ былъ занимательнымъ рассказчикомъ анекдотовъ, за обѣденнымъ столомъ, но мнилъ себя виднымъ ораторомъ. Онъ очень плохо справлялся со своими финансовыми аферами, но зато считалъ себя великимъ общественнымъ дѣятелемъ. Онъ понималъ толкъ въ

¹⁾ Объ отношеніи Парнелла см. пристрастный отзывъ О'Ши, *Life of Parnell*, vol I т. I, 260—261 стр. Дѣятельность женской Лиги съ другой точки зрѣнія освѣщаетъ Дэвидъ. *Fall of feudalism*, 219, 341 ст. См. также книгу О'Брайена. 280 стр.

лошадяхъ и тонкихъ винахъ, но полагалъ, что онъ очень тонкій политикъ и мечталъ о постѣ помощника секретаря въ Ирландіи. Онъ широко кутилъ и до и послѣ женитьбы. Зная о связи Парнелла со своей женой, онъ не стѣсняясь требовалъ, чтобы ирландскій лидеръ, вопреки желанію всей партіи, поддерживалъ его кандидатуру на выборахъ и настаивалъ, чтобы г-жа О'Ши хлопотала передъ Гладстономъ о назначеніи его на крупный административный постъ.

Въ 1880 г. г-жа О'Ши давала рядъ политическихъ обѣдовъ и всякій разъ приглашала на нихъ Парнелла. Парнеллъ по своему обычаю или не читалъ пригласительныхъ писемъ вовсе, или просто не являлся на зовъ, хотя и зналъ, что для него всегда оставляется пустое кресло за столомъ. Наконецъ, г-жа О'Ши сама отправилась въ парламентъ и вызвала Парнелла на дворикъ Вестминстерскаго дворца. «Онъ вышелъ. Я увидала высокаго, очень худого человѣка и мертвенно блѣдное лицо. Онъ взглянулъ на меня, улыбаясь, въ упоръ, и его странно горящіе глаза заглянули въ мои глаза съ напряженнымъ вниманіемъ, которое родило въ моемъ мозгу мысль: «это удивительный человѣкъ, и онъ совсѣмъ не такой, какъ я думала». Во время непродолжительнаго разговора, роза выпала изъ волосъ г-жи О'Ши. Парнеллъ поднялъ ее, слегка поцѣловалъ и воткнулъ въ петлицу. «Эту розу я нашла потомъ среди частныхъ бумагъ Парнелла, и я положила ее ему на грудь, когда онъ умеръ» ¹⁾).

Лѣтомъ произошла эта сентиментальная сцена у парламента, 17 іюля Парнеллъ пишетъ письмо «моей дорогой м-съ О'Ши», 20 сентября онъ шлетъ ей одну фразу—«я не въ силахъ быть больше безъ васъ». Черезъ мѣсяцъ въ своихъ обращеніяхъ въ письмахъ онъ пишетъ «моя любимая», а декабрьское письмо уже начинается словами «моя дорогая жена». Въ это время г-жа О'Ши жила отдѣльно отъ мужа, но время отъ времени видалась съ нимъ ²⁾. Капитанъ О'Ши очень скоро узналъ о связи между своей женой и Парнелломъ. Дѣло едва не дошло до дуэли. Парнеллъ объяснилъ, что г-жа О'Ши только посредница въ сношеніяхъ между нимъ и правительствомъ. Капитанъ О'Ши явно не довѣрялъ этому объясненію и потребовалъ, чтобы Парнеллъ не жилъ въ квартирѣ его жены. «Съ момента этой ссоры», пишетъ м-съ О'Ши, «мы съ Парнел-

¹⁾ К. О'Ши, *Life of Parnell* т. 1, 135—136 стр.

²⁾ Дальнѣйшая переписка между Парнелломъ и О'Ши до конца жизни носила характеръ конспиративности. Часто письма и телеграммы писались въ условномъ шифрѣ. Изъ тюрьмы Парнеллъ писалъ невидимыми чернилами. Письма посылались на разныя имена г-ну Клэръ, г-жѣ Кингъ (King—король), г-жѣ Карпентеръ и т. д. Любимая подпись Парнелла была «вашъ король», «вѣчно вашъ король», а въ обращеніи онъ часто писалъ «моя королева».

ломъ стали мужемъ и женой безъ дальнѣйшихъ условностей, безъ страха и упрека» ¹⁾).

Арестъ Парнелла произошелъ въ тотъ моментъ, когда О'Ши ожидала ребенка. Тревоги Парнелла за свою жену и родившуюся въ февралѣ дѣвочку и настойчивыя просьбы О'Ши о болѣе умѣренной тактикѣ сыграли извѣстную роль въ томъ переломѣ, который Парнелль пережилъ во время своего пребыванія въ тюрьмѣ.

Кэтринъ О'Ши въ предисловіи къ своимъ воспоминаніямъ утверждаетъ, что она никогда не вмѣшивалась въ политику и не давала Парнеллу совѣтовъ, какъ себя вести въ томъ или другомъ случаѣ ²⁾. Но она признаетъ, что въ цѣляхъ добиться освобожденія своего мужа изъ тюрьмы, она «со всей силой своего вліянія защищала планъ соглашения съ правительствомъ... и заключенія немедленнаго мира». «Я страстно желала», пишетъ она, «чтобы онъ правилъ при помощи конституціонныхъ средствъ, и надѣялась установить нужныя для этого дружескія отношенія между Парнелломъ и правительствомъ» ³⁾.

Въ апрѣлѣ Парнелль былъ выпущенъ на двѣ недѣли изъ тюрьмы подъ честное слово, чтобы посѣтить свою сестру въ Парижѣ, только что потерявшую единственнаго сына. Нѣсколько дней, проведенныхъ Парнелломъ въ Лондонѣ, были имъ использованы для переговоровъ съ правительствомъ объ условіяхъ возможнаго перемирія. Сама О'Ши находилась у постели своей умирающей дочери, ея ребенка отъ Парнелла. Переговоры на этой стадіи велись при посредствѣ, главнымъ образомъ, капитана О'Ши. Со стороны правительства выступалъ преимущественно Чемберленъ.

Позднѣе послѣдній далъ такую оцѣнку Парнелла: «Съ нимъ было пріятно имѣть дѣло. Съ нимъ хорошо было заключать сдѣлки: у него былъ для этого вѣрный взглядъ. Онъ понималъ, что не всегда можно итти своимъ путемъ, и иной разъ приходится брать то, что возможно... Во время заключенія Кильмэнхемскаго договора онъ даже не поднималъ вопроса о гомрулѣ. Онъ зналъ, что это будетъ бесполезно. Онъ внесъ вполнѣ осуществимое предложеніе» ⁴⁾. Эта похвала оппортунизму Парнелла характеризуетъ сущность состоявшагося соглашения: Парнелль сдѣ-

¹⁾ Тамъ же, 190 стр.

²⁾ Это заявленіе надо принять *cum grano salis*. Сами воспоминанія опровергаютъ это. О'Ши, напимѣръ, рекомендовала Парнеллу поднять дѣло противъ Times'a. Главное, она все время толкала Парнелла къ болѣе умѣренной тактикѣ, и этого она не отвергаетъ.

³⁾ О'Ши, т. I, 256—257.

⁴⁾ O'Brien. Life etc. 380—387 стр.

лалъ поворотъ отъ широкихъ требованій къ мелкимъ лозунгамъ текущаго дня.

Проектъ соглашенія былъ сформулированъ Парнелломъ такъ: правительство уладить вопросъ о недоимкахъ (числившихся приблизительно за 100 тысячами фермеровъ) путемъ ссуды, или дара изъ средствъ казны и расширить дѣйствія Земельнаго Закона 1881 года. Съ своей стороны Парнеллъ обѣщалъ взять назадъ манифестъ о неплатежѣ аренды, побудить арендаторовъ уладить свои дѣла съ помѣщиками мирнымъ путемъ и содѣйствовать уменьшенію аграрныхъ преступленій. Если бы это послѣднее удалось, правительство должно было бы отмѣнить усиленную охрану ¹⁾).

Что правительство охотно пошло навстрѣчу такому соглашенію—вполнѣ понятно. Прежде всего, кабинетъ обѣщалъ ирландцамъ довольно мало. Рѣчь шла не о коренныхъ реформахъ, а о небольшихъ поправкахъ и второстепенныхъ законодательныхъ актахъ. Кромѣ того, система репрессій не оправдала ожиданій. Фостеръ и Коуперъ должны были признать, что послѣ всѣхъ преслѣдованій число аграрныхъ преступленій замѣтно увеличилось. Если за 10 мѣсяцевъ до введенія усиленныхъ положеній было 7 убійствъ и 21 покушеніе, то за тотъ же срокъ послѣ введенія охраны число преступленій этого рода утроилось (20—63). Коуперъ наивно ссылался на то, что полиція ввела его въ заблужденіе своимъ заявленіемъ, будто она знаетъ всѣхъ злоумышленниковъ. Онъ и Фостеръ продолжали оставаться въ магическомъ кругу полицейскаго мышленія и требовали все новыхъ и новыхъ полномочій для усиленія репрессій ²⁾. Для всякаго непредубѣжденнаго человѣка было однако ясно, что система репрессій не привела къ результатамъ и требуетъ замѣны. Наконецъ, освобожденіе Парнелла и другихъ сторонниковъ «моральной силы» могло, даже безъ наличности соглашеній, воспрепятствовать первенствующей роли крайнихъ элементовъ, которые подняли голову послѣ репрессій, павшихъ на голову Лиги.

Поведеніе самого Парнелла въ это время придется признать безспорной ошибкой. Онъ мотивировалъ свой поворотъ на путь соглашеній съ доселѣ непримиримымъ врагомъ тѣмъ, что манифестъ о неплатежѣ аренды все равно не выполняется. Но суть

¹⁾ О'Ши, т. 1, 250—251. Парнеллъ хотѣлъ было потребовать освобожденія всѣхъ арестованныхъ по подозрѣнію, но потомъ отказался отъ этой мысли. Освобожденіе его самого и нѣкоторыхъ другихъ лидеровъ подразумевалось само собой.

²⁾ 1-го апр. Фостеръ писалъ: «Я получаю очень печальныя извѣстія. Безнаказанность за преступленія распространяется, какъ чума. Я боюсь, что нельзя будетъ обойтись безъ немедленныхъ рѣшительныхъ мѣръ», Reid. Vol II. 425.

вопроса лежала не въ этомъ, а въ общей перемѣнѣ былой тактики. Въмѣсто того, чтобы въ первую голову опираться на широкое движеніе массъ и въ организаціи ирландскаго народа видѣть залогъ успѣха своей борьбы, Парнелль перешелъ къ тактикѣ закулисныхъ соглашеній съ правящими англійскими партіями и въ чисто парламентскихъ махинаціяхъ рѣшилъ искать путь къ гомрулю. Изъ лидера общественнаго движенія Парнелль превратился въ парламентарія-оппортуниста. Своимъ тайнымъ договоромъ онъ сдавалъ всѣ позиціи, завоеванныя Земельной Лигой. Выставляя на первый планъ мелкія требованія дня, онъ суживалъ размахъ движенія.

Вся вторая половина политической карьеры Парнелла (послѣ «Кильмэнхемскаго договора») носила болѣе или менѣе ясно выраженный характеръ анти-революціонности и анти-демократичности. Выработанныя Парнелломъ условія были приняты кабинетомъ. 2 мая Парнелль, Диллонъ и О'Келли были освобождены изъ тюрьмы. Въ то же время Фостеръ и Коуперъ, несогласные съ новой тактикой правительства, подали въ отставку.

Вѣсть объ освобожденіи лидеровъ и отставкѣ ирландскаго секретаря и вице-короля была встрѣчена въ Ирландіи съ большимъ энтузіазмомъ. Парнелль вошелъ въ парламентъ, какъ побѣдитель, какъ разъ во время рѣчи Фостера относительно причинъ ареста главарей Лиги, и былъ встрѣченъ громомъ аплодисментовъ, раздавшихся съ ирландскихъ скамей.

Въ томъ же засѣданіи палаты было сообщено о сути состоявшагося соглашенія ¹⁾. «Кильмэнхемскій договоръ» встрѣтилъ различное къ себѣ отношеніе. Въ Америкѣ о немъ не говорили иначе, какъ о «продажѣ Земельной Лиги». Крайніе элементы Лиги въ Ирландіи тоже относились къ нему крайне отрицательно, но довольно многіе видѣли въ «договорѣ» ловкій политическій маневръ. Съ политической точки зрѣнія договоръ былъ несомнѣнно побѣдой надъ Парнелломъ и руководимымъ имъ движеніемъ.

13. «Непобѣдимые».

7 мая 1882 г., черезъ два дня послѣ того, какъ Парнелль заявилъ въ палатѣ о сдѣланномъ правительству обѣщаніи помочь «возстановленію порядка» въ Ирландіи и прекращенію аграрнаго террора, въ лондонскихъ газетахъ появилась телеграмма изъ Дублина, гласившая: «Секретарь по дѣламъ Ирландіи Кавендишъ и помощникъ секретаря Бёркъ (Burke) убиты кинжалами въ субботу вечеромъ въ Фениксъ-Паркъ. Убійцы скрылись».

¹⁾ Hansard, CCLXIX, 126—129 (Объясненія Парнелла) и слѣд.

Кавендишъ былъ совсѣмъ новый человѣкъ въ Ирландіи. Онъ только что прибылъ въ Дублинъ, чтобы занять мѣсто Фостера. Террористы хотѣли убить Бёрка, а Кавендишъ, сопровождавшій своего помощника черезъ паркъ, палъ жертвой случая.

Ирландія видала не мало убійствъ на аграрной почвѣ, но событіе въ Фениксъ-Паркѣ явилось первымъ актомъ чисто политическаго террора. Неудивительно, что оно произвело совершенно исключительное впечатлѣніе и въ Ирландіи и внѣ ея.

Какъ разъ въ день убійства Парнеллъ встрѣтилъ Дэвита, только что выпущеннаго изъ тюрьмы, въ разговорѣ съ нимъ рѣзко и злобно порицалъ продолжавшіеся въ Ирландіи террористическіе акты и «говорилъ объ анархіи, словно англійскій министръ, вводящій усиленную охрану»: Массовое движеніе должно прекратиться, говорилъ онъ. «Мы наканунѣ чего то въ родѣ гомруля» ¹⁾.

Извѣстіе объ убійствѣ Кавендиша и Бёрка было тяжкимъ ударомъ для престижа Парнелла. Оказалось, что ирландскій лидеръ не способенъ прекратить насилія и, давая такого рода обѣщанія правительству, переоцѣнилъ свое вліяніе и силы. Кильмэнхемскій договоръ на первыхъ же дняхъ своего существованія поколебался, такъ какъ одна изъ договаривающихся сторонъ видимо была не въ силахъ въ полной мѣрѣ выполнить принятыя на себя обязательства. По единодушному показанію самыхъ различныхъ свидѣтелей (Гладстона, Дэвита, О'Ши и другихъ) Парнеллъ былъ чрезвычайно потрясенъ новостью и рѣшилъ было немедленно сложить съ себя лидерство партіи и навсегда отказаться отъ общественной дѣятельности. Парнеллъ вмѣстѣ съ Дэвитомъ и Диллономъ немедленно опубликовали воззваніе къ Ирландіи, въ которомъ рѣшительно осуждали убійство. Одновременно правительство обѣщало 10 тысячъ фунтовъ стерлинговъ за выдачу преступниковъ. Только въ началѣ 1883 г., благодаря предательству нѣкоторыхъ «Непобѣдимыхъ», было арестовано пятнадцать участниковъ организаціи, и на судѣ выяснились подробности заговора.

Организація «Непобѣдимыхъ» («Irish National Invincibles») возникла въ концѣ 1881 г., т.-е. въ ту пору, когда была насильственно прекращена дѣятельность Земельной Лиги. Задача «Непобѣдимыхъ» сводилась къ террористической борьбѣ противъ представителей англійской власти въ Ирландіи. Было рѣшено, напримѣръ, систематически «удалять» всѣхъ секретарей и товарищей секретарей по ирландскимъ дѣламъ. По даннымъ судебного слѣдствія въ организаціи было всего 30 человѣкъ. Одинъ изъ видныхъ участниковъ организаціи Тайнанъ, написавшій затѣмъ исто-

¹⁾ М. Davitt. Fall etc. 356 стр.

рію «Непобѣдимыхъ», утверждаетъ, что организація была гораздо болѣе многочисленна и имѣла отвѣтвенія не только въ Дублинѣ, но и въ другихъ городахъ Ирландіи ¹⁾. Такъ какъ задачи организаціи были въ сущности чрезвычайно узкими и крайне конспиративными, то не приходится черезчуръ довѣрять этому свидѣтельству. Организація несомнѣнно насчитывала своихъ членовъ только десятками и къ моменту «дѣла» въ Фениксъ-Паркѣ была лишь въ самомъ зачаточномъ состояніи. Если гдѣ-либо кромѣ Дублина и были какія-либо ячейки ея, то онѣ ничѣмъ себя не проявили.

Во главѣ «Непобѣдимыхъ» стоялъ «Исполнительный Совѣтъ», но фактическое руководство дѣломъ лежало на комитетѣ изъ трехъ лицъ. Въ числѣ этой тройки находился бывшій личный секретарь Парнелла—Бирнъ (Bryne), а нѣсколько позже Тайнанъ, носившій прозвище «Номера Перваго». Среди другихъ видныхъ «Непобѣдимыхъ» были бывшій феній, а потомъ членъ Зем. Лиги Шериданъ и бывшій дѣятель Земельной Лиги—Уолшъ (Walsh).

Зимой 1881—82 г. «Непобѣдимые» готовили покушеніе на Фостера. Первый разъ оно не удалось, благодаря ошибкѣ одного изъ участниковъ. Второй разъ террористы не стали стрѣлять, такъ какъ секретарь по дѣламъ Ирландіи ѣхалъ въ одной коляскѣ со своей женой. Подготовка третьяго покушенія была разстроена отставкой и отъѣздомъ Фостера. Тогда-то «Непобѣдимые» и соорганизовали «устраненіе» Бёрка. Послѣ убійства въ Фениксъ-Паркѣ отдѣльныя группы «Непобѣдимыхъ», по большей части совершенно несвязанныхъ между собой, организовали нѣсколько покушеній на членовъ ирландскаго суда.

Аресты 1883 г. разрушили организацію. Процессъ по дѣлу объ убійствѣ Бёрка и Кавендиша закончился смертнымъ приговоромъ для пяти человекъ. Данные обвиненія были цѣликомъ основаны на показаніяхъ «Непобѣдимыхъ», которые предпочли облегчить свою участь выдачей полиціи всѣхъ лицъ, кого они знали. Одинъ изъ предателей былъ вскорѣ послѣ суда убитъ.

1882 г. былъ отмѣченъ не только убійствомъ въ Фениксъ-Паркѣ, но и многочисленными террористическими актами во всей странѣ. За этотъ годъ число аграрныхъ преступленій было замѣтно больше, чѣмъ въ предыдущіе два года. Въ частности, удвоилось число убійствъ. Въ слѣдующіе годы террористическіе акты продолжались въ теченіе 1883—85 г.г. Были сдѣланы попытки взорвать парламентъ, Тоуэръ, одинъ изъ мостовъ въ Лондонѣ и нѣкото-

¹⁾ P. Tynan. The Irish National Invincibles. L. 1894. 434 и 487 ст. Всюду цитирую лондонское изданіе.

рыя другія зданія. Нѣсколько разъ полиція захватывала запасы динамита, а въ Бирмингамѣ была открыта цѣлая фабрика динамита.

Американскіе феніи играли главную роль въ пропагандѣ и организаціи террора. Иной разъ эти акты террора связывались съ именемъ «Непобѣдимыхъ». Это слово было въ сущности синонимомъ террориста, но отнюдь не означало, что въ теченіе всѣхъ этихъ лѣтъ существовала какая-то единая организація террористическаго характера. Правильнѣе будетъ сказать, что терроризмъ, какъ теченіе, имѣлъ своихъ адептовъ среди ирландцевъ, и различныя маленькія группы этихъ сторонниковъ крайней тактики дѣйствовали на свой страхъ и рискъ. Единого центра и общей организаціи не существовало.

Какъ всегда бываетъ, организація террористическихъ покушеній не обходилась безъ содѣйствія полицейской провокаціи. Такъ динамитный заговоръ 1883 г. въ Коркѣ, Ливерпулѣ и Лондонѣ былъ дѣломъ рукъ нѣкоего агента тайной полиціи Макъ Дермота, или «Краснаго Джима». Онъ былъ сперва членомъ «Революціоннаго Братства». Повидимому уже и тогда онъ началъ выдавать, но главную свою дѣятельность Джимъ развилъ въ эпоху террористическихъ покушеній. Вскорѣ послѣ террористическаго акта въ Фениксъ-Паркѣ, Джимъ появился въ Дублинѣ и сталъ организовывать покушеніе. Ему не удалось набрать сторонниковъ, и онъ перенесъ свою работу въ Лондонъ. Тамъ, видимо, при его ближайшемъ участіи, было произведено два взрыва зданій. Изъ Англіи Джимъ снова перебрался въ Ирландію, собралъ кружокъ революціонной молодежи, подбилъ совершить покушеніе, затѣмъ выдалъ всѣхъ полиціи и самъ исчезъ въ Америку. Среди этихъ дѣяній Джимъ успѣлъ посѣтить въ тюрьмѣ Дэвита. Здѣсь онъ велъ себя очень таинственно, многозначительно подмигивалъ, шепталъ что-то о «порученіи отъ ребятъ», хвалилъ террористовъ и т. д. Но Дэвитъ не изъявилъ никакихъ намѣреній вести съ нимъ разговоръ. Вскорѣ затѣмъ черезъ бывшаго агента стало извѣстно о предательствѣ Джима. Джима пытаются убить. Онъ удачно ускользаетъ и затѣмъ исчезаетъ съ горизонта. Другимъ организаторамъ боевыхъ дружинъ былъ, такъ называемый, «майоръ Іеллау» («Желтый»), тоже агентъ полиціи, и сыщики Браунъ, Хайсъ и другіе¹⁾.

До сихъ поръ остаются не вполне выясненными отношенія, существовавшія между Парнеллитами—вождями Земельной лиги и организаціей «Непобѣдимыхъ». Тайнанъ въ своей книгѣ совер-

¹⁾ М. Davitt. Fa etc. стр. 428, 430, 437, 439.

шенно категорически утверждает, что организация «Непобѣдимыхъ» была внутренней ячейкой мирной «Земельной Лиги»; что «Непобѣдимые» возникли по приказу «парнеллитскаго правительства»; что «верховный комитетъ» «парнеллитовъ» былъ въ то же время, за двумя исключеніями, и исполнительнымъ совѣтомъ «Непобѣдимыхъ»; что сейчасъ же послѣ подписанія «Кильмэнхенскаго договора» непобѣдимые получили инструкцію отъ вождей парнеллизма «продолжать активную политику», и «только послѣ событія въ Фениксъ-Паркѣ парнеллиты отдали приказъ пріостановить терроръ» ¹⁾. Совсѣмъ въ недавнее время аналогичное обвиненіе выставилъ одинъ изъ бывшихъ соратниковъ Парнелла О'Доннелъ. Онъ заявилъ, что казначей Земельной Лиги Эганъ далъ «Непобѣдимымъ» 5000 ф. ст. и содѣйствовалъ организациі террора въ цѣляхъ доказать англійскому правительству, что безъ Парнелла нельзя править страной. Онъ утверждалъ также, что самъ Парнеллъ точно зналъ о дѣятельности «Непобѣдимыхъ» и заговорѣ, закончившемся трагедіей въ Фениксъ-Паркѣ ²⁾.

Обвиненіе о близости между парнеллитами и террористами было въ теченіе всѣхъ 80 годовъ ходячимъ во всей консервативной прессѣ. Тоже повторялъ и Фостеръ въ своихъ публичныхъ рѣчахъ. Парламентская комиссія, разсматривавшая въ числѣ другихъ и это обвиненіе, рѣшительно оправдала Парнелла и Земельную Лигу отъ всякой близости къ «Непобѣдимымъ».

Надо думать, что самъ Парнеллъ былъ не при чемъ въ дѣлѣ Феникса-Парка. Его поведеніе, вслѣдъ за полученіемъ извѣстія объ убійствѣ, не оставляетъ никакого сомнѣнія въ этомъ. Совершенно очевидно, что если террористическое покушеніе могло быть на пользу Парнеллу до договора съ правительствомъ, то послѣ него терроръ только подрывалъ положеніе и авторитетъ ирландскаго вождя. Утвержденія О'Доннеля о томъ, что всѣ мостки между Парнелломъ и «Непобѣдимыми» были искусно уничтожены, и что въ дѣйствительности на ирландскаго лидера падаетъ отвѣтственность за убійство ирландскихъ секретарей, основаны, главнымъ образомъ, на показаніи отца одного изъ казненныхъ террористовъ, которое не можетъ быть признано заслуживающимъ довѣрія. Маловѣроятнымъ представляется и отоже-

¹⁾ Tynan. op. cit. стр. 427—29, 470, 486 и т. д. Онъ заявляетъ также, что феніи, какъ организация, не принимали никакого участія въ сообществѣ «Непобѣдимыхъ», хотя отдѣльные члены Ирландскаго Революціоннаго Братства и вошли въ него. 432 стр.

²⁾ F. H. O'Donnel. A history of the Irish Parliamentary Party. L. 1910. т. I и II, см. 2 т., 273, 277, 269, 131, 268. Книжка даетъ гораздо меньше, чѣмъ обѣщаетъ ея претенціозное заглавіе. Это не исторія партіи, а не болѣе, какъ довольно пристрастные воспоминанія объ эпохѣ 1870—80 годовъ.

ствленіе исполнительнаго комитета «Непобѣдимыхъ» съ центральнымъ правленіемъ партіи Парнелла. Кромѣ заявленій, дѣлаемыхъ Тайнаномъ, въ пользу этого утвержденія нѣтъ доказательствъ. Самое тщательное разслѣдованіе, произведенное врагами Парнелла, не могло найти ничего подходящаго для обвиненія, между тѣмъ какъ, благодаря широкому предательству въ рядахъ «Непобѣдимыхъ» и понятной неконспиративности боевой организации, руководимой группой видныхъ общественныхъ дѣятелей, свѣдѣнія объ этомъ тождествѣ подпольной и легальной организации непременно должны были всплыть наружу.

Мнѣ думается, что гораздо болѣе вѣроятнымъ является другое предположеніе. О существованіи «Непобѣдимыхъ» и задачахъ ихъ дѣятельности вожди Лиги были освѣдомлены. «Сообщество террористовъ» большинству вождей Лиги должно было казаться организаціей, льющей воду на колеса ихъ мельницы: разъ запрещеніе Лиги и аресты парламентаріевъ приводятъ только къ террору, англійское правительство можетъ прійти къ выводу о необходимости не чинить препятствій Лигѣ. Парнеллъ, незадолго передъ арестомъ, точно предсказывалъ дѣятельность «Непобѣдимыхъ», когда онъ говорилъ: «если меня арестуютъ, мое мѣсто займетъ «капитанъ Лунный Свѣтъ». Большинство Лиги вѣроятно, такъ сказать, сквозь пальцы глядѣло на «непобѣдимыхъ». Но несомнѣнно, что кое-кто изъ руководителей Лиги могъ и активно помогать «непобѣдимымъ», опять-таки въ тѣхъ же цѣляхъ расчистки поля для Земельной Лиги и парламентскаго движенія. Обвиненіе такого рода, выдвинутое противъ Эгана, одного изъ самыхъ крайнихъ по взглядамъ члена Земельной Лиги, представляется весьма правдоподобнымъ. Недаромъ въ своихъ переговорахъ съ Гладстономъ Парнеллъ заявилъ, что Эганъ будетъ замѣненъ другимъ лицомъ, и всѣ денежныя поступленія будутъ итти помимо Эгана. Надо думать, такимъ образомъ, что парнеллиты, какъ цѣлое (до весны 1882 г.), относились къ «Непобѣдимымъ» съ извѣстнаго рода безразличнымъ попустительствомъ, но отдѣльные лидеры Земельной Лиги, вѣроятно, за свой страхъ и рискъ, даже помогали террористамъ и поощряли ихъ дѣятельность.

14. Національная лига.

Вслѣдъ за убійствомъ Кавендиша и Бѣрка министерство Гладстона, несмотря на энергичное сопротивленіе ирландцевъ, ввело новыя исключительныя мѣры въ Ирландіи. Однако Гладстонъ не прекращалъ переговоровъ съ Парнелломъ, которые велись теперь черезъ Кэтринъ О'Ши, объ очередныхъ реформахъ въ Ирландіи.

Лѣтомъ 1882 г. прошелъ законъ о недоимкахъ, составленный согласно схемѣ, санкціонированной Парнелломъ еще въ Кильмэнхемской тюрьмѣ. Онъ касался мелкихъ арендъ (до 30 ф. ст. въ годъ) и частью снималъ недоимки, частью облегчалъ ихъ выплату. Этотъ актъ занимаетъ одно изъ самыхъ скромныхъ и незамѣтныхъ мѣстъ среди аграрнаго законодательства Ирландіи. Ради него одного не было смысла отказываться отъ завоеваній Земельной Лиги. Но Парнелль не собирался ограничиться только имъ однимъ. Онъ мечталъ путемъ дальнѣйшихъ закулисныхъ переговоровъ съ англійскими дѣятелями добиться и другихъ законовъ, вплоть до гомруля.

Весь 1882 г. проходитъ въ непрекращающихся переговорахъ Парнелла съ Гладстономъ. Такъ, наприимѣръ, въ іюнѣ Парнелль черезъ О'Ши передаетъ премьеру меморандумъ, въ которомъ выражаетъ надежду, что «примѣненіе «Coercion Act» будетъ настолько умѣреннымъ, что дастъ ему возможность сотрудничать съ Гладстономъ въ парламентѣ и въ англійскихъ избирательныхъ опытахъ и довести до конца земельное законодательство и другія мѣры». Тутъ же Парнелль отмѣчаетъ, «что безъ его подписки никакія суммы не выдаются изъ Фонда Лиги» ¹⁾.

Вслѣдъ за этимъ письмомъ произошла сцена обструкціи ирландцевъ, во время которой 25 депутатовъ были изгнаны изъ палаты. Черезъ нѣсколько дней послѣ этой дурной сцены Парнелль пишетъ Гладстону, что «онъ сдѣлаетъ все возможное, чтобы предотвратить обструкцію правительственнымъ мѣропріятіямъ». Онъ совѣтуетъ осторожно примѣнять «Coercion Act» и угрожаетъ, что иначе «партія, склонная къ насиліямъ, можетъ возобновить свои операціи въ широкомъ масштабѣ, и трудно будетъ помѣшать имъ». «Лица, сдѣлавшія такъ много для успокоенія Ирландіи, добавляетъ Парнелль, заслуживаютъ признательности» ²⁾. Хотя правительство, на ряду съ маловажнымъ земельнымъ актомъ, провело «Coercion Act» и тѣмъ уже нарушило условіе Кильмэнхемскаго договора, Парнелль продолжалъ твердо держать свое слово и энергично бороться во имя прекращенія всякаго массоваго движенія въ Ирландіи и разрушенія всѣхъ революціонныхъ организацій (въ частности Женской Земельной Лиги).

Раньше, чтобы поднять низы и получить въ массахъ опору парламентскому дѣйствію, Парнелль выдвинулъ лозунгъ «земля». Теперь, чтобы прекратить движеніе, онъ въ сущности отказывается отъ этого требованія и на первый планъ ставитъ—чисто политическую программу. Парнелль увидалъ, что легко двинуть

¹⁾ О'Ши, II т., 1—2 стр.

²⁾ Тамъ же, стр. 7 и 9.

Ахеронтъ, но трудно имъ управлять. Массовое движеніе, оказалось, имѣетъ свою логику развитія, и «низы» легко становятся господами положенія вопреки желаніямъ лидеровъ. Масса стала чрезчуръ опасной для глубоко консервативнаго по духу Парнелла. Передъ его глазами стояла уже не радужная перспектива ирландскаго парламента, а невѣдомыя возможности соціального переворота. И Парнеллъ повернулъ вправо.

Неудивительно, что новая тактика сейчасъ же вызвала конфликтъ ирландскаго лидера съ тѣми дѣятелями Лиги, для которыхъ теорія массоваго движенія была символомъ вѣры, прежде всего съ Дэвитомъ. Дэвиль предложилъ продолжать земельную агитацію въ еще болѣе широкихъ размѣрахъ и призывать къ націонализациі земли. (Дэвиль былъ другомъ и ученикомъ Генри Джорджа). Вліятельнѣйшая газета движенія «Irish World» была на его сторонѣ. За прежнюю тактику стоялъ и другой видный лидеръ—Диллонъ. Парнеллу, съ его исключительнымъ умѣньемъ управлять людьми и улаживать конфликты, удалось избѣжать раскола и сохранить за собой неоспоримое первенство въ партіи. Дэвиль согласился не настаивать на своихъ взглядахъ. Побѣда Парнелла была наглядно подтверждена образованіемъ «Национальной Лиги» (октябрь 1882 г.).

Хотя для многихъ новая лига представлялась лишь инымъ заголовкомъ для прежняго аграрнаго движенія, сущность и задачи «Национальной Лиги» были совершенно иного характера. Земельная Лига, прежде всего, хотѣла организовать массы вокругъ аграрныхъ требованій и путемъ соціальной борьбы на мѣстахъ помочь политическимъ задачамъ движенія и ирландскимъ парламентаріямъ. Национальная Лига хотѣла прекратить массовое движеніе и чисто политическими требованіями замѣнить прежніе революціонные лозунги Земельной Лиги. Правда, программа новой Лиги упоминала и о земельной реформѣ, о мѣстномъ самоуправленіи и т. д., но первое исключительное мѣсто она отводила гомрулю. Земельная программа провозглашала принципъ крестьянской земельной собственности и проектировала ссуду государства на выкупъ земли, погашаемую въ теченіе шестидесяти трехъ лѣтъ. Интереснымъ новшествомъ было добавленіе, касавшееся улучшенія участи сельскихъ рабочихъ.

Для содѣйствія промышленности Ирландіи было рѣшено образовать особый «промышленный комитетъ» изъ фабрикантовъ, торговцевъ, ремесленниковъ и фермеровъ. Комитетъ долженъ былъ содѣйствовать потребленію и продажѣ продуктовъ ирландской индустріи, устраивать выставки ирландской промышленности и т. д. Лига очевидно хотѣла опереться теперь на городскіе и

на пролетарскіе слои, которымъ чисто политическіе лозунги были существенно ближе, чѣмъ земельныя требованія ¹⁾).

Парнелль формулировалъ задачи Лиги въ краткой рѣчи: «Покуда мы не добьемся права издавать для себя законы, до тѣхъ поръ мы не будемъ имѣть ни малѣйшей надежды на то, чтобы законы Ирландіи соответствовали желаніямъ народа. Первая обязанность и первая задача нашихъ соотечественниковъ—добиваться права издавать законы для Ирландіи... Что касается земельного вопроса, то онъ окончательно разрѣшится только тогда, когда фермеры получатъ возможность путемъ покупки земли превратиться въ земельныхъ собственниковъ».

Парнелль и Національная Лига рѣшительно принялись за умиротвореніе страны. Именно въ эту пору Парнелль, всего годъ назадъ выступавшій на митингахъ, гдѣ требовалось изгнаніе изъ Ирландіи лэндлордовъ—этого «англійскаго гарнизона», заявилъ, что послѣ введенія гомруля «онъ будетъ совѣтовать лэндлордамъ спокойно жить среди своихъ, предоставитъ имъ право участія въ парламентѣ и сдѣлаетъ ихъ счастливыми».

Вслѣдъ за созданіемъ Національной Лиги и образованіемъ аналогичной организаціи въ Америкѣ, въ дѣятельности Парнелла наступаетъ затишье. До самаго 1885 г. онъ сранительно рѣдко выступаетъ на митингахъ и ничѣмъ не ознаменовываетъ себя въ парламентѣ. Въ эти же годы довольно вяло проявляютъ себя и ирландцы въ палатѣ и сама Національная Лига въ Ирландіи. Массовое движеніе дѣйствительно замираетъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ замѣтно ослабляется и интересъ къ ирландскому вопросу.

Въ парламентѣ наиболѣе яркимъ выступленіемъ Парнелла за эти годы является словесная дуэль съ Фостеромъ. Бывшій секретарь по ирландскимъ дѣламъ произнесъ гнѣвную рѣчь, въ которой опредѣленно связалъ имя Парнелла и Земельной Лиги съ аграрнымъ терроромъ. Онъ утверждалъ, что Парнелль являлся главнымъ виновникомъ политическихъ и аграрныхъ убійствъ, имѣвшихъ мѣсто въ Ирландіи. Всѣ ожидали, что Парнелль постарается немедля опровергнуть обвиненіе. Онъ согласился выступить только подъ давленіемъ своихъ сочленовъ по партіи и лишь въ слѣдующемъ засѣданіи. Отвѣтъ Парнелла былъ очень характеренъ. Съ ледянымъ спокойствіемъ и съ гордымъ сознаніемъ своего превосходства и силы ирландскій лидеръ заявилъ, что онъ абсолютно не интересуется ни англійскимъ общественнымъ мнѣніемъ, ни упреками, которые ему дѣлаются съ англійскихъ скамей. Для него важно лишь мнѣніе Ирландіи. Ирландія вѣритъ ему и

¹⁾ Программа приведена, на примѣръ, у Дэвита, 375—377 стр.

поддерживаетъ его—больше ему ничего не надо. Онъ отвѣтствененъ въ своихъ поступкахъ только передъ одною Ирландіею ¹⁾. Эта система защиты вызвала бурю негодованія въ Англіи и энтузіазмъ въ Ирландіи. Въ этомъ поступкѣ ирландцы узнали Парнелла былыхъ временъ, Парнелла относившагося съ непримиримымъ презрѣніемъ и ненавистью ко всему англійскому.

Популярность Парнелла продолжала оставаться совершенно исключительной. Когда его сторонники узнали, что денежные дѣла Парнелла нѣсколько запутаны, и онъ былъ вынужденъ заложить имѣніе за 13 тысячъ фунтовъ ст., была организована подписка, которая въ нѣсколько мѣсяцевъ дала почти 40 тысячъ фунтовъ стерлинговъ. Когда чекъ на эту сумму былъ врученъ Парнеллу—онъ принялъ даръ Ирландіи, какъ должное. Онъ не произнесъ ни единого слова благодарности. Въ своей рѣчи, произнесенной сейчасъ же послѣ полученія подарка, онъ даже не заикнулся о немъ.

15. Первый билль о Гомруль.

Въ началѣ 1883 г. Дэвиль предложилъ Парнеллу перейти къ новой тактикѣ. Дэвиль проектировалъ временно отказаться отъ чисто ирландскихъ вопросовъ и выставить общедемократическую программу, которая могла бы объединить съ ирландцами всѣ другія оппозиціонныя силы Британской имперіи и, въ частности, англійскихъ рабочихъ. Ирландцы, по проекту Дэвита, должны теперь начать борьбу за общее расширеніе избирательныхъ правъ англійскихъ подданныхъ (дѣло было какъ разъ наканунѣ избирательной реформы 1884 г.); внести земельные билли, облегчающіе положеніе англійскихъ фермеровъ и особый земельный налогъ, подрывающій силу лэндлордовъ Англіи; внести билль о страхованіи шахтеровъ отъ несчастныхъ случаевъ (особенно важный для Уэльса); позаботиться объ улучшеніи положенія сельскихъ рабочихъ и перемѣнѣ системы общественного призрѣнія; бороться за проектъ закона объ отдѣленіи церкви отъ государства и уничтоженіе церковной десятины; внести проектъ мѣстнаго самоуправления и ограниченіе власти палаты лордовъ и т. д. Кромѣ того, Дэвиль предлагаетъ уступить одно ирландское мѣсто въ парламентъ видному индусу, чтобы дать возможность угнетенной Индіи сказать свое слово въ парламентѣ. Однимъ словомъ, Дэвиль проектировалъ объединеніе демократіи Британской имперіи подъ лозунгомъ борьбы съ привилегированными классами. ²⁾.

¹⁾ Hansard. CC.LXXVI 716—725; рѣчь Фостера 607 и слѣд.

²⁾ Davitt-Fall etc. стр. 444—445, F. Sheehy-Skeffington. M. Davitt. стр. 134 и слѣд.

Этотъ проектъ былъ исполнѣ въ духѣ интернаціоналиста и демократа Дэвита, для котораго соціальная проблемма была не теоретическимъ вопросомъ, а итогомъ тяжелаго жизненнаго опыта. Но Парнелль былъ, во-первыхъ, ирландскій націоналистъ прежде всего, а во-вторыхъ, не былъ ни демократомъ ни человѣкомъ, сочувствующимъ широкимъ социальнымъ преобразованіямъ или рѣзкимъ переменамъ существующаго строя. Парнелль заявилъ Дэвиту, что его планъ имѣетъ свои положительныя стороны, и въ то же время очень деликатно и умно, но совершенно рѣшительно уклонился отъ предлагаемой новой тактики. Парнелль въ эту пору стоялъ исполнѣ опредѣленно за свою новую систему парламентскихъ соглашеній и тайныхъ совѣщаній.

До середины 1885 г. новая тактика ирландскаго лидера не принесла никакихъ замѣтныхъ результатовъ. Правда, нѣкоторые члены либеральнаго министерства выдвигали порой (преимущественно въ частныхъ бесѣдахъ) тотъ или иной проектъ ирландскаго самоуправленія. (Чемберленъ, напримѣръ, хотѣлъ создать вмѣсто ирландскаго парламента скромную систему мѣстнаго самоуправленія), но дѣло не шло ни на шагъ дальше однихъ разговоровъ и обѣщаній. Въ началѣ 1884 г. Парнелль передалъ Гладстону свой проектъ билля о гомрулѣ, но онъ не получилъ никакого движенія. Тѣмъ временемъ Ирландія продолжала управляться при помощи исключительныхъ положеній. Національная Лига стояла въ тупикѣ. Настроеніе Зеленаго Острова было озлобленнымъ, но выжидающимъ.

Весной 1885 г. Гладстонъ заявилъ, что актъ о чрезвычайномъ положеніи («Crimes. Act») будетъ возобновленъ. За нѣсколько дней до внесенія его въ палату, во время одного изъ финансовыхъ голосованій, ирландцы отдали свои голоса оппозиціи, и либеральное министерство было свергнуто при апплодисментахъ тори и крикахъ съ ирландскихъ скамей: «Запомните усиленную охрану»! Немедленно образовавшійся консервативный кабинетъ съ Сольсбери во главѣ получилъ власть благодаря ирландцамъ и, естественно, долженъ былъ считаться съ ихъ желаніями. Новое министерство прежде всего заявило о томъ, что оно будетъ управлять Ирландіей на основаніи общихъ законовъ. Почти тотчасъ же тори провели черезъ обѣ палаты, такъ называемый, «Актъ лорда Ашборна», который впервые выдвинулъ принципъ выкупа ирландскихъ земель на счетъ государства и превращеніе фермеровъ въ крестьянъ. Правительство ассигновало на выкупъ 5 милліоновъ фунтовъ ст. Выкупъ долженъ былъ производиться по добровольному соглашенію, и ссуда погашаться въ теченіе 49 лѣтъ.

Лѣтомъ же 1885 г. консерваторы начали переговоры съ Парнелломъ относительно возможнаго билля о гомрулѣ. Переговоры велъ лордъ Карнарвонъ, секретарь по ирландскимъ дѣламъ и создатель Канадскаго самоуправленія. Было широко извѣстно о сочувствіи лорда Карнарвона идеѣ дарованія самоуправленія отдѣльнымъ частямъ Британской имперіи. Лордъ Карнарвонъ несомнѣнно выступалъ съ вѣдома и санкции премьера-министра Сольсбери и, хотя онъ заявилъ, будто онъ говорилъ лишь отъ своего лица, но оффиціальный характеръ миссіи былъ совершенно ясенъ и для Парнелла и для всѣхъ другихъ. Въ этомъ разговорѣ, происходившемъ съ глазу на глазъ, Парнеллъ развилъ свои взгляды относительно основъ ирландской конституціи—отдѣльный парламентъ, право таможенными пошлинами защищать ирландскую индустрію и т. д. Лордъ Карнарвонъ выразилъ сочувствіе плану Парнелла, но изъ этихъ переговоровъ ничего не вышло—большинство торійскаго кабинета не собиралось предпринимать никакихъ мѣръ для широкихъ политическихъ преобразованій въ Ирландіи. Почти одновременно съ этими переговорами либералы тоже стали проявлять интересъ къ ирландцамъ и къ переданному имъ больше года назадъ, и почти забытому, проекту Парнелла о гомрулѣ. Они просятъ теперь у Парнелла новыхъ деталей. ¹⁾

Тѣмъ временемъ приближается пора новыхъ выборовъ, въ которыхъ согласно новому закону, должны принять участіе около 2 милліоновъ новыхъ избирателей—квартиронанимателей. Передъ всѣми партіями стоитъ трудно разрѣшимый вопросъ, на чью сторону станутъ новые избиратели, и всѣмъ хочется привлечь на свою сторону ирландцевъ. Парнеллъ ведетъ торгъ сразу съ обѣими партіями, но въ послѣднюю минуту даетъ лозунгъ бороться на выборахъ противъ либераловъ. Въ результатѣ выборовъ либералы получили 335 мѣстъ, тори 249, парнеллиты 86. Тори не имѣли большинства даже при поддержкѣ ирландцевъ, но и либералы не могли править страной безъ ирландскихъ голосовъ.

Какъ только собрался парламентъ, консервативное министерство объявило о своихъ намѣреніяхъ закрыть «Національную Лигу». Всѣ разговоры консерваторовъ о гомрулѣ сразу прекратились. Черезъ двѣ съ небольшимъ недѣли послѣ открытія новаго парламента консерваторы были свергнуты голосами либераловъ и ирландцевъ. Премьерство снова оказалось въ рукахъ Гладстона. Теперь передъ нимъ лежала опредѣленная дорога: крѣпкій союзъ съ партіей Парнелла. Только этотъ союзъ могъ удержать

¹⁾ О'Ши, II т., 23—25 стр.

министерство у власти. Цѣна ирландской поддержки была извѣстна—билль о гомрулѣ и земельное законодательство.

Парнелль становится какъ бы неоффициальнымъ членомъ кабинета. Проекты обоихъ главнѣйшихъ ирландскихъ биллей, который вноситъ либеральное министерство, проходятъ черезъ его руки. Посланцы съ Даунингъ-стритъ (квартира премьера) то и дѣло появляются въ квартирѣ О'Ши, гдѣ живетъ Парнелль. Билль о гомрулѣ вносится правительствомъ только послѣ полученія отъ Парнелла условной телеграфной санкціи: «да» ¹⁾.

Билль о гомрулѣ проектировалъ учрежденіе ирландскаго парламента съ особымъ министерствомъ. Изъ компетенціи новаго парламента исключались вопросы, связанные съ прерогативами короны, вопросы внѣшной политики, заботы о войскѣ и флотѣ и другихъ мѣрахъ обороны страны, почтовое дѣло, чеканка монеты, таможенные сборы и акцизы, религіозные вопросы и пр. При этомъ ирландцы совершенно исключались изъ общаго парламента Англіи.

Черезъ недѣлю послѣ внесенія этого билля Гладстонъ внесъ и земельный билль, который долженъ былъ создать въ Ирландіи крестьянскую собственность. Билль повторялъ лозунги Національной Лиги: правительство давало фермерамъ ссуды на выкупъ въ размѣрѣ 50 милл. фунтовъ ст. и предоставляло покрыть ссуду въ теченіе 49 лѣтъ. Продажная цѣна земли должна была равняться двадцатикратной арендѣ. Оба билля были тѣсно связаны между собою, и это обстоятельство погубило ихъ обоихъ. Земельный билль былъ тѣмъ ядромъ, прикрѣпленнымъ къ гомрулю, которое увлекло законопроектъ объ ирландскомъ парламентѣ въ пучину забвенія на многіе годы.

Проектъ гомруля вызвалъ расколъ въ кабинетѣ и уходъ Чемберлена, Коллинса и другихъ. Желаніе провалить проектъ о земельномъ выкупѣ заставило голосовать противъ гомруля даже тѣхъ, кто принялъ бы проектъ, если бы онъ не былъ связанъ съ земельной реформой. Билль о реформѣ былъ отвергнутъ во второмъ чтеніи большинствомъ 343 противъ 313: большинство получилось благодаря отколу части либеральной партіи отъ Гладстона. Парламентъ былъ немедленно распущенъ, но новые выборы только подтвердили фактъ разгрома либераловъ. Тори получили 316 мѣстъ, либералы-уніонисты (т.-е. сторонники сохраненія уніи въ Ирландіи) 78, либералы 191, ирландцы гомрулеры 85. У консерваторовъ было сильное большинство въ 118 голосовъ.

Послѣ этого пораженія, въ дѣятельности Парнелла снова

¹⁾ О'Ши, II т., 36 стр.

наступаетъ довольно длительный періодъ затишья, объясняемый отчасти и плохимъ состояніемъ его всегда некрѣпкаго здоровья. Ирландское движеніе было тоже малоактивно. Только знаменитый «Планъ кампаніи», возникшій въ декабрѣ 1886 г., нѣсколько приподнялъ интересъ къ массовымъ дѣйствіямъ.

Авторами новаго плана борьбы были Харрингтонъ, Вильямъ О'Брайенъ, Диллонъ и нѣкоторые другіе. Суть его состояла въ слѣдующемъ: фермеры предлагаютъ платить лэндлордамъ «справедливую» (т.-е. пониженную) аренду. Если лэндлордъ отказывается, аренда передается въ специально созданные комитеты, которые и ведутъ всѣ дальнѣйшіе переговоры съ владѣльцемъ земли. Въ тѣхъ случаяхъ, когда лэндлордъ упорствуетъ, поступившая въ комитетъ аренда расходуется на нужды движенія, на поддержку выселяемыхъ и т. д. ¹⁾ Новая тактика была сразу примѣнена въ 80 помѣстьяхъ, и 60 лэндлордовъ уступили и уменьшили аренду на 25%. Первый успѣхъ окрылилъ сторонниковъ новой тактики. Движеніе стало быстро распространяться по странѣ.

Парнеллъ сперва не сдѣлалъ никакихъ публичныхъ возраженій противъ попытокъ возродить аграрное движеніе, но затѣмъ выступилъ съ рѣзкимъ осужденіемъ его. Правительство ввело новые законы объ усиленной охранѣ и закрыло Національную Лигу. Митинги стали разгоняться полиціей. Произошло нѣсколько кровавыхъ столкновеній съ войсками. Движеніе, начатое создателями «плана кампаніи», однако продолжалось и въ той или иной формѣ дотянулось до начала 90-хъ годовъ. По словамъ Диллона, къ 1893 г. общій приходъ организаціи равнялся 234 тысячамъ ф. ст. Изъ нихъ 127 тысячъ фунтовъ было истрачено на поддержку арендаторовъ, 11 тысячъ на судебныя издержки и 56 тысячъ на постройку и ремонтъ домовъ для выселяемыхъ и т. д. Уплата аренды въ боевой фондъ дала 42 тысячи ф. ст. ²⁾

16. Кампанія противъ Парнелла.

Торійское министерство продолжало по отношенію къ Ирландіи политику, которую ядовито окрестили «kicks and halfpenny», («затрещины и полпенса»): оно энергично примѣняло полицейскія мѣры, сопровождало акты объ усиленной охранѣ скромными аграрными законопроектami.

Одновременно въ консервативной печати открылся походъ противъ Парнелла, имѣвшій цѣлью доказать, что ирландскій

¹⁾ В. О'Brien. Life etc. 416; Davitt. Fall etc. 516—517.

²⁾ Davitt. Oph. cit. 529.

лидеръ, несмотря на свои завѣренія, тѣсно связанъ съ террористическимъ движеніемъ Ирландіи. Главная кампанія велась въ газетѣ «Times». Первые статьи съ прямыми обвиненіями такого рода появлялись еще весной 1886 г., когда консерваторамъ требовалось опозорить гладстоновскую затѣю гомруля. Черезъ годъ, съ марта 1887 г., газета открыла еще болѣе энергичную полемику и начала систематически печатать обвиненія противъ Парнелла и его партіи подъ кричащимъ заголовкомъ: «Парнеллизмъ и преступленія». Наконецъ, въ серединѣ апрѣля газета опубликовала факсимиле письма Парнелла, въ которомъ ирландскій лидеръ говорилъ, что, несмотря на высказанное имъ открыто порицаніе убійству въ Фениксъ-паркѣ, онъ находилъ, что «Бёркъ получилъ по заслугамъ».

Письмо произвело переполохъ въ рядахъ ирландцевъ и либераловъ. Въ тотъ же день Парнеллъ далъ свои объясненія въ палатѣ общинъ. Онъ заявилъ, что письмо подложно и обратилъ вниманіе на нѣкоторыя мелкія особенности письма, доказывающія подложность.

Объясненія Парнелла были встрѣчены скептически въ лагерѣ враговъ и не удовлетворили либераловъ. «Times» продолжалъ печатать свои обвинительныя статьи противъ Земельной Лиги и ея дѣятелей. Друзья Парнелла побуждали его возбудить процессъ противъ газеты, но онъ медлилъ. Въ концѣ-концовъ одинъ изъ членовъ ирландской партіи О' Доннелъ, сочтя себя задѣтымъ обвиненіями консервативнаго органа, поднялъ судебное дѣло. Представитель «Times'а» заявилъ на судѣ, что обвиненія не касаются О' Доннеля, но имѣютъ въ виду Парнелла и его сторонниковъ. Въ рѣчи, продолжавшейся нѣсколько дней, адвокатъ, выступавшій отъ газеты, пространно повторилъ передъ судомъ всѣ доводы, какіе приводилъ «Times» въ своихъ статьяхъ противъ парнеллизма.

Тогда Парнеллу уже ничего не осталось, какъ потребовать судебного разбирательства. Онъ потребовалъ въ парламентѣ назначенія специальной судебной комиссіи для разбора дѣла о подложномъ письмѣ. Парламентъ избралъ комиссію, но далъ ей гораздо большія полномочія, а именно разборъ всѣхъ обвиненій Times'а, направленныхъ противъ ирландскихъ депутатовъ и вождей Земельной Лиги.

Въ сентябрѣ 1888 г. въ зданіи Верховнаго суда (на Стрэндѣ, въ Лондонѣ) началось это необыкновенное судебное разбирательство, продолжавшееся цѣлый годъ. Комиссія имѣла 128 засѣданій, допросила 450 свидѣтелей, задала подсудимымъ и свидѣтелямъ свыше 100 тысячъ вопросовъ. Рѣчь генеральнаго атторнея,

представлявшего «Times», продолжалась 12 дней. Защитительная рѣчь Дэвита заняла пять полныхъ судебныхъ засѣданій. Стенографическій отчетъ, дающій богатѣйшій матеріалъ по исторіи ирландскаго движенія 70 и 80 годовъ, занимаетъ 12 большихъ томовъ.¹⁾

Въ качествѣ обвиняемыхъ комиссіей было привлечено 65 человекъ, главнымъ образомъ, членовъ парламента. Всѣ виднѣйшіе дѣятели парнеллизма и Земельной Лиги были тутъ. Въ вину имъ ставилось образованіе преступнаго общества (conspiracy), имѣвшемъ цѣлью созданіе независимой Ирландіи, призывъ не платить аренду и бороться съ лэндлордами, подстрекательство къ убійствамъ и другимъ преступленіямъ, распространеніе изданій, призывающихъ къ террору, оказаніе помощи преступникамъ и ихъ семьямъ и. т. д.²⁾ Судебное разбирательство, привлекающее къ себѣ исключительный интересъ не только въ Англіи, но и во всемъ мірѣ, шагъ за шагомъ разбирало эти обвиненія, и съ каждымъ днемъ положеніе ирландцевъ становилось тверже и увѣреннѣе.

Обѣ стороны боролись съ исключительной энергіей. Защитой ирландцевъ руководилъ сэръ Чарльсъ Расселъ (Russel³⁾). Большая работа выпала и на долю Дэвита, который особенно много работалъ внѣ суда въ поискахъ нужныхъ свидѣтелей и документовъ. Самъ Парнеллъ весьма рѣдко появлялся въ судѣ и болѣе или менѣе интересовался дѣломъ лишь до обнаруженія факта поддѣлки пресловутыхъ писемъ, напечатанныхъ въ Times'ѣ. Со стороны газеты выступали, главнымъ образомъ, чины полиціи и безчисленные предатели и провокаторы, въ томъ числѣ майоръ Ле-Каронъ, проработавшій среди американскихъ феніевъ свыше двухъ десятковъ лѣтъ и почти все время находившійся на службѣ полиціи. Только его выступленіе въ парнеллевской комиссіи разоблачило его двойственную роль⁴⁾.

Защитники Парнелла и другіе получали отъ сочувствующихъ всевозможные документы и сообщенія инойразъ отъ самыхъ неожиданныхъ сотрудниковъ, въ родѣ правительственныхъ чиновниковъ и бывшихъ агентовъ полиціи. По словамъ Дэвита «къ услугамъ ирландцевъ скоро было организовано очень хорошо дѣйствующее сыскное бюро (Intelligence Department) со своимъ штатомъ аген-

¹⁾ См. неоднократно мной цитированное изданіе Special Commission 1888. Report of the Shorthand notes, vol. 1—12, а также отчетъ комиссіи: Report of the Special Commission 1880. L. 1890.

²⁾ Report стр. 3 и сл.

³⁾ Среди его помощниковъ былъ и теперешній премьеръ Асквиль.

⁴⁾ Книжка Le Caron'a, Twenty five years in secret service. L. 1894. мало даетъ матеріала о собственно ирландскомъ движеніи. Въ общемъ, эти признанія ближе къ истинѣ, чѣмъ многія аналогичныя воспоминанія.

товъ, частныхъ сыщиковъ и хорошо освѣдомленныхъ корреспондентовъ»¹⁾. Эта организація слѣдила за свидѣтелями обвиненія, переманивала къ себѣ частныхъ агентовъ, работавшихъ для Times'a, перелавливала разные секреты и т. п.

Процессъ достигъ кульминаціоннаго интереса, когда дѣло дошло до писемъ, опубликованныхъ газетой и приписываемыхъ ею Парнеллу и казначею Земельной Лиги Эгану. Защитѣ, благодаря нѣкоторымъ ошибкамъ въ правописаніи и другимъ подробностямъ, удалось сперва догадаться, а потомъ и доказать, что авторомъ писемъ является нѣкій журналистъ Пиготтъ (Pigott), который выступалъ въ дѣлѣ свидѣтелемъ. Блестящимъ перекрестнымъ допросомъ Расселъ приперъ Пиготта къ стѣнѣ. Оставалось добавить два-три штриха, чтобы разрушить всю легенду о письмахъ, но въ ближайшее засѣданіе суда Пиготтъ не явился. Былъ отданъ приказъ объ его арестѣ, но онъ засталъ свидѣтеля уже въ Мадридѣ. Увидавъ полицію, Пиготтъ застрѣлился. Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Лондона онъ сдѣлалъ однако чистосердечное признаніе о подлогѣ. Главный пунктъ обвиненія рухнулъ, и закулисная интрига Times'a предстала во всемъ своемъ некрасивомъ свѣтѣ.

Много лѣтъ Пиготтъ былъ журналистомъ въ Ирландіи. Это былъ человекъ не безъ способностей, но морально крайне неустойчивый. То онъ бранилъ Парнелла за умѣренность, то бралъ деньги изъ частныхъ средствъ Фостера и расхваливалъ дѣятельность англійскаго правительства въ Ирландіи. Около 1885 г. въ Ирландіи возникла «Ирландская лойяльная и патріотическая лига», имѣвшая своей главной задачей борьбу противъ Парнелла и аграрнаго движенія. Лига стремилась срывать бойкотъ, противодействовать аграрной агитаціи и т. д. Ея заправилы находились въ тѣснѣйшей близости съ партіей тори. Когда лигѣ потребовалось издать памфлетъ противъ ирландскаго движенія, она обратилась къ услугамъ Пиготта. Но появившаяся обличительная брошюра, хотя и заключала въ себѣ весьма серьезныя обвиненія противъ ирландскихъ дѣятелей, не давала достаточно серьезныхъ уликъ. Лига хотѣла документовъ. Пиготту были даны средства и назначены суточные для новой работы—отысканія уличающихъ документовъ. Пиготтъ поѣхалъ въ Америку и Парижъ, якобы за поисками. Во Франціи онъ поддѣлалъ 11 писемъ и продалъ ихъ за 600 фун. ст. Лига перепродала эти документы за 2530 фун. ст. газетѣ Times ²⁾. Руководители газеты не могли не знать, что

¹⁾ Davitt. Fall etc. 549.

²⁾ Всего газета заплатила секретарю Лигѣ, главному заправилѣ дѣла, до 30 тыс. фун. ст.

письма весьма сомнительной подлинности, было достаточно известно, что они исходили отъ лица болѣе чѣмъ подозрительной нравственности. Но консерваторамъ нужно было имѣть какой-нибудь козырь,—и они даже не пытались провѣрить подлинности писемъ. За всей этой махинаціей стояли не только дѣятели Лиги и руководители самой видной консервативной газеты, но и нѣкоторые отвѣтственные вожди партіи тори. Задачи судебной комиссіи имѣли цѣлью опозорить Парнелла, какой бы то ни было цѣной ¹⁾.

Въ февралѣ 1889 г. рухнула легенда о письмахъ, уличающихъ Парнелла и другихъ, но только въ ноябрѣ комиссія закончила свои засѣданія, и лишь черезъ два мѣсяца вышелъ ея отчетъ. Приговоръ отвергъ всѣ главнѣйшія обвиненія противъ ирландцевъ и явился въ сущности полнымъ оправданіемъ Парнелла и его сторонниковъ. ²⁾ Заговоръ консерваторовъ не удался. Популярность Парнелла въ Англіи достигла своего апогея. Либеральныя организациі устроили въ честь его торжественное чествованіе. Въ Ирландіи побѣда надъ «Таймсомъ» разсматривалась, какъ настоящее національное событіе. Казалось, враги ирландскаго лидера и ирландскаго движенія сокрушены навсегда.

17. «Король развѣнчанъ».

Разладъ, существовавшій между двумя самыми характерными фигурами ирландскаго движенія Парнелломъ и Дэвитомъ, сталъ въ это время еще болѣе очевиднымъ. Въ то время, какъ первый въ своей эволюціи шелъ все болѣе вправо и отъ соціальной программы перешелъ къ чисто политическимъ требованіямъ, второй шелъ влѣво и отъ вопросовъ націонализаціи земли перешелъ къ дѣлу борьбы за улучшеніе участи рабочихъ. Онъ началъ агитацію среди батраковъ юга Ирландіи, а затѣмъ предпринялъ изданіе рабочаго журнала «Рабочій Міръ» въ цѣляхъ объединенія рабочихъ всего Соединеннаго королевства. Вотъ какую программу выставилъ Дэвиттъ для «прогрессивнаго рабочаго движенія»: прогрессивное рабочее движеніе требуетъ—1) лучшей и болѣе демократической организациі труда, 2) чтобы ежегодно колоссальное незаработанное приращеніе цѣнности шло на пользу общества, 3) чтобы въ руки государства и мѣстнаго самоуправленія

¹⁾ См. книги Davitt, 533 и Lord Eversley, Gladstone and Ireland, 354—356 и слѣд.

²⁾ Ирландской партіи защита обошлась свыше 42 тыс. фунт. стерл. «Таймсъ» затратилъ сумму въ нѣсколько разъ большую.

было передано завѣдываніе нѣкоторыми монополіями (напримѣръ, желѣзными дорогами) ¹⁾.

Парнелль рѣшительно возсталъ противъ агитаціи Дэвита среди рабочихъ. Онъ заявилъ, что народу надо «отечески покровительствовать», но нельзя его учить дѣйствовать самостоятельно. Въ одномъ разговорѣ Парнелль сказалъ Дэвиту: «если бы я былъ у власти, я бы не потерпѣлъ трэдъ-юніоновъ (профессіональных союзовъ). Они противорѣчатъ принципамъ личной свободы и ихъ надо подавить, какъ подавилъ ихъ Бисмаркъ въ Германіи. Заботиться о рабочихъ дѣло государства, а не самихъ рабочихъ... Если же не помѣшать Дж. Бернсу (извѣстному лидеру англійскихъ рабочихъ того времени) и другимъ, то рабочій классъ образуетъ такую силу, съ которой правительству будетъ трудно справиться». Парнелль находилъ, что «рабочіе могутъ подождать со своими особыми требованіями до гомруля», но въ то же время заявлялъ, что рабочаго движенія въ Ирландіи онъ «не допуститъ», и что послѣ гомруля «для социалистической пропаганды въ Ирландіи не будетъ мѣста», и что Дэвита онъ первого посадитъ въ тюрьму ²⁾.

Кромѣ этого разногласія, вытекавшего изъ пестраго состава ирландскаго движенія и характеризовавшаго расхожденіе между социальными группами, временно объединившимися для борьбы противъ Англіи, въ рядахъ самой ирландской партіи назрѣлъ расколъ, но уже совсѣмъ на другой почвѣ.

Прошелъ какой-нибудь мѣсяцъ съ момента оправданія Парнелла комиссіей, какъ противъ него начато было новое дѣло. На этотъ разъ процессъ долженъ былъ поколебать не политическое имя ирландскаго лидера, а его нравственную репутацію: капитанъ О'Ши началъ дѣло о разводѣ Парнелла со своей женой.

Близость между Парнелломъ и г-жой О'Ши продолжалась уже около 10 лѣтъ и ни для кого не была тайной. Парнелль уже много лѣтъ жилъ въ квартирѣ О'Ши подъ Лондономъ или въ Брайтонѣ. Вся корреспонденція направлялась ему туда. Посланцы Гладстона и консерваторовъ знали, гдѣ надо искать Парнелла. Капитану О'Ши еще до Килмэнхемскаго договора былъ ясенъ характеръ отношеній между Парнелломъ и его женой, но онъ не при-

¹⁾ F. S. Skeffington. M. Davitt. 182 стр.

Дэвиттъ до самой смерти принималъ участіе въ англійскомъ рабочемъ движеніи. Онъ, между прочимъ, съ большимъ интересомъ относился и къ русскому революціонному движенію. Онъ былъ нѣсколько разъ въ Россіи, въ первый разъ для изученія кишиневскаго погрома (о положеніи евреевъ въ Россіи онъ затѣмъ выпустилъ книгу), а во время революціи, какъ корреспондентъ американскихъ изданій.

²⁾ S. Skeffington 178—179. Davitt. Fall. etc, 636—637; B. o'Brien. Life etc. 402, 407

нималъ никакихъ мѣръ ни противъ жены, ни противъ Парнелла. Больше того, онъ пытался использовать вліяніе Парнелла и Кэтринъ О'Ши въ либеральныхъ сферахъ для своей личной карьеры. Несомнѣнно, что процессъ о разводѣ былъ въ концѣ-концовъ поднятъ подъ непосредственнымъ вліяніемъ консервативныхъ сферъ, боровшихся съ Парнелломъ. Уже въ процессѣ ирландскихъ депутатовъ капитанъ О'Ши выступаетъ въ качествѣ свидѣтеля, весьма близкаго къ кругу лицъ, стремившихся потопить Парнелла. Капитанъ О'Ши былъ въ очень тѣсныхъ отношеніяхъ и съ Чемберленомъ и съ другими представителями консервативнаго блока.

Процессъ о разводѣ былъ очень опаснымъ оружіемъ. Сторона, найденная виновной въ бракоразводномъ процессѣ и даже всѣ другія лица, такъ или иначе участвующія въ дѣлѣ, попадаютъ въ Англіи подъ тяжелое иго общественного отверженія. Даже до сихъ поръ бракоразводный процессъ обрываетъ англійскаго общественнаго дѣятеля. Въ католической Ирландіи отношеніе къ разводу еще болѣе отрицательное.

Въ ноябрѣ 1890 г. судъ удовлетворилъ ходатайство капитана О'Ши о разводѣ и призналъ доказаннымъ фактъ прелюбодѣнія со стороны Кэтринъ О'Ши. Ни она сама, ни Парнеллъ не присутствовали на судѣ.

Бракоразводный процессъ далъ новое оружіе въ руки консерваторовъ. Больше того, онъ очень скоро создалъ отрицательное отношеніе къ Парнеллу среди либераловъ и даже вызвалъ расколъ среди самихъ ирландцевъ. Первое время сторонники Парнелла склонялись къ тому взгляду, что разводъ—частное дѣло, и онъ никоимъ образомъ не долженъ отразиться на общественномъ положеніи ирландскаго лидера. Диссонансомъ прозвучалъ лишь голосъ Дэвита.

Чтобы доказать свое довѣріе лидеру, ирландская партія снова переизбрала его своимъ лидеромъ. Нѣсколько часовъ позже въ печати появилось письмо Гладстона къ Морли, въ которомъ лидеръ либераловъ въ своемъ обычномъ витіеватомъ и казуистическомъ стилѣ намекалъ на то, что онъ откажется отъ лидерства, если Парнеллъ остается вождемъ ирландцевъ въ парламентѣ ¹⁾. Не приходится говорить, что либеральная партія рѣшительно перейдя на сторону враговъ Парнелла, руководилась (какъ совершенно правильное указываетъ, на примѣръ, Барри О'Брайенъ) не столько моральными мотивами, сколько весьма простымъ политическимъ соображеніемъ: союзъ съ Парнелломъ, заклеимен-

¹⁾ I. Morley. Life of Gladstone. III vol. 436—437 стр.

нымъ процессомъ, могъ помѣшать либераламъ на предстоявшихъ въ 1890 г. выборахъ. Это письмо было ударомъ грома для ирландской партіи. Совмѣстно съ Парнелломъ она привыкла уже возлагать свои надежды на соглашенія съ либеральными вождями. Возможный уходъ гомрулера Гладстона поэтому въ ихъ глазахъ представлялся непоправимымъ ударомъ для Ирландіи, а такъ какъ къ тому же, среди ирландцевъ было нѣсколько лицъ, недовольныхъ деспотической дисциплиной, установленной Парнелломъ, и его самодержавіемъ, то очень скоро въ рядахъ парнеллитовъ обнаружили признаки серьезнаго раскола.

Въ отвѣтъ на письмо Гладстона, Парнелль издалъ воззваніе къ ирландскому народу, гдѣ онъ апеллировалъ къ Ирландіи противъ либеральнаго правительства, желающаго наложить свою руку на внутреннія дѣла ирландской партіи. Парнелль писалъ дальше, что проектъ гомруля, который выработали либералы, страдаетъ существенными недостатками (напримѣръ, изъ компетенціи ирландскаго парламента изъяты вопросы о землѣ) и приходилъ къ выводу, въ сущности осуждающему всю свою тактику послѣднихъ лѣтъ: «мы получимъ гомруль, только сохраняя свою независимость отъ всѣхъ англійскихъ партій». Въ этомъ письмѣ Парнелль крайне рѣзко отзывался о своемъ недавнемъ союзникѣ—либеральной партіи.

Черезъ нѣсколько дней послѣ письма Гладстона среди ирландцевъ произошелъ форменный расколъ. Отъ Парнелла откололось 44 человѣка, а среди его сторонниковъ осталось лишь 26 человѣкъ. Но Парнелль не сдавался. Онъ силой отнялъ газету «United Ireland», попавшую было въ руки анти-парнеллитовъ. Онъ энергично боролся на дополнительныхъ выборахъ въ Ирландіи за своего сторонника. И, когда онъ былъ побитъ анти-парнеллитомъ, Парнелль не палъ духомъ. Неудачи только воодушевили его. Были сдѣланы попытки объединить расколовшуюся партію подъ лозунгомъ какого-либо компромисса. Переговоры не привели ни къ чему.

Несмотря на болѣзнь и физическую слабость, Парнелль продолжалъ свою агитацію и въ Ирландіи, и въ Англии. Пожалуй, никогда послѣ эпохи Земельной Лиги онъ не проявлялъ большей настойчивости и энергіи. Но его ждали неудачи за неудачами. Недавній король былъ развѣнчанъ и среди недавнихъ друзей и лстивыхъ поклонниковъ встрѣчалъ теперь ярыхъ враговъ и мстительныхъ завистниковъ.

Осенью 1891 года болѣзнь усилилась. 6 октября Парнелль скончался.

Вѣсть о смерти ирландскаго лидера произвела исключительное

впечатлѣніе въ Ирландіи. Недавнія распри замолкли на время. Утраченная было популярность Парнелла вспыхнула снова яркимъ пламенемъ. Смерть вождя Ирландіи облекла страну глубокимъ трауромъ.

Барри О'Брайенъ называетъ Парнелла «революціонеромъ, боровшимся конституціоннымъ оружіемъ». Гораздо правильнѣе сказать, что ирландскій лидеръ былъ конституціоналистъ, пользовавшійся порой и революціонными средствами. По всему своему характеру Парнеллъ былъ глубоко чуждъ собственно революціонныхъ дѣйствій и массоваго движенія. По своимъ взглядамъ онъ былъ въ сущности такой же умѣренный либераль, какъ и Баттъ, быть можетъ, даже съ еще болѣе ярко выраженными симпатіями къ буржуазнымъ слоямъ ирландскаго общества. Ничего лучше не характеризуетъ образъ мыслей Парнелла, какъ его озлобленное отношеніе къ рабочему движенію. Успѣхъ Парнелла въ большей степени объясняется этой умѣренностью его взглядовъ: онъ являлся выразителемъ тѣхъ болѣе или менѣе зажиточныхъ слоевъ ирландскаго общества, которые руководили (да и до сихъ поръ руководятъ) ирландскимъ національнымъ движеніемъ. Массовое движеніе для этихъ слоевъ всегда было важно и нужно только постольку, поскольку оно даетъ лидерамъ силу и авторитетъ. Самостоятельность широкаго движенія и социальныя лозунги, не имѣвшіе непосредственнаго политическаго значенія въ борьбѣ съ Англіей, всегда вызывали недовѣріе у ирландской буржуазіи. Именно поэтому Дэвидъ, истинный выразитель настроеній ирландскихъ пролетарскихъ и фермерскихъ низовъ, въ теченіе всей своей дѣятельности встрѣчалъ отъ своихъ соратниковъ по партіи нѣкоторое недовѣріе. Къ нему подходили какъ-то съ оглядкой, а иной разъ и съ плохо скрываемой боязнью и высокомеріемъ.

Какъ искусный дипломатъ и проницательный политикъ, Парнеллъ сумѣлъ въ началѣ своей карьеры объединить самые различные слои ирландскаго населенія и всѣ возможные тактики. Онъ придалъ движенію единство задачъ и внутреннюю сплоченность. Эти первые годы общественной работы Парнелла (1877—1881) были самыми плодотворными для Ирландіи. Впервые ирландское парламентское меньшинство заставило почувствовать свою силу. Впервые аграрное движеніе пріобрѣло такіе исключительные размѣры. Открытая борьба сошлась съ подпольной работой, парламентская обструкція подала руку широкой массовой агитаціи. И для парламента, и для массовой борьбы Парнеллъ и его товарищи нашли новое и сильное оружіе—«обструкцію» и

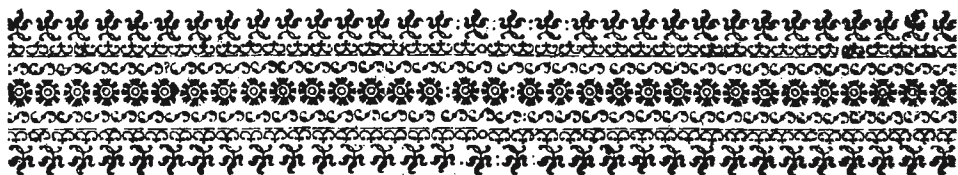
«бойкотъ». Эти «легально-нелегальные» методы были въ сущности революціонными приѣмами, облеченными въ форму конституціонности.

Эта героическая эпоха дѣятельности Парнелла смѣнилась періодомъ закулисныхъ соглашеній. Массовое движеніе зашло, по мнѣнію лидеровъ, черезчуръ далеко и грозило превратиться изъ подсобнаго оружія въ самостоятельную силу со своими особыми задачами, совсѣмъ не совпадающими со взглядами большинства ирландской партіи, состоящей преимущественно изъ умѣренныхъ либераловъ и частью даже консерваторовъ. Парнелль, дѣйствуя въ духѣ этихъ элементовъ партіи, крупно повернулъ вправо.

Послѣ «Кильмэнхемскаго договора» Парнелль съ большимъ совершенствомъ разработалъ новую тактику блоковъ съ англійскими партіями въ ущербъ собственно ирландскому движенію. Эта тактика должна была усилить значеніе парламентской фракціи ирландцевъ и обезсилить вліяніе самого ирландскаго движенія. Тактика безспорно достигла этой цѣли, но нанесла непоправимый ударъ дѣлу ирландскаго освобожденія. Массовое движеніе больше никогда не достигало того размаха и успѣха, какъ въ эпоху Земельной Лиги. Ирландскіе парламентаріи поэтому, хотя почти и не встрѣчали опасности снизу, но зато и не имѣли большой поддержки за своей спиной. Удѣльный вѣсъ ирландской партіи уменьшился. Парнеллитамъ удалось ослабить ирландское движеніе, но это только оттянуло на много лѣтъ социальное и политическое раскрѣпощеніе «Зеленаго Острова». Только въ 1903 г. былъ проведенъ земельный законъ, рѣшительно и окончательно преобразующій Ирландію фермерскую въ страну мелкаго крестьянства, и лишь въ 1914 году сталъ закономъ билль о гомрулѣ.

В. Керженцевъ.

Воспоминанія о „Народной Волѣ“.

Въ первыхъ числахъ августа 1878 г., рано утромъ, я зашла въ комнату моей сестры Елены, у которой я жила тогда въ маленькомъ имѣніи, купленномъ ея мужемъ. За три мѣсяца передъ тѣмъ я вернулась изъ Румыніи, гдѣ во время русско-турецкой войны я работала въ качествѣ сестры милосердія при эвакуаціи раненыхъ и больныхъ. Въ день моего возвращенія въ Петербургъ я захворала сыпнымъ тифомъ, проболѣла довольно долго, потомъ уѣхала къ роднымъ въ деревню поправляться и набирать силы.

Въ описываемое утро моя сестра стояла у стола лицомъ къ двери и держала передъ собой развернутый листъ только что полученной газеты. «Представь, что случилось!»—воскликнула она, какъ только увидала меня,—«въ Петербургѣ, на Михайловской площади, убили шефа жандармовъ Мезенцева». Для меня это извѣстіе было откровеніемъ и стало поворотнымъ пунктомъ въ моей жизни.

Не то, чтобы я страдала склонностью къ пролитію крови или другимъ жестокостямъ. Ничего подобнаго не было. Но внезапно почувствовалось и стало яснымъ, что возможны порывы къ освобожденію Россіи отъ гнета деспотизма, что они бываютъ удачны, а, слѣдовательно, возрожденіе родины возможно. Все это блеснуло въ умѣ, какъ отдаленная молнія, освѣщающая дорогу, по которой приходится идти.

Недѣли двѣ послѣ описанной сцены я была въ Петербургѣ. Я ѣхала туда съ твердымъ намѣреніемъ отыскать смѣлыхъ людей, бросившихся въ битву съ деспотизмомъ. Я хотѣла имъ сказать, что ихъ дѣло есть и мое дѣло, что во мнѣ давно, хотя смутно, жило стремленіе бороться противъ враговъ народа, что отнынѣ всѣ мои силы будутъ посвящены начатой ими героической борьбѣ.

Но найти революціонеровъ было не легко. Я давно не жила въ Петербургѣ и не имѣла связей не только въ радикальномъ мірѣ, но даже среди интеллигенціи учащихся.

Прежде всего я столкнулась съ молодежью, но студенты, которыхъ я встрѣчала, были люди средніе, не знавшіе никакихъ пропагандистовъ или революціонеровъ и ушедшіе въ мелочи жизни. Между моими знакомыми находился студентъ юрискъ

Д. Никольскій, вскорѣ ставшій сотрудникомъ «Новаго Времени», которое уже тогда начинало развертывать свое грязное знамя реакціи.

Однажды я прочла въ этой газетѣ, что Чернышевскій и Добролюбовъ составляютъ источникъ смуты, водворившейся въ умахъ молодежи, и являются отвѣтственными за все зло, происходящее въ Россіи. Когда зашелъ ко мнѣ Никольскій, я обрушилась на него со злыми насмѣшками по адресу его самого и его патрона. Онъ пробовалъ отшучиваться, но потомъ почувствовалъ себя не у мѣста, простился и больше не приходилъ.

Я познакомилась также съ Александрой Гавриловной Архангельской, получившей въ послѣдствіи такую громкую и заслуженную извѣстность на поприщѣ земской медицины въ качествѣ врача и такъ рано умершей. Я пробовала увлечь Александру Гавриловну революціоннымъ энтузіазмомъ, которымъ сама была полна, но она оставалась непоколебимой. Соглашаясь со мной, что борьбу за освобожденіе народа надо начать, пока онъ въ своихъ бѣдствіяхъ еще не дошелъ до послѣднихъ предѣловъ, она останавливалась на полдорогѣ, когда надо было придти къ какому-либо рѣшенію.

— Если вы согласны со мной, убѣждала я ее, такъ будемъ искать революціонеровъ вмѣстѣ; будемъ работать съ ними и, если нужно, умремъ за свободу.

Но Александра Гавриловна въ нерѣшимости качала своей большой головой.

— Я не увѣрена, говорила она, что путь, который вы нашли, приведетъ къ лучшей долѣ народа.

Я спрашивала, знаетъ ли она другіе пути, и она должна было признать, что они не существуютъ. Иногда я шла къ ней, чтобы окончательно подвести итоги нашимъ дебатамъ. Но напрасно. Приходилось начинать разсужденія съ начала.

— Простите, Александра Гавриловна, сказала я ей однажды, у васъ не достаетъ логики. Если человѣкъ признаетъ вѣрными послышки и не можетъ изъ нихъ сдѣлать выводовъ, то это доказываетъ слабость его логическаго мышленія.

Она смѣялась.

— Скорѣ недостатокъ темперамента,—говорила она.—Я завидую вамъ въ томъ, что вы нашли свою дорогу и неуклонно пойдете по ней.

— Да я счастлива; я нашла дорогу и сдѣлаю то, что считаю правильнымъ и разумнымъ.

На этомъ прервались мои попытки увлечь Архангельскую на путь революціи. Другія встрѣчи заставили меня забыть про

ея непоколебимость. Нѣкоторыя лица изъ молодежи съ торжествомъ объявили мнѣ, что они нашли людей, которыхъ я искала, и познакомили меня съ Маріей Решко.

Это была обаятельная молодая дѣвушка, съ ясными синими глазами, съ спокойнымъ выраженіемъ прекраснаго лица. У нея, въ домѣ матери, у которой она проживала, бывали революціонеры. Но это составляло большую тайну. Для непосвященныхъ она только занималась помощью заключеннымъ и была центромъ того, что позднѣе получило названіе «Краснаго Креста» ¹⁾.

Решко спросила меня, желаю ли я раздѣлить съ нею и ея кружкомъ заботы по снабженію заключенныхъ всѣмъ необходимымъ. Я безъ колебаній дала свое согласіе, хотя была нѣсколько разочарована. Я не этого ждала отъ знакомства съ нею: мнѣ хотѣлось поскорѣе принять участіе въ революціонной борьбѣ, раздѣлять ея трудности и опасности; я сказала это Решко, прибавивъ, что въ ожиданіи иной дѣятельности я сдѣлаю все, что могу, чтобы помочь заключеннымъ. Съ того дня я стала собирать деньги среди знакомыхъ; собирала носильныя вещи и притаскивала узлы въ квартиру Решко; распространяла билеты на лотереи и проч.

Времени у меня было много, и я посвящала его чтенію, желая въ книгахъ найти объясненія интересовавшихъ меня общественныхъ вопросовъ. Сознательной социалисткой я была уже давно; пожалуй, съ начала 70-хъ годовъ, когда я изучала Лассалья и Маркса. По своимъ наклонностямъ, мнѣ кажется, я всегда была народницей. Я не помню, чтобы когда-нибудь я оставалась равнодушной къ описанію бѣдственной жизни крестьянъ или рабочихъ, чтобы страданія ихъ не вызвали во мнѣ гнѣва противъ народныхъ эксплуататоровъ и притѣснителей. Мое идейное народничество сложилось подъ вліяніемъ книгъ Лаврова, Флеровскаго, Глѣба Ив. Успенскаго, отчасти также Достоевскаго и еще прежде, въ дни моей ранней юности, подъ вліяніемъ великихъ писателей 60-хъ годовъ. Позднѣе, дѣятельность сестры милосердія во время войны 1877—1878 годовъ, уходъ за солдатами, ранеными, отмороженными, цынготными, тифозными и пр., и пр.; ихъ тяжкія страданія, а иногда и смерть, огромное количество страдалцевъ—сыновей народа, демократизировали меня въ корнѣ.

Я думаю, кто разъ служилъ непосредственно народу, тому трудно, а, можетъ быть, невозможно, отказаться отъ дальнѣйшаго служенія ему.

¹⁾ Арестованная въ 1881 г. и посаженная въ домъ предварительнаго заключенія, Решко быстро заболѣла скоротечной чахоткой. Когда администрація убѣдилась, что она наканунѣ смерти, ее отпустили домой умирать на глазахъ матери.

Теперь я ощущала потребность систематизировать свои народническія стремленія и по возможности, подвести имъ научное основаніе.

Я должна сказать, что народническое движеніе 70-хъ годовъ, такъ называемое хожденіе въ народъ, не увлекло меня. Главная причина этого факта, о которомъ я потомъ не переставала жалѣть, заключалась въ томъ, что я прожила годы бурнаго народничества въ Западномъ краѣ, куда волна общественнаго движенія не достигала, гдѣ сама жизнь не сталкивала меня съ энергичной и самоотверженной молодежью. Я знала одного только пропагандиста, но, къ сожалѣнію, онъ не внушалъ мнѣ симпатіи. Возможно, что человѣкъ съ другимъ нравственнымъ обликомъ сдѣлалъ бы для меня близкимъ и дорогимъ движеніе, представителемъ котораго онъ являлся.

Въ тотъ прїѣздъ мой въ Петербургъ, я рѣшила познакомиться со славянофильскими писателями, какъ съ извѣстными народолюбцами. Я обложила сочиненіями Хомякова, Самарина, Кирѣевскаго и другихъ, и принялась ихъ изучать. Пока эти господа оставались на исторической почвѣ или комментировали народную психологію, все шло хорошо, и я до извѣстной степени могла соглашаться съ ними. Но когда дѣло доходило до самодержавія, которое для блага народа слѣдуетъ сохранить на вѣчныя времена; до знаменитаго средостѣнія, которое препятствуетъ сердечному сліянію царя съ народомъ, и до прочихъ славянофильскихъ принадлежностей, все произвольное построеніе «теоріи» становилось для меня яснымъ; я отбросила славянофильскія книги въ сторону, и само славянофильство перестало меня интересовать. Въ ожиданіи новой дѣятельности я рѣшила пріобрѣсти профессію, которая сближала бы меня съ деревней и вообще съ трудовымъ населеніемъ. Я записалась на Георгіевскіе фельдшерскіе курсы и стала ихъ посѣщать. Но голова моя уже не годилась для зубрежки учебниковъ; проучившись нѣкоторое время, я покинула эту затѣю. Неизвѣстно, какъ долго длилось бы еще мое тягостное ожиданіе, если бъ внезапно не подулъ попутный вѣтеръ, который вынесъ меня на широкій просторъ политической жизни.

Въ Петербургъ прїѣхали нѣкоторые пропагандисты-народники изъ Саратовской губерніи, гдѣ они занимали различныя должности. Къ ихъ группѣ принадлежали: Вѣра Николаевна Фигнеръ, Соловьевъ, Иванчинъ-Писаревъ, Богдановичъ и другіе. Съ ними была и моя старшая сестра. Въ Петербургъ она тотчасъ пришла ко мнѣ. Я встрѣтила ее съ шумною радостью. Съ ея прїѣздомъ мои поиски приходили къ концу, такъ какъ она могла меня ввести въ среду близкихъ ей радикаловъ.

Я сказала ей, что, всегда сторонившись революціонныхъ кружковъ, я теперь страстно ищу съ ними сближенія для того, чтобы принять участіе въ ихъ работѣ, такъ какъ убѣдилась, что движеніе приняло широкіе размѣры и получило большое значеніе для всей страны. Она удивилась и обрадовалась происшедшей во мнѣ переменѣ, разспрашивала, какъ все это случилось, и назначила мнѣ притти въ тотъ же вечеръ въ квартиру одного частнаго лица, гдѣ я увижусь съ нею и Иванчинымъ-Писаревымъ.

Около 7 часовъ вечера я направилась къ указанному мнѣ мѣсту. Моя встрѣча съ Иванчинымъ-Писаревымъ была очень радушная. Прежнее мое нерасположеніе къ нему исчезло подъ дѣйствіемъ важности переживаемаго момента, и въ первый разъ я дружески и по-товарищески пожала ему руку. Въ этотъ вечеръ я узнала, съ какими опасностями было сопряжено бѣгство народниковъ изъ Вольскаго уѣзда. Бесѣда наша была захватывающаго интереса. Въ то время мои мысли были уже цѣликомъ поглощены стремленіемъ къ созданію революціонной партіи, которая объединила бы всѣ слои населенія для завоеванія политической свободы. Разговоръ касался возможности появленія такой партіи и ея будущихъ задачъ.

Но времени для обсужденія было очень мало, и сестра предложила мнѣ свидѣться въ Финляндіи, куда она и кое-кто изъ народниковъ собирались выѣхать на другой день, и гдѣ Иванчинъ-Писаревъ обѣщалъ познакомить меня съ однимъ изъ своихъ пріятелей, близкимъ по воззрѣніямъ къ крайнимъ революціонерамъ. Получивъ подробныя указанія, какъ ѣхать и куда явиться, я рассталась съ своими друзьями.

Въ финляндской деревушкѣ въ небольшомъ домикѣ временно поселились моя сестра, Иванчинъ-Писаревъ и его пріятель Николай Александровичъ Морозовъ; къ нимъ я направилась спустя недѣлю. Наступила весна, и было настолько тепло, что, подостлавши плэды, можно было сидѣть на землѣ. Мы уходили изъ дома, располагались подъ открытымъ небомъ и вели долгія бесѣды. Николай Александровичъ говорилъ мнѣ, что мнѣніе о необходимости завоеванія политической свободы становится господствующимъ въ радикальныхъ кружкахъ; нѣкоторые члены «Земли и Воли», которые, можетъ быть, уже составляютъ большинство этой организаціи, склонны измѣнить направленіе своей дѣятельности, и пропаганду въ деревняхъ замѣнить борьбой за освобожденіе отъ правительственнаго гнета. Онъ придавалъ значеніе тому, что я, жившая въ совершенно иной средѣ, чѣмъ онъ и его товарищи въ послѣдніе годы, пришла къ одинаковымъ съ ними выводамъ.

Впослѣдствіи, мое присоединеніе къ вновь слагавшейся партіи вліяло на моихъ товарищей нѣсколько ободряющимъ образомъ. Въ немъ сказывалась побѣда тогда еще новой идеи политической борьбы. Оно могло до извѣстной степени служить провѣркой этой идеи, такъ какъ я подходила къ ней инымъ логическимъ путемъ, чѣмъ пропагандисты 70-хъ годовъ. Они признали необходимость уничтоженія самодержавія вслѣдствіе непреодолимыхъ преградъ, которыя встрѣтила на своемъ пути пропаганда социализма и даже простое распространеніе знаній въ деревнѣ. Ихъ толкали помимо того на путь политической борьбы жестокости и безчеловѣчье, съ которыми правительство обрушилось на социалистовъ. Я же исходила изъ наблюденій надъ условіями общественной жизни въ Россіи; постоянно убѣждалась въ несовмѣстимости самодержавія съ духовнымъ экономическимъ ростомъ страны; знала не только изъ книгъ, но изъ жизни, какъ существеннѣйшіе интересы народа приносятся въ жертву русскому молоху, и отсюда заключала о необходимости измѣненія государственнаго строя въ Россіи.

Въ нашихъ бесѣдахъ звучало революціонное настроеніе; мы обсуждали способъ веденія борьбы и выясняли предѣлы, до которыхъ она неизбежно придетъ. Мы сходились въ томъ, что новая партія посредствомъ агитации постарается привлечь къ себѣ различныя группы населенія, что она должна искать содѣйствіе и поддержку въ интеллигенціи и обществѣ, а также среди рабочихъ и крестьянъ, что извѣстіе о ея возникновеніи надо распространять, какъ можно шире и энергичнѣе.

Я прожила въ Финляндіи нѣсколько дней и увезла съ собой два рекомендательныхъ письма отъ Николая Александровича: одно къ Н. К. Михайловскому, другое къ Льву Тихомирову.

Я отправилась къ Михайловскому. Ити къ лично незнакомому писателю съ громкимъ именемъ и говорить къ нему о революціи — это была трудная задача. Вопросъ состоялъ въ томъ, чтобы не отступать передъ трудностями на моемъ новомъ пути, и я шла безъ колебаній.

Меня ввели въ кабинетъ, гдѣ цѣлая стѣна была заставлена книжными шкафами. У окна находилась высокая конторка, за которой Михайловскій работалъ стоя. Онъ и теперь былъ подлѣ нея и, увидя меня, пошелъ мнѣ навстрѣчу. Прочитавъ письмо Морозова, Николай Конст. просилъ говорить съ нимъ безъ стѣсненія. Тогда я сказала, что въ скоромъ времени будетъ основана партія, которая ставитъ себѣ цѣлью измѣненіе государственнаго строя въ Россіи и завоеваніе политической свободы, что, слѣдовательно, партія будетъ боевая, и ей предстоитъ долгая

и тяжелая борьба. Я сказала также, что Николай Алекс. и я, мы рѣшили извѣстить его о предстоящемъ образованіи партіи, въ виду того, что подобный фактъ общественной жизни не можетъ не интересоваться его, какъ писателя, и въ виду того, что въ печати скоро объ немъ будетъ объявлено.

Разговоръ потомъ естественно перешелъ на выдающуюся роль, которую нелегальная литература займетъ въ дѣятельности партіи.

Моя миссія была окончена.

Михайловскій выслушалъ меня съ видимымъ интересомъ и благодарилъ за оказанное ему довѣріе. Прощаясь, я сказала, что по пріѣздѣ въ Петербургъ Морозовъ будетъ говорить съ нимъ болѣе подробно о программѣ партіи и о ея первыхъ практическихъ шагахъ.

Тихомирова мнѣ предстояло найти черезъ Решко, которая назначила мнѣ притти на слѣдующій день въ опредѣленный часъ. Въ отдаленныхъ комнатахъ, куда повела меня Решко, и гдѣ я встрѣтилась съ Тихомировымъ, было нѣсколько человѣкъ, которые пришли сюда по конспиративнымъ дѣламъ.

На второй день пасхи, 4 апрѣля 1879 г., рано утромъ, прибѣжалъ ко мнѣ знакомый студентъ, взволнованный и перепуганный, съ извѣстіемъ, что на царя было произведено покушеніе, и стрѣлявшій арестованъ.

Въ концѣ апрѣля я еще разъ ѣздила въ Финляндію и могла сообщить Николаю Александровичу, что въ Петербургѣ спокойно, и товарищи ждутъ его для неотложныхъ дѣлъ. Возвратившись въ Петербургъ, Н. А. познакомилъ меня съ писателемъ Протопоповымъ, тогдашнимъ сотрудникомъ «Отечеств. Записокъ». Къ этому же времени относится мое знакомство съ Г. И. Успенскимъ и С. Н. Кривенко, сношенія съ которыми сохранились у меня вплоть до моего ареста въ 1882 г., точно такъ же, какъ и съ Михайловскимъ. Нарождавшаяся партія имѣла въ виду наилучшимъ образомъ обставить свой литературный органъ. Съ этою цѣлью заводились связи съ выдающимися писателями, которые могли сотрудничать въ газетѣ. Сближеніе съ передовыми работниками русской литературы имѣло большое значеніе для партіи. Ихъ критика отражалась на произведеніяхъ «Народной Воли».

Но сами писатели доставляли мало статей для партійной печати, за исключеніемъ Михайловскаго, который сотрудничалъ болѣе энергично, и статьи котораго въ «Народной Волѣ» хорошо извѣстны.

Нервы Глѣба Ивановича совсѣмъ не выдерживали работы въ революціонномъ органѣ, и, если не ошибаюсь, онъ не помѣ-

стиль ни одной статьи въ нашей газетѣ. И это понятно. Глѣбу Ивановичу было слишкомъ трудно оставить свою манеру писать и приспособляться къ требованіямъ революціонной литературы, и, разумѣется, никто не хотѣлъ насиловать его таланта. Къ нему всѣ народовольцы относились бережно и съ большой дружеской симпатіей, или, проще говоря, всѣ мы его очень любили.

Что касается Протопопова, то онъ раза два давалъ статьи для «Нар. Воли», но онѣ браковались редакціей, какъ расплывчатые и мало содержательныя, и на этомъ прекратились его отношенія къ молодой партіи.

Близость передовыхъ русскихъ писателей къ революціонерамъ не осталась въ свою очередь безъ вліянія на общую литературу. Не разъ случалось тѣмъ изъ насъ, которые слѣдили за тогдашней текущей журналистикой, встрѣчать въ статьяхъ выдающихся писателей мысли, разработанныя въ народовольческой средѣ. Вообще, надо признать, что для обѣихъ сторонъ общеніе было полезно и благотворно.

Этой весной совершилось въ Москвѣ убійство агента III отдѣленія Рейнштейна. Онъ былъ рабочимъ на какомъ-то заводѣ въ Петербургѣ, пристроился на службу въ тайной полиціи съ цѣлью выдавать своихъ товарищей-рабочихъ. Это ему удалось, и, чтобы скрыть слѣды своей дѣятельности, онъ переселился въ Москву. Но къ этому времени онъ попалъ въ поле зрѣнія Клѣточникова, который сообщалъ всѣ подробности о немъ уже сложившемуся Исполнительному Комитету. Послѣдній, хотя еще не объявлялъ о своемъ существованіи и не принималъ названія, которое прославило его впоследствии, но состоялъ изъ лицъ, вошедшихъ въ него позднѣе при возникновеніи «Народ. Воли».

Такъ же, какъ при убійствѣ Мезенцева и харьковскаго губернатора Кропоткина, исполнители скрылись, остались неизвѣстными, и еще разъ обнаружилось, что успѣшная борьба съ правительствомъ возможна и осуществима. Убійство Рейнштейна былъ первый террористическій актъ, въ которомъ проявилась, какъ скрытая пружина, дѣятельность Клѣточникова. Благодаря доставленнымъ имъ свѣдѣніямъ, были раскрыты планы Рейнштейна, желавшаго предать въ руки жандармовъ всю московскую организацію, состоявшую изъ учащейся молодежи и рабочихъ. Списокъ московскихъ революціонеровъ имѣлся уже въ III отдѣленіи, и оставалось произвести массовые аресты, но слѣды убійства не удалось раскрыть, а когда попробовали произвести аресты, то многіе изъ намѣченныхъ лицъ оказались уѣхавшими изъ Москвы,

у другихъ обыски рѣшительно ничего не обнаружили, и администрація была принуждена ограничиться высылкой въ сѣверныя губерніи нѣсколькихъ студентовъ технического училища.

Въ маѣ былъ казнень Соловьевъ. Н. А. Морозовъ зашелъ ко мнѣ и прочиталъ въ рукописи воззваніе, составленное по поводу казни. Оно было написано горячо и съ увлеченіемъ. Н. А. спросилъ меня, повѣрила ли я словамъ обвинительнаго акта, что ночь передъ покушеніемъ Соловьевъ провелъ въ публичномъ домѣ. Я отвѣтила, что думаю, что Соловьевъ далъ это показаніе, чтобы прекратить допросъ о томъ, гдѣ онъ находился передъ покушеніемъ, но что, если бъ это была правда, я предположила бы, что онъ ночевалъ въ публичномъ домѣ, потому что ему дѣваться было некуда. Н. А. остался очень доволенъ моимъ отвѣтомъ, потому что онъ доказывалъ мою твердую вѣру въ чистоту нравовъ борцовъ за свободу.

— Вы совершенно правы, сказалъ онъ, Соловьевъ дѣйствительно не ночевалъ въ публичномъ домѣ.

Позднѣе я узнала, что эту послѣднюю ночь на волѣ Соловьевъ провелъ въ квартирѣ А. Д. Михайлова, и она прошла для нихъ въ дружеской и сердечной бесѣдѣ. Подъ утро Соловьевъ ненадолго заснулъ крѣпкимъ сномъ.

Около этого времени я познакомилась съ Софьей Андреевной Ивановой, которая жила въ Лѣсномъ на дачѣ съ А. Квятковскимъ. Она звала меня навѣстить ее. Я побывала у нея и рѣшила тоже поселиться въ Лѣсномъ, чтобы быть ближе къ своимъ новымъ друзьямъ. Я наняла верхъ небольшой дачи, состоявшій изъ двухъ комнатъ и кухни, съ отдѣльной лѣстницей, и жила безъ прислуги во избѣжаніе доносовъ.

Въ революціонной средѣ въ Петербургѣ настала полная тишина, такъ какъ приближалось время съѣздовъ въ Липецкѣ и Воронежѣ. Я еще проходила свой искусь и ничего не знала о съѣздахъ. Вскорѣ туда же уѣхала Софья Андреевна, къ которой я съ самаго начала нашего знакомства чувствовала дружеское расположеніе. Невольно привлекала къ себѣ эта молодая женщина съ юношескимъ лицомъ, съ яснымъ характеромъ, такая дѣятельная и быстрая на работу.

Время съѣздовъ у меня прожила Вѣра Ивановна Засуличъ, которую товарищи не пустили ѣхать въ Воронежъ, опасаясь, что она будетъ арестована. Я была очень рада ея пріѣзду и благодарна случаю, доставившему мнѣ удовольствіе познакомиться съ ней. Какъ извѣстно, Вѣра Ивановна

не любить заботиться о мелочахъ обыденной жизни. Я приводила въ порядокъ ея костюмъ, чтобы она могла показаться на улицѣ, и устраивала ей свиданія въ Лѣсномъ паркѣ съ давнишними ея знакомыми, съ которыми она давно не видалась. По возвращеніи со сѣзда ее часто навѣщали Стефановичъ и Дейтъ, которыхъ я тогда видѣла впервые. Они подолгу бесѣдовали съ Вѣрой Ивановой и совѣщались съ нею.

Послѣ ея отъѣзда кто-то изъ товарищей предупредилъ меня, что ко мнѣ придетъ молодая особа, которую надо пріютить на нѣкоторое время. Въ ожиданіи гостя я оставалась дома, боясь, чтобы она не нашла квартиру запертою. Какъ-то я сидѣла у окна за работой и услышала легкіе и быстрые шаги по лѣстницѣ; я оглянулась на входную дверь и увидала на порогѣ молодую женщину. Она откинула вуаль и стояла, улыбаясь мнѣ. Это была Софья Львовна Перовская. Я тотчасъ узнала ее и бросилась ей навстрѣчу съ радостнымъ возгласомъ. Мы расцѣловались и какъ-то сразу перешли на «ты». Мы были давнишнія знакомыя еще съ того времени, когда вмѣстѣ учились на женскихъ курсахъ въ Петербургѣ. Въ 70-мъ году, когда мы посѣщали аларчинскіе курсы, гдѣ преподавали математику въ объемѣ гимназическихъ программъ, физику, химію и ботанику, С. Перовской было отъ роду не болѣе 17 или 18 лѣтъ. У нея были полныя, румяныя щеки, небольшіе сѣро-голубые глаза, узкія, часто крѣпко сжатые губы, высокій лобъ, бѣлокурые волосы, которые она носила заплетенными въ двѣ косички, припиленные угловы, или остриженными. Она была невысока ростомъ, но крѣпко сложена, руки были маленькія и пухлыя. Науками она занималась усердно и на курсахъ составляла маленькій центръ, вокругъ котораго группировалось нѣсколько человѣкъ. Это были Ободовская, три сестры Корниловы и Вильбергъ. Позднѣе, въ 1872 г., большинство изъ этой дружеской компаніи перешло въ кружокъ Чайковского. Но въ первую зиму нашихъ занятій на курсахъ въ 1870 г. Софья Львовна жила въ домѣ своихъ родителей въ Петербургѣ, въ Коломнѣ. Домъ былъ деревянный, выкрашенный въ розовую краску, съ бѣлыми колоннами; въ мезонинѣ находились комнаты Софьи Львовны и ея старшей сестры. Здѣсь Перовская приготовлялась къ лекціямъ и завела себѣ маленькую лабораторію для химическихъ опытовъ. Нѣсколько разъ въ томъ году я приходила къ ней въ мезонинъ, и мы вмѣстѣ дѣлали небольшіе химическіе анализы или добивались требуемыхъ реакцій. Чтобы попасть наверхъ, надо было пройти черезъ комнату, гдѣ находились обыкновенно родители Софьи Львовны, и она знакомила съ ними. На этой почвѣ въ слѣдующемъ году разыгралась семейная драма. Отецъ С. Л.

Перовской былъ аристократъ по рожденію и вкусамъ. Для него было не переносимо, что у его дочери, въ его домѣ, бываетъ подруга Вильбергъ, бѣдно одѣтая, даже съ заплатами на своемъ дешевенькомъ черномъ платьѣ. Онъ объявилъ Софьѣ Львовнѣ, что не допустить, чтобы Вильбергъ посѣщала ее, и, конечно, былъ увѣренъ, что этого требованія, выраженнаго въ категорической формѣ, будетъ достаточно, чтобы положить конецъ появленіямъ молодой дѣвушки, видъ которой оскорблялъ его эстетическія чувства. Но для Софьи Львовны было невозможно нарушить права дружбы, которая въ ея глазахъ была священна. Ея любовь къ подругѣ только усилилась отъ преслѣдованій отца, и ей пришлось сдѣлать выборъ между обоими. Для лицъ, знавшихъ характеръ Перовской, не трудно было угадать, съ кѣмъ она останется. Она сказала отцу о своемъ рѣшеніи покинуть его домъ, если онъ не примирится съ присутствіемъ Вильбергъ. Въ отвѣтъ онъ пригрозилъ тѣмъ, что оставитъ ее безъ паспорта и натравитъ на нее полицію. Въ тотъ же день Софья Львовна ушла изъ отцовскаго дома, чтобы больше не вернуться въ него. Нѣкоторое время она прожила въ знакомомъ семействѣ въ Твери, откуда велись переговоры съ отцомъ о выдачѣ ей вида на жительство. Когда упрямый старикъ убѣдился, что можетъ отравить существованіе дочери, но не сломить ея волю, онъ долженъ былъ согласиться выдать ей паспортъ. Съ нимъ Перовская вернулась въ Петербургъ, училась попрежнему, но другіе интересы отвлекали ея вниманіе. Въ это время слагался кружокъ Чайковскаго, и Софья Львовна сдѣлалась одною изъ его основательницъ. Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ она оставалась дѣятельнымъ членомъ организаціи и съ увлеченіемъ отдавала свои силы народнической дѣятельности, которая составляла сущность кружка. Для пропаганды, а частью ради изученія народа и его жизни, С. Л. посѣтила различныя мѣстности Россіи и жила въ деревняхъ; чтобы имѣть почву для сближенія съ крестьянствомъ, она изучила, между прочимъ, фельдшерство. Ее привлекли къ процессу 193-хъ, по которому она была оправдана и послана подъ надзоръ полиціи въ имѣніе матери въ Крыму. Въ томъ же году она была снова арестована и отправлена въ Олонецкую губернію. По дорогѣ ей удалось бѣжать. Это случилось на одной изъ желѣзнодорожныхъ станцій, гдѣ жандармы, ее везшіе, ожидали петербургскаго поѣзда. Они расположились съ Софьей Львовной въ дамской комнатѣ и, пересиленные усталостю, крѣпко заснули на полу у порога. С. Л. выждала время отхода поѣзда, перешагнула черезъ жандармовъ, сѣла въ вагонъ и нѣсколько часовъ спустя была въ Петербургѣ среди друзей, которые встрѣтили ее съ шумной радостю.

Она вступила въ организацію «Земля и Воля» и въ качествѣ ея члена отправилась въ Харьковъ съ цѣлью организовать побѣгъ заключенныхъ въ центральной тюрьмѣ. Планъ этотъ пришлось покинуть, потому что товарищей перевели въ Бѣлгородъ во вновь отстроенную цент. тюрьму. Въ 1879 г. Софья Львовна пріѣхала ко мнѣ съ Воронежскаго съѣзда. Встрѣтившись послѣ многихъ лѣтъ разлуки, мы однако мало вспоминали прошлое, такъ какъ обѣ были поглощены настоящимъ и его интересами. Часто по дѣламъ заходили товарищи, приходила иногда Вѣра Ник., которая послѣ Воронежскаго съѣзда осталась жить въ Петербургѣ, и изрѣдка показывался А. Д. Михайловъ. Мы, съ своей стороны, часто бывали въ городѣ и возвращались вечеромъ. Животрепещущей темой разговоровъ являлось только что состоявшееся раздѣленіе народниковъ на двѣ весьма неравныя по силамъ части. Въ сѣчемъ, въ Петербургѣ были огорчены расхожденіемъ и жалѣли о товарищахъ. Насколько помнится, больше чѣмъ о другихъ, сожалѣли о разрывѣ съ Радіонычемъ, т.-е. съ М. Р. Поповымъ, съ Плехановымъ, съ Юристомъ, т.-е. съ Преображенскимъ. Однако раздѣленіе не вызвало подавленности или унынія; настроеніе, наоборотъ, было очень бодрое и увѣренное, и оно не могло быть инымъ въ періодъ образованія новой партіи, которая вскорѣ получила символическое имя—«Народная Воля». Раздраженія, а тѣмъ менѣе враждебности противъ товарищей, очутившихся въ другой организаціи, тоже не было замѣтно, и съ самага начала было рѣшено, что въ новомъ органѣ партіи «Народной Воли» не будетъ удѣлено мѣста полемикѣ съ прежними близкими товарищами и сотрудниками. Поэтому народовольцы были очень удивлены, когда въ газетѣ «Черный передѣлъ» появились рѣзкіе выпады по ихъ адресу, и они постановили оставить ихъ безъ отвѣта.

Въ нашихъ дружескихъ бесѣдахъ Софья Львовна любила возвращаться къ дѣятельности генераль-губернаторовъ, назначенныхъ незадолго передъ тѣмъ въ крупные провинціальныя города. Живя въ Харьковѣ, Перовская изучила со свойственной ей наблюдательностью характеръ Лорисъ-Меликова. Она съ неодобреніемъ говорила о двойственности его политики, которая выражалась въ томъ, что онъ, заигрывая съ либералами, проявлялъ жестокость по отношенію къ такъ называемымъ неблагонадежнымъ элементамъ и вмѣстѣ съ тѣмъ подавлялъ всѣ прогрессивныя проявленія, откуда бы они ни шли и въ чемъ бы ни выражались.

Софьѣ Львовнѣ трудно было мириться съ мыслью, что придется отказаться отъ плана освобожденія, которому она отдавалась со всей силой ума и страсти. Она говорила, что если дѣло

это временно оставлено, то она надѣется все же вернуться къ нему и довести его до конца.

Въ Одессѣ свирѣпствовалъ генераль Тотлебенъ черезъ подставное лицо, своего помощника Паниютина. Безконечныя вереницы ссыльных потянулись изъ Одессы въ Сибирь. Софья Львовна съ гнѣвомъ и болью говорила о ихъ страданіяхъ, и о томъ, что большая часть изъ нихъ ни въ чемъ неповинны, даже съ точки зрѣнія русскихъ законовъ. Она знала многихъ изъ нихъ и интересовалась судьбой каждаго. Она старалась поддерживать связи съ оправданными по процессу 193. Во время своего пребыванія на югѣ она разыскала многихъ, видѣлась съ ними и привлекла ихъ къ революціонному движенію. Кое-кто уже успѣлъ охладѣть къ общественной дѣятельности и отойти въ сторону.

Софья Львовна часто вспоминала своихъ сопроцессниковъ, осуждала малодушныхъ и извѣрившихся. Вообще ея требованія къ революціонерамъ были велики. Однажды она говорила о томъ, что революціонерамъ необходимо сохранять власть надъ собой; ихъ исключительное положеніе не должно туманить ихъ головы.

— Прежде всего мы люди, сказала она, и не должны чувствовать себя стоящими выше законовъ нравственности и гуманности, а, слѣдовательно, свободными отъ нихъ.

Непреклонность воли Перовской сказывалась даже въ мелочахъ, и, кажется, не было той силы, которая могла бы заставить ее сдѣлать то, чего она не хотѣла. Въ день ея пріѣзда, когда мы поздно вечеромъ ложились спать, я приготовила для нея постель съ матрацомъ. Съ другой кровати матрацъ былъ унесенъ въ квартиру, гдѣ онъ понадобился, и его замѣняла кое-какая одежда. Когда Софья Львовна замѣтила мое намѣреніе уступить ей болѣе мягкую постель, она объявила, что не ляжетъ на нее. Когда же я стала ее убѣждать, она своей маленькой, но крѣпкой и сильной рукой отбросила меня на предназначенную для нея кровать, а сама легла на жесткое ложе и такимъ образомъ настояла на своемъ.

Въ началѣ августа пріѣхала ко мнѣ Галина Федоровна Чернявская, бѣжавшая изъ Одессы во время арестовъ Чубарова и его кружка. О казняхъ любимыхъ товарищей Галина Федоровна прочла утромъ въ газетѣ. Помню взрывъ ея гнѣва и печали, вызванный потрясающимъ извѣстіемъ. Въ тотъ день всѣ, приходившіе къ намъ, были глубоко взволнованы и потрясены. Никто не могъ и не хотѣлъ простить правительству смерть товарищей. Въ особенности поражала и возмущала до глубины души расправа съ Лизогубомъ. Мысль не мирилась съ казнью этого идеальнаго

юноши, не отъ міра сего, жившаго, казалось, гдѣ-то высоко надъ землей и спускавшагося на нее только для того, чтобы снять съ нея страданія и бѣдствія...

Позднѣ поселилась у меня Вѣра Николаевна Фигнеръ, и мы прожили съ нею до осени. Множество лицъ перебывало у насъ за это время. Однажды пріѣзжалъ къ Вѣрѣ Николаевнѣ молодой человѣкъ съ правильными и красивыми чертами лица, котораго она отрекомендовала мнѣ, какъ «богочеловѣка». Она осыпала его упреками за безцѣльное существованіе, созерцательную жизнь и самообманъ. Онъ оправдывался, увѣряя, что пересталъ быть «богочеловѣкомъ», и примкнулъ къ «лавристамъ». Но его заявленіе нисколько не умилостивило Вѣру Николаевну.

Все равно, говорила она, вы попрежнему останетесь въ сторонѣ отъ движенія, будете сидѣть сложа руки и заниматься самообразованіемъ и самоусовершенствованіемъ.

Она звала его сбросить апатію и вступить въ ряды «Народной Воли». Но молодой человѣкъ, который ранѣе скрывался, а теперь хлопоталъ о паспортѣ и намѣревался окончить свое университетское образованіе, не убѣждался рѣчами Вѣры Николаевны и такъ и исчезъ съ нашего горизонта.

Вѣра Николаевна жила у меня еще раньше по нѣскольку дней. Однажды, въ началѣ іюня, когда она была у меня, пріѣзжалъ присяжный повѣренный Бардовскій, братъ казеннаго въ 87 г. въ Варшавѣ мирового судьи, съ извѣщеніемъ, что деньги херсонскаго казначейства взяты, и Росикова арестована.

Вскорѣ послѣ посѣщенія Бардовскаго мы узнали, что онъ заболѣлъ психически. Болѣзнь его была непродолжительна, и осенью того же года онъ умеръ въ лечебницѣ для нервныхъ больныхъ.

Въ августѣ у насъ появился Юрковскій, который счастливо избѣгъ ареста, когда разыскивались деньги херсонскаго казначейства. Въ ночь послѣ его перваго появленія у насъ мы были разбужены шумомъ и стукомъ въ наружную дверь. Естественно явилась мысль объ обыскѣ. Я быстро одѣлась и сошла внизъ, чтобы узнать въ чемъ дѣло. Оказалось, что стучалъ Юрковскій, который просилъ дать ему ночлегъ. Въ Петербургѣ, возвратясь домой, онъ узналъ отъ хозяйки, что его требуютъ въ участокъ по случаю прописки паспорта. Онъ тотчасъ покинулъ квартиру и не придумалъ ничего лучшаго, какъ ночью вернуться къ намъ, въ Лѣсной. Юрковскій былъ человѣкъ необыкновенно веселый, любившій шутки и неожиданныя выходки. Какъ мы ни сердились за поднятую имъ тревогу, а пришлось смѣяться вмѣстѣ съ нимъ, когда онъ рассказывалъ о своемъ приключеніи. Онъ очень про-

голодался, мы накормили его кое-какъ остатками ужина и постлали ему постель на полу въ пріемной комнатѣ, которая служила также столовой. Но спали мы мало, потому что Юрковскій черезъ запертыя двери еще долго развлекалъ насъ своими удивительными разсказами. Когда на другой день наши товарищи узнали о неосторожности Юрковского, онъ получилъ строгій выговоръ за то, что подвергъ насъ опасности, и въ особенности Вѣру Николаевну, которая была нелегальна и жила у меня безъ прописки.

Съ своей стороны Юрковскій возмущался тираніей, по его словамъ, существовавшей у народовольцевъ. Его бурный темпераментъ не укладывался въ рамки партійной дисциплины, и онъ порицалъ организацію, которая стѣсняетъ дѣйствія своихъ членовъ даже въ мелочахъ. Онъ предлагалъ намъ выйти изъ партіи и работать съ нимъ въ самостоятельной группѣ, которую онъ намѣревался образовать. Но такъ какъ мы обращали его проекты въ шутку, то ему только оставалось изобличать насъ въ рабскомъ подчиненіи революціонному уставу. Тѣмъ не менѣе онъ продолжалъ бывать у насъ, и его появленіе всегда сопровождалось веселымъ смѣхомъ. Однажды онъ привезъ Вѣрѣ Николаевнѣ, вслѣдствіе проиграннаго пари, бѣлую ручную крысу изъ Петербурга и въ отвѣтъ получилъ замѣчаніе, что занимается пустяками и бездѣльемъ.

Переговоры Юрковского съ «Народной Волей» не могли закончиться вступленіемъ его въ партію. Этому препятствовали особенности его характера, не мирившагося ни съ какими программами или уставами. Состоялось, однако, нѣкоторое соглашеніе между нимъ и «Нар. Волей». Онъ ѣхалъ на югъ, искать новаго случая вести подкопъ подъ казначейство, условившись, что будетъ работать при содѣйствіи партіи и пользоваться ея совѣтами и указаніями, но сохранялъ полную автономію для себя. Вскрѣ послѣ отъѣзда онъ былъ арестованъ въ Кіевской губерніи и никогда больше не видалъ воли.

Для молодыхъ читателей добавлю, а люди моего поколѣнія и безъ напомниманія знаютъ, что Юрковскій былъ крупной личностью. Это былъ человѣкъ большихъ силъ, но нѣсколько безпорядочный въ дѣлахъ, вслѣдствіе стремительности и безбрежной стихійности его натуры.

Партія сложилась, и во главѣ ея сталъ Исполнительный Комитетъ, организованный по типу строго законспирированныхъ тайныхъ обществъ. Быть членомъ партіи могъ каждый человѣкъ съ незапятнанной репутаціей, признавшій программу «Народной

Воли» и желавшій помогать ей всѣми силами. Но для того, чтобы быть въ тѣсномъ общеніи съ Исполнительнымъ Комитетомъ и принимать участіе въ его работахъ, требовалась санкція самого Комитета и выполненіе нѣкоторыхъ формальностей.

Я находилась тогда въ оригинальномъ положеніи. Присутствовавши при зарожденіи идей, легшихъ въ основаніе дѣятельности партіи «Народной Воли», и способствовавши ихъ теоретическому развитію и ихъ укрѣпленію, я не могла немедленно войти въ организацію, потому что въ нее былъ только одинъ путь—черезъ выборы послѣ довольно продолжительнаго испытанія на поприщѣ практической дѣятельности. Вполнѣ признавая основательность и необходимость такого установленія, я охотно подчинялась ему и ждала рѣшенія моихъ товарищей, зная что оно будетъ справедливо, даже если бъ оно сложилось не въ мою пользу.

Время моего испытанія близилось къ концу, и мои товарищи стремились сократить его, насколько возможно.

Въ одинъ изъ послѣднихъ дней пребыванія у меня Вѣры Ник., зашелъ ко мнѣ А. Д. Михайловъ. Его появленіе обозначало важную цѣль, потому что онъ не былъ склоненъ къ посѣщеніямъ, не связаннымъ непосредственно съ дѣломъ. Онъ сказалъ, что на слѣдующій день будутъ со мной говорить отъ имени Исполнительнаго Комитета, и назначилъ притти утромъ въ кондитерскую на углу Лиговки и Невскаго, гдѣ онъ будетъ ждать меня, чтобы вести на квартиру къ товарищу.

Въ назначенный часъ я входила въ кондитерскую и увидала Александра Дмитр., сидящимъ за стаканомъ кофе и читающимъ газету. Мы вышли вмѣстѣ и взяли извозчика. Проѣхавъ нѣкоторое разстояніе по Невскому, мы вышли, и А. Д. сказалъ, что мы идемъ на Михайловскую улицу. Въ одномъ изъ домовъ ея правой стороны онъ указалъ мнѣ на открытую форточку во 2 или 3 этажѣ. Это означало, что все въ порядкѣ, и мы можемъ войти. Опередивъ меня въ коридорѣ, А. Д. постучалъ въ дверь. Намъ отворилъ Тихомировъ. Это была его комната. Мы обмѣнялись нѣсколькими незначительными фразами, а затѣмъ начался разговоръ, ради котораго мы собрались. Вступленіе сдѣлалъ Алекс. Дм. Онъ объяснилъ, что партія, которая ставитъ себѣ цѣлью борьбу съ правительствомъ, на сторонѣ котораго все превосходство физической силы, можетъ быть только тайной. Но тайная организація существуетъ и будетъ крѣпкой только при централизаціи и строжайшей партійной дисциплинѣ. Эти условія заставили «Народ. Вслю» выработать сложную систему отношеній членовъ партіи къ Исполнительному Комитету, который стоитъ во главѣ партіи и членовъ ея между собой.

— А теперь говори ты, обратился Ал. Дм. къ Тихомирову, ты болѣе рѣчистъ, чѣмъ я ¹⁾).

Сказанное Тихомировымъ заключалось въ томъ, что Испол. Комитетъ изъ членовъ партіи, пользующихся полнымъ его довѣріемъ, выбираетъ себѣ агентовъ, которымъ поручаетъ дѣла партіи. Это агенты 1-ой степени. Каждый изъ нихъ имѣетъ право съ согласія Комитета привлечь нѣсколькихъ (2 или 3) агентовъ 2-ой степени, для которыхъ организація партіи остается тайной. Имъ извѣстно только, что даннымъ лицомъ они приглашены въ агенты Исполнительнаго Комитета 2-ой степени и черезъ это лицо сносятся съ Исполнительнымъ Комитетомъ. Для нихъ остается также тайной, что это посредствующее лицо есть агентъ Исполнительнаго Комитета 1-ой степени. Съ своей стороны, агентъ 1-ой степени не имѣетъ права говорить кому бы то ни было о своемъ званіи. Это остается тайной между нимъ и лицами, принявшими его въ агенты. Агентъ 1-ой степени обязуется хранить полное молчаніе о дѣлахъ партіи, довѣренныхъ ему Исполнительнымъ Комитетомъ. Даже передъ самыми близкими людьми онъ обязанъ соблюдать эту тайну. Составъ Исполнительнаго Комитета остается для него неизвѣстенъ, и онъ сносится съ нимъ черезъ лицъ, говорившихъ съ нимъ отъ его имени.

— Теперь, продолжалъ Тихомировъ, когда мы познакомили васъ съ организаціей партіи, мы оба заявляемъ вамъ, что по порученію Исполнительнаго Комитета мы предлагаемъ вамъ быть его агентами 1-ой степени. Но прежде, чѣмъ вы отвѣтите, мы скажемъ вамъ, къ чему обязываетъ званіе агента. Вамъ придется исполнять порученія, какія возложитъ на васъ Комитетъ, сообразно ходу работъ и дѣятельности партіи. Вамъ нельзя будетъ отъ нихъ отказываться, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда исполненіе будетъ связано съ большой опасностью. А опасности, какимъ подвергаются русскіе революціонеры, вамъ извѣстны. Вы знаете, что за принадлежность къ революціонному кружку въ Кіевѣ и въ Одессѣ нѣсколько человѣкъ были повѣшены. Вѣшали людей просто за распространеніе прокламацій. Вы знаете также, что люди по цѣлымъ годамъ томятся въ тюрьмахъ въ одиночномъ заключеніи. Опасности для народовольцевъ во много разъ возрастаютъ. Партія признала однимъ изъ средствъ борьбы съ правительствомъ террористическіе акты. На нашей обязанности лежитъ еще сказать вамъ, что отказъ отъ агентства 1-ой степени почти невозможенъ. Въ виду того, что Комитетъ оказываетъ лицу, нося-

¹⁾ А. Дм. Михайловъ, какъ извѣстно, заикался. Но усиліями воли онъ побѣждалъ природный недостатокъ, и ему случалось даже произносить рѣчи въ довольно многочисленныхъ собраніяхъ.

щему званіе агента, большое довѣріе, и многія конспиративныя дѣла ему извѣстны, выходъ его изъ агентовъ можетъ состояться только въ самыхъ рѣдкихъ случаяхъ. Поэтому Исполнительный Комитетъ принимаетъ въ свои агенты только людей, сознательно готовыхъ умереть за свои убѣжденія, не боящихся долгаго и мучительнаго заключенія. Обдумайте все, что мы вамъ сказали, и если вы не можете отвѣтить сейчасъ, вы сдѣлаете это позднѣе.

— Нѣтъ!—воскликнула я,—мнѣ не зачѣмъ откладывать мой отвѣтъ. Я скажу вамъ теперь же, что я готова умереть. Я считаю за счастье отдать свою жизнь за освобожденіе Россіи отъ гнета самодержавія. А пока хочу отдать свои силы партіи «Народной Воли» и работать съ нею, потому что она борется за близкіе и дорогіе мнѣ идеалы.

Тогда Ал. Дм. сказалъ, что онъ и Тихомировъ по порученію Комитета принимаютъ меня въ агенты 1-й степени, и что это служить доказательствомъ довѣрія, съ какимъ Комитетъ относится ко мнѣ.

Нѣсколько минутъ позднѣе я шла по Невскому, направляясь къ себѣ домой. Я не чувствовала земли подъ ногами. Огромная радость овладѣла мною. Сердце переполнилось восторгомъ. Мнѣ казалось, что уже близокъ часъ, когда я отдамъ свою жизнь за счастье родного народа. Я переживала лучшій день въ своей жизни. И до сихъ поръ я увѣрена, что тогда во всемъ мірѣ не было человѣка счастливѣе меня.

Рѣзкихъ перемѣнъ для меня послѣ вступленія въ агенты Комитета не произошло. Я постепенно знакомилась съ дѣлами партіи по мѣрѣ того, какъ принимала въ нихъ участіе.

Наступила осень; оставаться въ Лѣсномъ было неудобно и безцѣльно. Я наняла комнату въ Петербургѣ, а ради заработка поступила на службу въ контору одного желѣзнодорожнаго правленія, помѣщавшагося на Театральной площади. Занятія въ конторѣ продолжались до 4 часовъ, а остальное время я могла употреблять для партійной работы. Мое сближеніе съ новыми товарищами продолжалось. Въ числѣ другихъ лицъ, съ которыми мнѣ приходилось сталкиваться по дѣламъ, были: Марія Ник. Ашанина, ея сестра Наталья Ник. Оловянникова, Александръ Квятковскій, Гесся Гельфманъ, Николай Алексѣевичъ Саблинъ.

Въ литературѣ сохранились характеристики и жизнеописанія большинства изъ нихъ; но въ воспоминаніяхъ очень мало сказано о Николаѣ Алексѣевичѣ Саблинѣ, и мнѣ хочется представить читателямъ образъ талантливаго и безгранично добраго человѣка съ душой, открытой для любви человѣчеству, отдавашаго свою

жизнь за «Народную Волю». Человѣкъ съ такимъ мягкимъ, почти кроткимъ характеромъ, какой былъ у Николая Алексѣевича, не родится борцомъ. По убѣжденіямъ и наклонностямъ Саблинъ былъ пропагандистъ-народникъ. Его любовь къ крестьянству и всему трудовому народу была глубокая и искренняя. Онъ обладалъ способностью сходиться съ крестьянствомъ и вліять на него. Его рѣчь была образна и красива.

Такой человѣкъ неизбѣжно тяжело переживалъ переходъ отъ чистаго народничества къ борьбѣ за политическую свободу и представительный образъ правленія, которую начала «Народная Воля», оставаясь въ то же время, неизмѣнно и кореннымъ образомъ демократической и соціальной партіей. Предстоявшая «Народной Волѣ» дѣятельность неизбѣжно отвлекала ея членовъ отъ работъ въ деревнѣ и на фабрикахъ. Съ этими условіями Ник. Ал. мирился съ трудомъ. Въ глубинѣ его чувствъ сохранялось тяготѣніе къ деревнѣ, а исходъ борьбы молодой партіи казался ему гадательнымъ, и цѣли ея достижимыми лишь въ отдаленномъ будущемъ. Отсюда колебанія, полныя драматизма, присоединяться ли къ «Народной Волѣ» или нѣтъ. Зато, когда сомнѣнія кончились, и Ник. Ал. предложилъ партіи свои силы и свое сотрудничество, онъ жертвовалъ собой цѣликомъ, занималъ часто самые опасные посты, взваливалъ на себя самыя трудныя обязанности. Онъ умеръ во цвѣтѣ лѣтъ. 3 марта 1881 года онъ убилъ себя выстрѣломъ въ високъ въ тотъ моментъ, когда пришли арестовать его и Гессю Гельфманъ въ Петербургѣ на Телѣжной улицѣ въ квартирѣ, гдѣ они исполняли роль хозяевъ.

Николай Алексѣевичъ обладалъ поэтическимъ талантомъ, и его стихотворенія печатались въ сборникахъ 70-хъ годовъ. Самое большое изъ нихъ по размѣрамъ носитъ названіе «Потокъ». Въ немъ рисуется молодежь временъ хожденія въ народъ, расправа съ пропагандистами и ихъ муки по тюрьмамъ.

Николай Алексѣевичъ и самъ пережилъ страшный эпизодъ въ одной изъ московскихъ тюремъ въ 1873 или 1874 г. Онъ содержался въ большой камерѣ одинъ среди уголовныхъ арестантовъ и чувствовалъ себя вполне безсильнымъ измѣнить укладъ тюремной жизни. Въ ней царилъ произволъ и жестокое обращеніе съ арестантами, которые отвѣчали на внѣшнее насиліе тѣмъ, что нравственно опускались все ниже и ниже. Быть свидѣтелемъ этой рабской жизни, полной униженія человѣческой личности, доставляло Ник. Алекс. глубокія страданія. Чтобы избавиться отъ душевныхъ мукъ, которыя становились непереносимыми, онъ прибѣгъ къ самоубійству. Размѣшавъ въ водѣ мелко

истолченное стекло, онъ его выпилъ, и послѣдствіемъ явилось воспаленіе желудка. Николая Алексѣевича еле живого унесли въ больницу. Когда онъ оправился, его увезли въ Петербургъ въ домъ предварительнаго заключенія. Здѣсь онъ попалъ въ товарищескую среду и снова сталъ жизнерадостнымъ юношей.

Лучшимъ другомъ и товарищемъ его былъ Ю. Н. Богдановичъ. Ихъ соединяли общія черты характера, общія симпатіи и стремленія.

Въ своей одинокой комнатѣ я прожила недолго. Марья Николаевна Ашанина предложила мнѣ поселиться въ ея квартирѣ ради сокращенія расходовъ, и я съ удовольствіемъ переехала къ ней.

Наступилъ ноябрь, и въ первой половинѣ его я получила порученіе отъ Исполнительнаго Комитета, связанное съ поѣздкой въ Москву. Въ конторѣ, гдѣ я служила, я попросила краткосрочный отпускъ, сказавшись больной. Въ Москвѣ я прожила нѣсколько дней на квартирѣ, въ которой хозяиномъ былъ Арончикъ, такъ быстро погибшій въ крѣпости послѣ процесса 20-ти. Мнѣ кажется, и сейчасъ еще въ Москвѣ существуетъ на Собачьей площадкѣ тотъ небольшой деревянный домъ съ мезониномъ, въ которомъ тогда ютились народовольцы.

Послѣ моего возвращенія въ Петербургъ и отчета, который я сдала Комитету о результатахъ поѣздки, жизнь потекла попрежнему.

19 ноября произошелъ взрывъ поѣзда подъ Москвой. Для всѣхъ было ясно, что событіе будетъ имѣть крупныя послѣдствія въ общественной жизни.

Нѣсколько дней спустя въ нашей квартирѣ появился Гартманъ, котораго тогда спѣшно снаряжали за границу. Его отпускали охотно, потому что въ Россіи было бы невозможно его уберечь отъ ареста. Вернувшись однажды домой со службы, я застала сидящимъ въ нашей столовой у стола худощаваго молодого человека съ продолговатымъ лицомъ и свѣтлыми волосами, съ вязанымъ шарфомъ на шеѣ. Марья Николаевна, шутя, сказала мнѣ:

— Не думай, что это простой человекъ; это—Гартманъ, хозяинъ дома изъ-подъ Москвы.

Въ отвѣтъ на ея слова Гартманъ улыбнулся. Онъ не расставался съ своимъ шарфомъ, потому что на шеѣ у него были глубокіе шрамы, и по этой примѣтѣ полиція искала его потомъ по всей Россіи.

Изъ нашей квартиры происходила разсылка прокламацій, выпущенныхъ по случаю 19 ноября. Намъ доставляли ихъ большими пачками. Мы распредѣляли ихъ по конвертамъ, надписывали адреса, наклеивали марки, а по вечерамъ разносили ихъ по Петербургу и опускали въ почтовые ящики. Въ этой работѣ намъ помогаль Александръ Квятковскій, который принесъ памятные книжки разныхъ городовъ. Изъ нихъ мы выписывали адреса.

Вскорѣ пріѣхали въ Петербургъ работники изъ-подъ Москвы, Александровска и Одессы. Къ этому времени извѣстность «Народной Воли» значительно возрасла. О ней много говорили. Публика была склонна даже преувеличивать силы партіи. Но сами члены ея знали, а члены Исполнительнаго Комитета въ особенности знали, что истинная сила ея заключается въ ихъ собственной напряженной работѣ, въ ихъ безграничной преданности интересамъ революціи и въ ихъ самоотверженіи.

— Кто не боится смерти, тотъ почти всемогущъ,—говорилъ не разъ А. Д. Михайловъ.

Одна изъ причинъ, почему молва о «Народной Волѣ» росла, и партія въ умахъ людей принимала гигантскіе размѣры, заключалась въ оговорахъ Гольденберга. Арестованный незадолго до 19 ноября 1879 г. и посаженный въ исправительную крѣпость, онъ сталъ рассказывать все, что зналъ. Между прочимъ, онъ выдалъ правительству свѣдѣнія о предполагавшихся покушеніяхъ подъ Александровскомъ и подъ Одессой. На основаніи показаній Гольденберга производились слѣдствія на мѣстахъ, и извѣстія о задуманныхъ покушеніяхъ были опубликованы въ газетахъ. Такимъ образомъ, вся Россія узнала, что силы партіи не были сосредоточены подъ Москвой, и ихъ хватило еще на одновременныя предпріятія въ двухъ другихъ пунктахъ. Производилъ также огромное впечатлѣніе тотъ фактъ, что по дѣлу о покушеніяхъ на взрывъ царскаго поѣзда непосредственно послѣ 19 ноября не былъ арестованъ ни одинъ изъ участниковъ. Всѣ остальные разоблаченія Гольденберга, несмотря на свои обширные размѣры, также не привели ни къ чему. Правительству въ то время не удалось захватить никого изъ тѣхъ членовъ «Народной Воли» и Исполнительнаго Комитета, о которыхъ Гольденбергъ сообщалъ характеристики, и несмотря на то, что онъ сообщилъ ихъ имена и подробно указалъ ихъ примѣты. Партію охранялъ Клѣточниковъ, и его предупрежденія нейтрализовали вредъ Гольденберговскаго предательства. Многія лица, пораженные развертывавшейся дѣятельностью «Народной Воли», предлагали ей услуги и деньги.

Съ Марьей Николаевной мы жили очень дружно. Насть соединяла взаимная симпатія. Я полюбила эту выдающуюся по уму и энергій женщину, преданную освободительному движенію всецѣло и безъ остатка. Ея же дружба ко мнѣ сохранилась до самой ея смерти.

Поздно вечеромъ, когда затихала дневная суматоха, и всякая работа приходила къ концу, мы вдвоемъ просиживали еще нѣкоторое время за бесѣдой. Марья Николаевна описывала мнѣ попытку освобожденія Войнаральскаго подъ Харьковомъ, въ которой она принимала дѣятельное участіе. Часто въ своихъ разсказахъ она возвращалась къ своему первому учителю Зайчневскому, который въ молодые свои годы находился въ административной ссылкѣ въ г. Орлѣ, откуда семья Оловянишниковыхъ была родомъ. Подъ его вліяніемъ, Марья Николаевна стала социалисткой и революціонеркой. Она говорила мнѣ также, почему она не могла примкнуть къ народническому движенію, никогда не была пропагандисткой, и въ силу чего ея политическіе взгляды носятъ нѣкоторую якобинскую окраску, въ чемъ ее часто упрекали, и чего она сама не отрицала. Она не вѣрила въ возможность пробудить революціонное настроеніе въ крестьянствѣ и еще менѣе считала возможнымъ, чтобы крестьяне или рабочіе того времени создали самостоятельное движеніе. Она считала ихъ для этого слишкомъ свыкшимися съ историческимъ рабствомъ въ Россіи.

— Я люблю и въ то же время ненавижу русскихъ крестьянъ за ихъ покорность и терпѣніе, говорила она.

Обыкновенно Марья Николаевна только что проснувшись и наскоро одѣвшись, принималась за неотложную работу, или, второпяхъ выпивъ утренній чай, шла куда-нибудь по партійнымъ дѣламъ. Позднѣе я видала ее въ Москвѣ въ 1881 г. лѣтомъ, когда она лежала тяжело больная въ меблированной комнатѣ, гдѣ обыкновенно жила. При ней не было никого для ухода за ней, и не было почти медицинской помощи. Когда нуженъ былъ совѣтъ по дѣламъ «Народной Воли», или рѣшеніе какого-нибудь важнаго вопроса, шли къ ней. Она, забывая свою болѣзнь, выслушивала объясненія, спрашивала о всѣхъ подробностяхъ и обстоятельствахъ дѣла и давала совѣты и наставленія.

На нашей же квартирѣ я познакомилась съ Баранниковымъ, когда онъ вернулся въ Петербургъ. Есть люди, которыхъ природа создаетъ какъ бы специально для защиты слабыхъ и угнетенныхъ. Это ихъ рыцари. Обладая желѣзными мускулами и большою физическою силой, снабженные въ высокой степени чувствомъ справедливости и вмѣстѣ съ тѣмъ чистымъ и нѣжнымъ сердцемъ, они вступаются за нарушенныя права обиженныхъ и оскорблен-

ныхъ, какъ бы повинуюсь приказамъ судьбы. На ихъ долю естественно выпадаетъ обязанность защищать общія права гражданъ и вооруженной рукой завоевывать для нихъ поправленную и ими почти забытую свободу. Таковъ былъ Баранниковъ, или Семень, какъ его звали въ товарищеской средѣ.

Настроение его всецѣло зависѣло отъ состоянія дѣлъ партіи. Когда все шло хорошо, значеніе партіи расло, процвѣтала литература и какое-нибудь предпріятіе быстро подвигалось впередъ, Семень расцвѣталъ, всѣ его силы напрягались, онъ весь отдавался работѣ и опасностямъ. Когда же наступали будни, партійная жизнь временно какъ бы замирала и текла медленнѣе впередъ, онъ дѣлалъ все, чтобы разбудить новую энергію въ товарищахъ, придумывалъ выходъ изъ труднаго положенія, а когда это не удавалось, ходилъ унылый и грустный. Разгногласія въ Комитетѣ, хотя весьма рѣдкія, мучительно отзывались на немъ.

— Все это не важно, говорилъ онъ тогда, одно только важно, чтобы мы боролись съ врагомъ и побѣждали.

Для него была непереносна мысль причинить кому-нибудь непріятность, и онъ врядъ ли за всю свою жизнь сказалъ кому-нибудь обидное слово. Однажды въ засѣданіи Исполнительнаго Комитета, когда обсуждалось чье-то предложеніе, Баранниковъ упорно молчалъ.

— Что же вы молчите, Семень? спросилъ его кто-то изъ присутствовавшихъ.

— Я не согласенъ съ предложеніемъ, а не хочется обидѣть автора его своимъ отказомъ, поэтому молчу,—сказалъ онъ и своимъ отвѣтомъ развеселилъ всѣхъ.

Ему часто приходилось показываться на улицахъ Петербурга въ качествѣ прогуливающегося дэнди, безукоризненно одѣтаго, видимо беззаботнаго и празднаго. Осенью 1880 г., въ одну изъ такихъ прогулокъ, онъ нашелъ подвалъ на бывшей Малой Садовой улицѣ, отдававшійся въ наемъ и ставшій вскорѣ сырной лавкой Кобозева.

Баранникова нельзя было назвать красивымъ: для этого, пожалуй, его носъ былъ слишкомъ широкъ, цвѣтъ лица очень смуглый и безъ тѣни румянца, но его красилъ высокій, стройный ростъ и черные волнистые волосы.

Послѣ ареста паспортнаго бюро (кажется, у Мартыновскаго) пришлось ликвидировать квартиру, гдѣ мы жили съ Марьей Николаевной. Это произошло при слѣдующихъ обстоятельствахъ.

Какъ-то понадобился крестьянскій паспортъ для выѣзда

въ провинцію. Съ этой цѣлью была снята копія съ паспорта нашей кухарки. Этотъ снимокъ сохранился и былъ взятъ при упомянутомъ арестѣ. Немедленныхъ послѣдствій нельзя было ожидать, но, съ другой стороны, конспиративная практика не допускала спокойно выжидать результатовъ. Въ виду этого пришлось принять нѣкоторыя мѣры предосторожности. Марья Николаевна выписалась изъ квартиры и стала жить въ Петербургѣ по другому виду. Я же помѣстилась у одной знакомой мнѣ старухи, которая была мнѣ очень предана и которая несомнѣнно предупредила бы меня въ случаѣ справокъ со стороны полиціи или малѣйшей для меня опасности.

Около середины января я была избрана въ члены Исполнительнаго Комитета. Объ этомъ пришли сказать мнѣ Марья Николаевна и А. Д. Михайловъ. Меня убѣдилъ согласиться на рѣшеніе Исполнительнаго Комитета доводъ, что необходимо пополнить его ряды.

Главная сущность его состояла въ изложеніи цѣлей партіи и средствъ къ ихъ достиженію. Что касается до организаціи самого Комитета, то выходъ изъ его членовъ признавался уставомъ недопустимымъ. Въ сношеніяхъ съ посторонними лицами члены комитета выступали, какъ агенты, а не какъ члены его. Уставъ составлялъ большую тайну и тщательно охранялся отъ провала при обыскахъ. Однако, въ 1882 г. онъ былъ взятъ на квартирѣ Грачевскаго при его задержаніи.

Въ моментъ моего вступленія въ Комитетъ его членами состояли: Желябовъ, Н. А. Морозовъ, А. В. Якимовъ, А. Д. Михайловъ, Баранниковъ, Исаевъ, М. Ф. Фроленко, С. Л. Перовская, Т. Ив. Лебедева, О. С. Любатовичъ, В. Н. Фигнеръ, М. Н. Ашанина (Оловянникова), А. Квятковскій, Бухъ, С. А. Иванова, Тихомировъ.

Нѣсколько дней спустя произошелъ арестъ Квятковскаго и потомъ трагическій провалъ типографіи въ Саперномъ переулкѣ. Это были первые удары, нанесенные непосредственно Исполнительному Комитету. Изъ его состава выбыли трое: Квятковскій, Бухъ и С. А. Иванова.

Чтобы пополнить его, были выписаны съ юга Колодкевичъ и Савелій Златопольскій. Они прибыли въ Петербургъ въ февралѣ и были приняты въ Комитетъ.

А. Прибылева (Корба).

Письма П. Л. Лаврова къ Е. А. Штакеншней- деръ изъ Парижа 1870—73 гг.¹⁾

1872.

Парижъ 3 янв. 1872. (нов. ст.)

.... Ну вотъ и кончился годъ, тяжелый для многихъ и очень многихъ. Смотри на парижскую уличную жизнь, едва можешь сообразить, что 20000 этого населенія на понтонахъ, что страшное избиеніе было на улицахъ, гдѣ веселятся чуть чуть не на свѣжихъ трупахъ. Моя бѣдная concierge прежняго дома имѣла мужа и двухъ дѣтей, была женщина больная и слабая, за которую мужъ дѣлалъ все. Теперь она совсѣмъ одна. Мужъ на понтонахъ уже болѣе полугода. Весь домъ оказался на ея рукахъ, и она вынесла непривычный трудъ хорошо. Но не могла ухаживать за дѣтьми, и оба ребенка умерли въ 4 дня. Если мужъ вернется, онъ найдетъ домъ пустой. А вернется ли? Ну да мало ли грустныхъ..... здѣсь рядомъ съ буйнымъ весельемъ, съ полнымъ индифферентизмомъ и съ глубокимъ нравственнымъ паденіемъ. Я сторонюсь отъ французскаго общества и знаюсь болѣе съ нѣмецкими негоціантами, частью съ евреями да нѣсколькими поляками. Если бы у нашихъ правителей былъ умъ, они бы теперь дали полную амнистію полякамъ и тѣмъ кончили бы надолго раздоръ; поляки теперь готовы бы помириться большею частью. Очень бы хотѣлось мнѣ встрѣтить Орлова и поговорить съ нимъ объ этомъ. Не знаете ли чего о Евгеніи Туръ (графъ Салиасъ)? гдѣ она? У нея это было бы возможно. Но едва ли она вернется сюда въ свое разоренное гнѣздо. Ленѣ пишутъ, что школы въ Россіи идутъ отвратительно; совсѣмъ забываютъ богословіемъ и антиками. Правда ли это? Напишите о себѣ, какъ живете? съ кѣмъ сближаетесь? Есть ли въ виду, что живое, порядочное? Кстати вы говорили о книгахъ для перевода: отчего не возьметесь за Тэна: *Notes sur l'Angleterre*. И остроумно и умно, и, я думаю, пойдетъ.

¹⁾ См. «Гол. Мин.» 7—8.

8 января 1872 г.

...Очень благодаренъ вамъ и за свѣдѣніе о напечатаніи статьи о Кинэ. Относительно уплаты за нее и за другія статьи дѣло крайне сложное и, кто тутъ правъ, сказать весьма трудно. Скорѣе всѣ виноваты, въ томъ числѣ и я. При отъѣздѣ моемъ изъ Россіи въ редакціи «От. Зап.» находились рукописи нѣсколькихъ очень большихъ статей, напечатанныхъ до августа 1870 г. Затѣмъ нѣсколько меньшихъ было послано черезъ романистку (въ томъ числѣ и двѣ, о которыхъ я спрашиваю). Деньги за это (болѣе 1500 р.) выдавались, повидимому, самымъ неаккуратнымъ образомъ моему зятю, дочери или лицамъ имъ довѣреннымъ. Я лично получилъ немного. Редакторъ говорилъ (черезъ другихъ), что уплатили все. Весьма возможно, что деньги были употреблены иначе, что при смутныхъ дѣлахъ этихъ годовъ не мудрено. Я упорно спрашиваю лишь счета и трехъ послѣднихъ книжекъ 1870 г. Но ни того, ни другого получить не могу. Когда получу счетъ, въ чемъ еще не отчаиваюсь, то едва ли буду имѣть возможность провѣрить его, такъ какъ всѣ лица, посредствовавшія, разметаны, и я не знаю гдѣ, умерли и т. п. Я считаю мои сношенія съ этою редакціею оконченными, не думаю, чтобы они обокрали меня, но нахожу ихъ весьма невнимательными и неаккуратными, тѣмъ болѣе, что я принялъ нѣкоторыя мѣры противъ именно того, что дѣйствительно случилось, но они не обратили вниманія.

«Азбуку соціальн. наукъ» еще не получилъ и вообще не могу не удивляться той медленности, съ которою ходятъ книги изъ Россіи сюда, еще когда можно ихъ получить. Большинство посылокъ, мнѣ обѣщанныхъ съ разныхъ сторонъ, не доходятъ или медлятъ. Лишь посылка редакціи «Знаніе» дошла хорошо и быстро, что доказываетъ возможность посылать книги. Надо бы хорошенько разузнать, какъ это дѣлать. Поэтому я и затрудняюсь просить о высылкѣ книгъ, чтобы не пропало даромъ.

...Сегодня въ газетахъ, что Гюго провалился и не выбранъ въ Парижѣ депутатомъ. Впрочемъ все въ политикѣ такъ отвратительно, что лучше и не говорить.

16 февраля 1872 г.

Теперь о коммунѣ. Мнѣ кажется, что вы нѣсколько книжно, если позволите такъ выразиться, относитесь къ этому движенію. Вы предполагаете какъ будто обширную организацію, съ правильными сношеніями между центромъ и частями, съ чѣмъ-то въ родѣ общаго плана, обдуманыхъ средствъ, извѣстнаго персонала,

дѣйствующаго въ частныхъ мѣстностяхъ, по общему согласію и т. п. Вы допускаете какъ-будто лишь два случая: мѣстный персоналъ поторопился привести въ дѣйствіе обдуманый планъ, если онъ исполнилъ именно этотъ планъ, но планъ, цѣль и средства были плохо обдуманы въ центрѣ. Но не представляйте ни того ни другого случая, а совершенно иной, третій. Связываетъ и подчиняетъ части цѣлому не организація, не обдуманый планъ, а общія стремленія, общая цѣль которыхъ сознается все яснѣе, общіе враги, которыхъ ненавидятъ все сильнѣе. Правильной организаціи не существуетъ, . . .

автономіи національныхъ и даже очень мѣстныхъ группъ весьма велики; мѣстные вопросы стоятъ вездѣ на первомъ планѣ. Это имѣетъ свои выгоды и невыгоды. Выгоды въ томъ, что неразвитой работникъ отлично понимаетъ свой мѣстный вопросъ, горячо ему сочувствуетъ, готовъ ему принести значительныя жертвы и тѣмъ сильнѣе связанъ съ общимъ дѣломъ, что воображаетъ въ этомъ общемъ дѣлѣ свое частное; такъ какъ спеціальные вопросы работниковъ: недостаточность платы, притязанія буржуазіи, необходимость развитія и борьбы—вездѣ одинаковы, то связь естественно сильна, имѣетъ будущность и вѣроятность побѣды на ея сторонѣ. Невыгода же въ томъ, что люди, думающіе, будто они вполне понимаютъ другъ друга, понимаютъ другъ друга лишь отчасти, и въ томъ, что выходитъ изъ общеэкономическаго вопроса, касаясь національныхъ или политическихъ задачъ, не понимаютъ другъ друга совсѣмъ. Это для массы, для большинства. Теперь руководители. Выросши въ ежедневной борьбѣ въ данной мѣстности, они не могутъ не имѣть увлеченій и иллюзій, развиваемыхъ данною мѣстностью и ежедневною борьбой. Они смѣшиваютъ свои національныя традиціи борьбы съ борьбою экономической, въ которой служатъ руководителями; они ошибаются въ крѣпости, состоятельности и способности своихъ друзей и въ средствахъ, которыми могутъ располагать ихъ враги. Если бы организація была сильна, то со стороны люди менѣе увлекающіеся могли лучше знать дѣла и останавливать ошибки мѣстныхъ дѣятелей, но организація, какъ я уже сказалъ, находится въ самомъ элементарномъ состояніи (теперь нѣсколько стягивается, но едва ли удастся), и силы остановить или руководить движеніемъ извнѣ не существуетъ. Партія достаточно сильна, чтобы воспользоваться всякимъ сильнымъ національнымъ волненіемъ, но, вступая въ него, она поддается невольно въ каждой мѣстности традиціоннымъ элементамъ, движеніе становится крайне сложнымъ, и успѣхъ зависитъ уже не отъ экономической подставки всего движенія, а отъ тысячи комбинацій историческихъ случай-

ностей. Такъ было и съ коммуну. Соціальная партія была не готова въ Парижѣ 4 сентября, но рѣшилась не пропустить развитія революціи безъ попытки захвативъ въ свои руки власть. Уже борьба съ пруссаками усложнила дѣло совсѣмъ посторонними элементами. Соціальной партіи Парижа пришлось комбинироваться съ партіей войны во что бы ни стало, совершенно во вредъ своему основному принципу, и съ радикалами *République une et indivisible*. Это уже произвело первую вредную спутанность. Всѣ эти партіи вмѣстѣ дѣйствовали 31 октября, 22 января и 18 марта. Въ послѣднемъ случаѣ не обходилось и безъ примѣсей совершенно постороннихъ интригановъ, но они значенія не имѣли. Когда послѣднее движеніе произошло, то всѣ недостатки и выказались. Какъ центральный комитетъ національной гвардіи, такъ и коммуна состояла не изъ однородныхъ тѣлъ и, кромѣ того, люди, въ нее входившіе, не могли отдѣлаться и отъ традицій, *République une et indivisible* и отъ традицій *Paris le cerveau du monde* и отъ разныхъ другихъ. Когда изъ центральнаго совѣта, изъ Лондона, приѣзжали новые люди съ совершенно опредѣленною программой, обдуманною безъ увлеченій, то они невольно сейчасъ же уходили въ борьбу мѣстную со всѣми ея complicationами и иллюзіями, даже не посылали вовсе отчетовъ и писемъ въ Лондонъ, отнимали у тамошнихъ всякую возможность дѣйствовать. Движеніе вышло совершенно автономное: ему сочувствовали всѣ оттѣнки Лондона и Женева, его благословляли, если хотите такъ выразиться, потому что надѣялись изъ него сдѣлать точку опоры для общаго движенія, для соціальнаго дѣла. Но оно шло само собою, подъ вліяніемъ тысячи мѣстныхъ иллюзій и увлеченій настолько же, насколько и подъ вліяніемъ живого соціальнаго вопроса. Оказалось, что группа якобинцевъ помѣшала социалистамъ, нейтрализировала ихъ, и движеніе вышло ни то ни се, ни продолженіе стараго (для этого личныхъ симпатій не хватало), ни ясное указаніе новаго (для этого оно было слишкомъ комбинировано). Хорошіе результаты его слѣдующіе: поставлена ясно политическая программа рабочаго движенія (которой до тѣхъ поръ не было), это—федерация коммунъ съ возможно полнымъ самоуправленіемъ; доказано, что администраторами въ текущихъ дѣлахъ могутъ быть не только адвокаты и люди буржуазіи, но и ремесленники прямо съ прилавка, и что администрація хуже не будетъ; существуетъ кровавая легенда, которая позволяетъ внести въ мартирологъ на поклоненіе будущему людей, которые бы безъ того могли оказаться весьма несостоятельными и которые усилили значительно ненависть рабочихъ противу буржуазіи. Пораженіе ничего опредѣленнаго не дока-

зываетъ, кромѣ необходимости разглядывать хорошенько, изъ кого состоитъ партія, не поддаваться иллюзіямъ и организоваться крѣпче прежде наступленія минуты борьбы. Но все это азбучныя истины, и вопросъ о томъ, скоро ли эта *единственная живая* партія сумѣетъ разглядѣть свои элементы, устранить иллюзіи и организовать—есть вопросъ нерѣшенный. Пока недостаетъ того, чего недостаетъ всюду въ Европѣ—людей. Старые типы не состоятельны передъ новыми задачами, а новые не выработались. Потому ли не выработались, что случайныя комбинаціи мѣшаютъ, или потому, что не могутъ выработаться по существеннымъ условіямъ положенія, и въ такомъ случаѣ, на сколько должно измѣниться положеніе, чтобы выработка новыхъ типовъ была возможна,—не знаю. Надежды на быстрое торжество я не имѣю; даже не думаю, чтобы намъ удалось его видѣть, но на 500 лѣтъ его не откладываю. Если XX вѣкъ не рѣшитъ вопроса, значитъ вопросъ поставленъ дурно и замѣнится другою постановкою. Вотъ все, что могу сказать; не знаю, будете ли вы довольны.

Теперь два порученія. Во-первыхъ, прошу васъ доставить прилагаемое письмо Влад. Виктор. Лесевичу. Адресъ его: на Большомъ Проспектѣ, Вас. Остр., д. № 24, кв. № 4.—Второе нѣсколько сложнѣе. Можетъ случиться (даже вѣроятно), что вамъ доставятъ изъ редакціи «Д.» пакетъ, заключающій статью: «Послѣдовательные люди». Она состоитъ изъ слѣдующихъ элементовъ: письмо помѣщика въ редакцію при доставкѣ рукописи; донесеніе шпіона высшаго сорта нѣкому дипломату о собраніи, при которомъ шпіонъ присутствовалъ; четыре рѣчи (подслушанныя шпіономъ) представителей четырехъ противоположныхъ мнѣній въ самой рѣзкой ихъ формѣ, именно: умнаго буржуа, интернаціоналиста, духовнаго фанатика и позитивиста. Рѣчи очень рѣзки, и единственная надежда у меня была на то, что всѣ четыре одинаково рѣзки, повидимому ни одному собесѣднику не дано преимущества и того, которому я сочувствую, даже не поставлено въ концѣ. Я бы очень желалъ, чтобы эту статью можно было помѣстить въ какое-нибудь, не подлежащее цензурѣ, изданіе, совершенно устранивъ мое имя. Такъ какъ я въ этой формѣ не писалъ, то можетъ быть это возможно будетъ. Если рукопись носить слѣды того, что была въ редакціи «Д.», или что послана изъ-за границы, то дайте ее переписать. Я полагаю, что изданіе, не подлежащее цензурѣ, можетъ смѣло печатать, потому что на судѣ всегда будетъ оправдано, такъ какъ не видать, чтобы то или другое направленіе хвалилось; напротивъ и помѣщикъ, и шпіонъ относятся ко всѣмъ четыремъ съ порицаніемъ. Если

нужно, то можно усилить эти порицанія и вообще можно дѣлать въ словахъ помѣщика и шпіона требуемыя измѣненія. Въ крайнемъ случаѣ, можно выбросить кое-что и изъ рѣчей, помѣщая въ скобкахъ, что тутъ пробѣлъ въ рукописи (предисловіе позволяетъ это сдѣлать). Не найдете ли вы кого, кто взялся бы представить статью въ «Вѣстникъ Европы», какъ свою, или по крайней мѣрѣ совершенно умалчивая мое имя, и взялся указать редакціи возможность отстоять себя, имѣя въ виду, что поражаются въ статьѣ односторонности. Если сами не имѣете въ виду никого, то попросите Лесевича заѣхать къ вамъ и сообщите ему дѣло, какъ есть, прибавляя, что я прошу безусловнаго молчанія на счетъ моего участія. Если удобнѣе помѣстить въ другомъ журналѣ, то я и на то согласенъ, такъ какъ личность свою пока совсѣмъ устранию, лишь бы не искажена была статья совсѣмъ неподходящими прибавками къ рѣчамъ или сокращеніемъ одной рѣчи, напечатать остальные и т. п. Я пишу Лесевичу между прочимъ, что вы, можетъ быть, къ нему обратитесь по одному дѣлу. Извините, что затрудняю васъ хлопотами, но если бы это устроилось, оно бы было хорошо. Если нельзя, то напишите мнѣ и пусть рукопись у васъ; по крайней мѣрѣ вы прочтете....

23/11 февраля 1872 г.

Знаете вы объ обыскѣ у Н. Ут(ина). Я сегодня получилъ изъ Лондона тайкомъ № Egalité, гдѣ это подробно описано. Какъ бы Стасюлевичъ не пострадалъ; мнѣ говорили, что въ В. Е. были статьи Н. У.—Имѣю извѣстіе, что у Васъ въ Пет. какого-то молодого человѣка услали въ Архангельскъ. Не можете ли вы узнать подробностей? Что это вздумалось Стасовой и Трубниковой тягаться съ М. В. ¹⁾, кажется изъ-за пустяковъ. Да обратите вниманіе на International scientific series, о которыхъ объявлена на послѣдней страницѣ Athenaeum 10 Febr. Это, мнѣ кажется, хорошо бы для перевода.

26/14 апрѣля 1872 г.

...Я бы хотѣлъ Вамъ написать что-либо интересное о Парижѣ, но что здѣсь для Васъ интереснаго? Политическія новости вы знаете развѣ немногими часами позже моего, да и что теперь есть интереснаго въ политическихъ новостяхъ? Тьеры и Симоны, Гамбетты и Луи Бланы все это—выдохшіеся цвѣты стараго букета,

¹⁾ Марко Вовчекъ была обвинена третейскимъ судомъ въ плагиатъ перевода. Ред.

или, вѣрнѣе, поддѣльные цвѣты, которые когда-то большинство принимало за настоящіе. Почти каждый день берешь газету и читаешь, какъ такой-то коммунаръ или такая-то коммунардка осуждены на смерть. И это такъ обыкновенно, что не обращаешь на это почти и вниманія. Сейчасъ, возвращаясь съ почты, захватилъ *L'année terrible*. Взглянулъ туда, сюда: все это дѣлано, очень ужъ фигурно, очень ужъ старо. А вотъ подлѣ другой старикъ Мишелъ начинаетъ новый трудъ. Какъ припомнишь: тридцать лѣтъ тому я сдалъ экзаменъ въ офицеры и ѣхалъ въ послѣдній разъ въ лагерь. Мой покойный братъ прислалъ мнѣ изъ-за границы въ подарокъ деньги, и я на нихъ купилъ себѣ сочиненія именно этихъ двухъ стариковъ. Теперь и я уже очень не молодъ, а они все въ первыхъ рядахъ, и кто смѣнилъ ихъ?—Но я вдаюсь въ воспоминанія, въ болтовню. Лучше буду эгоистомъ и поговорю о себѣ. А что, впрочемъ, сказать вамъ о себѣ? Все работы, все планы, все надежды. Работаю много и разнообразно и надѣюсь работать и еще сильнѣе и еще разнообразнѣе. Что же больше и дѣлать? Видаю теперь часто русскихъ. Не помню, писалъ ли я вамъ, что обѣдалъ съ Тургеневымъ; мы обмѣнялись карточками, но онъ ко мнѣ не пришелъ, а я къ нему тоже не нашелъ нужнымъ идти. Не такъ давно зашелъ ко мнѣ Коршъ, по дорогѣ въ Петербургъ. Даже и дѣло предложилъ, но, кажется, это выйдутъ пустяки. Конечно вы не передадите никому о моихъ сношеніяхъ съ нимъ и о значеніи буквъ П. П. П-въ. Совсѣмъ уже на-дняхъ пріѣхалъ въ Парижъ и зашелъ ко мнѣ нашъ извѣстный адвокатъ. Онъ здѣсь останется недѣли четыре. Отъ другихъ лицъ получаю письма... А то еще бываетъ молодежь: студенты наши, весьма серьезнаго склада, наши братья-славяне изъ Сербіи, одинъ молодой испанецъ, рекомендованный мнѣ изъ Женевы, пріѣхавшій сюда работать и учиться. Или вотъ я сошелся съ Ханыковымъ; это уже совсѣмъ иной сортъ, мы съ нимъ все о Риттерѣ да о Гумбольдтѣ, о Гаухѣ и тому подобныхъ матеріяхъ. Впрочемъ, человѣкъ недурной и даже можетъ, кажется, пригодиться. Самъ предложилъ хлопотать объ одномъ изъ моихъ дѣлъ. Что же? скажете вы—жизненная пестрота, и больше ничего. Оно такъ, но есть тутъ кое-что и посерьезнѣе жизненной пестроты, что, впрочемъ, относится болѣе къ лицамъ, не названнымъ выше. Очень меня занимаетъ мысль объ изданіи сборника моихъ статей (написанныхъ послѣ катастрофы 1866 г.). Знаете, что какъ я составилъ списокъ ихъ, то самъ удивился, сколько я за это время написалъ. Мнѣ даже кажется, что иные могутъ упрекнуть меня, какъ бы не было тутъ излишняго многописанія. Очень сожалею я, что никто изъ моихъ пріятелей не сообщилъ мнѣ никакихъ отзы-

вовъ объ Ист. Пис.; я имѣлъ въ виду лишь статью Шелгун. и статьи въ «Знан.» при дополненіяхъ, мною сдѣланныхъ. Думаю теперь же серьезно заняться передѣлкой и дополненіемъ статей о «Современныхъ теоріяхъ нравственности». Ахъ да, если увидите со Стасовой, то поручите ей поблагодарить отъ меня ея брата Владиміра за устройство дѣла одного здѣшняго ученаго, изъ Альзаса, котораго мнѣ удалось ввести въ сношеніе съ нашей петербургск. бібліотекою, и послѣдняя покупаетъ у моего пріятеля его коллекцію журналовъ и каррикатуръ коммуны, коллекцію весьма замѣчательную. Не издалъ ли Владиміръ Стасовъ особо своей диссертациі о былинахъ?..

1/42 мая 1872 г.

...Я, можетъ быть, въ самомъ скоромъ времени прочту здѣсь *conférence* о А. Фейербахѣ¹⁾ въ пользу его. Кружокъ сочувствующихъ ему предложилъ мнѣ. Не знаю, какъ-то мнѣ удастся въ «*Capitale des peuples*», по выраженію Гюго. Невѣжды они здѣсь страшныя, но очень гонятся за эlegantностью слога, а мнѣ мѣшаетъ еще то, что мнѣ придется читать по рукописи, не говорить свободно, что всегда эффеkтнѣе... Напишите мнѣ, что толкуютъ между собою въ знающихъ кружкахъ о Харьковскомъ дѣлѣ. Наши молодцы держались не въ примѣръ лучше парижанъ въ подобныхъ случаяхъ.

Относительно романистки и Полет. при повальномъ пониженіи нравственности, особенно литературной и издательской, я ничему уже не удивляюсь и не нахожу *сравнительно* причины быть слишкомъ строгимъ... — Въ іюнѣ, вѣроятно, поѣду въ Лондонъ на нѣкоторое время, и, кромѣ того, сдѣлаю, можетъ быть, маленький кружокъ. Еще оказія (но люди опасливые): около 15 (вашего) мая Елисѣевъ долженъ быть на водахъ въ Германіи, куда вѣроятно я съѣзжу для свиданія съ нимъ, тѣмъ болѣе, что мнѣ нужно бы побывать въ Германіи; значить могъ бы взять письмо, если не побоится. Въ началѣ мая и Лесевичъ хотѣлъ везти въ По ребенка къ умирающей сестрѣ своей жены и думалъ побывать у меня; этотъ смѣлый, но, можетъ быть, намѣреніе отложено или измѣнено...

18/4 іюня 1872 г.

...Что касается до французовъ, то будьте спокойны: связываться съ ихъ дѣтскими революціонными порывами я не имѣю никакой охоты и не думаю, чтобы надолго во Франціи возможно было что-либо серьезное, какъ въ 1871 г....

¹⁾ Нѣмецкій живописецъ (1829—1880). Ред.

2/20 іюня 1872. London.

...Я желалъ бы знать, видѣли вы въ редакціи Спб. В. самого или В.¹⁾, такъ какъ и тотъ и другой были у меня, и какое вы имѣли впечатлѣніе, можно ли мнѣ посылать имъ отъ времени до времени, что-нибудь? Денегъ я не получилъ ниоткуда, но о СПБ. Вѣд. не хлопочу, такъ какъ и сумма весьма маленькая, и они народъ извѣстной честности. Можетъ быть посланы въ Парижъ. По возвращеніи туда я узнаю и напишу вамъ. Дѣло гораздо серьезнѣе съ «Зн.». Я рассчитывалъ на эти деньги и хотя, къ счастью, взялъ про запасъ сумму, которую трогать не хотѣлъ, но вовсе не увѣренъ въ аккуратности господъ, мнѣ очень мало извѣстныхъ. Впрочемъ, и тутъ думаю, что я имъ нуженъ, особенно если они желаютъ расширить изданіе, слѣдовательно думаю, что заплатятъ и книги пришлютъ когда-нибудь. Такъ какъ въ іюльской книжкѣ статья будетъ, то надо думать лишь объ августовской. Очень жаль, что отсутствіе книжекъ «Знанія» и оригинала моихъ первыхъ статей «Очерки Систем. Знаній» мнѣ сильно мѣшаетъ продолжать ихъ, но попробую и въ этомъ мѣсяцѣ (по нов. ст.) пошлю то или другое...

Въ «Д.» пишу, чтобы вамъ послали оригиналъ, такъ какъ въ корректурѣ многое выброшено, именно самое сильное. Она у меня есть... Изъ-за чего Жоховъ такъ стоялъ за Пашеньку²⁾. Не можете ли вы мнѣ дать свѣдѣнія о томъ, гдѣ, что и какъ Ткачевъ и его сестра. Но прошу васъ при этомъ моего имени вовсе не упоминать. Изъ Швейцаріи мнѣ пишутъ, будто Чернышевскій бѣжалъ въ Америку, но кажется я бы имѣлъ объ этомъ извѣстія.

17/5 іюля 1872.

...У меня завязались еще литературныя сношенія, и, кажется, «Послѣдов. люди» увидятъ свѣтъ даже полнѣе, чѣмъ корректура, которую вы имѣете и въ которой весьма многое выброшено. Если вамъ въ будущемъ, откуда бы то ни было, пришлютъ статью, то храните ее, а я напишу, что съ ней дѣлать. Относительно

¹⁾ Корша или Э. К. Ватсона.

Ред.

²⁾ Намекъ на причины дуэли чиновника и писателя А. О. Жохова съ присяжнымъ повѣр. Е. И. Угинымъ, связанной съ политическимъ процессомъ Д. Гончарова, который былъ осужденъ на поселеніе въ Восточную Сибирь за распространеніе прокламаціи по поводу Парижской коммуны. (См. „Отеч. Зап.“ 1872 г. № 6; „Сочиненія Спасовича“ т. V). Е. И. Утинъ былъ защитникомъ Гончарова и не согласился съ системою защиты, предложенною Утину Жоховымъ и Гончаровою. Неблагопріятный отзывъ Утина о Жоховѣ по этому поводу повели къ дуэли, на которой Жоховъ былъ убитъ. Спасовичъ защищалъ Утина 16 авг. 1872 г., по обвиненію въ убійствѣ на поединкѣ и въ тотъ же день вечеромъ Прасковья Гончарова лишила себя жизни выстрѣломъ изъ револьвера. Ред.

юльской книжки «Зн.» я едва ли успѣю послать для нея что-либо, но постараюсь.—Я эти дни немало говорилъ и спорилъ съ нашими дамами-докторами, особенно съ тою, что теперь еще въ Лондонѣ. Очень ужъ онѣ присмирѣли, очень презрительно смотрятъ на настоящее положеніе, и общее впечатлѣніе, отъ нихъ полученное, для меня очень грустно. Смотря на молчаливую, какъ бы усталую фигуру одной изъ нихъ, я вспоминалъ иные вторники начала шестидесятыхъ годовъ, горячіе споры, громкую рѣчь, страстное стремленіе къ борьбѣ и побѣдѣ. И вотъ она, побывавшая, достигшая цѣли! «Очень ужъ вы стали молчаливы»—говорю я ей. «Скоро и совсѣмъ разучусь говорить», отвѣчаетъ она. Неужели это такъ слѣдуетъ? Передо мною письмо одного изъ передовыхъ вчерашнихъ дѣятелей, для которыхъ я былъ слишкомъ умѣренъ, слишкомъ эклектиченъ, слишкомъ книженъ. Какъ онъ утомленъ, недовѣрчивъ къ людямъ, особенно къ молодежи, какъ онъ готовъ на уступки, хотя повторяетъ слова о традиціяхъ начала шестидесятыхъ годовъ. Я вижу изъ рѣчей этихъ дамъ, вижу изъ письма этого господина, что они считаютъ меня человѣкомъ преданнымъ иллюзіямъ и едва ли не вреднымъ иллюзіямъ. Неужели они правы? Неужели я подъ старость ушелъ въ иллюзіи, противъ которыхъ такъ усиленно боролся всегда въ себѣ и другихъ? Неужели ихъ научилъ опытъ жизни, а меня отвратилъ отъ истины? Или неужели эти люди, безспорно умные, талантливые, энергичные, опустили и отошли отъ настоящаго движенія въ сторону. Одно могу сказать, что я не могу увѣриться, что они правы. Должно быть мнѣ судьба быть всегда однимъ; въ общую ноту я все не попадаю; то полутономъ ниже, то тономъ выше беру. Что дѣлать: буду пѣть, какъ приходится по голосу.

Длиннаго письма все еще не написалъ Вамъ, потому что дни раздерганы на кусочки; то спрашиваютъ одно, то надо продолжить другую работу, то писать письма. Вотъ, тому дня четыре приходилось отвѣчать въ Цюрихѣ одному господину, который очень серьезно спрашивалъ меня о моемъ положеніи между двумя партіями интернаціонала. Вчера просятъ изъ Парижа 4 страницы антропологическихъ извѣстій изъ Россіи; надо будетъ поискать здѣсь. Изъ Петербурга я ничего не имѣю... Я нѣкоторое время не получалъ газетъ и потому не знаю, чѣмъ кончился судъ надъ Утинымъ и секундантами дуэли¹⁾. Вчера читалъ въ газетахъ конецъ суда надъ Полозовымъ и нахожу, что уже черезчуръ снисходительны присяжные въ настоящемъ

¹⁾ Утинъ былъ приговоренъ къ двухлѣтнему заключенію въ крѣпости, но судъ ходатайствовалъ предъ государемъ о сокращеніи срока заключенія до 5 мѣсяцевъ. *Ред.*

случаѣ. Правда ли, что Евгенъ Иванъ Конради оставила Петербургъ и уѣхала воспитывать дѣтей въ Швейцарію?

Относительно коммунаровъ, на которыхъ вы такъ сильно нападаете въ вашемъ длинномъ письмѣ, опишу вамъ положеніе двухъ изъ нихъ: одинъ былъ министромъ коммуны, имѣлъ сотни тысячъ въ рукахъ; я хожу иногда по утрамъ въ воскресенье къ нему на чердакъ, гдѣ онъ спитъ, работаетъ среди разныхъ химическихъ частей и ведетъ переписку съ далекими странами. Всю недѣлю онъ работаетъ на фабрикѣ, и потому видѣть его нельзя. Другой, бывшій главнокомандующій цѣлаго отдѣла арміи, защищавшей Парижъ, лежитъ больной, отъ старыхъ ранъ, и между тѣмъ, когда я былъ у него послѣдній разъ, онъ говорилъ мнѣ, что, не имѣя возможности болѣе платить за квартиру, отнынѣ будетъ бродить, проводя, гдѣ день, гдѣ ночь. Онъ тоже имѣлъ въ рукахъ огромныя суммы. Судите, какъ хотите, а для меня эти люди стоятъ уваженія: они имѣли хорошее и крѣпкое убѣжденіе; сдѣлали для него, что умѣли, безъ всякихъ эгоистическихъ расчетовъ, и, несмотря на удары судьбы, идутъ все рѣшительно по той дорогѣ, которую имъ указало ихъ убѣжденіе. Должны ли бы они поступать именно такъ, какъ поступали?—Пусть это судить и осуждаетъ тотъ, кто всегда поступалъ, какъ должно, и всегда видѣлъ ясно, какъ должно поступать въ самыхъ запутанныхъ обстоятельствахъ

23/11 іюля 1872.

..Я уѣзжаю изъ Лондона, именно возвращаюсь въ Парижъ; надолго ли? и не подвергнусь ли высылкѣ? Отвѣчать опредѣлительно на это не могу, но хотѣлъ бы наконецъ усѣсться на мѣстѣ. Мнѣ бы гораздо пріятнѣе было остаться здѣсь совсѣмъ, потому что Парижъ и Франція мнѣ теперь противны, но есть разныя дѣла и обстоятельства, которыя принуждаютъ меня вернуться; между прочимъ, здѣсь вовсе нѣтъ русскихъ переписчиковъ, а на Парижъ я болѣе надѣюсь. Словомъ, какъ бы то ни было, я, можетъ быть, завтра, а, навѣрное, скоро ѣду въ Парижъ... Вы теперь мой единственный дѣловой корреспондентъ.... Я прошу васъ отвѣтить мнѣ *искренно*, можете ли вы взять на себя болѣе серьезное порученіе. Послѣ долгихъ попытокъ найти себѣ работу, я, кажется, окончательно получилъ весьма серьезный заказъ. Дѣло лишь въ томъ, что въ условіи поставлено, чтобы я доставлялъ рукопись въ Петербургъ не прямо, а посылалъ бы ее пріятелямъ, которые доставляли бы уже ее по назначенію. Кромѣ того, рукопись должна быть переписана. Я хлопочу, чтобы мнѣ присылали

корректуру, но едва ли это удастся. Теперь я васъ спрашиваю, 1) можно ли пересылать рукопись черезъ васъ?, т.-е. вамъ доставлять ее такъ или иначе, по почтѣ или оказіей, а вы передадите по назначенію. 2) Если бы я временно не имѣлъ переписчиковъ, можете ли вы взять на себя трудъ отыскать изъ *вѣрныхъ* около себя и провѣрить переписанное. 3) Если невозможно будетъ посылать мнѣ корректуру, возьметесь ли вы просмотрѣть одну корректуру? Видите ли сколько порученій. Вы завидуете мнѣ, что я катаюсь по европейскимъ столицамъ, а завидовать право нечему. Эта жизнь мнѣ совсѣмъ не по сердцу. Я бы предпочиталъ сидѣть на одномъ мѣстѣ... Пишите, что можете о нашей литературѣ и нашемъ обществѣ: я давно ничего не знаю.

31/12 іюля 1872 г. Лондонъ.

Не знаю, удастся ли мнѣ кончить во время это письмо и послать его, какъ мнѣ хотѣлось бы, но начинаю исполненіе обѣщанія, которое окончу, когда будетъ возможно и какъ сумѣю.

Можно укрѣпить знаніе, но вѣру укрѣпить нельзя; поэтому, если вы потеряли вѣру въ самую возможность лучшаго строя общества, достигнутаго путемъ безчисленныхъ жертвъ и кровавыхъ потрясеній, то я не въ состояніи укрѣпить этой вѣры. Я могу вамъ передать только мой взглядъ на вещи, аргументы, которыми я руководствуюсь для моей дѣятельности, для моихъ стремленій. Тамъ, гдѣ такое доказательство не можетъ имѣть мѣста, остается построить вѣроятнѣйшее на основаніи соображеній, можетъ быть лишь субъективно-убѣдительныхъ, чаще выражающихъ наши собственные желанія и стремленія, чѣмъ логически послѣдовательныхъ.

Прежде всего сама возможность лучшаго путемъ революціи, вообще говоря, достигнута быть не можетъ, а тѣмъ менѣе можетъ быть признана въ опредѣленномъ частномъ случаѣ. Но стремленіе къ лучшему, къ истинѣ, къ справедливости неизбѣжно заставляетъ людей бросаться въ бой, когда общественная дѣйствительность ихъ возмущаетъ. Спрашивается, ошибка ли это? Я полагаю, что нѣтъ, потому что, если никогда не доказано, что предстоящая революція поведетъ къ побѣдѣ и къ дѣйствительно-лучшему, то не доказано и противное, а въ случаѣ сомнѣнія слѣдуетъ не воздерживаться а идти за своимъ убѣжденіемъ. Затѣмъ самый процессъ борьбы за убѣжденіе, какъ бы оно ни было даже ошибочно, есть процессъ укрѣпляющій энергію характера, возвышающій достоинство человѣка, особенно, если въ человѣкѣ есть болѣе

или менѣе ясное сознаніе, что его убѣжденіе есть дѣйствительно убѣжденіе прогрессивное, совпадающее съ историческимъ движеніемъ. Много жертвъ! Знаете ли, дорогой другъ мой, что этотъ ужасъ передъ мертвыми, передъ падающими при театральной обстановкѣ битвъ, убійствъ, рѣзни и казней, есть въ значительной мѣрѣ иллюзія. Возьмите статистическія данныя за десять лѣтъ, среди которыхъ въ продолженіе небольшого кусочка времени совершились самыя кровавыя революціи и сравните съ таблицами смертности за десять лѣтъ, когда революцій, совсѣмъ не было. Вы увидите, что среднее число выбывшихъ одно и то же. Только тамъ они умирали въ одиночку, отъ простуды и отъ эпидеміи, въ госпиталяхъ, на чердакахъ, пожалуй въ колоннахъ, одѣтыхъ въ красивые мундиры, двигавшихся подъ знаменами, на которыхъ красовались разные гербы, при звукѣ военной музыки, и записаны официальными героями, павшими за отечество. А здѣсь они рѣзались и гибли толпою, остервенѣлые, какъ волки, готовые буквально грызть другъ друга, и военный идиотизмъ смѣнился бѣшенствомъ слѣпago энтузіаста. Тамъ ихъ хвалятъ и уважаютъ и свои, и непріатели; здѣсь ихъ считаютъ мучениками, святыми, богами съ одной стороны, ругаютъ мерзавцами съ другой. Но число, безсердечное число, доказываетъ, что жатва смерти если и колеблется подѣ вліяніемъ общественныхъ грозъ отъ года до года, то средній урожай все тотъ же. Слѣдовательно... Не знаю какъ для васъ, а для меня выходитъ, что слѣдовательно пусть люди ошибаются, увлекаются, губятъ другъ друга въ революціяхъ. Это лучше, здоровѣе и во всякомъ случаѣ не вреднѣе для человѣка, чѣмъ примиреніе съ судьбою, покорность предъ возмутительнымъ общественнымъ строемъ.

Это вообще, а теперь въ частности и о коммунахъ. Вы ставите такія требованія защитникамъ коммуны, которыя выполнить невозможно. Какъ вы хотите, чтобы доказывали правильность, справедливость, разумность дѣйствій людей въ бурю, когда всякая иллюзія произвольной дѣятельности исчезаетъ. Все, что позволительно спросить, это: слѣдовало ли имъ броситься и бросить другихъ въ бурный потокъ, стремленіе котораго превосходило всякое личное разсчитанное вліяніе? или слѣдовало воздержаться? Послѣднее было возможно, и слишкомъ многіе приняли именно этотъ способъ дѣйствій. Они остались въ сторонѣ отъ потока, остались цѣлы и могутъ осыпать обвиненіями тѣхъ, которые были въ потокѣ, за то, что послѣдніе принимали не всегда граціозныя позы, за то, что хватались за что попало, за то, что теряли иногда голову. Я—ожесточенный порицатель и врагъ этихъ господъ, бывшихъ въ Парижѣ зрителями, но не участни-

ками движенія при полной возможности участвовать въ немъ дѣятельно. Много зла принесло ихъ воздержаніе, и присутствіе еще человѣкъ 200 или 100 изъ развитыхъ и искреннихъ въ центрѣ движенія могло сильно измѣнить характеръ теченія дѣлъ. Я утверждаю, что было правильно, справедливо, разумно стать подъ знамя революціи 18 марта, броситься въ начинающееся и неизбежное уже движеніе и сдѣлать въ немъ, что можно было сдѣлать. Но, разъ оправдывая рѣшительно и безусловно людей, ринувшихся въ потокъ, я не прилагаю уже мѣрки строго справедливаго, строго-разумнаго къ мѣрамъ, къ которыхъ они прибѣгали. Вопросъ не въ томъ, что слѣдовало сдѣлать, если бы была возможность, объективная и субъективная, размышлять надъ каждымъ своимъ дѣйствіемъ, критически оцѣнивать каждый политическій шагъ, взвѣшивать каждаго союзника и товарища? Вопросъ въ томъ, что могли сдѣлать люди съ умомъ и съ убѣжденіемъ, но подъ вліяніемъ самой тяжелой внѣшней обстановки, подъ вліяніемъ сознанной враждебности части населенія въ стѣнахъ самаго Парижа, подъ вліяніемъ одуряющаго увлеченія коллективной страсти, подъ вліяніемъ собственныхъ страстей, иллюзій и заблужденій. Въ бурное время народнаго волненія всякій участникъ не можетъ осуществить и тысячной доли того, что хотѣлъ бы; онъ—игрушка сотни давленій; онъ идетъ по равнодѣйствующей сотни силъ, изъ которыхъ лишь одна есть цѣль, имъ сознанная и его одушевляющая. И развѣ союзниковъ въ такую минуту можно выбирать? Развѣ не неизбежно интриганы, воры, спекуляторы втираются въ подобныхъ случаяхъ всюду, и втираются тѣмъ въ большемъ числѣ, чѣмъ болѣе личностей воздерживается отъ участія въ движеніи, боясь запачкаться. Все это фатально; все это было и будетъ во всѣхъ революціяхъ; и, по моему мнѣнію, это нисколько не вредитъ тому громадному историческому значенію, которое имѣютъ революціи для историческаго прогресса. Пусть при наступленіи часа каждый бросится въ волненіе и, можетъ быть, соединенныя силы искреннихъ и разсудительныхъ людей оттѣснятъ интригановъ, сообщать общему движенію нѣсколько болѣе близкое направленіе къ идеалу развитыхъ людей, чѣмъ до сихъ поръ было. Вотъ все, что можно ожидать. Революція 1871 г. не была соціальною революціей, въ этомъ вы совершенно правы; но она была приближеніемъ къ ней, а это уже много; она поставила программу уже яснѣе, практичнѣе. Это ея неизмѣнная заслуга, и поэтому я считаю ее важною эпохою въ исторіи.

Вы цитируете двѣ фразы изъ моего письма, изъ которыхъ по крайней мѣрѣ одна, должно быть, мною или неясно написана,

или ошибочна. Ненависть работниковъ къ буржуазіи вообще не уменьшилась, а скорѣе увеличилась послѣ кровавой реакціи, и социальная революція, если она скоро настанетъ, должна быть кровавымъ возмездіемъ. Я совсѣмъ не помню, въ какомъ смыслѣ и въ связи съ чѣмъ я могъ говорить, что она уменьшилась.—Что касается до дурно поставленнаго вопроса, то мое мнѣніе таково: потребности человѣка многочисленны, но онъ не чувствуетъ или не сознаетъ ихъ одинаково и одновременно. Особенно, когда его вниманіе сильно обращено на одинъ вопросъ, онъ недостаточно сознаетъ, что этотъ вопросъ связанъ со множествомъ иныхъ, и пытается его рѣшить, не рѣшая другихъ. Тогда вопросъ «дурно поставленъ». Мнѣ кажется, что рабочій вопросъ поставленъ довольно вѣрно, чтобы быть рѣшеннымъ такъ, какъ онъ стоитъ, и въ такомъ случаѣ его рѣшеніе должно наступить довольно скоро (не въ историческомъ, а въ индивидуальномъ смыслѣ). Но, можетъ быть, мы увлекаясь на ряду съ другими, не видимъ его сложности, его связи съ другими, болѣе глубокими; напримѣръ, женскій вопросъ можетъ сильно усложнить рѣшеніе его. Въ такомъ случаѣ онъ поставленъ узко, односторонне, невѣрно. Двадцатый вѣкъ можетъ быть поставить его иначе, и нашъ социализмъ будетъ то же для нашихъ потомковъ, что для натуралистовъ новой Европы была схоластическая попытка рѣшать вопросъ о природѣ на основаніи текстовъ Библии и Аристотеля. Подробности будутъ тѣ же, и всѣмъ ихъ надо удовлетворить, но въ иной комбинаціи. Впрочемъ, иллюзія или нѣтъ наше стремленіе—дѣло остается все то же: выработаемъ себѣ возможно лучшее критическое убѣжденіе, возможно вѣрное знаніе условій жизни и будемъ дѣйствовать сообразно убѣжденію. Крылья опускать не надо. Не надо и бранить очень людей, которые рѣшились взять власть въ трудную минуту, изъ которыхъ значительное число сдѣлало все, что могло, было честно и искренне, билось съ врагомъ, чѣмъ умѣло и какъ умѣло, дѣлало ошибки, какъ всякій бы сдѣлалъ, и заплатило тяжело. Я говорю не о фразерѣ Гюго, не о пустомъ говорунѣ Луи Бланѣ, не объ интриганѣ Гамбеттѣ (у него большая политическая будущность, но онъ измѣнитъ), не объ одряхлѣвшемъ нравственно Мадзини, а объ тѣхъ, которыхъ я зналъ и видѣлъ; и это работники, которыхъ отгѣснили Піи и Делеклюзы, работники, которымъ не доставало рѣшимости отказаться отъ союза съ этими Піями и Делеклюзами, но это были люди мысли и дѣла. Одни погибли, какъ Варленъ, другіе работаютъ на чердакахъ, какъ Франкель, но называть ихъ Магницкими и Аракчеевыми неудобно. Марксъ былъ бы вовсе не на мѣстѣ въ Парижѣ; онъ не таковъ, чтобы вліять на народъ въ подобныя минуты. Его можно обвинять (и я обвиняю) въ другомъ, но это иное дѣло.

Мой сборникъ не выйдетъ. Еще планъ въ виду. О томъ, что вызвало меня на вопросъ: хорошо ли я дѣлаю и что я дѣлаю? Дѣйствительно писать нельзя, хотя въ ту минуту, какъ я пишу это, я надѣюсь доставить Вамъ письмо по вполне вѣрной оказіи. Но все-таки есть вещи, о которыхъ въ Россію писать не могу, потому что могу случайно компрометировать другихъ. Ожидаю свѣдѣній, писемъ, извѣстій; много слышу подавляющаго, но... мнѣ кажется, что слѣдуетъ дѣлать такъ то... Но оставимъ это. Съ Франціею я не связываюсь и чувствую къ ней нѣкоторое отвращеніе. Мои глаза все обращены на Россію, но на возвращеніе я не надѣюсь.

Посылаю Вамъ статейку (маленькую) для «Знанія». Меня крайне удивляетъ молчаніе всѣхъ этихъ господъ. Кто-то изъ редакціи былъ въ Парижѣ, получилъ мой лондонскій адресъ, отдалъ рукописи, но въ Лондонѣ не написали ни слова. Съ Сусловою я послалъ Гольдсмиту письмо въ Цюрихъ, на которое ему слѣдовало отвѣтить и прислать мнѣ сюда деньги. Онъ не отвѣтилъ ни слова до сихъ поръ.

Теперь относительно книжекъ «Знанія»; я увѣренъ, что въ Парижѣ ихъ нѣтъ; надѣюсь, что Аленниковъ устроитъ это у Жука. Что за безпорядокъ, и не выказываетъ ли онъ съ ихъ стороны нѣкоторое желаніе прекратить дѣла со мною. Вы мнѣ написали, что они хотѣли преобразовать «Знаніе» въ будущемъ году; но какъ? мнѣ бы это очень нужно было знать. Постараюсь скоро послать Вамъ еще статью для «Знанія». Надѣюсь недѣли черезъ двѣ или три вернуться въ Парижъ, но не знаю, сбудется ли надежда.

Вы не повѣрите, какъ грустно для меня было читать о Вашей обстановкѣ и о Вашемъ положеніи. Помочь существенно конечно нельзя, но нельзя ли было бы Вамъ предпринять какую-либо работу, которая бы Васъ заняла, и въ то же время была Вамъ полезна. Чтобы Вы сказали, если бы мы въ сотрудничествѣ издали новую, либо на половину компилятивную, на половину переводную книгу. Могли ли бы Вы найти издателя и могло ли бы это быть для Васъ выгодно? Можно бы раскинуть умомъ; подумайте Вы объ этомъ, подумаю и я; напишите мнѣ отвѣтъ. Это могло бы быть и полезно.

Для меня чрезвычайно неожиданна была встрѣча съ Аленниковымъ и рядъ извѣстій, имъ сообщенныхъ. Оригинальный персонажъ и его товарищъ, г. церемоніймейстеръ.

Когда изъ Россіи вынырнуть экземпляры, прежде знакомые или незнакомые, ихъ разсматриваешь, какъ геологъ разсматриваетъ признакъ формации. Что это? Осадокъ старой дряни? перегорклый

обломокъ волканическаго изверженія? или застывшая грязь? или еще осталась здѣсь жизнь? Но пора кончать и ѣхать отдавать письмо. Изъ-за того, что хотѣлъ послать съ нимъ, оставилъ слишкомъ мало времени для окончанія этого письма. Жму Вамъ крѣпко руку, дорогой другъ. Будьте здоровы и крѣпки. Не опускайте крыльевъ. Я и старѣе гораздо, и много насмотрѣлся болѣе гадкаго, чѣмъ Вамъ довелось вѣроятно, и все еще пытаюсь идти своею дорогою... Усталый путникъ—помните?¹⁾.....

22/10 окт. 1872. Парижъ.

...Вы говорите въ послѣднемъ письмѣ, чтобы я ѣхалъ въ Германію, а не въ Цюрихъ. Дѣло въ томъ, что если дѣла пойдутъ, какъ до сихъ поръ шли, то всего вѣроятнѣе я поселюсь въ Лондонѣ. Во-первыхъ, такой библіотеки и такого удобства, какъ въ Британскомъ Музеѣ, для своихъ занятій я не найду нигдѣ. Даже русскія сочиненія тамъ очень многочисленны. Во-вторыхъ, я тамъ кое-кого уже знаю, не надо заново заводить знакомства, а при томъ образъ жизни, который мнѣ теперь предстоитъ до конца моего существованія, мнѣ необходимо видѣть людей внѣ дома, пигмеи ли, или гиганты, или обыкновеннаго роста, лишь бы были люди, достаточно честные и нѣсколько симпатичные. Я многого не требую... Далѣе нигдѣ я не считаю себя столь безопаснымъ отъ какихъ-либо розысковъ и преслѣдованій и моихъ корреспондентовъ столь огражденными отъ открытія, какъ въ мирѣ людей, занятыхъ своими дѣлами, каковъ Лондонъ. Наконецъ есть въ Лондонѣ одно мѣсто, которое имѣетъ для меня печальную притягательную силу. Туда никто, кромѣ меня, не пойдеть, потому, что я одинъ его знаю, и если бы даже я поселился внѣ Лондона, то посѣщать его я долженъ. Въ Германіи я себя вовсе безопаснымъ не считаю, и нѣмцы, признаюсь, теперь мнѣ вовсе не симпатичны. Но можетъ случится, что я все-таки поселюсь въ Цюрихѣ, хотя онъ не представляетъ ни одного изъ перечисленныхъ удобствъ для занятій или для безопасности; но можетъ быть я тамъ могу быть полезенъ. Тамъ есть группа русской учащейся молодежи обоого пола и, по многимъ письмамъ, мною полученнымъ, ей недостаетъ опытныхъ и развитыхъ совѣтниковъ. Вы скажете, что можно быть полезнымъ вездѣ и гораздо болѣе писанымъ или печатнымъ словомъ, чѣмъ личными отношеніями. Вы правы, но дѣло въ томъ, что до сихъ поръ меня не могли удовлетворить никогда отвлеченныя отношенія къ читателямъ, которыхъ я не знаю и не вижу. Они могли составить долю, даже весьма значи-

¹⁾ Стихотвореніе Лаврова. См. „Гол. Мин.“ 1915 г. № 9.

тельную, моей жизни, но я нуждался въ живыхъ товарищахъ жизни, симпатіи которыхъ или, по крайней мѣрѣ, сочувствіе моей мысли я могъ бы видѣть, слышать, ощущать. Можетъ быть и это дурная привычка; можетъ быть отвыкну и отъ нея, но пока еще попробую удовлетворить ее. Можетъ быть удастся устроить какой-либо курсъ для молодежи. Есть и болѣе серьезный планъ, не скажу, чтобы очень разсудительный, но который обѣщаетъ занять умъ, если пойдетъ въ ходъ, и для котораго едва ли не лучше мнѣ быть въ Швейцаріи. Писать о немъ болѣе я не могу, потому что это касается и другихъ, рискующихъ болѣе, чѣмъ я¹⁾. Если я не сочту себя полезнымъ въ Цюрихѣ, то почти навѣрное вернусь въ Лондонъ, откуда буду предпринимать поѣздки, то туда, то сюда. Вѣдь я теперь дѣйствительно ничѣмъ и никѣмъ не связанъ. Помните, Вы мнѣ говорили въ Парижѣ наканунѣ войны, что я впервые свободенъ. Я не возражалъ, но это было не совсѣмъ вѣрно. Теперь оно такъ. У меня нѣтъ ни одного уголка въ мірѣ, къ которому меня влекло бы постоянно и неудержимо, потому что тамъ мнѣ лучше всего. Я гражданинъ міра и соотечественникъ всѣмъ хорошимъ людямъ, всѣмъ, раздѣляющимъ мои мнѣнія. Какъ это звучно и хорошо... въ отвлеченности.—Если Вы поѣдете за границу, то напишите мнѣ, и я приѣду въ тотъ городъ, куда Вы захотите. Я знаю, что въ Англію Вы не хотите ѣхать. Тамъ, въ Гейдельбергѣ, или гдѣ угодно, мы потолкуемъ о вѣчно пересоздающихся планахъ и вѣчно нуждающихся предпріятіяхъ, о фатальномъ теченіи вещей и событій. Деньги, кажется, у меня теперь будутъ, только бы здоровье не подгадило. Глаза плохи становятся; нервы не хороши; общее утомленіе; даже неохота иногда работать нападаетъ. Послѣдній признакъ очень плохъ, но можетъ быть пройдетъ со временемъ. Впрочемъ, и старъ становлюсь, пятидесятый годъ. А работы только давай, если обстоятельства круто не измѣнятся.

30/18 Окт. Парижъ 1872 г.

Благодарю за «Спб. Вѣд.», которыя я получилъ вчера и въ которыхъ нашелъ много утѣшительнаго. Экземпляры «Знанія» (до Іюльской книжки включительно) я получилъ еще въ Лондонѣ, куда мнѣ переслали его сейчасъ по полученіи. Только Августовской книжки дожидаться не могу, а это мѣшаетъ мнѣ продолжать «Очерки систем. знаній», потому что, какъ я Вамъ писалъ когда-то очень очень давно (7—19 Авг.), у меня нѣтъ ни оригинала, ни ко-

¹⁾ См. воспоминанія Сажина «Гол. Мин.» 1915 г. № 10 и Г. А. Лопатина «Г. М.» 1916 г. № 4.

пи, ни оттиска, и я потому самому просилъ тогда вернуть оригиналъ, списавъ, если не скоро напечатаютъ....

Стараюсь работать, и, пока глаза не утомляются, все хорошо еще или, по крайней мѣрѣ, сносно. Помогаютъ кстати и разные соотечественники и соотечественницы, Богъ знаетъ откуда налетѣвшіе и налетающіе въ Парижъ и являющіеся въ мою маленькую комнату. Ихъ дѣла большею частью развлекаютъ или отвлекаютъ. Но ужаснѣе всего улицы, гдѣ всѣ углы полны воспоминаніями. Если бы я не очень уже выработалъ въ себѣ скептицизмъ и умственную критику, я совершенно увѣренъ, что сталъ бы теперь спиритистомъ и былъ бы гораздо болѣе счастливъ и доволенъ, чѣмъ теперь. Но и для этого нельзя уступать единственнаго достоинства человѣка—трезвой мысли. А признаюсь, иногда хотѣлось бы. Я совершенно понимаю теперь то состояніе духа, въ которомъ люди весьма недюжинные могутъ свернуть съ этого пути. Когда я разбираю то, что я чувствовалъ, думалъ и дѣлалъ эти 1½ мѣсяца, то сознаю, что поступалъ въ значительной долѣ такъ, какъ надо бы поступать, если бы я вѣрилъ въ бессмертныхъ духовъ или душъ, видящихъ насъ, слушающихъ насъ и могущихъ быть довольными или недовольными тѣмъ, что мы дѣлаемъ, могущихъ страдать или радоваться. А я очень хорошо знаю, что некому быть довольнымъ или недовольнымъ, опасаться или радоваться; знаю, что это я самъ съ собою наединѣ балуюсь. Но поступаю, будто бы зналъ иное или вѣрилъ въ иное. И понимаю, что для многихъ можетъ быть совершенно неизбѣжна эта вѣра. Понимаю, что многіе могутъ видѣть, слышать, сообщаться съ фантастическими образами и наслаждаться этимъ. Было бы много наслажденія въ полной иллюзіи, но она недостойна человѣка... Впрочемъ перестаю. Вы не можете себѣ представить, какъ меня волнуютъ, раздражаютъ эти немногія строки, которыя я пишу Вамъ одной, пишу намеками, и которыя такъ хочется писать. Но къ чему? надо отвыкать... Долго еще меня будутъ посѣщать призраки, но они поблѣднѣютъ, я это знаю; таковъ законъ природы...

20/8 ноября 1872 г.

Завтра вечеромъ я вѣзжаю въ Цюрихъ, вѣроятно, мѣсяца на два. Какъ я уже писалъ, вѣроятно, лучше будетъ Вамъ писать въ Парижъ, какъ послѣдній разъ, а мнѣ будутъ пересылать; точно также и мои письма, вѣроятно, пойдутъ черезъ Парижъ, потому что за швейцарскими, говорятъ, очень слѣдятъ... Мое имя ¹⁾ Сидоровъ или Ріегге....

¹⁾ Въ Швейцаріи.

24/12 ноябр. Цюрихъ 1872 г.

...Изъ Цюриха видѣлъ я еще очень малую долю; былъ въ русской библіотекѣ, которая только что переѣхала въ новое помѣщеніе, каталогъ которой представляетъ весьма почтенное собраніе и которая, вѣроятно, еще будетъ расширяться; былъ на лекціи гигиѣны о рабочихъ болѣзняхъ, читанной мужемъ Сусл.¹⁾ въ трактирѣ для рабочихъ; видѣлъ людей разныхъ кружковъ, у которыхъ есть всѣ данныя, чтобы жить въ мирѣ и въ согласіи, а которые смотрятъ другъ на друга враждебно. Русскій языкъ здѣсь такъ распространенъ, что на улицахъ въ предмѣстьяхъ, (гдѣ живу и я) одинаково часто встрѣчаешь женщинъ швейцарокъ и русскихъ. Былъ сегодня и въ семьѣ Александра Ивановича²⁾, котораго дѣтей, впрочемъ, здѣсь вовсе нѣтъ, а только его вторая жена, т.-е. Огарева, которая мнѣ не больно понравилась. На этихъ дняхъ рѣшится и довольно немаловажный вопросъ, о которомъ сожалѣю, что не могу Вамъ написать ничего. Какъ Вы объ этомъ будете судить, когда узнаете? Благоразумьемъ назвать этого нельзя, но теперь я не очень ставлю высоко то, что считается благоразумнымъ. Къ чему? Надѣюсь, что въ дурномъ, недобросовѣстномъ дѣлѣ менѣ не обвинять, а нѣсколько большая опасность, можетъ быть, нѣсколько большія непріятности не составляютъ уже особенно важной вещи. А можетъ быть это будетъ и полезно.—Между прочимъ я встрѣтилъ здѣсь одного бывшаго товарища по Тотъмѣ. Онъ прождалъ почти 6 лѣтъ, значить былъ почти вдвое терпѣливѣе меня, а пришелъ окончательно къ тому же результату. Но довольно на сегодня.

9/27 декабря 1872 г.

...—Я читалъ двѣ лекціи о роли славянъ въ исторіи мысли, а теперь началъ три лекціи о введеніи въ философію. Въ послѣдней лекціи о славянахъ были мѣста довольно таки жгучія, которыя нѣсколько наэлектризовали публику. Боязливымъ слушать ихъ не очень приходилось. Я думаю эти лекціи напечатать въ Женевѣ и, можетъ быть, какъ-нибудь доставлю Вамъ экземпляръ. Впрочемъ, Вамъ расскажетъ о нихъ Г. Народу было много, такъ что я даже не думалъ, что здѣсь есть столько понимающихъ русскій языкъ. Но пора кончить, такъ какъ это письмо пойдетъ длиннымъ путемъ. Черезъ Вѣну я теперь посылать не буду, такъ какъ вѣнскій адресъ сталъ опасенъ по одному обстоятельству. Приходится посылать черезъ

¹⁾ Эрисманъ.

²⁾ Герцена.

Парижъ. Въ концѣ мѣсяца я самъ поѣду въ Парижъ, но останусь тамъ возможно менѣе.

1873 годъ.

13/1 января 1873 г.

Вчера вечеромъ читалъ публичную лекцію о введеніи въ философію, о томъ, что такое философія? Что бы Вы ни говорили, а гигиенически для меня Цюрихъ очень полезенъ; я значительно поуспокоился, по крайней мѣрѣ вообще, если не въ частности; даже вчера, когда послѣ моей лекціи стали пѣть русскія пѣсни, я не убѣждалъ и не поднималъ никакого скандала. Время, время и занятія общими вопросами—великое гигиеническое средство, а послѣднихъ нигдѣ мнѣ не нашлось бы въ такомъ количествѣ, какъ здѣсь въ Цюрихѣ.—Я нѣсколько задержалъ это письмо по тому обстоятельству, что надѣялся имѣть отъ Васъ личныя свѣдѣнія, но оно такъ не устроилось, и лицо, на которое я въ этомъ случаѣ надѣялся, не имѣло возможности быть у Васъ. Дѣло съ «Знаніемъ» у меня, кажется, совсѣмъ устроилось. Они, съ одной стороны, такъ любезны, а съ другой такъ храбры, и я имѣю письменныя доказательства на этотъ разъ, что это не дѣло отдѣльнаго лица, а всей редакціи; такъ что я съ ними совсѣмъ сошелся. Деньги отъ нихъ получены сполна. Получилъ я, или точнѣе получены въ Парижѣ и деньги отъ «О. З.», такъ что мы и тутъ разошлись; пожалуйста сообщите имъ, что я эти деньги получилъ; они просили извѣщенія, но я не извѣстилъ еще. Имѣлъ я письма отъ «Д.» и словесно переданные заказы отъ «О. З.» Постараюсь сдѣлать, что можно, но, при постоянномъ накопленіи работъ, не знаю, что успѣю, и не обѣщаю ничего....

Парижъ. 16/4 февр. [1873 г.

...Вотъ я двѣ недѣли въ Парижѣ. весь въ подготовкѣ къ отъѣзду. Дней черезъ 10 я оставлю Парижъ, надѣюсь, совсѣмъ. Такія разнообразныя мысли и воспоминанія встаютъ при этомъ во мнѣ, такъ странно и странно и горько видѣть ... (не разобр.) тамъ, гдѣ думалъ найти отдыхъ и теплый уголокъ усталый путникъ; непрочность надеждъ и стремленій такъ ярко обрисовывается, что чувствуешь себя совсѣмъ и старымъ и разбитымъ. А между тѣмъ, мнѣ нужны силы, нужна энергія. Въ то же время никогда такъ ясно не могли предо мною развернуться и мелочи и жалкія формы цюрихской жизни—моей будущей жизни, — какъ въ послѣднее время моего пребыванія въ Цюрихѣ и въ недолгое время моего отъѣзда. Если бы

я былъ способенъ быть оттолкнутомъ по случайнымъ впечатлѣніямъ, то меня бы это оттолкнуло, но Вы можете судить о томъ, что я не поверхностно склонился къ пребыванію въ Цюрихѣ, а по ясному сознанію хорошихъ и дурныхъ формъ этой рѣшимости, потому, что я теперь не чувствую никакого нежеланія вернуться туда. Люди тамъ молодые, увлекающіеся и вслѣдствіе своего увлеченія легко теряющіе сознаніе настоящей перспективы между разными цѣлями, одновременно ихъ манящими, еще легче теряющіе сознаніе отношеній средствъ къ цѣлямъ. Но вообще—это хорошій народъ. Вчера я здѣсь обѣдалъ у Нефура опять съ Тургеневымъ, Вырубовымъ и Ханыковымъ. Первый что-то очень любезенъ, какъ-будто заигрываетъ съ радикалами, хочетъ ѣхать въ Цюрихъ весною. Вырубовъ тоже думаетъ съѣздить туда. Какъ я посмотрю на мелочь и грязь здѣшней политики, здѣшнихъ даже такъ называемыхъ порядочныхъ людей, то наша молодежь, при всѣхъ ея недостаткахъ, кажется мнѣ несравненно привлекательнѣе. Изъ Петербурга всѣ приходящія вѣсти очень некрасивы. На чахоточную испанскую республику накидываются нѣсколько хищныхъ претендентовъ. А убѣжденій, честныхъ убѣжденій, почти не существуетъ.

22/10 Апр. 1873 г.

На-дняхъ получилъ я Ваше письмо отъ 29 Марта, мой добрый другъ, и постараюсь отвѣтить, если не совсѣмъ ясно, то ясно для Васъ, какъ я надѣюсь. Наша переписка теперь неизбѣжно станетъ рѣже, потому что для Васъ въ настоящемъ положеніи дѣлъ она можетъ быть не безопасна. И такъ не знаю, когда мнѣ удастся уяснить Вамъ еще разъ мое положеніе. Не я бросился въ бой; я не считалъ себя нужнымъ: я думалъ, что на меня смотрятъ, какъ на нѣчто почтенное, но къ практическимъ дѣламъ непригодное. Когда же меня вызвали, когда ко мнѣ пришли изъ той страны, которой единственно я могу служить съ пользою, когда мнѣ сказали: мы надѣемся на Васъ и на Васъ однихъ, то я не имѣлъ права отказаться, хотя и весьма скептически относился ко всему дѣлу, хотя тогда (это было годъ тому назадъ) я имѣлъ и личную жизнь, крѣпко сросшую со мною, хотя я зналъ, что много неприятностей, разстройствъ въ этой жизни и разстройствъ матерьяльных принесетъ мнѣ рѣшимость моя. Я чувствовалъ, что я долженъ идти и пошелъ, не колеблясь. Но пошелъ не опрометчиво; я требовалъ ручательствъ, что будутъ союзники, будутъ помощники, что я не буду на аэростатѣ разсылать посланія птицамъ небеснымъ или разговаривать о любопытныхъ предметахъ

съ подобными мнѣ беспочвенниками; что не придется мнѣ писать по наслышкѣ о невѣдомыхъ мнѣ вещахъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ я имѣлъ ручательства, обѣщанія союза, обѣщаніе лѣла. Между тѣмъ рухнуло у меня подъ ногами все, все, что составляло мою личную жизнь; мнѣ рѣшительно ничѣмъ было дорожить; если бы не было внѣшней обязанности, то самая обязанность жить обращалась въ минимумъ, такъ какъ силы создавать себѣ абстрактные интересы ученой работы или какіе бы то ни было личные интересы я вовсе не чувствовалъ. Служба обществу, польза общества одна могла быть цѣлью, а объ жертвахъ теперь не было и рѣчи: я ничѣмъ не жертвую, равно ничѣмъ, потому что у меня теперь и нѣтъ ничего, чѣмъ бы я могъ жертвовать. Мои ученые работы могутъ для другихъ имѣть значеніе, но не скоро еще онѣ получатъ интересъ для меня. Матеріальныя неудобства, если ихъ придется терпѣть,—это судьба столь многихъ, что это не имѣетъ важности, да мнѣ кажется я могу многое перенести въ этомъ отношеніи, болѣе чѣмъ я самъ думаю. Непріятности—мнѣ смѣшно и думать, что какія бы то ни было непріятности могутъ еще отравить мнѣ жизнь. Повторяю: я теперь равно ничѣмъ не дорожу и потому равно ничего не приношу въ жертву. Непріятностей у меня миллионъ, такихъ, о которыхъ я никогда не думалъ, что могу имѣть ихъ, такихъ, которыя ставятъ чуть ли не самую жизнь въ опасность, но я Вамъ говорю совершенно искренно, что всѣ эти непріятности вовсе не такъ мучаютъ меня, какъ мучили бы въ иное время. Людямъ я не вѣрю ни на грошъ: знаю, что личные страсти, личные эгоизмы, мелкіе расчеты, личные самолюбія играютъ весьма важную роль около меня, рядомъ съ искренними и полуискренними убѣжденіями. Знаю, что ни на кого и ни на что вѣрно разсчитывать не могу; знаю, что дѣло, за которое принимаюсь, можетъ не удался и навлечь на меня насмѣшки и нареканія. Знаю, вижу, какъ ставятъ препятствія этому дѣлу тѣ самыя, которые должны бы содѣйствовать ему на основаніи своихъ убѣжденій. Но это не колеблетъ меня ни на минуту. Это можетъ быть полезно, это моя нравственная обязанность; личные мотивы могутъ также служить этому дѣлу, какъ и искреннія увлеченія; неудача постигла столько хорошихъ дѣлъ, что однимъ болѣе или менѣе — не важность. Если бы въ настоящую минуту какой-нибудь мерзавецъ подстрѣлилъ меня (пріатели тщательно закрываютъ у меня каждый вечеръ ставни), то право это не было бы мнѣ такой ужасный *Strich durch die Rechnung*, какъ можно бы это подумать, потому что единственная вещь, которая меня беспокоитъ, то: есть ли у меня еще столько физической, умственной и нравственной энергіи, чтобы продол-

жить какую-либо дѣйствительно серьезную дѣятельность, ученую или гражданскую, не подломано ли мое развитіе окончательно? Не аплодируетъ ли мнѣ публика въ моей роли по рутинѣ? Не оказалъ ли бы мнѣ услугу какой-нибудь злостный врагъ, сведя меня насильственно со сцены, какъ Михаилъ Николаевичъ Муравьевъ оказалъ мнѣ положительно услугу, посадивъ меня подъ арестъ и лишивъ возможности сдѣлать величайшую пошлость и глупость, какую я когда-либо готовился сдѣлать въ жизни? Мнѣ все кажется, что вотъ-вотъ отдохну и снова получу интересъ къ абстрактной работѣ или къ жизни. Но обстоятельства такъ складываются, что люди предо мною рисуются съ самыхъ скверныхъ сторонъ. Для чего же, спрашивается, я могъ бы отказаться отъ дѣла, которое я считаю полезнымъ, вовсе не безнадежнымъ, а главное нравственно обязаннымъ для себя, какъ только я къ нему вызванъ? Для чего?—Я понимаю, что Вамъ и другимъ пріятелямъ, до которыхъ доходятъ по наслышкѣ отрывочныя слухи объ этомъ дѣлѣ, оно можетъ казаться безнадежнымъ само въ себѣ, но какъ ни скептически я смотрю на вещи, на людей, на все и всѣхъ, тѣмъ не менѣе я долженъ сознаться, что дѣло это имѣетъ за собой нѣкоторые шансы. Я считаю себя обязаннымъ сдѣлать, что могу, а тамъ исторія пройдетъ надъ всѣмъ этимъ и обратитъ въ Schutt и хорошее и дурное, оставя мою роль въ числѣ смѣшныхъ или въ числѣ трагическихъ—это уже не мое дѣло. Вамъ, а еще болѣе другимъ, не знающимъ моего психическаго состоянія, можетъ казаться, что я точно приношу «все въ жертву идеѣ», какъ Вы пишете, но я Вамъ сказалъ уже, что это иллюзія, что я ничего не приношу въ жертву, потому что подхожу къ жертвеннику съ пустыми руками. Итакъ не отговаривайте меня, мой добрый другъ, отъ дѣла, неизбежно совершающагося; оно подошло ко мнѣ невызванное мною, встало предо мною, какъ нравственная обязанность, въ то же время, какъ неумолимый и безсознательный законъ природы разрывалъ всѣ нити, которыя могли мнѣ мѣшать и уравнивать частью мои влеченія къ этой обязанности. Повѣрьте, что я вовсе не обольщенъ какими либо надеждами и вѣрою въ людей. Нѣтъ у меня надеждъ, не вѣрю я въ людей. Но есть сознаніе, что *можно* быть полезнымъ на этомъ пути, что *должно* идти по нему, а терять рѣшительно нечего. Я даже считаю, что, съ чисто эгоистической точки зрѣнія, я поступаю разсудительно: авось это подниметъ меня, а вѣтъ этого ничего нѣтъ.

Прибавлю нѣсколько строкъ о частныхъ дѣлахъ. Въ «Д.» и «О. З.» не знаю буду ли имѣть время писать, такъ какъ и времени мало и работать долго нынче не могу, а имъ опасно со мною

вести дѣло. Если будетъ что, то пришло; помѣстятъ—хорошо; не удастся—что дѣлать; я трачу теперь немного и живу очень скромно, только книги покупаю, чтобы заполнить пробѣлы библіотеки. Ко мнѣ теперь съѣхались всѣ мои книги, петербургскія, парижскія, лондонскія, и петербургскія оказались въ ужасномъ положеніи; едва ли десятая доля того, что было. Относительно «Знанія» теперь у меня прямые сношенія, и деньги получаются. Разумѣется, я работаю гораздо меньше прежняго, но думаю скоро открыть курсъ, какъ только умы здѣсь нѣсколько успокоятся послѣ того страшнаго волненія, которое здѣсь было и еще продолжается; хотя всѣ еще ходятъ вооруженными, но кажется, умы нѣсколько склонны къ временному перемирію. Я обѣщаль рядъ статей и постараюсь сдѣлать, что будетъ возможно. Эти, кажется, не боятся.. Относительно Бл. я полагаю, что онъ просто лжетъ и не пробоваль отстаивать статьи. Уже если о средневѣковыхъ мистикахъ нельзя печатать, такъ и ровно ничего нельзя. Кланяйтесь всѣмъ, помнящимъ меня... Затѣмъ, дорогой другъ мой, прошу Васъ отвѣтить скорѣе мнѣ, что Вы получили это письмо; если долго не получу отвѣта, то сочту его пропавшимъ. Хотѣлъ бы Вамъ послать карточку, но не знаю, дойдетъ ли она до Васъ. При первомъ случаѣ пошлю нѣсколько карточекъ въ Россію. Они не особенно похожи (вышло моложе натуры), но все-таки могутъ напомнить Вамъ стараго друга, а онъ останется Вашимъ другомъ, хотя бы и былъ навсегда отрѣзанъ отъ Васъ, хотя бы и дѣлалъ вещи, которыя Вы признаете неблагоприятными. Жму Вамъ руку крѣпко.

Изъ записокъ гр. И. И. Воронцова-Дашкова.

Въ началѣ настоящаго года скончался гр. Иллар. Ив. Воронцовъ-Дашковъ, занимавшій видные посты въ важнѣйшіе моменты политической жизни Россіи за послѣднее 35-лѣтіе. Въ 1881 г., вскорѣ по восшествіи на престолъ Императора Александра III и обновленіи почти всего состава министровъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ былъ назначенъ министромъ двора и на этомъ посту оставался въ теченіе 16 лѣтъ. Онъ былъ близкимъ свидѣтелемъ паденія гр. Лорисъ-Меликова и Д. А. Милютина и возвышенія К. П. Побѣдоносцева, стоялъ во главѣ «священной дружины» и при его посредствѣ велись переговоры съ главарями революціонныхъ организацій. Послѣ небольшого перерыва, съ 1905 г., во время освободительнаго движенія и послѣдовавшей затѣмъ реакціи онъ занималъ постъ намѣстника на Кавказѣ, откуда, по болѣзни и старости, ушелъ лишь недавно, за нѣсколько мѣсяцевъ до кончины. Онъ здѣсь засталъ край, объятый пламенемъ; при немъ произошли грандіозные пожары на бакинскихъ нефтяныхъ промыслахъ, армяно-татарская рѣзня въ разныхъ концахъ края, широкое революціонное движеніе среди крестьянъ, частыя убійства правительственныхъ лицъ, помѣщиковъ и представителей торгово-промышленнаго класса, и пр., и пр. Новый начальникъ края задался мыслью смягчить режимъ своего предмѣстника кн. Г. С. Голицына, и удовлетворить самые элементарные запросы мѣстнаго населенія. И этого оказалось достаточно, чтобы замирить край. Графъ выходилъ всюду безъ охраны—явленіе необычайное въ то время.

Въ виду такого богатаго событіями прошлаго гр. Воронцова-Дашкова многіе съ понятнымъ любопытствомъ отнеслись къ сообщенію газетъ, что послѣ него остались мемуары. Но затѣмъ появилось опроверженіе этого сообщенія. Послѣ покойнаго государственнаго дѣятеля остались лишь записки, подававшіяся имъ въ разныя высшія правительственныя учрежденія, и всеподданнѣйшіе отчеты. Ничего интимнаго и личнаго въ этихъ бумагахъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ. Но въ нихъ высказываются взгляды по внѣшнимъ государственнымъ и мѣстнымъ, кавказскимъ, вопросамъ, изъ которыхъ многіе еще не разрѣшены, и поэтому они не лишены интереса для насъ. Къ тому же эти за-

писки и доклады въ свое время очень мало были использованы печатью.

Приводимъ здѣсь отрывокъ изъ одной записки графа, написанной сравнительно недавно, въ 1913 г. Отрывокъ этотъ касается жгучаго на Кавказѣ національнаго вопроса. Изъ приводимыхъ строкъ читатель усмотритъ, что вовсе не требовалось отъ администратора особеннаго либерализма, чтобы пойти на встрѣчу потребностямъ края и приобрести его довѣріе. Бывшій намѣстникъ избѣгъ ошибокъ современныхъ ему министровъ и въ своемъ консерватизмѣ не хваталъ, подобно имъ, черезъ край. И этого оказалось достаточно, чтобы результаты получились совершенно обратные тѣмъ, которые наблюдались въ то же время въ другихъ мѣстностяхъ нашего отечества ¹⁾.

«Обращаясь къ политическимъ настроеніямъ отдѣльныхъ главныхъ національностей Кавказа», пишетъ, между прочимъ, гр. Воронцовъ-Дашковъ въ вышеупомянутой запискѣ ²⁾, «я прежде всего останавлиюсь на, такъ называемомъ, армянскомъ вопросѣ. Уже шесть лѣтъ тому назадъ я докладывалъ съ полною откровенностью, что вопросъ этотъ въ предѣлахъ Имперіи мы сами создали неосторожнымъ обращеніемъ съ религіозными и національными воззрѣніями армянъ. Для наилучшаго усвоенія этого вопроса надо всегда помнить, что четыре пятыхъ армянскаго народа живетъ на своихъ исконныхъ земляхъ бывшей Арменіи, частью у насъ на Кавказѣ вокругъ Арарата, частью въ Турціи. Это населеніе исключительно сельское, занимающееся съ выдающимся трудолюбіемъ земледѣліемъ, при чемъ этотъ видъ труда настолько свойственъ духу народа, что жители всѣхъ городскихъ армянскихъ поселеній остаются и понынѣ прежде всего земледѣльцами. Только около пятой части армянъ живутъ внѣ родины, занимаясь преимущественно торгово-промышленными предпріятіями и со-

¹⁾ Проводя параллель между гр. Воронцовымъ-Дашковымъ и другими болѣе молодыми госуд. дѣятелями недавняго прошлаго, въ родѣ Кассо и Н. А. Маклакова, А. А. Кизеветтеръ даетъ въ «Русск. Вѣд.» (№ 14, 1916 г.) слѣдующую мѣткую характеристику дѣятельности перваго изъ нихъ: «Человѣкъ не билъ стеколъ, не подвергалъ разгрому почеркомъ пера почтенныхъ разсадниковъ просвѣщенія, не объявлялъ все подвѣдомственное ему населеніе скопищемъ государственныхъ преступниковъ и воздерживался отъ всѣхъ такихъ дѣяній не въ качествѣ носителя какихъ-либо опредѣленныхъ началъ прогрессивнаго міровоззрѣнія, а просто въ качествѣ дѣловаго администратора, отдающаго себѣ отчетъ въ той границѣ, за которой служеніе старому порядку переходитъ уже въ сѣяніе всяческаго безпорядка, хаоса и общаго недовольства. И этого въ наши дни оказалось уже достаточно для того, чтобы Воронцовъ-Дашковъ получилъ въ глазахъ общества ореолъ незауряднаго либерала».

²⁾ Отчетъ объ управленіи Кавказскимъ краемъ за 8 лѣтъ 1913 г.

здавая среди народностей, между которыми живутъ, то ложное представленіе объ армянахъ вообще, которое у насъ существуетъ, напр., на основаніи грековъ-торговцевъ, о грекахъ вообще, какъ народности. Съ другой стороны, слѣдуетъ помнить, что армяне, живущіе на родинѣ, въ то же время не составляютъ большинства населенія областей, которыя они населяютъ, какъ у насъ на Кавказѣ, такъ и въ турецкой Арменіи. При такихъ условіяхъ нельзя, съ одной стороны, говорить о чужеядности армянскаго народа, а съ другой—приписывать его созданію легенду объ Армянскомъ царствѣ до Ростова или Воронежа.

«Никакого сепаратизма среди кавказскихъ армянъ не существуетъ», позволялъ я себѣ свидѣтельствовать въ 1907 году, когда не утихла еще смута, и снова смѣло подтверждаю это въ настоящее время, когда протекшіе годы доказали правоту приведеннаго свидѣтельства. Вспышка націоналистическаго движенія среди русскихъ армянъ, сопровождавшаяся террористическими актами противъ представителей власти, была вызвана отобраніемъ у Армянской церкви ея имуществъ въ казенное завѣдываніе, но это движеніе сразу упало и, можно надѣяться, безповоротно, какъ только было проявлено монаршее милосердіе возвращеніемъ Церкви ея имуществъ. Конечно, революціонныя партіи среди армянъ существуютъ, какъ онѣ имѣются и внутри Россіи, но говорить о революціонности армянскаго народа столь же странно, какъ подозрѣвать русскій народъ въ отсутствіи вѣрноподданнической преданности его Монарху. Поэтому всякая попытка обвинить въ сепаратизмѣ армянскую народность разбивается о реальные факты, доказывающіе, наоборотъ, преданность армянъ Россіи. Поэтому, намѣченный въ недостаточно освѣдомленномъ С.-Петербургѣ, вопреки моимъ представленіямъ, грандіозный процессъ партіи «Дашнакцутюнъ», долженствовавшій доказать революціонность цѣлаго народа и начатый эффектнымъ одновременно на всемъ Кавказѣ, безъ освѣдомленія меня, арестомъ почти тысячи армянъ, съ видными капиталистами и общественными дѣятелями во главѣ, окончился пучкомъ—въ видѣ приговора Особымъ Присутствіемъ Сената группы около тридцати человѣкъ армянъ къ разнымъ видамъ наказанія, что, очевидно, было бы достигнуто и при предлагавшемся мною нормальномъ способѣ веденія судебныхъ дѣлъ этого рода, не сбиваемыхъ въ громоздкіе процессы. Поэтому равнымъ образомъ нынѣ мы наблюдаемъ, что не только русскіе армяне не стремятся къ отдѣленію отъ Россіи, но даже турецкіе настойчиво добиваются ея покровительства, которое, по всей справедливости, и должно быть имъ оказано.

«Что касается грузинъ, то обвиненіе ихъ въ сепаратизмъ, въ сущности, предъявляется рѣдко и также ни на чемъ не основано, какъ и обвиненія армянъ. Правда, подъ вліяніемъ національнаго движеніе среди русскихъ, живущихъ въ Закавказьѣ, нерѣдко предъявляющихъ въ прессѣ и въ общественныхъ собраніяхъ къ грузинамъ требованія, задѣвающихъ національныя чувства послѣднихъ, среди картвельской народности замѣчаются нѣкоторые признаки націоналистическаго движенія. Однако, никакой серьезной опасности въ государственномъ отношеніи въ этомъ движеніи усмотрѣть нельзя.

«При ближайшемъ изученіи вопроса оказывается, что всѣ пожеланія грузинъ-націоналистовъ, яркими представителями которыхъ являются ничтожныя по численности группы автономистовъ и федералистовъ, до сихъ поръ не уяснившихъ себѣ матеріальнаго содержанія пустыхъ терминовъ своихъ наименованій, сводятся къ признанію за картвельцами ихъ самобытности въ общемъ строѣ нашихъ мѣстныхъ учреждений государственнаго характера, напр., въ видѣ языка для школьнаго преподаванія. Самый жгучій вопросъ для грузинъ-націоналистовъ—это вопросъ объ автокефаліи Грузинской церкви, создающій иногда на практикѣ столкновенія съ представителями въ Закавказьѣ русскаго духовенства. Однако, и онъ, благодаря выдающейся энергіи и изумительному такту Экзарха Грузіи Высокопреосвященнаго Иннокентія ¹⁾, превращается въ вопросъ чисто теоретическій, подлежащій въ будущемъ каноническому опредѣленію, ибо вытекающія изъ него практическія осложненія всегда получаютъ разрѣшеніе, отнюдь не затрагивающее національныхъ чувствъ грузинской паствы.

«Къ сожалѣнію, среди грузинъ имѣетъ успѣхъ социалистическая пропаганда, благодаря уцѣлѣвшей доселѣ экономической спутанности въ сельскихъ мѣстностяхъ отношеній владѣльческаго и крестьянскаго классовъ. Однако, слѣдуетъ надѣяться, что Высочайше утвержденный 20 Декабря 1912 года законъ о выкупѣ бывшими крѣпостными крестьянами ихъ надѣловъ въ собственность, съ прекращеніемъ натуральныхъ за эти надѣлы повинностей, такъ же, какъ и внесенный уже мною въ Государственную Думу законопроектъ о поземельномъ устройствѣ на правѣ собственности сельскаго населенія, сидящаго на казенныхъ земляхъ, а равно одобренный уже Совѣтомъ Министровъ для внесенія въ

¹⁾ Нынѣ покойнаго. Его замѣнилъ архіеп. Питиримъ (нынѣшній петроградскій митрополитъ), который пошелъ навстрѣчу желанію своей паствы и во многихъ церквахъ ввелъ богослуженіе на грузинскомъ языкѣ.

законодательныя учрежденія проектъ мой о выкупѣ хизанами ихъ земель отъ помѣщиковъ, дадутъ въ своемъ результатѣ ту здоровую почву, на которой не будетъ питанія для социалистическихъ идей. Равнымъ образомъ къ той же цѣли, на ряду съ насажденіемъ въ грузинской деревнѣ русскихъ правовыхъ началъ собственности, должны вести всѣ предпріятыя мною по соглашенію съ Главноуправляющимъ Землеустройствомъ и Земледѣліемъ, частью на казенный счетъ, частью на земскія средства края, мѣры по организаціи на мѣстахъ агрономической помощи. Эти мѣры не могутъ не отразиться на благосостояніи населенія и на пробужденіи въ немъ сознанія, что единственное настоящее средство къ обезпеченію ему безбѣднаго существованія, это—его упорный трудъ, связанный съ умѣніемъ и знаніемъ, на его *собственныхъ* земельныхъ участкахъ.

«Переходя къ мусульманскому населенію Кавказа, я не могу не отмѣтить, что если намъ слѣдуетъ въ будущемъ бояться сепаратизма отдѣльныхъ народностей на Кавказѣ, хотя это чувство боязни недостойно Россіи, то, развѣ, со стороны этого населенія по его преобладающей надъ всѣми народностями численности и возможности вспышекъ религіознаго фанатизма, а равно въ виду сосѣдства Кавказа съ мусульманскими государствами. Дѣйствительно, разсуждая въ теоріи, можно представить себѣ захватъ Кавказа, но, конечно, только мусульманами, могущими численно поглотить мѣстныя христіанскія народности при отсутствіи русскихъ воинскихъ силъ. Армяне и грузины, тѣ отличны и притомъ реально понимаютъ, что безъ Россіи они будутъ поглощены мусульманами. Что это такъ, доказываетъ не только вся исторія края до прихода сюда Россіи, но и послѣднія событія смутнаго періода, а именно армяно-татарскіе безпорядки.

«Къ нашему счастью, никакихъ сепаратическихъ идей въ мусульманской, косной пока, массѣ возникнуть не можетъ, почему и отдѣльныя попытки проповѣди панисламизма и пантюркизма никакого успѣха на Кавказѣ не имѣютъ. Доказательствомъ этого, между прочимъ, является совершенно хладнокровное отношеніе кавказскихъ мусульманъ къ послѣднимъ событіямъ на Балканскомъ полуостровѣ. Однако надо всегда имѣть въ виду, что среди болѣе культурныхъ слоевъ мусульманства начинаютъ развиваться идеи національнаго самосознанія. Съ этимъ явленіемъ нельзя не считаться. Нельзя оставлять мусульманъ безъ наблюденія за ихъ экономическою жизнью и игнорировать ихъ потребности. Необходимо, признавая самобытность отдѣльныхъ мусульманскихъ народностей и право на свободное исповѣданіе ими ихъ религіи, воздѣйствовать на нихъ посредствомъ пріобщенія ихъ

къ русской культурѣ и насажденія среди нихъ началъ русскаго правосознанія. Въ сущности, все нынѣшнее недовольство мусульманскаго образованнаго общества русскою властью сводится лишь къ жалобамъ, что мусульманскому населенію удѣляется меньшее вниманіе, сравнительно съ другими народностями Имперіи. Нельзя не признавать до извѣстной степени эти сѣтованія основательными. Мы слишкомъ мало думали о просвѣщеніи мусульманъ, среди которыхъ русскія школы насчитываются единицами. Между тѣмъ, несомнѣнно, что правильно поставленная русская народная школа, съ началами грамотности на материнскомъ языкѣ, является первѣйшимъ средствомъ для воздѣйствія на мусульманъ русскимъ міровоззрѣніемъ. Она спасаетъ ихъ отъ вредной, съ государственной точки зрѣнія, пропаганды панисламизма и пантюркизма въ школахъ съ турецкими преподавателями и учебниками, проникнутыми не русскими идеями, и на языкѣ преподаванія, чуждомъ населенію, въ родѣ арабскаго или адзербейджанскаго (чуждый для всѣхъ горцевъ)—въ тѣхъ частныхъ мусульманскихъ школахъ, куда населеніе посылаетъ своихъ дѣтей за неимѣніемъ достаточнаго количества русскихъ школъ.

Что касается русскаго населенія, то гр. Воронцовъ-Дашковъ стремился, какъ и его предшественникъ, къ увеличенію его численности въ краѣ. Но въ дѣлѣ колонизаціи избѣгалъ тѣхъ грубыхъ методовъ, которые диктуются механическимъ обрусѣніемъ и вызываютъ раздраженіе мѣстнаго населенія. Прежде русскіе переселенцы поселялись въ районахъ, уже достаточно плотно заселенныхъ туземцами, и это вызывало такія тренія между ними, что новоселы нерѣдко вынуждены бывали покидать свои участки и искать новыя мѣста для колонизаціи. Немало такихъ случаевъ приводитъ гр. Воронцовъ Дашковъ въ своихъ отчетахъ объ управленіи краемъ. Въ отчетѣ, писанномъ въ 1907 г., между прочимъ отмѣчается:

«Значительное выселеніе (до 70 семей) было изъ поселка Фрезевскаго Елисаветпольскаго уѣзда, вслѣдствіе столкновений съ сосѣдними мусульманами сел. Юхарнъ Айплы изъ-за пользованія оросительной водой и отвода переселенцамъ земель, бывшихъ ранѣе въ пользованіи мусульманъ. Подобныя же выселенія происходили изъ поселковъ той же губерніи: Скобелевскаго, Куропаткинскаго и Николаевскаго. Столкновенія съ кореннымъ населеніемъ края на почвѣ недостаточно выясненныхъ хозяйственныхъ отношеній послѣдняго къ нѣкоторымъ земельнымъ участкамъ, нарѣзавшимся въ надѣлъ переселенцамъ, а также

недостатокъ въ питьевой водѣ вызвали обратное выселеніе изъ поселковъ: Покровскаго и Григорьевскаго Бакинской губерніи».

Въ виду этого гр. Воронцовъ-Дашковъ проектировалъ поселять русскихъ переселенцевъ на еще незанятые туземцами земли и ходатайствовалъ объ открытіи кредитовъ на орошеніе Муганской степи. Но при этомъ справедливость подсказывала ему сознаться, что «только Черноморье располагаетъ безлюдными, пригодными для культуры пространствами, остальное же Закавказье, въ мѣстностяхъ, способныхъ къ культурѣ, заселено довольно плотно, и *имѣющійся запасъ свободныхъ казенныхъ земель, вѣроятно, въ значительной степени понадобится для устройства испытывающаго земельную нужду коренного населенія*»¹⁾.

Хорошія слова у покойнаго гр. Воронцова-Дашкова однако не всегда сходились съ дѣломъ. Всѣ свободные участки отводились почти исключительно переселенцамъ, а не коренному населенію. Въ своемъ отчетѣ 1913 г. онъ свидѣтельствовалъ, что «представители всѣхъ національностей стремятся поступать на государственную службу, какъ военную, такъ и гражданскую и, поступая на нее, становятся хорошими исполнителями долга». Между тѣмъ на среднихъ и, особенно, на высшихъ ступеняхъ служебной іерархіи, какъ до гр. Воронцова-Дашкова, такъ и при немъ, кавказцевъ почти вовсе нельзя было встрѣтить. И такое расхожденіе слова съ дѣломъ замѣчалось очень часто.

Это нѣкоторые склонны были приписывать тонкому макіавелизму. Но у насъ нѣтъ никакихъ основаній заподозрѣвать покойнаго намѣстника въ неискренности. Указанное явленіе естественнѣе объяснить слѣдующими обстоятельствами.

Онъ въ своей политикѣ доброжелательнаго отношенія и довѣрія къ краю не находилъ поддержки ни со стороны столичной бюрократіи, ни со стороны мѣстной власти. Возстановленіе намѣстничества и сокращеніе вслѣдствіе этого компетенціи петербургскихъ канцелярій вызвало въ послѣднихъ большое озлобленіе, и въ министерствахъ всемѣрно пользовались ссылками на «либерализмъ» графа, чтобы при всякомъ случаѣ вставлять ему палки въ колеса.

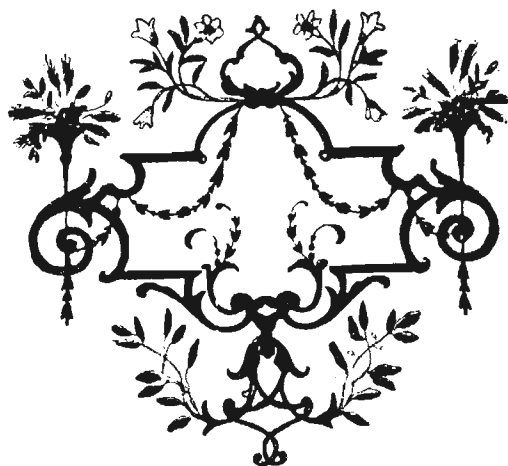
Что касается мѣстнаго, кавказскаго чиновничества, то и оно не считало нужнымъ искренно и энергично проводить въ жизнь политику начальства, такъ какъ полагало, что послѣднее лишено прочной почвы. Воронцовъ-Дашковъ былъ старъ и часто болѣлъ,

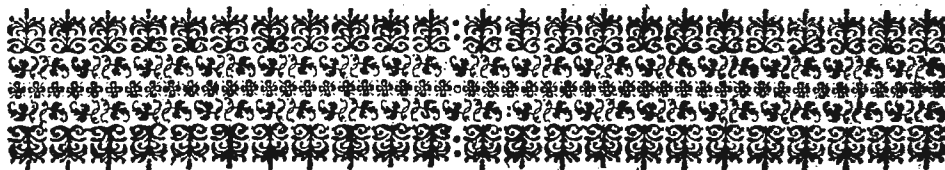
¹⁾ Курсивъ нашъ.

и нерѣдко мѣстные губернаторы черезъ его голову сносились съ министрами, забѣгая впередъ и ища ихъ покровительства.

Эти же обстоятельства, по нашему мнѣнію, немало помѣшали гр. Воронцову-Дашкову довести до конца тѣ благія намѣренія, которыя онъ неоднократно высказывалъ: онъ не успѣлъ открыть въ Тифлисѣ высшее учебное заведеніе, о которомъ долго мечталъ и хлопоталъ, ввести земское самоуправленіе, соединить Закавказье съ Европейской Россіей перевальной черезъ хребетъ дорогой, и пр., и пр. Впрочемъ, мы не будемъ спѣшить подводить итоги недавней дѣятельности покойнаго. Это возможно сдѣлать только послѣ опубликованія всѣхъ его важнѣйшихъ записокъ и обширной переписки съ выдающимися современниками.

Кн. Г. Тумановъ.

Изъ новѣйшей исторіи Финляндіи ¹⁾.

Мемуары Як. Аренберга.

III. Вольдемаръ Карль Фонъ Денъ²⁾.

Въ одинъ прекрасный іюльскій день въ 1882 году я ѣхалъ изъ Москвы въ Петербургъ въ обществѣ нѣкоего «патентованнаго» финляндскаго патріота изъ тѣхъ, которыхъ тогда, во времена нашего благоденствія, нерѣдко можно было встрѣтить. За завтракомъ на станціи Клинь у насъ завязался—по-моему интересный—споръ, при чемъ мы безъ стѣсненія говорили на шведскомъ языкѣ. Рѣчь шла о финляндской выставкѣ въ Москвѣ, которую мой спутникъ очень не одобрялъ. По его мнѣнію, намъ не слѣдовало выставлять своихъ произведеній въ Россіи и вообще связываться съ русскими, а нужно было учтиво повернуться къ нимъ спиной и держаться въ сторонѣ. Я, наоборотъ, былъ того мнѣнія, что если въ силу историческихъ и даже географическихъ условій мы поставлены въ зависимость отъ этого народа; если мы, что бы тамъ ни говорили, находимся въ подчиненномъ положеніи, напр. во всѣхъ важнѣйшихъ политическихъ вопросахъ; если они сильнѣе насъ,—то намъ именно слѣдуетъ заслужить ихъ уваженіе нашей, вообще говоря, высшей культурой, показать имъ все, что у насъ есть цѣннаго, и сдѣлать это безъ помпы и блеска, а съ тонкимъ тактомъ истинно образованныхъ людей, и при всякомъ удобномъ случаѣ стараться расположить ихъ въ свою пользу нашими духовными достоинствами. Благоволеніе російскаго монарха да будетъ намъ крѣпкой защитой, а высокое уваженіе русскаго общества къ нашей культурѣ—главнѣйшимъ нашимъ оплотомъ. Я не могу привести всѣхъ подробностей разговора, но хорошо помню, что у насъ былъ ревностный слушатель въ лицѣ одного очень щеголеватого русскаго генерала, который сидѣлъ противъ насъ, прихлебывая чай, и видимо былъ заинтересованъ нашимъ разговоромъ.

¹⁾ См. «Гол. Мин». №№ 5—6, 7—8.

²⁾ Родился въ 1838 г.; состоялъ съ 1882 г. губернаторомъ Выборгской губерніи, съ 1885 г. членомъ финляндскаго сената, съ 1889 г. помощникомъ статсъ-секретаря, а въ 1890—1898 г. былъ министромъ—статсъ-секретаремъ Финляндіи; скончался въ 1900 г.

Противникъ мой, расплатившись, ушелъ, раздраженный моими непатріотичными, какъ ему казалось, рѣчами. Тогда генералъ поднялся и сказалъ мнѣ по-шведски: «Я совершенно согласенъ съ вами и могу только прибавить отъ себя, что, если вся страна не проникнется взглядами, которые вы высказываете, она погибла».

Толпа насъ разъединила; я видѣлъ, какъ онъ, опираясь на палку и сильно хромя, вошелъ въ купе перваго класса. Поѣздъ тронулся. Въ Петербургѣ на вокзалѣ мы опять встрѣтились и раскланялись. Дорогой я спрашивалъ у всѣхъ своихъ знакомыхъ спутниковъ, кто это такой, но никто не могъ мнѣ сказать. И лишь на станціи Утти мой старый знакомый, капитанъ Александръ фонъ Денъ, сообщилъ мнѣ, что это его младшій братъ Вольдемаръ Карлъ, вновь назначенный Выборгскій губернаторъ.

Послѣ выставки въ Москвѣ я получилъ мѣсто и. д. начальника Выборгской губернской строительной конторы, и такъ какъ это должностное лицо, состоящее на службѣ при центральномъ учрежденіи въ Гельсингфорсѣ, какъ это ни странно, подчинено также и губернатору, то я сдѣлалъ ему визитъ. Напоминая мнѣ о нашей встрѣчѣ въ Клину, онъ принялъ меня очень любезно, представилъ своей супругѣ Нинѣ фонъ Денъ, урожденной княжнѣ Святополкъ-Мирской, и дочери Маріи, дѣвочкѣ школьнаго возраста, писаной красавицѣ. Такъ какъ Дену нуженъ былъ архитекторъ для задуманнаго имъ обширнаго ремонта дома, въ которомъ онъ жилъ, то я явился какъ разъ кстати. Впослѣдствіи я строилъ у него въ Сиппола¹⁾ въ 80-хъ и 90-хъ годахъ и былъ его посредникомъ по части шведской литературы.... Также и въ вопросахъ искусства, которые интересовали его въ высочайшей степени, прежде чѣмъ произнести окончательный приговоръ, онъ часто совѣтовался со мною. Съ нимъ мы обсуждали вопросъ о статуѣ Торкеля-Кнутсона, о бюстѣ Ангеля, о портретахъ императоровъ въ сенатѣ и генералъ-губернаторскомъ домѣ. При этомъ онъ освѣдомлялся о личности художника, спрашивая меня, какъ бы en passant, каковъ его образъ жизни, гдѣ онъ учился, есть ли у него талантъ, замѣчая, что живопись съ трудомъ дается сѣверянамъ: у нихъ есть пониманіе красокъ, но рисунокъ слабый.

Пока фонъ Денъ былъ Выборгскимъ губернаторомъ, у меня съ нимъ были частыя сношенія. Въ теченіе цѣлыхъ мѣсяцевъ совместнаго пребыванія съ нимъ, какъ это бывало при служебныхъ

¹⁾ Родовое имѣніе Деновъ, расположенное въ Выборгской губерніи и пріобрѣтенное ихъ предкомъ еще до присоединенія Финляндіи къ Россіи.

разъѣздахъ или во время продолжительныхъ приготовленій къ посѣщенію Финляндіи Александромъ III въ 1885 г., я имѣлъ случай встрѣчаться съ нимъ ежедневно. Въ это время онъ еще не былъ такъ скупъ на слова, какъ позднѣе. Иногда онъ могъ быть даже очень сообщительнымъ, что обыкновенно случалось послѣ прочтенія какой-нибудь книги, которая его интересовала. Онъ высказывалъ свое мнѣніе о писателѣ, и тутъ обнаруживались его самостоятельныя, часто оригинальныя мысли. Требовалось большое умѣнье, чтобы проникнуть въ самый укромный уголокъ его души и вызвать въ немъ веселое настроеніе. Меланхоликъ по натурѣ, застѣнчивый, онъ былъ чрезвычайно воспримчивъ къ оптимистическому взгляду на вещи и къ веселой, непринужденной рѣчи, которая однако не должна была уснащаться никакими пошлостями. Тогда онъ открывалъ свою душу и даже самъ дѣлался общительнымъ. Но требовалось много ума и находчивости, чтобы слѣдить за его мыслью. Медленно, съ промежутками въ двѣ-три минуты, излагалъ онъ свои взгляды. Случалось, что спустя три-четыре дня, даже нѣсколько недѣль послѣ такой бесѣды онъ безъ всякихъ предисловіи возвращался къ предмету, какъ если бы онъ только что говорилъ о немъ. Онъ терпѣть не могъ множества вопросовъ и нагроможденія темъ...

Впослѣдствіи самое его положеніе, какъ сенатора и министра статсъ-секретаря, возлагало на него долгъ молчаливости, которая, по его пониманію этого долга, сдѣлалась—можно сказать—роковою для нашей страны. Его благородный, рыцарскій характеръ, феноменальная начитанность и большія умственныя способности производили на меня сильное впечатлѣніе. Его болѣзненная скрытность, безропотный, меланхолическій взглядъ на жизнь—и аристократическій скептицизмъ въ вопросахъ, касающихся нашей страны, возбуждали мою симпатію...

Министръ статсъ-секретарь Вольдемаръ Карлъ фонъ Денъ былъ, вѣроятно, послѣднимъ въ Финляндіи представителемъ этого рода. На ряду съ фамиліями Эттеръ, Брискорнъ, Нолькенъ и др., представители рода фонъ Денъ будутъ, конечно, и въ будущемъ числиться въ числѣ финляндскаго дворянства, но въ исторіи духовнаго развитія Финляндіи, въ ея культурной жизни они, вѣроятно, уже не будутъ принимать никакого участія. Родственныя связи и воспитаніе направили ихъ на другой путь. Вольдемаръ фонъ Денъ понималъ это уже въ 90-хъ годахъ, и эта мысль удручала его. Когда Денъ показалъ мнѣ свой семейный склепъ въ Сиппола и я замѣтилъ, что въ немъ остается еще только одно

свободное мѣсто, онъ сказалъ: «Это мѣсто для меня: я вѣдь послѣдній въ нашемъ родѣ; другіе будутъ почивать далеко отсюда, по ту сторону границы. На моей могилѣ не должно быть ничего, кромѣ моего имени—никакихъ титуловъ и отличій: они были бы смѣшны». Эта мысль, мысль о своемъ одиночествѣ въ нашей странѣ, кажется, сильно его занимала: при всей своей несообщительности, онъ не одинъ разъ, какъ бы невольно, высказывалъ ее, напр., хотя бы въ слѣдующихъ словахъ: «Есть роды, которые нигдѣ не могутъ пустить глубокихъ корней; какъ бы гонимые судьбою, они лишь случайно, то тамъ, то здѣсь, всплываютъ на поверхность; они могутъ быть даровиты, занимать высокое положеніе, но имъ невозможно крѣпко срастись съ какой-либо страной». Несомнѣнно, онъ имѣлъ въ виду свой собственный родъ, который черезъ Данію, Пруссію, Лифляндію и Россію случайно попалъ сюда и сдѣлался финскимъ. Дѣдъ его Іоганъ фонъ Денъ дѣйствительно совершенно случайно сдѣлался финляндскимъ землевладѣльцемъ. Произошло это такъ.

Имѣніе Сиппола, принадлежавшее фамиліи Крейцъ, было продано Штакельбергу, который въ свою очередь продалъ его крестьянину Бертилю Коскелль. Такъ какъ у Коскелля не было денегъ, то онъ сдѣлалъ заемъ у настоятеля собора Гудсеуса. Впослѣдствіи по поводу этого займа между Коскеллемъ и Гудсеусомъ возникъ процессъ, который рѣшенъ былъ Правительствующимъ Сенатомъ въ Петербургѣ довольно неожиданнымъ образомъ. Сенатъ, опираясь на шведскій законъ о дворянскихъ земляхъ, постановилъ, что ни Гудсеусъ, ни Коскелль, какъ не дворяне, не могутъ владѣть этой землей; она должна быть продана съ аукціона канцеляріей Выборгскаго губернатора. Такъ какъ Гудсеусъ былъ въ родствѣ съ фамиліей Брандтъ въ Выборгѣ, и одна изъ представительницъ этой фамиліи была замужемъ за артиллерійскимъ капитаномъ фонъ Денъ, то вопросъ разрѣшился такимъ образомъ, что этотъ послѣдній и приобрѣлъ имѣніе въ 1784 году. Этотъ Іоганъ фонъ-Денъ, отецъ котораго служилъ секретаремъ у герцога Брауншвейгскаго, былъ всегда желаннымъ гостемъ у Выборгскаго губернатора, герцога Вюртембергскаго (впослѣдствіи короля), и его супруги, принцессы Брауншвейгской. Выборгскій дворъ отличался литературными интересами, и этому съ своей стороны способствовалъ Іоганъ фонъ Денъ. Онъ основалъ въ Сиппола огромную для того времени библіотеку, богатую трудами по математикѣ, физикѣ и сельскому хозяйству. Благодаря этой библіотекѣ и придворнымъ традиціямъ, семья Дена сохраняла извѣстный отпечатокъ культурности и духовной чуткости, что далеко не всегда можно было встрѣтить въ помѣ-

щичьей средѣ восточной Финляндіи, составленной изъ столь разнородныхъ элементовъ, и что, за исключеніемъ старыхъ Обу'скихъ родовъ, было довольно рѣдкимъ явленіемъ и въ остальной Финляндіи. Іоганъ фонъ Денъ и его братья Александръ и Карлъ фонъ Дены были возведены въ дворянское достоинство въ 1834 г. Этотъ Александръ фонъ Денъ, женатый на Шарлоттѣ Амаліи фонъ Вильде, былъ отцомъ Вольдемара Карла фонъ Дена.

Александръ фонъ Денъ былъ болѣе, чѣмъ просто даровитый человекъ. Послѣ домашняго образованія онъ поступилъ въ Дерптскій университетъ, гдѣ изучалъ естественныя и гуманитарныя науки. Одна изъ его родственницъ Луиза Брунъ, урожденная Тоде, хорошо знавшая семью Деновъ, характеризуетъ его, какъ «демократа, но лишь вслѣдствіе духа противорѣчія, человека гостепріимнаго, очень словоохотливаго и большого проказника».

Шарлотта Амалія фонъ Вильде, на которой онъ женился въ 1820 г., была гордая аристократка извѣстнаго остзейскаго типа. «Она была молчалива и очень хороша собой». Супружеская жизнь ихъ не была счастливою. Какихъ-либо сценъ или раздоровъ нельзя было замѣтить, но между супругами не было ничего общаго ни по характеру, ни по взглядамъ. Мужъ былъ человекъ очень дѣятельный, практикъ, открытаго нрава. Онъ былъ вѣчно занятъ своими постройками: онъ выстроилъ въ Сиппола большой скотный дворъ, своего рода чудо по тогдашнему времени, а также разбилъ роскошный садъ. Дома его видѣли только за столомъ. Жена, тихая, болѣзненная, замкнутая въ себѣ, занималась большею частію чтеніемъ, вышиваніемъ и рисованіемъ гуашью и акварелью. Отъ нея остался восхитительный портретъ-миніатюра, въ стилѣ Росси. Она скончалась въ 1851 г., и послѣ этого въ мужѣ произошла странная перемена: онъ началъ пить. Болѣе глубокія причины этого неизвѣстны. В. фонъ Денъ въ это время было всего 13 лѣтъ. Онъ былъ весь въ мать, на которую походилъ и лицомъ. Его природная молчаливость теперь еще болѣе усилилась. «Послѣ смерти матери онъ сдѣлался скрытенъ и несловоохотливъ», говорилъ одинъ изъ его престарѣлыхъ родственниковъ, ст. сов. фонъ Денъ. Пьянство отца произвело на сына настолько сильное впечатлѣніе, что всю жизнь онъ питалъ—по его словамъ—«физическое отвращеніе къ пьянству». Отецъ умеръ въ 1855 г.

Какъ видно изъ предыдущаго, въ семьѣ фонъ Денъ, какъ и у многихъ нашихъ финляндскихъ родовъ, не было ни капли финской крови. И все-таки члены этой семьи были страстно привязаны къ той землѣ, которую называли своею. Совѣтникъ сельскохозяйственной коллегіи Александръ фонъ Денъ съ неутомимой энергіей обрабатывалъ ту землю, которую оставили ему въ на-

слѣдство его отецъ и дѣдъ; и, если бы Вольдемару фонъ Дену удалось отдаться своему призванію, изъ него, безъ сомнѣнія, вышелъ бы не менѣе ревностный земледѣлецъ, чѣмъ его братъ.

Блестяще окончивъ курсъ финляндскаго кадетскаго корпуса, В. фонъ Денъ сначала служилъ прапорщикомъ въ лейбъ-гвардіи Егерскомъ полку и подпоручикомъ въ финляндскомъ гвардейскомъ батальонѣ.

Въ гвардіи онъ славился столько же своей красотой, сколько молчаливостью. Онъ велъ очень замкнутый образъ жизни, принимая дѣятельное участіе лишь въ «академической» игрѣ въ карты, названной такъ потому, что игра велась не на деньги...

Два года спустя В. фонъ Денъ перевелся на Кавказъ, гдѣ сдѣлалъ блестящую карьеру, и черезъ десять лѣтъ послѣ своей безнадежной страсти къ дѣвицѣ * * * женился на упомянутой выше княжнѣ Маріи Святополкъ-Мирской (род. въ 1852 г.). Молодая княжна была красива, но у нея не было никакого состоянія; зато у нея была многочисленная и знатная родня (мать ея была урожденная княжна Орбеліани). Отецъ, князь Димитрій С.-М., былъ «рюриковичъ». Онъ былъ, между прочимъ, ближайшимъ начальникомъ фонъ Дена на Кавказѣ, генераль-адъютантомъ при намѣстникѣ великомъ князѣ Михаилѣ Николаевичѣ.

Фонъ Денъ много рассказывалъ про свою жизнь на Кавказѣ. Здѣсь онъ, между прочимъ, близко сошелся съ очень талантливой семьей Витте (отецъ—интендантъ удѣльнаго вѣдомства, жена его урожденная Фадѣева, сестра извѣстнаго военнаго писателя). Сынъ Витте, Сергѣй Юльевичъ питалъ къ Дену большую дружбу и оказывалъ ему помощь не въ одномъ щекотливомъ дѣлѣ. Встрѣчалъ онъ здѣсь и знаменитую спиритку Блаватскую, бывшую въ родствѣ съ семействомъ Фадѣевыхъ, и слышалъ удивительные рассказы о ней. Между прочимъ, она цѣлое лѣто прожила въ горахъ, въ пастушеской хижинѣ, съ своимъ возлюбленнымъ; юнымъ осетинскимъ княземъ. На Кавказѣ въ 1864 г. съ Деномъ случилось большое несчастіе. Онъ сломалъ себѣ ногу, стараясь удержать лошадей великаго князя, которыя, испугавшись чего-то, понесли. Лейбъ-медикъ великаго князя сдѣлалъ ему перевязку, но очень плохо, и Денъ на всю жизнь остался хромымъ. Зато онъ приобрѣлъ дружбу великаго князя, которая очень ему пригодилась, когда ему пришлось служить въ Финляндіи....

Онъ явился въ Финляндію въ 1882 году губернаторомъ. Произошло это такъ. Семейство Брунъ и Денъ, кромѣ того, что были связаны родственными узами, испоконъ вѣка жили

по сосѣдству, на рѣкѣ Кюми и въ Фридрихсгамѣ. Братъ В. фонъ Дена находился въ особенно хорошихъ отношеніяхъ съ министромъ статсъ-секретаремъ барономъ Т. Бруномъ, и, благодаря его авторитетному вмѣшательству, дѣло устроилось къ общему удовольствію, хотя государь уже обѣщалъ это мѣсто другому лицу, какъ говорили ф. Котену.

Денъ рѣшилъ сдѣлаться «истымъ финномъ», какъ онъ самъ говорилъ (старый выборгскій настоятель Мортимеръ Форстенъ былъ немало удивленъ, когда Денъ просилъ приписать его къ финскому приходу въ Выборгѣ)—«истымъ финномъ», такъ какъ, подобно всѣмъ нѣмцамъ восточной Финляндіи и остзейскихъ губерній онъ питалъ врожденное отвращеніе къ шведскому элементу. Это наслѣдственное отвращеніе къ шведамъ и Швеціи (оно было главной причиной того, что остзейскія провинціи такъ скоро были потеряны Швеціей) ведетъ свое начало отъ времени редукціи ¹⁾. Прибавимъ, что Денъ въ началѣ своего пребыванія въ Выборгѣ связывалъ слово «шведскій» съ пуншемъ и возліянiями, къ которымъ онъ питалъ непреодолимое отвращеніе.

Съ годами онъ перемѣнилъ свое мнѣніе о Швеціи... Поѣздка въ Стокгольмъ, полученіе изъ Швеціи нѣсколькихъ отличныхъ работниковъ, наконецъ, возрожденіе шведскаго національнаго духа, такъ сильно и ярко проявившееся въ 80-хъ годахъ,—все это мало-по-малу разсѣяло его антипатіи къ Швеціи...

Въ противоположность многимъ изъ нашихъ соотечественниковъ, онъ говорилъ по-шведски безъ малѣйшаго русскаго акцента. Онъ систематически слѣдилъ за шведской литературой Финляндіи; онъ перечиталъ всю мою библіотеку... Благодаря такой гибкости ума и живой любознательности, онъ вскорѣ попалъ *in medias res*, опять сталъ однимъ изъ нашихъ.

Онъ мечталъ о томъ, чтобы отдать своихъ младшихъ сыновей въ фридрихсгамскій корпусъ и сдѣлать изъ нихъ финляндскихъ помѣщиковъ въ Сиппола, какими были онъ самъ, его братъ, отецъ и дѣдъ; онъ желалъ, чтобы они научились финскому языку. Но изъ этого ничего не вышло. Обстоятельства были сильнѣе его. Жена его скучала въ Финляндіи; дѣти, рожденныя на Кавказѣ, видѣли южное солнце и южное небо; они были очарованы воспоминаніемъ о кавказскихъ горахъ и долинахъ. Основаться здѣсь, на низкихъ берегахъ озера Сиппола, среди пустынныхъ лѣсовъ и болотъ, которые отдѣляли ихъ родной домъ на сѣверѣ отъ желѣзной дороги, на югѣ и отъ моря,—было невысказано.

¹⁾ Подъ редукціей понималась конфискація дворянскихъ помѣстій, начавшаяся по постановленію шведскаго риксдага въ 1673 г. К. Т.

Сыновья его не знали шведскаго языка и лишь немного говорили по-фински.

Крайне несловоохотливый въ этомъ отношеніи, онъ рѣдко заговаривалъ на эту тему; дѣло шло впередъ «*par la force des choses*». Одинъ только разъ, за ужиномъ, этотъ вопросъ всплылъ наружу. Это подлило масла въ огонь, всѣ важнѣйшіе жизненные вопросы выступили вдругъ на сцену, и всѣмъ стало ясно, какая глубокая пропасть существовала между взглядами Дена и его семьи.

Одинъ изъ финляндскихъ родственниковъ Дена горячо принялъ къ сердцу это дѣло и, возражая хозяйкѣ, съ жаромъ началъ говорить о Финляндіи. Но все было напрасно. Генераль всталъ и, сильно покраснѣвъ, сказалъ своимъ мягкимъ глубокимъ голосомъ: «Ты правъ, братъ, это дѣлаетъ тебѣ честь, что ты защищаешь нашу страну, но теперь уже поздно». Онъ взялъ свой стаканъ съ чаемъ, ушелъ къ себѣ и заперъ дверь. Весь вечеръ онъ не показывался.

Эта антипатія его семьи къ Финляндіи едва-ли не больше, чѣмъ что-либо другое, такъ сказать, насильно толкало его къ намъ....

Интересно было наблюдать его постепенное превращеніе изъ простаго ставропольскаго губернатора въ высокопоставленнаго сановника Финляндіи, т.-е. отъ скромной шестерни въ бюрократической машинѣ до главнаго двигателя, до той активной дѣятельности, какая требуется отъ лица въ его новомъ положеніи.

Вначалѣ онъ былъ очень мало посвященъ въ историческіе и юридическіе акты, регулирующие отношеніе нашей страны къ имперіи; но, когда обстоятельства заставили его близко коснуться этихъ вопросовъ, онъ глубоко и основательно изучилъ ихъ, и съ этого времени его убѣжденія окончательно сложились.

Вольдемаръ фонъ Денъ вступилъ въ Сенатъ съ опредѣленной программой своей дѣятельности; въ немногихъ краткихъ словахъ сообщилъ онъ ее пишущему эти строки. «Сохраняя неприкосновенною ясную, какъ день, и признанную закономъ финляндскую автономію, онъ желалъ бы сдѣлать все, чтобы итти навстрѣчу требованіямъ русскаго правительства, дабы мысль о господствѣ Россіи въ нашей странѣ проникла въ сознаніе общества, какъ неоспоримый фактъ. При дружественныхъ отношеніяхъ съ русскими Финляндія можетъ сохранить многое; при враждебныхъ или даже просто вызывающихъ отношеніяхъ—ничего.

«То, что мы должны единодушно отстаивать до конца, это—

наше народное хозяйство. Подобно тому, какъ отдѣльная личность, поставленная въ благопріятныя экономическія условія, живетъ сравнительно болѣе независимою, свободною жизнью даже при тяжелыхъ политическихъ обстоятельствахъ, такъ и страна, гдѣ правильно поставлено хозяйство, въ извѣстномъ смыслѣ остается свободной и независимою, несмотря ни на что».

В. фонъ Денъ былъ извѣстенъ своею молчаливостію. Въ большомъ обществѣ онъ уходилъ въ себя, какъ улитка въ свою раковину. Но, какъ это часто бываетъ съ нервными, болѣзненными людьми, онъ способенъ былъ оживляться—это случалось обыкновенно поздно вечеромъ,—и тогда онъ умѣлъ говорить такъ, какъ говорятъ лишь немногіе мастера слова. Еще не зная, что онъ изучалъ Ницше, я удивлялся его сжатой, художественной, афористической формѣ рѣчи. Впослѣдствіи я замѣтилъ, что среди массы книгъ, большею частію по экономикѣ, которыя онъ однажды взялъ съ собою, отправляясь въ командировку, было одно произведеніе Ницше. Конечно, онъ не копировалъ его, но стиль этого писателя какъ нельзя болѣе подходилъ къ нему: его сжатость, афористичность, художественность вполне соответствовали его темпераменту.

Насколько мучительно было для Дена говорить передъ большимъ собраніемъ, показываетъ между прочимъ довольно комическій случай на прощальномъ обѣдѣ, который жители Выборга давали ему и его женѣ.

«Гм... опять мнѣ нужно будетъ говорить рѣчь!», сказалъ онъ съ смущеніемъ и досадой. Слово *опять* было лишнимъ, такъ какъ никто въ Выборгѣ никогда не слыхалъ, чтобы онъ говорилъ рѣчи. Небольшая рѣчь испортила ему все празднество и стоила большихъ усилій. Въ продолженіе ея онъ много разъ то краснѣлъ, то блѣднѣлъ. Насколько серьезно самъ онъ относился къ ней, видно изъ того, что, когда нѣсколько лѣтъ спустя ему предстояло высказаться по вопросу о покупкѣ мѣста для выборгской больницы, гдѣ сталкивались интересы города Выборга и казны, онъ съ озабоченнымъ видомъ отвѣчалъ: «Я былъ на томъ обѣдѣ и общался, насколько это отъ меня зависитъ, блюсти интересы города; я связанъ даннымъ общаніемъ».

Послѣ этого обѣда онъ счелъ своимъ долгомъ сдѣлать визиты всѣмъ его устроителямъ, изъ которыхъ иные были люди съ очень скромнымъ положеніемъ. Визиты эти были для него настоящей пыткой. Онъ входилъ, бормоталъ нѣсколько банальныхъ фразъ, минуты двѣ ерзалъ на стулѣ и молча краснѣя уходилъ.

Домъ Дена въ Сиппола я зналъ болѣе тридцати лѣтъ. Онъ былъ поставленъ на чисто спартанскую ногу. Ни тѣни роскоши.

Ни гардинъ, ни ковровъ, ни произведеній искусства. Принявъ домъ въ свое владѣніе, Денъ возвелъ эту простоту въ стиль. Все блистало бѣлизной и чистотой, почти изысканной. Мебель изъ корельской березы и краснаго дерева въ строгомъ стилѣ ампира была скупю разставлена рядами вдоль стѣнъ. По прежнему—ни гардинъ, ни ковровъ. Во всемъ домѣ нельзя было увидѣть ни капли ново-германскаго барокко. Истинное наслажденіе для глаза! Карты, цвѣты и хорошія гравюры были единственнымъ украшеніемъ комнатъ. Словомъ, человекъ здѣсь былъ все, обстановка—ничего.

Несмотря, однако, на весь этотъ строгій аристократизмъ, отпечатокъ котораго лежалъ на всемъ, пишущему эти строки едва ли приходилось бывать въ болѣе демократическомъ обществѣ, чѣмъ у этого министра статсъ-секретаря, женатаго на княжнѣ изъ древняго Рюрикова рода, дочь котораго была придворная дама, а сынъ—морской офицеръ. Бухгалтеръ имѣнія, уѣздный судья, приходскій священникъ, землемѣръ (называемый инженеромъ), производившій нивеллировку для водопровода, заводскій мастеръ изъ Выборга,—все мы сидѣли за однимъ столомъ. Разговоръ въ такомъ обществѣ могъ происходить, и дѣйствительно происходилъ, разомъ на финскомъ, шведскомъ, нѣмецкомъ, французскомъ, русскомъ и англійскомъ языкахъ. Въ домѣ обычно употреблялись два послѣдніе языка. Самъ хозяинъ былъ единственнымъ изъ насъ, говорившимъ на всѣхъ шести языкахъ—и на всѣхъ, кромѣ финскаго, онъ говорилъ свободно.

Однажды кто-то изъ гостей, неожиданно для всѣхъ, сказалъ хозяину дома рѣчь на финскомъ языкѣ. Она была написана стихами. Послѣ обѣда стихи были вручены Дену, котораго чрезвычайно развеселила и рѣчь и весь эпизодъ. «Сорокъ лѣтъ здѣсь не говорили рѣчей», сказалъ онъ, смѣясь...

Роскошью дома фонъ Дена (кромѣ великолѣпной, по преимуществу, вегетаріанской кухни) были цвѣты и книги. Въ способѣ декорированія также сказывался его оригинальный вкусъ: онъ любилъ японскій способъ—«одинъ цвѣтокъ въ каждой комнатѣ». Оранжерея въ Сиппола была на должной высотѣ, и цвѣты, которые можно было видѣть у Дена, стоили того, чтобы видѣть ихъ.

Болѣе начитаннаго человека, чѣмъ В. фонъ Денъ, я рѣдко встрѣчалъ. Всѣ комнаты въ Сиппола были наполнены книгами. Я видѣлъ у него все новое по исторіи, статистикѣ и политической экономіи. Онъ познакомилъ меня съ мемуарами Марбо ¹⁾, Валишевскимъ и Сенькевичемъ.

¹⁾ Jean Baptiste Marbot (1782—1854), офицеръ наполеоновской арміи и участникъ всѣхъ походовъ, начиная съ 1799 г. К. Т.

Мнѣ пришлось пережить съ Деномъ много веселыхъ, трагикомическихъ и печальныхъ эпизодовъ. При разъѣздахъ по губерніи мы съ нимъ жили въ одной комнатѣ на постоянныхъ дворахъ и въ крестьянскихъ избахъ, и, такъ какъ вслѣдствіе своего увѣчья онъ нуждался въ помощи (при оказаніи ея слѣдовало быть очень осторожнымъ и не высказывать ни тѣни состраданія, иначе онъ обижался), то я могу сказать, что стоялъ къ нему довольно близко.

Такъ было особенно въ Вильманстрандѣ въ 1885 г., во время продолжительныхъ и дорого стоившихъ приготовленій къ пріѣзду Александра III. Первые сутки мы провели въ городской гостиницѣ въ одной комнатѣ. Жизнь въ вильманстрандскомъ отелѣ въ то время была шумная, суетливая и нетрезвая. Когда городскимъ обывателямъ случалось выпить лишнее, и они либо затягивали патріотическія пѣсни, либо обсуждали какую-нибудь скандальную исторію, либо сводили свои партійные счета, то происходило то, что часто происходитъ въ нашихъ провинціальныхъ городахъ.

День, ничего такъ не презиравшій, какъ пьянство, и со свойственной ему скромностью выражавшій свой гнѣвъ и отвращеніе къ этому національному пороку, сказалъ мнѣ однажды: «Да, господинъ архитекторъ, вы состоите председателемъ въ какомъ-то обществѣ трезвости для рабочихъ—это очень хорошо. Съ такого рода алкоголизмомъ легко бороться; но какъ сдерживать въ этомъ отношеніи средній классъ? Вотъ въ чемъ вопросъ». Къ этому вопросу онъ часто возвращался. «Насколько южане выше насъ! Мы — варвары въ сравненіи съ ними. Эта наша грубость въ рѣчахъ и тѣлодвиженіяхъ ужасна. Когда я представляю себѣ грузина, армянина, не говоря уже о туркахъ, вѣжливыхъ, трезвыхъ—какъ они умѣютъ себя держать! Въ сравненіи съ ними мы грубые, злые дикари. Въ Ставрополѣ я зналъ одинъ кабачокъ; содержатель его былъ чистокровный кавказецъ. Онъ былъ уменъ не меньше другихъ; что касается выправки и манеръ, то онъ могъ бы читать лекціи кому угодно; онъ былъ трезвый магометанинъ—не чета этимъ свиньямъ».

Въ блестящіе дни вильманстрандскихъ лагерей въ 1885 г., посвященные трудамъ и забавамъ, В. фонъ Денъ былъ достойнымъ представителемъ всей губерніи. Твердый, снисходительный и, прежде всего, спокойный онъ принималъ безъ различія великихъ князей, карельскихъ мужиковъ, уѣздныхъ барынь, важныхъ сановниковъ—и со всѣми былъ одинаково неутомимъ и—немногословенъ. Съ той же неизмѣнной терпѣливостью выслу-

шиваль онъ и крестьянскихъ депутатовъ, высокопоставленныхъ столичныхъ дамъ, представлявшихъ ихъ величествамъ, и длинныя и нелѣпыя требованія жандармеріи о принятіи экстренныхъ мѣръ для охраны ихъ величествъ. Притомъ онъ былъ совершенно боленъ въ это время. Жандармерія, между прочимъ, настойчиво требовала, чтобы двери подваловъ, находившихся подъ покоемъ государя, были запечатаны. Но, такъ какъ въ погребѣ находились водопроводныя трубы, электрическіе провода, и все это было сдѣлано на время и въ высшей степени примитивно, то я ни за что не хотѣлъ соглашаться на это требованіе и, разумѣется, горячился.

Шефъ жандармовъ пожаловался на меня Дену, и мы оба были вызваны къ нему. Выслушавъ насъ, Денъ сказалъ по-шведски: «Но, Боже мой! Почему вы не позволяете ему сдѣлать по-своему? Пускай себѣ на здоровье запечатываетъ дверь. Завтра мы ее опять откроемъ».

Когда я съ удивленіемъ спросилъ его, можно ли это сдѣлать, онъ отвѣчалъ: «Да не ушлютъ же насъ за это въ Сибирь. Мы скажемъ, что такъ нужно было, такъ же, какъ и онъ; вы вѣдь говорите, что такъ нужно».

— Конечно.

— Значить, и дѣло съ концомъ. Пойдемте-ка завтракать.

Я никогда не забуду вечернюю зорю, которую справляли однажды въ лагерѣ. Ученье кончилось. Солнце ушло на покой. Лѣтняя ночь, тихая, теплая, прекрасная въ своихъ блѣдныхъ тонахъ, спустилась надъ равниной. Пропѣли молитву; отзвучали послѣднія ноты псалма Рунеберга за родину. Три сигнальныя ракеты взвились надъ темнымъ лѣсомъ, чертя огненные письмена на темной синевѣ небѣ. День кончился. Въ императорскомъ павильонѣ отняли подвижную дверь. Накрыли длинный столъ, который отъ павильона тянулся на поляну, подъ открытое небо. Императрица Марія Ѳеодоровна взяла на себя обязанность хозяйки и разливала чай болѣе почетнымъ гостямъ, сидѣвшимъ во главѣ стола; прислуга подавала намъ, сидѣвшимъ на другомъ концѣ, варенье, шампанское и фрукты. Согласно предписанію, я держался все время около Дена или, если это было невозможно, слѣдилъ за нимъ.

Когда всѣ хлопоты были покончены (а хлопотъ было много; здѣсь требовалась пунктуальность, не терпѣвшая ни малѣйшаго упущенія, такъ какъ все было устроено наскоро), Денъ обратился ко мнѣ и благодарилъ меня за помощь и—что меня больше всего обрадовало—за то общество, которое я ему доста-

виль. «Многіе, можетъ быть, скажутъ вамъ, что эти наши труды—онъ употребилъ сильное выраженіе,—но вѣрьте мнѣ, страна долго будетъ пользоваться плодами этого дѣла, и большія деньги, положенныя на него, не пропадутъ даромъ, по крайней мѣрѣ до тѣхъ поръ—и онъ указалъ на столъ—пока будутъ въ живыхъ высокія особы». Эта благодарность человѣка, не любившаго тратить словъ понапрасну, искренно радовала меня, и я сохранилъ ее, какъ дорогое для меня воспоминаніе. Деньъ сказалъ правду: наша работа въ Вильманstrandъ была намъ на пользу ровно тринадцать лѣтъ, все время, пока Деньъ служилъ въ Финляндіи.

Здѣсь въ Вильманstrandъ положено было начало той доброй репутаціи, которою Деньъ пользовался у Александра III, и тому благоволенію, которое государь оказывалъ нашей странѣ.

Въ тотъ самый годъ, когда я пріѣхалъ въ Выборгъ, я получилъ письмо отъ извѣстнаго нашего скульптора Вилле Вальгрена. Онъ искалъ работы. Я посоветовался кое съ кѣмъ изъ моихъ выборгскихъ пріятелей, и было рѣшено, что я закажу ему статую Торкеля Кнутсона, «такую, какъ статуя Биргера Ярла въ Стокгольмѣ», цѣною до 2200 марокъ ¹⁾. Вальгрень былъ въ восхищеніи. Я сообщилъ объ этомъ дѣлѣ Дену, котораго оно очень заинтересовало. «Только, чтобы гербъ и костюмы были настоящіе; чтобы не было никакихъ погрѣшностей противъ исторіи и геральдики,—помните это». Никто изъ насъ тогда ни минуты не колебался и никто не думалъ о томъ, какъ воздвигнуть эту статую. Вальгрень работалъ надъ монументомъ съ 1883 по 1887 годъ. Между тѣмъ, о дѣлѣ заговорили въ выборгскихъ газетахъ, и на него обратилъ вниманіе, между прочимъ, выборгскій комендантъ, генералъ Духонинъ. Онъ пожаловался генералъ-губернатору Гейдену, и лѣтомъ 1886 г. я былъ вызванъ къ нему, въ прелестное имѣніе Ронгайсъ близъ Выборга, гдѣ онъ тогда жилъ. Деньъ былъ уже тамъ. Графъ Гейденъ, любезный и ласковый, какъ всегда, спросилъ меня, что я думаю предпринять, чтобы осуществить свое намѣреніе. Я поглядѣлъ на Дена, интересуясь его отношеніемъ къ дѣлу. Но тотъ казался непроницаемымъ. Я отвѣчалъ: «Статуя еще не готова, не доставлена, деньги не уплачены; вопросъ поднимается преждевременно; я еще не думалъ о немъ. Но кто будетъ мѣшать такому безобидному дѣлу? Въ законахъ ничего объ этомъ не сказано, а что не запрещено, то дозволено».

¹⁾ Объ этой статуѣ была уже рѣчь въ предыдущихъ статьяхъ. См. «Гол. Мин.» 1916 г. № 7—8, стр. .

День подхватилъ мои слова и сталъ говорить такъ же откровенно, но прибавилъ, что благоразуміе требуетъ сдѣлать видъ, какъ будто распоряженіе существуетъ, и обратиться къ властямъ съ ходатайствомъ о разрѣшеніи воздвигнуть монументъ. Гр. Гейденъ склонялся къ тому же, но дѣло кончилось тѣмъ, что статуя Торкеля Кнутсона послужила поводомъ къ изданію закона 15 іюня 1890 г. о сооруженіи общественныхъ монументовъ. Городъ Выборгъ получилъ, если не ошибаюсь, статую Торкеля Кнутсона, подъ названіемъ «Герой», «Крестоносецъ» или что-то— въ этомъ родѣ. Статуя была поставлена въ зданіи выборгской ратуши и представляетъ собою любопытное произведеніе. Былой правитель государства, несправедливо лишенный жизни своимъ королемъ, почти черезъ 600 лѣтъ послѣ смерти сдѣлался причиной изданія новаго закона въ той самой странѣ, гдѣ онъ на зарѣ исторіи трудился надъ насажденіемъ культуры...

Со стороны Финляндіи распорядителемъ по приему ихъ величествъ въ Вильманstrandъ въ 1891 г. былъ завѣдующій гражданской частью шталмейстеръ К. Тудеръ ¹⁾. Въ комнатѣ государя, довольно скудно меблированной, я поставилъ книжный шкафъ, въ которомъ разложилъ книги изъ моей собственной библіотеки, не обращая вниманіе на ихъ содержаніе, а соображаясь лишь съ величиной и внѣшностью. Это была очень пестрая коллекція на различныхъ языкахъ, большею частію на шведскомъ.

Комнату эту посѣщали и осматривали всевозможныя лица и, между прочимъ, одинъ очень милый и любезный русскій генералъ, занимавшій высокое положеніе. На одной изъ книгъ онъ прочиталъ заглавіе: «Законы шведскаго государства».—*Qu'est ce que c'est?*—спросилъ онъ. Я объяснилъ ему, въ чемъ дѣло. Ему показалось забавнымъ, что россійскому императору приходится въ своей же собственной странѣ править по «законамъ шведскаго государства», которые риксдагъ издалъ 200 лѣтъ тому назадъ, и уложенію, составленному Густавомъ III, двоюроднымъ братомъ Екатерины ²⁾. Завязался оживленный споръ. «Не будетъ мира въ этой странѣ до тѣхъ поръ, пока этотъ законъ, хотя бы въ измѣненномъ видѣ, не будетъ обнародованъ россійскимъ императоромъ». Мой генералъ былъ, кстати сказать, европейски образованный и начитанный человѣкъ. «Повѣрьте, что, чѣмъ раньше вы сами измѣните свой взглядъ на этотъ непонятный для русскихъ фактъ, тѣмъ

¹⁾ См. «Гол. Минъ», іюль—авг.

²⁾ Основой финляндской конституціи до сихъ поръ служатъ акты 1734 и 1772 г., хранящіеся въ государственномъ архивѣ въ Стокгольмѣ.
К. Т.

скорѣе вы перестанете беспокоиться изъ-за насъ». Послѣ обѣда за такъ наз. «гофмаршалскимъ» столомъ, мы разстались, и я пошелъ къ Дену, чтобы передать ему все то, что я слышалъ отъ упомяну-таго лица.

— Старая пѣсня! Я ее слышу со всѣхъ сторонъ, изо дня въ день.

— Да неужели нельзя уладить это дѣло разъ навсегда, если оно имѣетъ такое важное значеніе?

— Гм! Было время, когда это можно и нужно было сдѣлать. Но тогда было не до того—тогда только бранили другъ друга и прежде всего Ирѣ-Коскинена. Не сдѣлано было этого и въ 70-хъ годахъ, когда это нужно было сдѣлать, потому что моментъ былъ подходящий. Александръ II былъ либераломъ и до конца жизни оставался таковымъ, тогда и въ Россіи и у насъ во всѣхъ партіяхъ были люди, способные произвести необходимую кодификацію, но наши партіи ненавидѣли другъ друга. «C'est une petite Pologne», сказалъ, говорятъ, про насъ Александръ II. Потому и не вышло, ничего, а теперь уже поздно. Теперь все идетъ своимъ порядкомъ т.-е. идетъ плохо.

— Вы не думаете, генераль, что если сеймъ... Онъ сдѣлалъ рукой отрицательный жестъ.—Остроумная шутка Армфельта ¹⁾ оправдывается теперь, какъ нельзя болѣе. Слыхали ли вы ее? Финляндская конституція похожа на незаконную связь женатаго человѣка; всѣ про нее знаютъ, всѣ ее терпятъ; чѣмъ меньше про нее говорятъ, тѣмъ счастливѣе себя чувствуютъ обѣ стороны. Это наша ошибка, что финляндская конституція не была кодифицирована въ свое время. И этотъ грѣхъ лежитъ, главнымъ образомъ, на совѣсти шведской партіи ²⁾, такъ какъ она ничего не пожелала сдѣлать, несмотря на то выгодное положеніе, которое она занимала, въ качествѣ *beati possidentes*. Она не хоѣла ничѣмъ рисковать, чтобы не потерять чего-либо изъ того, что она имѣла.

Разскажу еще одинъ эпизодъ, относящійся ко времени посѣщенія государемъ Гельсингфорса въ 1885 году. Изъ Вильманстранда ихъ величества поѣхали въ Гельсингфорсъ. Здѣсь имъ, между прочимъ, устроили чествованіе студенты, которые явились во дворъ императорскаго дворца, чтобы пѣть передъ высокими гостями. Ихъ величества стояли на балконѣ съ двумя своими

¹⁾ Александръ Армфельтъ (1794—1876) въ качествѣ министра статсъ-секретаря Финляндіи съ 1841 г. весьма успѣшно отстаивалъ автономію противъ николаевской реакціи и сталъ любимцемъ Александра II.

²⁾ Это была, собственно, такъ наз. либеральная партія, которая тогда стояла во главѣ финляндской общественности.

К. Т.

сыновьями, великими князьями Николаемъ и Георгіемъ. Свита находилась въ залѣ. По приказанію гр. Гейдена и барона ф. Альфтана, я тоже былъ здѣсь: въ моемъ вѣдѣніи находилось освѣщеніе дворца. Я, по обыкновенію, держался около Дена. Былъ чудесный лѣтній вечеръ. Хоръ студентовъ пѣлъ одну и сню за другой. Погода была прекрасная; косые лучи вечерняго солнца падали на гавань; вдали сверкало море; гладь залива сіяла, какъ металлическій щитъ; все это создавало особенное настроеніе. Вдругъ раздались звуки гимна «Нашъ край». Всѣ обнажили головы. Императрица собственноручно сняла фуражки у сыновей, но государь оставался неподвижнымъ. Мы, стоявшіе сзади, видѣли, какъ императрица, незамѣтно дергала государя за сюртукъ, но тотъ по прежнему не шевелился. Она шепчетъ ему, просить его,—все напрасно. Раздались послѣдніе звуки гимна:

И громче прозвучить тогда
Пѣснь въ честь страны родной.

Тогда только ей удалось заставить своего супруга снять фуражку и отдать честь финляндскому народному гимну. Я съ напряженнымъ вниманіемъ наблюдалъ за этой поучительной сценой и обратился къ Дену. Онъ посмотрѣлъ на меня долгимъ и серьезнымъ взглядомъ и отвѣчалъ: «Я все видѣлъ и все понялъ». Было бы хорошо, если бы нѣкоторые лица видѣли эту сцену: тогда они были бы не такъ высокомерны».

Во время второго посѣщенія государемъ Финляндіи въ 1891 г. День сдѣлался министромъ статсъ-секретаремъ Финляндіи, и окончилъ свою карьеру въ званіи сенатора. Насколько ему удалось провести свою программу въ сенатѣ, объ этомъ будетъ судить исторія. Я ѣхалъ съ нимъ въ одномъ поѣздѣ, когда онъ переселялся въ Петербургъ. Мы поѣхали въ Сиппола. Онъ былъ очень печаленъ и еще болѣе молчаливъ, чѣмъ обыкновенно. Въ теченіе двухъ сутокъ, которыя я пробылъ у него и съ нимъ, онъ почти ничего не говорилъ. Въ это время онъ завязалъ знакомство съ полковникомъ Редигеромъ, симпатичнымъ и образованнымъ офицеромъ, изъ финляндскихъ уроженцевъ, профессоромъ Академіи генеральнаго штаба. Онъ хотѣлъ устроить его въ статсъ-секретаріатъ, чтобы имѣть начальника экспедиціи по своему вкусу. Но Редигеръ не соглашался занять этотъ постъ, о чемъ нельзя не пожалѣть: въ его лицѣ Финляндія въ будущемъ получила бы государственнаго человѣка съ обширными знаніями и выдающейся работоспособностью, что именно и требовалось въ то время.

Это было въ Петербургѣ въ жаркій августовскій день 1890 г. День, бывшій тогда помощникомъ министра статсъ-секретаря, контрасигнировалъ манифестъ о реформѣ почтоваго вѣдомства ¹⁾. Онъ сидѣлъ одинъ въ комнатѣ со спущенными гардинами, въ своей квартирѣ на Шпалерной. Старый лакей, служившій при цѣломъ рядѣ министровъ, съ озабоченнымъ видомъ сидѣлъ въ передней. Онъ просіялъ, когда отворилась дверь.

— Плохо у насъ сегодня,—сказалъ онъ мнѣ шепотомъ: не ѣсть, не пьеть, даже чаю не пьеть; а бывало пивалъ каждый день по нѣсколько разъ.

Обо мнѣ доложили. Я вошелъ и увидѣлъ Дена въ глубинѣ комнаты. Первымъ вопросомъ его было: «Были ли дожди въ Финляндіи?»

— Нѣтъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, значитъ, урожай пойдетъ къ черту, какъ и все прочее... Ну, что? Много тамъ у васъ кричатъ о почтовомъ вопросѣ?

— Не скрою отъ васъ: всѣ очень взволнованы и огорчены.

— Могу себѣ представить. Это раздраженіе доходитъ и сюда.

И онъ бросилъ мнѣ какую-то бумагу.

— Посмотрите, что я получилъ.

Это была копія стихотворенія Рунеберга «Свеаборгъ» ²⁾, сдѣланная, какъ мнѣ показалось, женской рукой.

— Я буду отвѣчать на этотъ гадкій анонимный пасквиль. Посмотрите.

И онъ подаль мнѣ полулистъ, на которомъ крупнымъ почеркомъ и въ очень рѣзкомъ тонѣ былъ написанъ отвѣтъ, съ собственноручными его поправками во многихъ мѣстахъ.

— Но, генераль, вѣдь вы не знаете, кто именно прислалъ эту бумагу.

— Я пошлю свой отвѣтъ въ газеты, въ Nya Pressen ³⁾. Надо же и мнѣ когда-нибудь сдѣлаться газетнымъ писакой.

¹⁾ Въ силу этого манифеста финляндское почтовое вѣдомство было подчинено министру внутреннихъ дѣлъ. К. Т.

²⁾ По поводу предательской капитуляціи Свеаборга въ 1809 г., гдѣ адмиралъ Кронstedтъ и полковникъ Егерхорнъ приобрѣли печальную славу измѣнниковъ, Рунебергъ сочинилъ стихотвореніе, гдѣ въ пламенныхъ словахъ заклеилъ позоръ подобнаго поступка. Послѣднія строфы особенно сильны: «Умолчи объ его родѣ, не называй его племени, огради ихъ отъ его преступленія, пусть никто не краснѣетъ за его позоръ, который долженъ лечь на него одного.—Назови его только измѣннической рукой, поставленной для опоры Финляндіи, назови его стыдомъ и срамомъ, скорбью и грѣхомъ, наказаніемъ и смертью. Только такъ его можно назвать, чтобы щадить своего собесѣдника.—Возьми весь мракъ могилы и всѣ муки жизни, создай изъ нихъ имя и надѣли его этимъ именемъ—оно все же вызоветъ меньше горя, чѣмъ то, которое онъ носилъ въ Свеаборгѣ». К. Т.

³⁾ Главный оппозиціонный органъ, основанный въ 1883 г. и закрытый Н. И. Бобриковымъ въ 1900 г.

Я со вниманіемъ прочиталъ его отвѣтъ.

— Да, то-то будетъ потѣха, если вы пошлете свою статью.

— Я сдѣлаю это, чортъ возьми!... Но я вамъ говорю: они тамъ такъ плохо ведутъ дѣла, что все пойдетъ къ черту. Не забывайте, что потерявши голову, по волосамъ не плачутъ; надо что-нибудь дать, надо дать. Но что и сколько, это такая вещь, за которую я не позволю никому судить себя до тѣхъ поръ, пока я не буду лежать въ землѣ и не пролежу столько времени, что отъ меня ничего не останется; только тогда могутъ меня судить. Впрочемъ, чѣмъ больше они будутъ писать и бранить меня, тѣмъ крѣпче будетъ становиться мое положеніе, тѣмъ большую пользу я могу принести на своемъ посту.

Я сказалъ нѣсколько словъ о томъ, что большая свобода печати и широкая гласность должны бы оберегать отдѣльную личность отъ пасквильнтовъ и клеветниковъ.

Онъ вспыхнулъ и сказалъ:

— Вы хотите хватать звѣзды съ неба или что-либо въ этомъ родѣ. Знаете ли вы, что думаютъ здѣсь по поводу закона о финской прессѣ? Его считаютъ анархистскимъ.

— Я это знаю.

— Въ такомъ случаѣ, вамъ мнѣ не нужно отвѣчать. Но я отвѣчу этимъ писакамъ, которые ничего, рѣшительно ничего не знаютъ ни о трудностяхъ моего положенія, ни вообще о трудностяхъ положенія.

Нѣсколько дней спустя, въ вечернемъ номерѣ Nya Pressen, отъ 28 августа было напечатано слѣдующее сообщеніе: «Редакція получила отъ помощника министра статсъ-секретаря В. ф. Дена нижеслѣдующее благодарственное письмо съ покорнѣйшей просьбой напечатать его въ нашей газетѣ.

«Я получилъ по почтѣ, со штемпелемъ «Гельсингфорсъ», копію стихотворенія Рунеберга «Свеаборгъ». Такъ какъ отправитель не назвалъ ни своего имени ни адреса, то мнѣ ничего не остается, какъ черезъ газеты поблагодарить храбраго патріота, почтившаго меня своимъ любезнымъ посланіемъ.

В. ф. Денъ.»

Спустя два года, когда я попросилъ у него портретъ для одного изъ изданій Товарищества художниковъ, онъ сказалъ мнѣ ни съ того ни съ сего:

— То, что я тогда говорилъ по вопросу о почтѣ, конечно, было неправильно. Это была ошибка. Намъ нужно было бы, т.-е. мнѣ нужно было бы, умѣть предотвратить несчастіе; я...

Онъ прибавилъ еще что-то такое, чего я не понялъ. Онъ былъ

очень сконфуженъ, какъ будто это добровольное сознание сдѣланной ошибки сильно подѣйствовало на него. Онъ жилъ тогда въ гостиницѣ Societetshuset. Когда мы спускались съ лѣстницы, онъ сказалъ рѣзкимъ тономъ: «объ этомъ, конечно, никому ни слова, и особенно...» Послѣднихъ словъ я не разслышалъ.

Это признаніе въ допущенной имъ ошибкѣ нѣкоторымъ скептикамъ можетъ показаться выдуманнымъ имъ самимъ, невѣроятнымъ. Къ счастью, у одного лица есть документы, подтверждающіе достовѣрность этого страннаго эпизода.

День особенно интересовался педагогическими вопросами. Какъ часто онъ говорилъ мнѣ: военная школа должна лежать въ основѣ воспитанія вашихъ сыновей; помните правило римлянъ: «мальчика слѣдуетъ воспитывать такъ, чтобы онъ могъ потомъ защищать свое отечество. Съ этой основой ему впослѣдствіи легко будетъ приобрѣсти все, что нужно для управленія страной въ мирное время». Онъ основательно изучилъ вопросъ о совмѣстномъ воспитаніи. Онъ, правда, не былъ безусловнымъ сторонникомъ его, но не былъ и противникомъ. Въ августѣ 1894 г. сидѣлъ онъ однажды за своимъ письменнымъ столомъ, на которомъ стояла во всей своей красѣ цвѣтущая лилія амариллисъ. Такъ какъ онъ какъ разъ былъ занятъ вопросомъ объ ассигнованіи средствъ для одной совмѣстной школы, то это дало ему поводъ къ слѣдующему красивому и остроумному сравненію. «Амариллисъ и тюльпанъ, какъ извѣстно, луковичныя растенія; одно изъ нихъ цвѣтетъ рано весной, другое поздно осенью. Чтобы добиться одновременнаго цвѣтенія, нужно держать ихъ—одно на льду, другое въ теплицѣ. То же самое и съ дѣтьми обоего пола, которыхъ хотятъ теперь воспитывать вмѣстѣ. Мнѣ представляется неправильнымъ соединять столь неоднородные по темпераменту и духовному развитію элементы. Девятнадцатилѣтняя дѣвушка часто смышленѣе тридцатилѣтняго мужчины. И однакоже для нашей страны эта система очень заманчива. Сплетня стоитъ на стражѣ нравственности. Такая школа будетъ дешево стоить. Вспомните о нашемъ пресловутомъ двуязычій. Къ чему держать шесть школъ, когда можно ограничиться тремя? Но это вмѣстѣ съ тѣмъ и единственный дѣйствительный и необходимый аргументъ, заставляющій меня защищать систему». Къ этимъ заключеніямъ онъ пришелъ подъ вліяніемъ статьи въ «Revue de deux Mondes», въ которой одинъ французскій писатель говоритъ о совмѣстномъ воспитаніи въ Америкѣ. Разговоръ былъ прерванъ звонкомъ телефона изъ канцеляріи. Такъ какъ Дену было трудно ходить, то я подошелъ

къ аппарату и узналъ, что изъ Петербурга получена важная депеша на имя его превосходительства; спрашивали о томъ, послать ли ее съ нарочнымъ изъ Утти или съ почтальономъ изъ Сиппола. «Пусть они прочитаютъ телеграмму вамъ»,—крикнулъ Денъ изъ своей комнаты. Я передалъ приказаніе, но педантическій чиновникъ отвѣчалъ, что онъ не имѣетъ права этого дѣлать. Тогда Денъ самъ подошелъ къ аппарату и просилъ сообщить ему содержаніе депеши и, когда это было сдѣлано, онъ сказалъ, чтобы ее ему переслали.

Онъ возвратился въ комнату очень взволнованный, сѣлъ къ столу и продолжалъ раскладывать пасьянсъ, покусывая усы. Я зналъ, что теперь лучше было не разговаривать съ нимъ. Прошло добрыхъ полчаса; я разсѣянно читалъ тотъ номеръ «Revue de deux Mondes», гдѣ была напечатана статья о совмѣстномъ воспитаніи, возбудившая его интересъ.

Вдругъ онъ глубоко вздохнулъ, бросилъ карты на столъ и сказалъ: «Государь, нашъ добрый Александръ III, очень плохъ. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ его не станетъ».

— Возможно ли? Развѣ онъ не можетъ поѣхать въ какой-нибудь курортъ?

— Нѣтъ, теперь ужъ ничего нельзя сдѣлать. Отправить его въ Наугеймъ, Эксъ или куда бы то ни было за предѣлы Россіи невозможно. Онъ ненавидитъ всѣ эти церемоніи, которыми сопровождаются императорскіе разѣзды. Онъ начинаетъ сердиться, стоитъ только доктору заикнуться о поѣздкѣ на курортъ.

Когда его не станетъ, въ мірѣ будетъ однимъ честнымъ человекомъ меньше, а Финляндія потеряетъ одного изъ самыхъ сильныхъ своихъ защитниковъ. Честность его такова, что я никогда не видалъ ничего подобнаго въ частной жизни. Онъ долго и добросовѣстно обсуждаетъ вопросъ. Пока у него есть хоть тѣнь сомнѣній,—каково бы ни было его личное отношеніе къ вопросу—онъ не приметъ рѣшенія.

И, понизивъ голосъ, отрывисто и съ длинными разстановками онъ разсказалъ мнѣ нѣсколько мелкихъ эпизодовъ, показывающихъ, какъ государь въ вопросахъ финляндской политики часто допускалъ рѣшеніе дѣла совсѣмъ не въ томъ направленіи, какого онъ, повидимому, самъ держался, только потому, что считалъ себя связаннымъ своимъ царскимъ словомъ...

Послѣ одной изъ своихъ поѣздокъ въ шхеры государь вызвалъ Дена среди недѣли. Красивый островъ въ шхерахъ Экенеса или Оланда, на которомъ онъ жилъ годъ тому назадъ, былъ теперь совершенно голъ. Многіе другіе острова также лишились своего лучшаго украшенія,—лѣса.

Государь пожелалъ, чтобы изданъ былъ законъ, воспреещающій дальнѣйшую вырубку лѣсовъ на островахъ, подверженныхъ бурямъ и приливамъ, и вообще въ мѣстностяхъ съ медленнымъ ростомъ деревьевъ.

День указалъ ему, что въ такой формѣ вопросъ этотъ не можетъ быть разрѣшенъ; онъ долженъ быть внесенъ въ сеймъ, который одинъ вѣдаетъ имущественныя права частныхъ лицъ.

Государь угрюмо согласился съ этимъ, прибавивъ: «тѣмъ временемъ они вырубятъ всѣ лѣса въ моихъ прекрасныхъ шхерахъ; согласитесь, по крайней мѣрѣ, что русскіе законы проще и дѣйствуютъ скорѣе».

Нѣсколько дней спустя День былъ вызванъ къ императрицѣ. «Его величество,—сказала она: говорилъ съ вами по поводу закона противъ истребленія лѣсовъ въ финляндскихъ шхерахъ. Хорошо, если бы вы, какъ можно скорѣе, сдѣлали все, что возможно, такъ чтобы воля его величества была исполнена, безъ нарушенія законовъ»...

Въ 1893 г. вышла моя книга «Семейство изъ Хапакоски». Я не зналъ, какъ мнѣ быть съ ней. Что День пожелаетъ прочитать ее—въ этомъ не могло быть сомнѣнія. Не дать ее ему—онъ подумаетъ, что совѣсть у меня нечиста; дать—я боялся, что поставлю себя въ неловкое положеніе, если уже онъ прочиталъ ее. Я рѣшилъ дѣйствовать открыто, такъ какъ этотъ способъ оказывался всегда наилучшимъ по отношенію къ Дену. Я далъ ему экземпляръ, но не успѣлъ я выговорить слова, какъ онъ сказалъ:

— Гм! Благодарю васъ! Гм! Читалъ, читалъ. Вы эксплуатируете меня, чужими руками жаръ загребаете ¹⁾.

Я смутился и пробормоталъ что-то въ родѣ извиненія. Я заранѣе хорошо обдумалъ, что сказать ему, я исходилъ изъ того взгляда, что, когда ни одна черта не скопирована прямо съ натуры, то художнику было позволительно въ своей работѣ воспроизводить дѣйствительность, тѣмъ болѣе, что вопросъ былъ поставленъ на общую почву.

— Да, да, не стоитъ труда извиняться. Но въ книгѣ есть ошибка: трагическій моментъ помѣщенъ не тамъ, гдѣ бы слѣдовало. Онъ долженъ находиться между настоящимъ и грядущимъ поколѣніемъ; въ данномъ случаѣ это углубляетъ трагизмъ...

¹⁾ Въ данномъ романѣ изображается судьба финляндца, который, состоя на военной службѣ въ Россіи, женится на русской барышнѣ и этимъ своимъ поступкомъ принужденъ порвать связь съ родиной.

Денъ былъ рѣдкостный начальникъ. Онъ былъ вѣжливъ и предупредителенъ, чуждъ всякой мелочности. Подчиненный чувствовалъ только его правящую руку, но никогда не чувствовалъ тяжести его власти. Если въ человѣкѣ, съ которымъ онъ входилъ въ сношенія, была хоть капля инициативы, онъ умѣлъ ее открыть и дать ей обнаружиться. Впослѣдствіи, подъ вліяніемъ болѣзни и политическихъ неудачъ, онъ перемѣнился: нерѣдко раздражался, выходилъ изъ себя; но надо помнить, что путь его не былъ усыпанъ розами. Его мечта—провести остатокъ жизни въ Сиппола, оставить имѣніе въ наслѣдство одному изъ сыновей, скоро поблекла. Онъ видѣлъ, что наступаетъ такое время, когда онъ будетъ изгнанъ изъ родной страны, чтобы вновь сдѣлаться однимъ изъ тѣхъ скитальцевъ, о которыхъ онъ такъ часто говорилъ.

Передъ восшествіемъ на престолъ Николая II Денъ занималъ настолько высокое положеніе, что даже враги признавали его. Это признаніе выпало на его долю особенно потому, что ему удалось исходатайствовать монаршее утвержденіе финляндской автономіи, котораго вся страна ожидала съ лихорадочнымъ безпокойствомъ. Какъ все произошло, объ этомъ говорили различно, и эти версіи передавались съ увѣренностью, которая сбивала съ толку. Самое разнообразіе варіантовъ было признакомъ того, что рассказы эти исходили изъ довольно мутнаго источника; сверхъ того, всѣ эти варіанты противорѣчили тому представленію о генералѣ Денѣ, которое я себѣ составилъ. Я никакъ не могъ повѣрить этимъ злободневнымъ сплетнямъ.

Когда мнѣ однажды пришлось услышать еще одну версію на эту тему, версію, которая нравилась мнѣ еще меньше всѣхъ предыдущихъ, я рѣшилъ добиться толку. Я отправился къ Дену, который въ это время находился въ городѣ и жилъ въ Societetshuset. Здѣсь былъ большой съѣздъ: всѣ, кто хоть что-нибудь значилъ въ нашемъ обществѣ, словно сговорились сойтись у него. Когда я вошелъ, онъ дружески подалъ мнѣ руку и сказалъ по-русски что-то такое, что баронъ ф. Альфтанъ перевелъ такъ: «когда говоришь о чортѣ, то онъ уже въ передней».

Онъ вступилъ въ нашу прекрасную столицу, какъ побѣдитель: студенты встрѣтили его пѣніемъ; двѣ депутаціи явились къ нему съ привѣтствіемъ; его чествовали, какъ человѣка, совершившаго великое дѣло, исходатайствовавшаго монаршее утвержденіе, котораго народъ цѣлые недѣли ждалъ съ страхомъ и трепетомъ. Онъ былъ героемъ дня, котораго всѣ хотѣли видѣть и привѣтствовать: свой успѣхъ онъ принялъ спокойно. Однако, какъ ни былъ онъ скромнень и сдержанъ, все-таки видно было, что

на душѣ у него было весело. Радость свѣтилась и въ его тепломъ, нѣсколько застѣнчивомъ взорѣ, она видна была и въ тонкой привѣтливой усмѣшкѣ. Бесѣда шла довольно однообразно, гости старались поддерживать разговоръ. Въ это время управляющій гостиницы доложилъ, что экипажъ поданъ. День предложилъ мнѣ поѣхать съ нимъ. «Дѣло касается зданія музея; какъ разъ вамъ принадлежитъ анонимная статья о помѣщеніи музея въ Тэлэ. Я хотѣлъ бы осмотрѣть и старое и новое мѣсто; объ этомъ мы какъ разъ говорили передъ вашимъ приходомъ». Гости расъ прощались, и мы поѣхали. Дорогой я пересказалъ ему всѣ тѣ варианты, которые я слышалъ по вопросу о монаршемъ утвержденіи.

Такъ какъ эти рассказы были неправдоподобны, а въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ даже унинительны, то я просилъ его—если онъ находитъ это возможнымъ—рассказать мнѣ, какъ было дѣло; я запишу его рассказъ съ возможной точностью и сохранию его для будущихъ временъ.

— У меня нѣтъ никакихъ основаній отказать вамъ въ вашей просьбѣ, тѣмъ болѣе что этотъ случай рисуется одну изъ прекраснѣйшихъ чертъ въ характерѣ нашего юнаго Государя. Все случилось очень просто, т.-е. просто послѣ того, какъ я нѣсколько дней подъ рядъ жилъ въ Петербургѣ, какъ осужденный, въ безпрестанной тревогѣ. Телеграфъ былъ занятъ до такой степени, что мнѣ казалось, я никогда не получу отвѣта на мой запросъ о томъ, когда мнѣ нужно выѣхать въ Крымъ. Наконецъ, пришла телеграмма, и я тотчасъ же отправился въ путь вмѣстѣ съ барономъ Т. Бруномъ. Въ самый день пріѣзда меня встрѣтилъ курьеръ: обо мнѣ уже справлялись. Я былъ принятъ почти тотчасъ же. При дворѣ всѣ были сильно взволнованы. Говорили объ усопшемъ. Спрашивали, какое впечатлѣніе произвело извѣстіе о кончинѣ императора въ Финляндіи. Тогда я показалъ копіи всѣхъ монаршихъ грамотъ, подписанныхъ русскими государями при вступленіи на престолъ. Его величество внимательно прочиталъ ихъ и со словами: «Я охотно подпишу эту грамоту, такъ какъ хочу, чтобы миръ и согласіе царствовали среди всѣхъ моихъ подданныхъ, безъ различія племенъ и вѣроисповѣданій»—онъ подписалъ ту грамоту о положеніи Финляндіи, которую мы теперь имѣемъ.

— И у васъ не было никого, кто бы хлопоталъ за васъ или за насъ?

— Никого...

Паденіе Дена дало поводъ къ включенію особаго параграфа въ новой инструкціи Императорскому сенату. Да, это было паденіе! Дѣло въ томъ, что, хотя Денъ послѣ выхода въ отставку и

получилъ очень милостивый Высочайшій рескриптъ, что считается рѣдкимъ отличіемъ,—все же отставка его была паденіемъ, и такъ смотрѣлъ на нее онъ самъ. «Я больше не нуженъ, я отгѣсненъ съ позицій»,—говорилъ онъ одному лицу изъ нашихъ правящихъ сферъ. Подробности этой исторіи въ высокой степени драматичны. Онѣ записаны однимъ лицомъ, которое, будучи духовно связано съ нимъ, имѣло возможность наблюдать заключительный актъ его политической дѣятельности, и въ свое время сдѣлаются достояніемъ исторіи. Эти записки, между прочимъ, подтверждаютъ то, что сказали о Денѣ одинъ изъ представителей высшей финляндской администраціи: «онъ умеръ убѣжденнымъ конституціоналистомъ».

Когда Денъ въ петербургскомъ отдѣленіи Финляндскаго банка получилъ миллионный чекъ—стоимость своего завѣтнаго имѣнія Сиппола, онъ встряхнулъ рукой эту легкую, но цѣнную бумажку и сказалъ проходившему мимо старому пріятелю: «*Ich bin doch ein grosser Thor gewesen*» ¹⁾. Съ влажными отъ слезъ глазами, низко согнувшись, вышелъ онъ изъ банка и съ тѣхъ поръ изъ году въ годъ, какъ изгнанникъ, скитался по Европѣ. Прекраснѣйшія страны нашей части свѣта, памятники Парижа и Рима, дворцы Флоренціи, горы Швейцаріи, лазурное море Ривьеры были не въ силахъ заглушить его тоску по родинѣ. Небольшой островокъ близъ Сиппола, увѣнчанный березками и ольхой поле, которое его отецъ воздѣлалъ среди пустыни, лѣса, раскинувшіеся на многія мили кругомъ его родного дома, постоянно представлялись его внутреннему взору. Ему уже никогда больше не увидѣть ихъ. Въ одинъ весенній день въ Римѣ онъ сказалъ своей супругѣ, что хотѣлъ бы отправиться на Monte Pinicio, чтобы видѣть солнце. Она вышла въ сосѣднюю комнату—заняться своимъ туалетомъ, а онъ остался у себя и ждалъ. Вдругъ она слышитъ глубокій вздохъ... спѣшитъ къ нему и находитъ его уже мертвымъ, сидящимъ на диванѣ. Похоронили его не тамъ, гдѣ онъ хотѣлъ,—не въ фамильномъ склепѣ въ Сиппола; прахъ его покоится на протестантскомъ кладбищѣ около пирамиды Цестія, недалеко отъ могилы его земляка І. Таканенъ. На могильной плитѣ—надпись на русскомъ языкѣ, гласящая о томъ, кто и кѣмъ онъ былъ нѣкогда.

Когда однажды Дена просили дать свой портретъ и біографію для одного изданія, онъ сказалъ: «Современники не могутъ судить объ умершемъ. Я не хочу быть... раньше времени. Подобно всѣмъ другимъ, я дѣлалъ ошибки, но я всегда желалъ добра. Протоколъ утверждаетъ потомство».

Пер. подъ редакціей К. Ф. Тиандера.

¹⁾ «Ну, не дуракъ ли я!»

Н. А. Некрасовъ и люди 40 гг.¹⁾

III. Письма В. П. Боткина.

Нѣкоторыя основанія для подобнаго же вывода²⁾ даютъ и имѣющіяся у меня, еще не появлявшіяся въ печати, письма къ Некрасову Вас. Петр. Боткина. Мнѣ уже приходилось касаться въ своихъ статьяхъ о редакторской дѣятельности Некрасова (см. «Голосъ Минувшаго» 1915 г. № 9, стр. 50—51 и 55—57) отношеній Некрасова и Боткина. Опубликованные мною тогда матеріалы относились къ 1847 и 1853 г.г. Въ этомъ послѣднемъ году между Некрасовымъ и Боткинымъ произошла серьезная размолвка, вызванная тѣмъ, что Боткинъ вознамѣрился было свою статью о Шекспирѣ, заказанную Некрасовымъ, отдать Крѣвскому. Однако, эта размолвка была скорѣ ликвидирована и, по свидѣтельству, не оставила послѣ себя никакого осадка. По крайней мѣрѣ, имѣющіяся у меня и относящіяся къ 1855—1856 г. свѣдѣн. 20-ти писемъ Боткина къ Некрасову, носятъ на себѣ яркій отпечатокъ не просто дружелюбія, а, я бы сказалъ, интимнаго дружелюбія. Уже даты этихъ писемъ, охватывающихъ періодъ съ 3 сентября 1855 г. по 2 августа 1856 г., показываютъ, какъ велика была потребность двухъ друзей въ письменномъ общеніи, въ тѣ періоды, когда они жили рѣзно. I письмо, безъ даты, писано въ августѣ 1855 г., II—отъ 3 сентября 55 г.; III—отъ 4 сент.; IV—отъ 14 сент.; V—отъ 19 сент.; VI—отъ 22 сент. (пять писемъ за сентябрь!); VII—отъ 6 октября 55 г.; VIII—отъ 18 ноября 55 г.; IX—отъ 24 ноября; X—отъ 27 ноября; XI—отъ 7 декабря 55 г.; XII—отъ 3 февраля 1856 г.; XIII—отъ 24 марта 56 г.; XIV—отъ 25 марта; XV—отъ 28 марта; XVI—отъ 30 марта (четыре за мартъ!) XVII—отъ 19 апрѣля 56 г.; XVIII—отъ 15 мая; XIX—отъ 24 іюля; XX—отъ 29 іюля и XXI—отъ 2 августа 1856 г. Итакъ, бывали мѣсяцы, какъ напр., сентябрь, мартъ, когда Боткинъ писалъ Некрасову не рѣже одного раза въ недѣлю, и это, повторяю, при условіи, что за указанный періодъ времени друзья видѣлись лично. Письма Боткина къ Некрасову, какъ и вообще письма Боткина, предста-

¹⁾ См. „Гвл. Мин.“ № 5—6.

²⁾ Т. е. вывода о томъ, что расхожденіе между Некрасовымъ и его друзьями изъ числа писателей 40-хъ гг., вызвано при чинами идеальнаго порядка, обнаружилось уже въ 1855—1856 годахъ, дѣлая въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ неизбѣжнымъ и окончательный разрывъ.

вляются настолько интересными, что я ихъ приведу полностью, придерживаясь, однако, не вышеуказаннаго хронологическаго ихъ порядка, а группируя ихъ извѣстнымъ образомъ по преобладающимъ элементамъ содержанія. Само собой разумѣется, что подобная группировка можетъ имѣть лишь относительное значеніе, такъ какъ почти каждое письмо затрагиваетъ весьма разнообразный кругъ вопросовъ.

Къ первой группѣ я отношу письма, характеризующія какъ личныя отношенія Боткина и Некрасова, такъ и ту почву, на которой происходило ихъ общеніе. Вотъ три относящіяся сюда письма (№№ II, IX и X).

(№ II).

3 сентября 1855 г. Москва.

Сейчасъ получилъ твое письмо, любезный другъ,—и съ радости тотчасъ же принимаюсь отвѣчать тебѣ. О доктора! О доктиссимумы! О рутина! О невѣжество! Прибавь еще 1000 разныхъ другихъ О—и все-таки это не выразитъ моего изумленія отъ ихъ невѣжества—а главное невниманія. Сколько я могу понять въ горлѣ твоемъ есть слѣды прежняго дурно излеченнаго сифилиса ¹⁾, о которомъ ученые мужи и забыли справиться. Но какъ бы тамъ ни было теперь главный пунктъ найденъ, и я увѣренъ теперь леченіе будетъ уже не стрѣлянемъ въ луну, какъ прежде.

— Не даромъ мнѣ не нравились эти воды Иноземцева.

Огорчило меня твое извѣстіе о Бекетовѣ и о статьѣ моей. Богъ знаетъ, что изъ нея выйдетъ. Тогда едва ли будетъ стоить печатать ее. Не лучше ли въ такомъ случаѣ подождать. Все это страшно подмываетъ меня съѣздить въ Петербургъ, а относительно твоего приглашенія,—откровенно скажу,—я ему сильно обрадовался. Посуди самъ, какое удовольствіе жить въ гостиницѣ одному,—когда есть возможность возобновить наше житіе въ Паркѣ, гдѣ обоимъ намъ было такъ тихо, хорошо и влажно на душѣ.

Да, кстати, чтобъ не забыть: вчера Козьма Тер. Сол.²⁾ спрашивалъ меня, кому здѣсь передать 1500 руб. Помнится, что было говорено имъ прежде, чтобъ онъ передалъ эти деньги мнѣ для доставленія тебѣ. Но онъ вѣрно объ этомъ забылъ,—а мнѣ совѣстно было сказать: «пожалуйте ихъ мнѣ». Поэтому ты напиши ему немедля,—а я по полученіи отъ него тотчасъ же переведу къ тебѣ.

¹⁾ Нѣкоторыя подробности о ходѣ заболѣванія Н—ва читатель найдетъ въ «Воспоминаніяхъ» д-ра Бѣлоголова.

²⁾ Т.-е. Солдатенковъ.

Впрочемъ, если ты предпочтешь, чтобъ онъ ихъ передалъ Базунову,—то пусть будетъ и такъ.

Фельетонъ нашъ таки обрѣзали—всѣ обрѣзки пали на мою долю, кажется. Мнѣ не только жаль того, что выкинуто о Жихаревѣ, сколько нѣсколькихъ фразъ по поводу ученыхъ.—Я вспомнилъ по этому случаю, какъ бывало приводили меня въ бѣшенство такого рода вымарки. Но теперь въ душѣ уже убито и само чувство негодованія,—единственное чувство, послѣднее, послѣ котораго водворяется въ душѣ совершенное равнодушіе.

На-дняхъ, къ великому удивленію моему, получилъ я письмо отъ Ольги Н.¹⁾, написанное и сочиненное кажется съ великимъ стараніемъ—и по французски. Она между прочимъ говоритъ, что Панаевъ «очень окритиковалъ ея пословицу»—и что тонъ его критики заставляетъ ее опасаться—заплатить ли ей «Современникъ» деньги.

Она проситъ меня узнать объ этомъ и извѣстить ее, потому, что отъ этихъ денегъ будетъ зависѣть пріѣздъ ея въ Москву. Я право не знаю, что ей отвѣчать. По моему всего бы лучше написать тебѣ къ ней опредѣлительно, не давая ей повода изъяслять неумѣренно претензіи. Адресъ ея: Софья Владиміровна Энгельгардъ,—въ г. Серпуховъ, Московской губерніи.

Но представь мой ужасъ, когда пожаловавшись на отзывъ Панаева (!) она вдругъ проситъ меня сказать ей мое мнѣніе о ея пословицѣ, прибавляя, что она оканчиваетъ еще одну «пословицу»—и что это любимый родъ ея. Я рѣшительно сталъ втупикъ. Всего досаднѣе то, что Ольга Н. очень милая, добрѣйшая женщина, безъ претензій особенныхъ. Какъ-нибудь отдѣлаюсь,—а ты отвѣть мнѣ, будешь ли къ ней писать или нѣтъ.

Я воротился изъ Нижняго третьяго дня, гдѣ мнѣ было очень тяжело и удушливо. Видѣлъ «нашего добраго»²⁾ веселымъ и довольнымъ. Кстати послѣдняя статья о Пушкинѣ въ Современникѣ очень хороша и, какъ показалось мнѣ, тепло написана. Вчера получилъ письмо отъ Дружинина,—онъ страшно работаетъ и кажется наяриваетъ повѣсть. О мой милый, искренно мною любимый и уважаемый Дружининъ! Эта вѣсть о большой повѣсти мнѣ, ей Богу, сжала сердце. Отъ Тургенева нѣтъ извѣстій.—Мнѣ такъ хочется видѣть тебя, что я думаю не усижу въ Москвѣ и хоть на недѣлю пріѣду къ тебѣ. А ты все-таки черкни мнѣ слова два.

Паль Пріама градъ священный,
грудой пепла сталъ Пергамъ...

¹⁾ Ольга Н. (Энгельгардъ, Софья)—извѣстная писательница того времени; въ «Современникѣ» (1854 г. № 12) былъ напечатанъ ея рассказъ «Не такъ живи, какъ хочется».

²⁾ Повидимому, П. В. Анненковъ.

Эти дни я безпрестанно и невольно все читаль строфы изъ этой пьесы. Ты поймешь съ какимъ чувствомъ.

Твой В. Бот.

(№ IX).

24 ноября.

Если я не пишу къ тебѣ,—такъ это потому, что я сильно вѣлся въ Карлейля и хочется непременно кончить къ половинѣ декабря—и непременно кончу. Ей Богу работаю только для того, чтобы сдѣлать тебѣ удовольствіе. А у меня какое-то предчувствіе, что ты захандрилъ.—Или ты чувствуешь себя не хорошо? Я тоже плоховать, нога моя не можетъ ходить отъ боли, желудокъ такъ плохъ, что безпрерывно является поносъ,—но я передъ тобой Геркулесъ. Я сильно налегъ на работу для того, чтобы скорѣе кончить и поскорѣе жить съ тобой. Ты не можешь представить себѣ той пустоты, какую я почувствовалъ здѣсь. Не знаю, лѣнь ли моя, недостатокъ ли симпатіи,—но мнѣ здѣсь не хочется никого видѣть, такъ что нашъ почтенный С. пріятнѣе мнѣ, нежели напрімѣръ Кудрявцевъ! Я нахожу, что тотъ въ тысячу разъ менѣе водянистъ. Слышно, что Катковъ очень озабоченъ пріисканіемъ повѣстей, которыхъ у него нѣтъ, кромѣ какой-то повѣсти Сальясъ. Кажется, что въ № 1¹⁾ будетъ помѣщена лекція Грановскаго о Макиавелли, которую составляетъ Кудрявцевъ по тетрадамъ студентовъ. Такъ же слышалъ я, что здѣсь всѣ интересуются новымъ журналомъ, и подписка идетъ недурно. Погодинъ рѣшительно прекращаетъ Москвитянина, у котораго, какъ теперь оказалось по словамъ самого Погодина, только 200 подписчиковъ.

Представь—я видѣлъ наконецъ Огарева:—онъ теперь въ Петербургѣ. Читалъ онъ мнѣ свои новые стихи—есть очень хорошіе, но прежней теплоты и задушевности нѣтъ въ нихъ. Онъ вдался теперь въ поэзію описательную. Но стихъ сталъ лучше прежняго. Говорилъ онъ со мною о своемъ процессѣ; сильно нападаетъ на Ав. Як. Онъ придаетъ какую-то особенную важность перепискѣ ея съ Марьей Львовной, которая находится у него. Впрочемъ никакихъ рѣшительныхъ фактовъ онъ привести не могъ²⁾.

¹⁾ Имѣется въ виду № 1 затѣяннаго Катковымъ журнала «Русскаго Вѣстника».

²⁾ Я имѣю возможность завѣрить читателей, что въ скоромъ времени будутъ опубликованы матеріалы, устанавливающіе, что въ извѣстной огаревской исторіи Некрасовъ игралъ страдательную роль и отнюдь не былъ виновенъ въ нечистоплотныхъ денежныхъ махинаціяхъ, въ которыхъ упрекали его Герценъ и Огаревъ.

Скучно, братъ, такъ долго ничего не знать о тебѣ—но между хлопотами и занятіями—я знаю писать некогда.

Что нашъ милѣйшей Тургеневъ? Ей-Богу не дождусь того дня, когда сяду опять въ вагонъ—цѣлый день пройдетъ, какъ минута въ радости скорого свиданія.

Пока прощай.—Жму тебѣ руку крѣпко
весь твой душою Б. В.

(№ X).

27 ноября 1855.

Спасибо тебѣ,—ты меня обрадовалъ письмомъ своимъ; а я почему-то начиналъ серьезно бояться: то мнѣ думалось, что ты захирѣлъ и упалъ духомъ,—то казалось мнѣ—не случилась ли какая непріятность. А выходитъ напротивъ—и еще какъ напротивъ!! Тысячи бомбъ!! какъ возвѣщали бывало герои Марлинскаго. Но всѣ твои добрыя вѣсти—вѣнчаются лучшею изъ всѣхъ вѣстью—о пріѣздѣ Толстого. Милый, талантливый, умный, благородный человѣкъ! Какъ жалѣю я, что я не съ вами. Какъ душою хочется мнѣ познакомиться съ нимъ. Авось въ половинѣ декабря онъ будетъ еще въ Петербургѣ.

И такъ все добрыя вѣсти—и подписка идетъ недурно. Но я боюсь, что въ Москвѣ «Русскій Вѣстникъ» перегонитъ васъ. Москва издавна имѣетъ привязанность къ своему, и Московскій журналъ подстрекнулъ ея любопытство. Да признаюсь и мнѣ любопытно, какой характеръ онъ приметъ! Редакторы кажется очень боятся дать ему ученый характеръ, потому де, что дѣло коммерческое и нужна большая подписка. Извѣстія твои о «Рудинѣ» успокаиваютъ меня—и правда все, что ты пишешь о нашемъ милѣйшемъ младенцѣ. Не вошелъ онъ еще въ собственную колею свою. А все оттого, что внѣшній міръ еще сильно увлекаетъ его, что разсѣянность не даетъ ему хорошенько различить существенное отъ несущественнаго; оттого, что не привыкъ онъ еще уединяться и жить самимъ собою и признать абсолютное право за своими лучшими, задушевными стремленіями. Безъ этого невозможно творчество, невозможна сила. Міръ Ермила¹⁾—курятникъ въ сравненіи съ міромъ Тургенева;—но Ермилу искренно вѣрить въ свой курятникъ,—и отъ этого дома въ немъ; а Тургеневъ живетъ словно на квартирѣ.

О себѣ мнѣ сказать тебѣ нечего. Я живу въ большемъ уединеніи, почти никого не выдаю и не имѣю ни малѣйшаго желанія

¹⁾ Ермиломъ участники кружка называли Писемскаго.

видѣть всѣхъ этихъ господъ. Житье съ тобою избаловало меня. Этотъ постоянный обмѣнъ всего, что проходить по душѣ, эта угадка всякой, еще несформировавшейся мысли, всякаго чувства, не находящаго себѣ выраженія—ахъ, какое это счастье! Здѣсь же я, словно въ лѣсу,—нѣтъ хуже,—въ лѣсу тѣнь и свободно, а здѣсь словно одни стволы безъ листьевъ. Вотъ почему—быть одному для меня здѣсь наслажденіе.

Вчера былъ праздникъ Щепкину ¹⁾: великолѣпный. Я думалъ было написать для тебя легкій очеркъ его,—но безъ рѣчей—онъ былъ бы безцѣленъ. Посылалъ за ними къ Н. Щепкину, даже видѣлся съ нимъ—и условился съ нимъ въ слѣдующемъ: такъ какъ всѣ матеріалы для описанія этого праздника сданы уже В. Коршу для напечатанія въ газетахъ московскихъ,—то Н. Щепкинъ доставитъ ихъ мнѣ въ корректурномъ листѣ въ понедѣльникъ вечеромъ, а я утромъ пошлю ихъ къ тебѣ, слѣдовательно ты получишь ихъ въ среду т.-е. 30 ноября. По моему мнѣнію ничего не значитъ выпустить декабрьскую книжку днемъ позже—но только съ описаніемъ праздника. Для Петербургскихъ читателей это будетъ интересно. Мнѣ кажется ты со мной согласишься. А потому и жди отъ меня присылки. Въ январской книжкѣ это уже потеряетъ соль и силу; поздно. Во вторникъ то ли, се ли—а все-таки увѣдомлю тебя.

Прощай пока—не хирѣй, душнавка, ахъ, скоро ли я увижу тебя!

весь твой душевно В. Боткинъ

Скажи нашему милому рябчику, что я ношу его въ душѣ. Вѣдь отъ него станется, что онъ потащитъ Толстого къ Краевскому».

Въ слѣдующемъ по времени письмѣ (№ XI) мотивъ дружбы къ лицу сливается съ мотивомъ восхищенія передъ его поэтическимъ дарованіемъ (см. также № ...).

(№ XI).

7 декабря 1855.

У меня было уже написано и даже запечатано письмо къ тебѣ, когда я получилъ твое. Я написалъ было къ тебѣ въ шутовскомъ расположеніи духа,—но, прочтя твое письмо, такое тяжелое и грустное,—мнѣ совѣстно стало при мысли, что ты въ отвѣтъ на свою тяжесть получишь отъ меня глупости. Да и стихи твои

¹⁾ 26-го ноября 1855 г. московская интеллигенція праздновала 50-лѣтіе сценической дѣятельности М. С. Щепкина.

крѣпко огорчили меня—а какіе прекрасные стихи! Изъ лучшихъ твоихъ стиховъ. Только ты клеветашь на себя говоря;

«То сердце не научится любить,

Которое устало ненавидѣть».

Не знаю я, насколько ты можешь ненавидѣть,—но насколько ты можешь любить, я это чувствую. Я не знаю другого сердца, которое также умѣетъ любить, какъ твое—только ты любишь безъ фразъ и такъ называемыхъ «изліяній». Пусть не всякій это видитъ—то и Богъ съ ними, кто не умѣетъ видѣть это.

Данте и Шекспиръ окончены. Но многое нужно сгладить, а безъ тебя я и приняться за это не умѣю. Теперь начинаю думать объ отъѣздѣ да къ несчастію Степанъ мой занемогъ; если онъ еще дня три прохвораетъ, то поѣду безъ него. А морозы!!! просто убивающіе жизнь въ природѣ.

«Русскій Вѣстникъ» сильно имѣетъ виды на Толстого. Это прими къ свѣдѣнію и прими свои мѣры.

Хочется выѣхать въ воскресенье. Я тогда дамъ тебѣ знать по телеграфу, чтобъ ты прислалъ Василія на желѣзную дорогу.

До скорого свиданія и пока да будетъ надъ тобой мое грѣшное благословеніе.

Весь твой душой В. Боткинъ.

На счетъ твоего предложенія о 250 р. с. я совершенно согласенъ и ты мнѣ отдашь ихъ въ СПб.

Анненковъ наконецъ явился и между прочимъ сказалъ мнѣ новость: Панаевъ при отъѣздѣ Анненкова изъ Петербурга занялъ у него для «Языкова» 300 р. с.—хотѣлъ ихъ выслать ему въ августъ—и до сихъ поръ не высылалъ.

Тотъ же задушевно дружескій тонъ выдерживается Боткинымъ и тогда, когда ему приходится говорить о событіяхъ, близко затрагивающихъ обоихъ корреспондентовъ. Менѣ важнымъ изъ такихъ событій была смерть талантливаго и ученаго сотрудника «Современника» Владиміра Милютина, болѣе важными смерть Грановскаго и появленіе такого опаснаго конкурента «Современнику», какъ «Русскій Вѣстникъ» Каткова. Этимъ событіямъ посвящены слѣдующія письма (№№ III, VII, VIII, XII):

(№ III).

Москва 4 сентября 1855 г.

Давича утромъ послалъ къ тебѣ письмо, а теперь, вечеромъ, опять пишу къ тебѣ. Причиною этому то, что я получилъ сегодня корректурные листы статьи моей, посланные тобою въ Нижній.

Письмо твое, не заставъ меня тамъ, обращено было въ Москву. Извѣстіе, сообщаемое тобою о смерти Владимира Милютина,—я узналъ еще въ Нижнемъ отъ Ребиндера. Меня сильно поразило оно,—и до сихъ поръ поражаетъ, когда я воображу себѣ процессъ, которымъ онъ долженъ былъ дойти до такого ужаснаго акта. Мучительно хочу знать, что именно довело его до этого, какой роковой рядъ мыслей и рѣшеній? Несмотря на свою внѣшнюю холодность и накрахмаленность,—я знаю, это была натура въ высшей степени страстная и до такой степени, что даже самый эгоизмъ и самолюбіе его, которые были у него необыкновенно сильны,—все-таки подчинялись его страстности. Но мнѣ не вѣрится, чтобы какая бы то ни была любовь довела его до такого отчаянія,—а скорѣе невыносимыя физическія страданія. Не оставилъ ли онъ письма къ братьямъ? Къ сестрѣ, которую онъ кажется любилъ? Или сдѣлалъ свое дѣло молча, какъ дѣлывали это древніе римляне? Странное дѣло,—въ послѣднее время мое чувство и мысли были очень далеки отъ него,—да и онъ, кажется, очень былъ далекъ отъ насъ внутренно;—но теперь мнѣ его жаль искренно и мнѣ кажется, что я въ немъ потерялъ близкаго человека. Всею душою мнѣ жаль его. Боже мой! Сколько уже потерь невознаградимыхъ,—все лучшее—становится однимъ воспоминаніемъ—и настоящее потомъ сдѣлается такимъ пустымъ, что не изъ чего будетъ жить.

Что еще сказать тебѣ?

Да ужъ кстати непріятное къ непріятному: вчера Е. Б. Грановская говорила мнѣ о счетѣ Современника съ Ольгою Н. Она говоритъ, что ты самъ просилъ, писалъ къ Ольгѣ Н. о томъ, чтобы она дала свою повѣсть въ Соврем. и что только вслѣдствіе твоей просьбы Ольга Н. дала вамъ свою повѣсть. И что ты, наконецъ, обѣщался скоро заплатить ей. Я ничего не пойму въ этой путаницѣ. Ольга Н., основываясь на томъ, что От. З. заплатили бы ей по 50 р. с. за листъ, хочетъ теперь отъ васъ получить эту сумму.

Я мелькомъ пробѣжалъ корректуру—есть кое-гдѣ большія опечатки. Статья ужъ и такъ значительно ослаблена,—а послѣ Фрейганга изъ нее выйдетъ одна скорлупа. Жаль будетъ печатать ее. Объ этомъ жду съ нетерпѣніемъ извѣстія отъ тебя.

Братъ Сергѣй,—(медики) завтра отправляется въ Севастополь. Онъ будетъ состоять при Пироговѣ и въ вѣдѣніи Е. И. В. Елены Павловны, у которой онъ сегодня былъ. Она посылаетъ съ нимъ суммы для раздачи Сестрамъ Милосердія. Никакихъ пустыхъ формальностей; все дѣлается прямо, съ достоинствомъ. Онъ ѣдетъ по своей волѣ; по предложенію Пирогова. Сергѣй

малый дѣльный—и вполне оправдываетъ довѣренность, которую оказываютъ къ нему.

Я помѣщаюсь точно на бивакахъ; у меня передѣлка половъ, вслѣдствіе чего оказалось необходимымъ оклеить комнаты новыми обоями; все загромождено, безпорядокъ, время сырое, дождь безпрестанный. Скверно. А уѣхать нельзя.

Правда ли, что Писемскій окончательно отдалъ свой романъ Краевскому?

Съ нетерпѣніемъ жду прочесть его Плотничью Артель, о которой столько кричали, и напишу тебѣ.

Пока прощай. Твой В. Боткинъ.

(№ VII).

6 октября.

Лучшаго человѣка не стало, Некрасовъ! Я не въ состояніи отчетливо писать тебѣ да ты лучше моихъ словъ поймешь великость нашей потери. Ужасна была эта внезапность. Грановскій умеръ отъ порвавшейся вѣны въ животѣ. Наканунѣ онъ былъ веселъ и хорошо себя чувствовалъ; на другой день всталъ въ 9-мъ часу, велѣлъ дать себѣ бриться, былъ свѣжъ и бодръ,—сталъ одѣваться,—надѣлъ сапоги и это ничтожное усиліе окончательно разорвало вѣну въ животѣ, вѣроятно давно уже къ тому готовую. Тотчасъ же онъ упалъ на кровать, лишился языка и черезъ 25 минутъ отъ Грановскаго остался одинъ трупъ. Болѣзнь, которою страдалъ онъ нѣсколько лѣтъ и которую считалъ сначала каменною; потомъ образующимся ракомъ въ нижней части живота,—эта болѣзнь была собственно расширеніемъ вѣны. Говорятъ, что если бы даже положительно знали болѣзнь—отвратить ее—не было возможности. Въ нынѣшнемъ № Москов. вѣдом. Катковъ написалъ отличную статью о немъ,—достойную Грановскаго. Завтра похороны. Это былъ лучший человѣкъ, какого только я зналъ въ жизни. У меня еще отъ души оторвалась огромная часть, которая никогда не вырастетъ.

Получилъ сегодня твое письмо. Представь—Тургенева до сихъ поръ нѣтъ и никакого извѣстія... Это разстраиваетъ мои планы, потому что я располагалъ къ 10-му быть въ Петербургѣ. Увѣдомь, къ которому числу тебѣ нужны деньги, потому что если что-либо меня задержитъ здѣсь, такъ я къ тебѣ пришлю деньги—съ почтой или переводомъ. Напиши мнѣ тотчасъ же.

Елисавета Богдановна потрясена до крайности. До сихъ поръ ни одной слезинки не было у нея въ глазахъ, ни на минуту не отходить отъ трупа и молчить. Студенты рыдаютъ. Всякій поря-

дочный человекъ чувствуетъ, что понесъ великую, невозвратимую потерю.

Захаръ Тургеневскій ужъ давно проѣхалъ въ Спб. Не понимаю, что могло такъ задержать Тургенева! Во всякомъ случаѣ—я къ 15-му думаю уже быть у тебя. Напиши пожалуйста, есть ли у тебя одѣяло и подушка лишнія—я могу все это съ собой привезть—а пуще всего сообрази—не стѣсню ли я какъ-нибудь тебя—это пунктъ первѣйшей важности. Тутъ деликатность можетъ окончиться тяжестью, которая будетъ тѣмъ больше, что и ее очень легко избѣжать. Подумай—и напиши мнѣ поскорѣе.

Весь твой В. Боткинъ.

Наконецъ сію минуту пріѣхалъ Тургеневъ. Вѣроятно, дней 6 мы проживемъ съ нимъ здѣсь и потомъ въ Петербургъ Я буду ждать отъ тебя отвѣта на мой вопросъ.

(№ VIII).

Москва 18 ноября 1855.

Письмо твое, вмѣстѣ съ другими, полученными тобою безъ меня, я получилъ. Ты что-то захирѣлъ, братъ,—теперь некому за тобой смотрѣть! Я самъ вотъ ужъ четвертый день боленъ: неизвѣстно какъ простудилъ я желудокъ—и такой открылся у меня поносъ, что двѣ ночи не могъ спать. Только съ нынѣшняго дня чувствую себя получше. Между тѣмъ я принялся за работу, которая вслѣдствіе такихъ обстоятельствъ подвигается медленно, потому что я очень слабъ; да и нога моя такъ разболѣлась, что я принужденъ былъ приняться за компрессы изъ холодной воды и проч.

Здѣсь статейка Тургенева о Грановскомъ не понравилась,—а то, что ты сказалъ о Гран. очень понравилось, такъ что Елиз. Богд. вырѣзала это мѣсто и положила къ себѣ.

Я не знаю, что сказать о запрещеніи, которое сдѣлалъ Коршъ фотографу о сдѣланіи портрета Гран. Разумѣется Коршъ дѣйствовалъ такъ для приданія интереса своему журналу; остается тебѣ одно средство обратиться къ Елиз. Богд. и просить ея разрѣшенія. Авось она не откажетъ. Напиши ей поскорѣй.

Сказать тебѣ интереснаго нечего. Наконецъ вышло при Московск. Вѣдом. объявленіе о новомъ журналѣ. Наканунъ былъ обѣдъ у Станкевича съ цѣлью потолковать о стипендіи Университетской, учреждаемой въ память Грановскаго. При этомъ сдѣлано начало подписки для этой стипендіи. Такъ какъ подписка должна

быть публичная, то положено было подать просьбу Назимову для исходатайствования Высочайшаго разрѣшенія. Остается знать, послѣдуетъ ли это разрѣшеніе. Подписка, сдѣланная на обѣдѣ, оказалась до 6 т. р. с.

На этомъ же обѣдѣ Катковъ желалъ непременно помѣстить меня въ число сотрудниковъ своего журнала; отказать въ этомъ я не могъ. Вы увидите сколько именъ! И какъ мало дѣльныхъ дѣятелей! Впрочемъ, я сказалъ, что мои труды принадлежать тебѣ. Очень любопытно знать, каковъ «Пахарь» ¹⁾. Принялся ли Тургеневъ за отдѣлку «Рудина»? Вѣдь опять пожалуй доведетъ до послѣднихъ дней Декабря! Твои «Журнальныя Обозрѣнія» ²⁾ очень здѣсь нравятся—продолжай ихъ.

19 ноября.

Я все еще плохъ и очень ослабъ. Сказать тебѣ нечего. Я все теперь понемногу, но работаю: очень хочется кончить къ Январской книжкѣ.

При случаѣ не забудь сказать какъ идетъ подписка?

Твой В. Боткинъ.

(№ XII).

Москва 3 февраля 1856.

Ты вѣроятно ждешь отъ меня какихъ-нибудь извѣстій,—а любопытнаго сказать тебѣ нечего. Подписка на Русскій Вѣстникъ въ самомъ дѣлѣ огромная: я говорилъ объ этомъ съ прикащикомъ Базунова: судя по его словамъ дѣйствительно подписка простирается до 2400 экземпляровъ—и все еще продолжается. Но здѣсь вообще Вѣстникомъ недовольны. Не могу себѣ объяснить, что ожидала отъ него публика, бросившись на него съ такою жадностью!—Вотъ уже вышли 3 книжки—и до сихъ поръ въ журналѣ—нѣтъ ничего журнальнаго. Статья Б. Чичерина недурна: видно, что это малый трудолюбивый—но вовсе не даровитый. И то хорошо. Повѣсть написана какой-то дамой, имя которой редакция держитъ въ секретѣ. Я просматривалъ ее: одна изъ самыхъ обыкновенныхъ женскихъ повѣстей. Главною редакціею завѣдуетъ Катковъ—и Коршъ очень жалуется на его странную суетливость, необдуманность и разсѣянность. Собственно на журналъ вліянія Коршъ не имѣетъ. Воображаю себѣ разочарованіе подписчиковъ, которые видятъ, что до сихъ поръ имъ чи-

¹⁾ Повѣсть Д. В. Григоровича.

²⁾ Эти «обозрѣнія», какъ извѣстно, писались Чернышевскимъ; доля участія въ нихъ Н—ва сравнительно невелика.

тать въ журналѣ нечего: почти всѣ статьи неудобоваримы для простыхъ читателей.

Да, съ самыхъ первыхъ книжекъ носить онъ на себѣ какой-то аналитическій характеръ.

Справлялся у Базунова о подпискѣ на Современникъ: приказчикъ Ив. Гр. далъ мнѣ слѣдующую выписку:

155 экз. въ Конторѣ
145 » въ экспедиціи
71 » въ городѣ

371

С а ш а твоя—здѣсь всѣмъ очень понравилась, даже больше чѣмъ понравилась: объ ней отзываются съ восторгомъ. Рудинъ вообще не понравился. Отъ Толстого статьи—всѣ въ восхищеніи.

Я эти дни былъ очень занятъ и не могъ написать тебѣ. Теперь свободенъ и чувствую около себя большую пустоту безъ тебя. Какъ тянетъ къ тебѣ!! Такъ что и за работу приняться не могу.

Пожа прощай—

В. Боткинъ.

Я прочелъ 2-ю статью Каткова о Пушкинѣ: она хороша, т.-е. болѣе почтенна нежели жива и блестяща.

Относительно должныхъ мною тебѣ 150 р. с. напиши какъ мнѣ сдѣлать: прислать ли тебѣ ихъ или привезти самому на Масляницѣ?

Итакъ, изъ содержанія вышеприведенныхъ писемъ съ полною опредѣленностью вытекаетъ, что дружба Боткина къ Некрасову не была личнымъ чувствомъ, она усиливалась его высокимъ мнѣніемъ о Некрасовѣ, какъ поэтѣ, и имѣла для себя почву въ видѣ общихъ литературно-общественныхъ интересовъ. О степени довѣрія, лежавшаго въ основѣ отношеній редактора «Современника» и автора «Писемъ объ Испаніи», можно судить по той роли посредника и ходатая Некрасова въ сношеніяхъ съ московскимъ издателемъ, К. Т. Солдатенковымъ, которую Василій Петровичъ взялъ на себя. Роль эта была, по существу своему, очень непріятна, такъ какъ вопросъ шелъ о задуманномъ Некрасовымъ отказѣ отъ издательскихъ услугъ Солдатенкова, который, торопясь связать поэта, выдалъ ему впередъ значительную сумму за право изданія (перваго) его стихотвореній. Чтобы всестороннѣе разобратъ въ этой исторіи, увеличившей число недоброжелателей Некрасова нѣсколькими новыми лицами (Кетчеромъ, Забѣлинымъ и др.), приведу, прежде всего, письмо къ Некрасову К. Т. Солдатенкова отъ 8-го апрѣля 1856 г., интересное, между прочимъ, и

потому, что въ немъ находится нѣсколько цитатъ изъ неопубликованныхъ пока писемъ Некрасова къ нему. Письмо написано, очевидно, въ отвѣтъ на просьбу Некрасова уничтожить его условіе съ Солдатенковымъ и принять отъ него выданныя впередъ деньги.

Москва, 8-го апрѣля 1856 г.

Милостивый Государь

Николай Алексѣвичъ!

Я никогда не искалъ пріобрѣтенія права на изданія Вашихъ стихотвореній: я купилъ его у васъ только по вашей же усиленной просьбѣ. И вотъ ваши собственныя выраженія вашего посланія; чтобъ они были изданы. «Вотъ мои стихотворенія—пишите вы въ письмѣ отъ 7 Іюня 1855 г.—дѣлайте съ ними, что хотите; я счастливъ, что они попали въ ваши руки и вполнѣ предоставляю вашему вкусу все, что относится до ихъ изданія».—Затѣмъ въ другомъ письмѣ, безъ числа, на мою просьбу объ исполненіи условія, вы пишете: «Я приготовилъ уже другую рукопись моихъ стихотвореній (несравненно полнѣе данной мною вамъ лѣтомъ) и эту рукопись жду удобнаго случая представить въ цензуру... и такъ погодите, во всякомъ случаѣ обещаю вамъ, что постараюсь устроить такъ, чтобъ къ *Новому Году* вы могли выпустить мою книжку. Впрочемъ я могу только просить, и еслибъ вамъ захотѣлось поступать по условію, то въ претензіи не буду. Примите только въ соображеніе, что это промедленіе во времени, въ результатѣ отразится выгодно на самой книжкѣ (между прочимъ), потому что я успѣю окончить множество новыхъ пьесъ, которыя давно начаты».—Наконецъ въ письмѣ отъ 24 Декабря 1855 г. вы пишете: «Не думайте, чтобъ я дремалъ касательно изданія моихъ стиховъ—всѣ они переписаны начисто въ особую тетрадь и еслибъ какой-нибудь Московскій Цензоръ пропустилъ вамъ мою тетрадку съ тѣми дополненіями, которыя я вышлю къ ней—то это было бы всего короче и проще. Не вздумаете ли попробовать это?»—Но странное дѣло; это желаніе, это стараніе (по крайней мѣрѣ письменное) уладить и ускорить изданіе вашихъ, проданныхъ мнѣ стихотвореній, которое вы весьма положительно высказали въ продолженіе семи мѣсяцевъ во все время, когда напечатаніе ихъ было затруднено,—исчезаетъ мгновенно при первой, представившейся возможности ихъ напечатать.

Послѣ двухъ мѣсячнаго молчанія, за моею просьбой выслать дополнительную тетрадку для представленія въ цензуру—я слышу вдругъ отъ возвратившагося Вас. Петр., что вы, къ не-

малому моему изумленію, хотите отложить печатаніе до зимы для того, чтобы многое выправить и передѣлать; и вслѣдъ за тѣмъ, черезъ нѣсколько дней получаю отъ васъ письмо, еще изумительнѣйшее, съ просьбою уволить васъ рѣшительно отъ обязательства, которое вы дали мнѣ касательно вашихъ стихотвореній, по тому уваженію, что ваши стихи вы «ни подъ какимъ видомъ не желаете теперь видѣть въ печати» и что «даже мысль объ этомъ вамъ противна» — хотя (опять странное дѣло) вамъ нисколько не противно печатать ихъ въ Современникѣ и даже изъ тетрадки, мнѣ проданной.

Все это, можетъ быть, ничуть не удивительно и очень обыкновенно въ высшихъ поэтическихъ сферахъ, но я неучъ и потому не могу не удивляться такимъ, невозможнымъ въ нашей невѣжественной сферѣ, поступкамъ.

«Что бы ни было и какъ бы ни было, книги моей видѣть въ печати теперь я не могу и не хочу» — пишете вы въ послѣднемъ вашемъ письмѣ, забывая, что, несмотря на это грозное *не хочу*, вы все-таки могли бы видѣть ее, ежелибъ уваженіе, не къ литераторамъ, то къ литературѣ вообще не заставляло меня, во избѣжаніе противнаго для меня литературнаго скандала, соглашаться на ваше требованіе, не смотря на полное сознаніе не только юридической, но и нравственной правоты моей, — несмотря на неловкое положеніе, въ которое ставить меня эта уступка, потому что изданіе вашихъ стихотвореній, тотчасъ по покупкѣ, было уже подарено мною одному изъ моихъ знакомыхъ — изъ грошевичества, какъ выразился Вас. Петровичъ, вашъ ретивый ходатай.

Послѣ этого вы поймете, что вы даже обяжете меня скорѣйшей высылкой заплаченныхъ мною вамъ денегъ, по полученіи которыхъ я тотчасъ возвращу вамъ ваше условіе.

Вашъ покорный слуга *Козьма Солдатенковъ*».

Трудно, конечно, судить, не зная всѣхъ обстоятельствъ дѣла, о мотивахъ, побудившихъ Некрасова желать расторгненія его контракта съ Солдатенковымъ. Возможно, что здѣсь нѣкоторую роль играло и то исключительно тяжелое и подавленное настроеніе, въ которое впадалъ иногда поэтъ какъ разъ въ эти годы, настроеніе, являвшееся однимъ изъ слѣдствій его болѣзни; съ другой стороны, весьма вѣроятно, что возраставшій успѣхъ его стихотвореній натолкнулъ его на мысль, что, согласившись на условія Солдатенкова, онъ вовлечетъ себя въ невыгодную сдѣлку, такъ какъ предпринятое на иныхъ основаніяхъ изданіе его стихотвореній могло бы ему принести несравненно больше матеріальныхъ выгодъ. Какъ бы то ни было, обратившись къ Солдатенкову

съ просьбой о расторженіи договора объ изданіи и выразивъ готовность вернуть деньги, Некрасовъ не совершилъ ничего столь некорректнаго, что могло бы оправдать въ высшей степени рѣзкій и даже грубый тонъ письма Солдатенкова къ нему. Хотя Солдатенковъ, безспорно, бывалъ иной разъ полезенъ русской литературѣ, какъ издатель, не лишенный нѣкоторыхъ чертъ меценатства въ хорошемъ смыслѣ этого слова, но въ этомъ случаѣ въ немъ, безспорно, сказался купецъ толстосумъ, не сознававшій—употреблю лермонтовское выраженіе—«на что онъ руку поднималъ». Если бы онъ отличался большею чуткостью и объективностью, то онъ, конечно, понялъ бы, что съ человѣкомъ такого литературнаго и общественнаго вѣса, какъ Некрасовъ, *такъ по такому поводу* не говорить. Впрочемъ, здѣсь, быть можетъ, на Солдатенкова оказали вліяніе нѣкоторыя особыя обстоятельства, о коихъ мы узнаемъ изъ нижеслѣдующихъ писемъ Боткина къ Некрасову, подробно разъясняющихъ эту исторію.

(№ XIII).

24 марта 1856 г.

Записку твою съ письмомъ Солдатенкова получилъ и пожалѣлъ, что ты самъ не распечаталъ его. Онъ пристаётъ все съ тѣмъ же, и встрѣтись со мной въ театрѣ, тотчасъ началъ говорить о томъ же. На отвѣтъ мой, что тебѣ хочется исправить нѣкоторыя изъ стихотвореній, но что теперь ты еще не имѣешь для этого свободнаго времени, этотъ Меценатъ довольно грубо возразилъ: «Да наконецъ *я хочу* ихъ печатать». Я отвѣчалъ ему: «Не беспокойтесь, Ваши деньги не пропадутъ, Некрасовъ Вамъ отдастъ ихъ. Всего лучше спишитесь съ нимъ». Этимъ окончился нашъ разговоръ. Эта скотина къ пошлости своей натуры присоединяетъ еще самую комическую жажду тщеславія. Ему мочи нѣтъ хочется хвастать тѣмъ, что онъ издалъ твои стихотворенія; притомъ, сколько я могу судить по нѣкоторымъ слухамъ, онъ всю выручку за исключеніемъ 1500 руб. общалъ или Кетчеру или Забѣлину,—такъ Кетчеръ, надо полагать, безпрестанно и поджигаетъ его требовать немедленнаго изданія. Я слышалъ, что между ними идетъ уже разговоръ о большихъ барышахъ.

Ты опять спрашиваешь моего совѣта? Но мнѣ твой вопросъ даже показался ужъ досаднымъ. Вѣдь между нами было говорено и рѣшено, какъ поступить. Напиши, какъ ты рѣшилъ,—письмо къ Солдатенкову и предлагай ему деньги. Если же онъ непремѣнно будетъ настаивать на немедленномъ изданіи,—то скажи, что ты рѣшительно теперь не въ состояніи прислать ему

добавленій. Я не думаю, чтобы онъ согласился получить деньги. Впрочемъ все будетъ зависѣть отъ склада и убѣдительности твоего письма къ нему. Вообще въ этомъ дѣлѣ сей Меценатъ показалъ себя съ самой дрянной стороны. Полученіе денегъ ты можешь назначить ему хотя въ Апрѣлѣ. Тогда я буду навѣрное имѣть возможность располагать этой суммой.

Подписка на Вѣстникъ дошла до 3000. Но сотрудники очень недовольны Катковымъ, который все путаетъ. Вторая часть Рудина здѣсь положительно понравилась — даже болѣе — отъ нея въ восхищеніи. Метель находятъ растянутой, но превосходной; Пахарь очень мало нравится. Твои стихи всѣмъ необыкновенно нравятся; всѣ ихъ читаютъ и перечитываютъ здѣсь. Можешь представить себѣ, какъ поэтому разгорается тщеславіе Солдатенкова быть издателемъ ихъ. Мнѣ очень грустно и скучно, главное потому, что я еще не принимался за работу. А къ работѣ не тянетъ; день проходитъ за днемъ глупо, праздно, пошло. Даже и къ тебѣ писать не хочется. Пока прощай, поклонись всѣмъ.

В. Боткинъ.

Въ Раумеровомъ историч. альманахѣ на 1856 есть очень хорошая статья: «Основаніе Англійскаго владычества въ Индіи». Нужно бы перевести для Современника.

Альманахъ у меня есть; если ты сочтешь за нужное перевести ее, то напиши мнѣ—я пришлю тебѣ альманахъ. Впрочемъ можно купить его въ С.П.Б. Статья очень интересная.

(№ XIV).

25 марта 1856 г. Москва.

Невѣроятную, озлобленную до высшей степени бурю выдержалъ я вчера за тебя. Я до сихъ поръ не могу придти въ себя отъ удивленія. Это ненависть, это желчная, ядовитая злоба съ пѣною у рта. Честью клянусь, никакіе эпитеты не въ состояніи передать той ненависти и злобы, которая чувствуетъ къ тебѣ Кетчеръ. Это было у Пик....—при обычной субботней компаніи—семья Щепкиныхъ, Забѣлинъ, Минъ и проч. Дрожащимъ отъ сдерживаемой злобы голосомъ Кетчеръ вдругъ спрашиваетъ меня: «А почему такъ подло поступаетъ Некр. съ Солдат.?»—Ты можешь судить по этому началу—каково было продолженіе нашего спора; я говорю спора, потому что доказывалъ имъ, что злоба и ожесточеніе ихъ происходятъ отъ нетерпѣнія получить поскорѣе барышъ отъ изданія стиховъ. О возвратѣ денегъ—они слышать не хотятъ: «Нѣтъ, мы теперь за 3 тысячи не отдадимъ!» воскликнулъ Кетчеръ. «Онъ пріѣхалъ ко мнѣ, умолялъ меня продать

его стихи Солдатенкову, не надѣясь, что цензура ихъ пропуститъ;—я посовѣтовалъ Солд. изъ жалости дать ему за нихъ 1500 р.;—а теперь когда вѣтеръ перемѣнился—онъ хотѣлъ надуть его!». Тутъ же Кетчеръ обвинялъ тебя въ Огаревскомъ (зачеркнуто Б-нымъ) дѣлѣ, что по твоимъ совѣтамъ поступала Авд. Яков. и словомъ, что ты способенъ ко всякой низости и т. д. Увѣряю тебя, я такого озлобленія не встрѣчалъ въ своей жизни, такъ что озлобленіе противъ меня Николая должно уступить озлобленію Кетчера.—Мои оправданія основывались на твоей болѣзни, на безпрестанныхъ занятіяхъ по журналу, которыя не давали тебѣ никакого времени для исправленія всего того, что ты хотѣлъ бы исправить для изданія; что ты намѣренъ заняться этимъ за границею и т. п. «А почему онъ прежде объ этомъ не думалъ?» Вотъ отвѣтъ, который я слышалъ на мои оправданія. Повторяю, самая наглая грубость, ожесточеніе, ненависть, ничего не принимающая въ расчетъ—вотъ изъ чего состоятъ чувства Кетчера къ тебѣ; остальная челядь—увы! съ припѣвами Забѣлина—вторитъ своему оратору. Споръ обнаружилъ до очевидности, что Солдат. отдалъ барышъ, какой будетъ отъ изданія,—кому-нибудь изъ нихъ,—полагаю Забѣлину. Вслѣдствіе этого они теперь и подбиваютъ его всячески требовать отъ тебя исполненія контракта, всячески чернятъ тебя передъ нимъ; т.-е. все это исполняетъ одинъ Кетчеръ: онъ взялъ на себя это честное дѣло. Увы! нѣтъ ничего хуже въ мірѣ озлобленнаго самолюбія бездарнаго, ограниченнаго человѣка. Разумѣется, тутъ были намеки и на твою двуличную дружбу ко мнѣ—ну, тутъ было довольно всякой дряни.

Все это такъ;—но какъ поступить въ такомъ случаѣ? Слышалъ я, что Солдат. обижается на твое молчаніе. Напиши ему такъ, какъ было между нами говорено, предложи ему деньги на томъ основаніи, что ты не въ состояніи заняться теперь исправленіемъ своихъ стихотвореній. Если же онъ не согласится,—то предоставь ему изданіе съ добавленіемъ по контракту—сколько возможно; они говорятъ, что они удовольствуются добавкою тѣхъ стихотвореній, которыя были недавно напечатаны. Такъ или саякъ, а дѣло это нужно покончить. По моему слѣдуетъ поступить такъ—а впрочемъ какъ ты самъ придумаешь.

Не знаю, хорошо ли я дѣлаю, передавая тебѣ откровенно положеніе дѣла, но кого не могутъ оскорбить неистовые крики Кетчера? Онъ и меня обругалъ, также какъ и тебя. Въ отвѣтъ я сказалъ ему только, что уже давно привыкъ считать слова его за пустой вѣтеръ. И дѣйствительно всѣ его слова давно потеряли силу обижать меня. Онъ знаетъ мое мнѣніе о немъ,—и въ этомъ вся причина его затаенной и постоянной злобы противъ меня.

Судя по себѣ, я думаю, что и тебя мнѣніе его обидѣть неспособно. Я начинаю склоняться къ тому, чтобы ты предоставилъ имъ изданіе. Чертъ ихъ возьми; пусть они, по крайней мѣрѣ, не будутъ имѣть повода упрекать тебя. Напиши оправдательное письмо Солд., упомяни о приведенныхъ мною озлобленныхъ нападкахъ и предоставь ему изданіе. Право, такъ лучше. Напиши мнѣ хоть пару строкъ о своемъ здоровьѣ,—что Записки Охотника? Пришли мнѣ.

Твой весь *Ботк.*

Скажи Тургеневу, что Ховриной и дочери ея Надеждѣ Николаевнѣ Рудинъ очень понравился.

(№ XV).

28 марта 1856 г.

Ну, слава Богу, наконецъ ты рѣшился! А я, признаюсь, крѣпко раскаявался въ томъ, что послалъ къ тебѣ мое послѣднее письмо, въ которомъ подробно описалъ подвиги, уже нынѣ вовсе одичалаго Кетчера. Помилуй Богъ, если письмо мое огорчило тебя... Ясно теперь, откуда выродилось странное нетерпѣніе этого, такъ называемаго Мецената, обратившагося въ торгаша. Какъ бы тамъ ни было, но поступокъ его,—дрянной поступокъ и ничѣмъ оправданъ быть не можетъ. Изъ этого видно, до какой степени врутренно пошла натура этого въ сущности пустѣйшаго человѣка. Относительно денегъ ты сдѣлаешь заемное письмо на имя фирмы съ моимъ поручительствомъ: этимъ поручительствомъ фирма будетъ совершенно обезпечена и слѣдов. дѣло приметъ простой торговый характеръ. Относительно рукописи устроилъ все при отъѣздѣ. Какіе потоки ядовитой слюны будетъ испускать Компанія!! Но вѣдь она и теперь испускаетъ ихъ—слѣдов. все остается попрежнему.

Твое послѣднее письмо повеселѣе и это меня очень обрадовало и облегчило. Я видѣлъ Базунова и говорилъ съ нимъ. Онъ не прочь отъ покупки изданія. Зап. Ох. Но я не зналъ, что они уже пропущены цензурой. Черкни объ этомъ словечко. Моей хандрѣ была причина основательная,—причина не прошла, но хандра моя перешла въ покорность обстоятельствамъ и мнѣ стало легче: Бодиско знаетъ причину этой хандры. Это относится къ невозможности моего отъѣзда.

Послѣдняя статья Каткова о Пушкинѣ необыкновенно хороша. Блѣдно и смутно въ ней разясненіе поэтической прелести лучшихъ лирическихъ стихотвореній Пушкина,—но характеристика таланта его, его развитія и вообще характеристика его произве-

деній очень хороша. Въ сущности это не болѣе, какъ очеркъ, но главныя черты вѣрны. Прочти ее, мнѣ кажется ты многимъ останешься въ ней доволенъ.

— Отзывъ твой о Тур. мнѣ усладилъ душу. Можетъ ли быть онъ не добрымъ и не отличнымъ человѣкомъ! Да, легкомысленъ, ребенокъ, барищъ,—сколько хочешь,—но спустись поглубже—фондъ удивительный. Я постоянно чую этотъ фондъ и постоянно люблю его. Когда онъ собирается изъ Петербурга? Скажи ему, что Кн. Львовъ—Цензоръ—умеръ; я поѣхалъ къ нему на похороны, чтобы отдать ему послѣдній свой поклонъ. Это былъ честный и благородный Цензоръ.

Ты пока готовляй рукопись для печати, а то по свойственной тебѣ лѣни доведешь до послѣдняго дня отъѣзда.—Пожалуйста поставь себѣ это непремѣннымъ дѣломъ. Какъ мнѣ скучно и грустно безъ васъ, ты и представить себѣ не можешь.

Поклонись Толстому: я чувствую къ нему какую-то нервическую, страстную склонность.

Пока прощай.

Твой В. Ботк.

Увѣдомь меня о результатѣ своего письма къ Солдатенкову. Я здѣсь съ нимъ не вижусь, некогда.

№ (XVI).

Москва 30 марта 1856.

Вотъ тебѣ новость: сегодня слышалъ я отъ одного пріятеля Солдатенкова, что онъ формально передалъ право своего контракта съ тобой Забѣлину и слѣд. Забѣлинъ будетъ издателемъ твоихъ стихотвореній. Признаюсь, не ожидалъ я этого отъ Солдат. Это такъ мелко и пошло, что изъ рукъ вонъ. Этотъ господинъ уже болѣе не считаетъ нужнымъ соблюдать простую деликатность. Ты меня вовсе оставляешь въ неизвѣстности—послалъ ли ты ему письмо свое и что онъ на него отвѣчалъ.—Все это дѣло кажется мнѣ такимъ гадкимъ, что не хочется больше говорить о немъ. Въ разговорѣ съ Кетчеромъ, который я передалъ тебѣ, онъ говорилъ, что подадутъ въ цензуру ту тетрадь, которую ты отдалъ Солдатенкову. Впрочемъ, чертъ ихъ возьми! Тутъ все дѣло въ какихъ-нибудь тысячахъ рубляхъ,—а ты ихъ видалъ на своемъ вѣку.

Наконецъ нашъ миѳическій Солениковъ опять бываетъ у меня; говоритъ, что хочетъ работать. Не знаю, будетъ ли отъ него толкъ, а я дамъ ему перевести для Современника статью изъ новой

книги Шлейдена: «О свойствѣ звука и о звукахъ въ природѣ». Вчера онъ просилъ меня передать тебѣ слѣдующее: когда ты хотѣлъ заплатить Иноземцеву за леченіе, онъ отказался отъ денегъ и просилъ тебя вмѣсто денегъ выслать ему Современникъ; армянскій ассистентъ его, который ѣздилъ къ тебѣ въ Паркъ, просилъ черезъ Соленикова напомнить тебѣ объ этомъ. Передаю тебѣ то, что я слышалъ отъ Соленика, если что тутъ перевралъ онъ, то сердись на него, а не на меня.

Скажи Тургеневу, чтобъ онъ посмотрѣлъ въ послѣдней книгѣ Пропилеевъ статью Кудрявцева: «Римскія женщины по Тациту». Я прочелъ ее съ изумленіемъ. Тургеневъ знаетъ Тацита,—пусть взглянетъ онъ, чѣмъ сталъ этотъ суровый, сосредоточенный человекъ, пройдя сквозь размышленія и краснорѣчіе Кудрявцева. А между тѣмъ, направленіе его благородно, знаніе большое и многостороннее и человекъ онъ вообще прекрасный. Но въ томъ-то и бѣда, что Тацитъ и событія, имъ описываемыя, стоятъ въ такой степени внѣ нашихъ размѣровъ, что надобно имѣть необыкновенную высоту созерцанія, чтобъ, излагая ихъ по его лѣтописи, не попасть въ фальшивый тонъ. А это, мнѣ кажется, и постигло статью о Римскихъ женщинахъ. Риторическій, напряженно возвышенный тонъ ея, рутинная воззрѣнія, непомѣрное изобиліе пустого и ни къ чему не ведущаго резонерства—привели меня въ изумленіе.—Это я говорю въ отношеніи таланта изложенія, потому что во всемъ остальномъ это статья почтенная и заслуживающая всякаго уваженія.

Больше теперь мнѣ сказать тебѣ нечего. Живу я совершенно уединенно и никого не вижу. А ни за какую работу приняться не могу, потому что дѣла отвлекаютъ вниманіе. Передай Дружинину мой самый душевный поклонъ.

Твой В. Боткинъ.

Всѣ приведенныя письма Боткина къ Некрасову писаны, какъ замѣтилъ читатель, ранѣе того письма Солдатенкова къ Некрасову, которое было приведено выше, и, давая представленіе объ обстоятельствахъ предшествующихъ, не говорятъ объ обстоятельствахъ послѣдующихъ. Объ нихъ вскользь упомянуто въ печатаемомъ ниже письмѣ Боткина отъ 29 іюля 1856 г. Изъ этого упоминанія явствуетъ, что Некрасовъ, въ концѣ-концовъ, все-же «сошелся съ Солдатенковымъ», и между ними «все пришло въ прежнее положеніе». Высказывая по поводу этого свое удовольствіе Боткинъ здѣсь же признавался, что «терпѣть не можетъ враждебныхъ съ кѣмъ бы то ни было отношеній». Само собой разумѣется, что «худой миръ—лучше доброй ссоры», тѣмъ болѣе,

что, въ случаѣ окончательнаго разрыва съ Солдатенковымъ, враги поэта не преминули бы использовать весь этотъ инцидентъ, какъ яркое проявленіе его корыстолюбія, не знающаго-де никакого удержа и не останавливающагося даже передъ расторженіемъ письменныхъ договоровъ. Однако, «худой миръ» относясь, главнымъ образомъ, къ самому Солдатенкову, не могъ обозначать возобновленія дружескихъ отношеній со старыми московскими пріятелями, изъ которыхъ Кетчеръ, какъ извѣстно, былъ однимъ изъ близкихъ друзей Бѣлинскаго и виднѣйшихъ членовъ его кружка. Съ ними, очевидно, все было конечно, и хотя во всей этой исторіи сочувствіе Боткина неизмѣнно находилось на сторонѣ Некрасова, но въ конечномъ результатѣ она не могла остаться безъ всякаго вліянія на отношенія Некрасова и людей 40-хъ гг. вообще.

(Окончаніе слѣдуетъ)

В. Евгеньевъ.

Изъ текущей литературы.

І. Дневникъ Льва Николаевича Толстого¹⁾.

[О томъ, что дневникъ Л. Н. Толстого чрезвычайно важенъ въ смыслѣ уясненія картины внутренняго міра величайшаго изъ людей XIX столѣтія—говорить пространно не приходится, это—аксіома. Но громаднѣйшій интересъ культурнаго міра къ жизни, личности, дѣятельности, значенію Толстого—крайне сложенъ и разнообразенъ, соотвѣтственно сложной структурѣ этой великой и многообразной души. Вотъ почему, надобно полагать, сложна окажется и судьба «Дневника» у читателя: одному въ немъ покажется важнѣйшей его морально-философская, другому бытовая и біографическая, третьему теоретико-эстетическая сторона, и т. д., и т. д. Все это есть въ дневникѣ, все это исходитъ отъ человѣка, вписавшаго чуть не во всѣ виды умственнаго творчества страницы, которыя останутся тамъ навсегда, какъ бы къ нимъ по существу ни относиться, все это, помимо частнаго и различнаго значенія для того или иного читателя, имѣетъ въ своей цѣлостности и громадное общее значеніе для познанія Толстого не въ частныхъ лишь аспектахъ (что преимущественно и происходитъ въ наше время), но какъ цѣльнаго явленія культуры (что является дѣломъ будущаго и почти недоступно современникамъ). Вотъ почему сейчасъ мы можемъ преимущественно какъ къ матеріалу для анализа духа Толстого отнести и къ его дневнику, позволяя себѣ попутно лишь самыя осторожныя и общія синтетическія попытки, для успѣшности коихъ и время еще не наступило, и аналитическій матеріалъ только начинаетъ подготавливаться.

Наиболѣе безспорны—въ объективномъ, какъ и въ субъективномъ смыслѣ—тѣ, сравнительно немногочисленныя строки въ дневникѣ, гдѣ Л. Н. говоритъ о сущности художественнаго творчества. Мы знаемъ, что совершенно ничтожныя вещи ему случалось нерѣдко провозглашать крупнѣйшими произведеніями искусства, какъ напримѣръ, безпомощныя и грубо-тенденціозныя картины Орлова, или рассказы разныхъ авторовъ того же элементарно - тенденціознаго характера. Это было въ тѣхъ случаяхъ, когда Толстой встрѣчался съ конкретнымъ

¹⁾ Изд. подъ редак. В. Г. Черткова. Т. I, 1895—1899, (съ портретомъ 1897 г.) М. 1916 г.; стр. XX—292; ц. 1 р.

произведеніемъ, пытающимся воплотить симпатичную ему идею. Однако, за предѣлами этой конкретности къ Толстому возвращалась и вся объективность, и вся тонкость, и поразительная иѣткость сужденій великаго художника, знающаго цѣну подлинному искусству лучше, чѣмъ кто бы то ни было. Сравните восторги Толстого предъ тѣми же картинами Орлова—неуклюжими иллюстраціями на моральную тему—съ такой, наприимѣръ, записью въ дневникѣ: «Истинное художественное произведеніе—заразительное—производится только тогда, когда художникъ ищетъ, стремится. Въ поэзіи эта страсть къ изображенію того, что есть, происходитъ отъ того, что художникъ надѣется, ясно увидавъ, закрѣпивъ то, что есть, понять смыслъ того, что есть». Съ увѣренностью можно сказать, что въ примѣненіи къ конкретнымъ произведеніямъ, которыя Толстой при жизни рекомендовалъ время отъ времени обществу, эта тонкая психологическая формула просто убійственна. «У всякаго искусства, читаемъ мы далѣе, есть два отступленія отъ пути: пошлость и искусственность. Между обѣими—только узкій путь. И узкій путь этотъ опредѣляется порывомъ». И это—теоретически безспорно и необычайно сжато при всемъ богатствѣ содержанія, но практически и эту формулу Толстой вѣчно нарушалъ, рекомендуя вещи дѣйствительно пошлыя (эстетически, конечно, не морально), какъ напр., сѣрые рассказы единомышленниковъ, забываемые тотчасъ по прочтеніи. Прочтя рассказъ Чехова «На подводѣ», Толстой заноситъ въ дневникъ: «Превосходно по изобразительности, но риторика, какъ только онъ хочетъ придать смыслъ рассказу». Какое безпощадно строгое требованіе объективности и чистой художественности было у этого необычайно субъективнаго человека! И именно до тѣхъ лишь поръ, покуда такъ или иначе не затрагивалась его субъективность. Тутъ и въ эстетическихъ сужденіяхъ онъ отбрасывалъ объективный критерій, и въ моральныхъ, и въ философскихъ. Прочтите, наприимѣръ, отрывки изъ дневника, гдѣ Толстой отзывался о женщинахъ,—какъ онъ здѣсь рѣзокъ и суровъ, а если и кротокъ, то какъ-то безъ всякаго энтузіазма, только чтобы не согрѣшить обиднымъ словомъ. Толстой ясно сознавалъ и общность своей отрицательной оцѣнки, что явствуетъ не только изъ того, что соотвѣтственныхъ записей нѣсколько, но и изъ такого, между прочимъ, категорическаго заявленія: «Я 70 лѣтъ все спускаю и спускаю мое мнѣніе о женщинахъ, а все еще и еще надо спускать. Женскій вопросъ! Какъ же не женскій вопросъ. Только не въ томъ, чтобы женщины стали руководить жизнью, а въ томъ, чтобы онѣ перестали губить ее».

Противорѣчія—не случайны, но крайне характерны для Тол-

стого (не говоря ужъ о томъ, что они и необычайно цѣнны въ глазахъ многихъ почитателей Толстого, болѣе цѣнны, чѣмъ гладкія и прямыя линіи его души), они-то и раскрываютъ корень его натуры, его крайнюю субъективность и крайнюю стойкость послѣдней... Вѣдь это одно изъ тѣхъ немногихъ обобщеній, на которое мы уже и сейчасъ имѣли право. И указанное выше противорѣчіе въ теоретическихъ сужденіяхъ Толстого объ искусствѣ—суть частные случаи субъективности его натуры. Если въ вопросахъ эстетическихъ онъ на практикѣ поработаетъ теоретическій принципъ—моральной симпатіи, то въ сужденіяхъ о женщинѣ онъ проявляетъ субъективность въ обобщеніи слишкомъ личныхъ впечатлѣній,—это едва-ли подлежитъ сомнѣнію, если внимательно вчитаться и въ текстъ, и въ контекстъ его замѣчаній, и если вспомнить, что совсѣмъ въ иномъ духѣ и родѣ писалъ о женщинѣ Толстой въ эпоху, предшествовавшую тяжкому кризису въ личной его жизни.

Приходится часто встрѣчаться съ двумя противоположными мнѣніями о личности Толстого. Одни утверждаютъ, что Толстой становился самимъ собой тогда, когда, такъ сказать, прорывался, сбрасывалъ съ себя иго несвойственнаго ему смиренія, чуждой кротости, надуманной любви. Другіе увѣряютъ, что именно это иго и его элементы и были подлинной и основной стихіей его духа, лишь затемненной происхожденіемъ, воспитаніемъ, положеніемъ, и т. д.

Трудно согласиться съ обоими этими мнѣніями. Мы будемъ ближе къ истинѣ, признавъ, что стихія Толстого и состояла въ противорѣчіяхъ, что ему въ равной мѣрѣ органически присуще было и навлекать на себя кротость и смиреніе и совлекать ихъ съ себя. Отнюдь нельзя сказать, что его кипучему темпераменту были *не свойственны* идеи кротости и непротивленія, какъ нельзя сказать и того, что онѣ были ему *свойственны*. Толстой внѣ этихъ обѣихъ плоскостей. Онъ не Францискъ Ассизскій, но и не его антиподъ; ему не были органически свойственны ни кротость, ни смиреніе, ни любовь къ врагамъ, но ему положительно органически свойственно было эти чувства въ себѣ возвращать, себѣ ихъ прививать, все приносить имъ въ жертву и вдругъ, на мгновеніе или надолго—сбросить ихъ съ себя.

Именно этимъ, глубоко субъективнымъ въ своей двусторонности, процессомъ окрашена вся жизнь Толстого, и если кто, прочтя, напримѣръ, такія строки: «Былъ N.: это трудный экзаменъ любви. Я выдержалъ его только внѣшне, и то плохо. Если-бы экзаменаторъ прошелся хорошенько вразбивку, я бы постыдно срѣзался», если, повторяю, кто заключить отсюда либо въ поло-

жительную, либо въ отрицательную сторону о способности Толстого любить непріятныхъ ему людей, то оба заключенія будутъ не характерны для Толстого; здѣсь матеріаль лишь для единственнаго заключенія: о склонности Толстого понуждать себя любить непріятныхъ ему людей. Эта часто органическая и самая основная черта личности Толстого—входить съ самимъ собой въ противорѣчіе, создавать внутри себя конфликты—подтверждается и такими громадными фактами, какъ переходъ отъ художественнаго творчества къ статьямъ о вредѣ куренія и т. п. Но если даже оставаться въ предѣлахъ дневника, то, помимо приведенныхъ выше строкъ, здѣсь не мало иллюстрацій того же смысла. Напримѣръ, эти необычайно скорбныя строки: «не переставая болить сердце. Нѣтъ отдыха ни на чемъ почти... Гадко, что хочется плакать надъ самимъ собой, надъ напрасно губимымъ остаткомъ жизни. А можетъ быть, такъ надо. Даже навѣрное такъ надо».

Поразительно характерно (хотя и не ново у Толстого, но мы какъ-то привыкли и не чувствуемъ здѣсь противорѣчія): «Напрасно губимый остатокъ жизни»—и «такъ надо». Но если *такъ надо*, стало быть и не напрасно губимый; а если *напрасно*, то стало быть такъ не надо. Но это—логика, а психологія и заключается здѣсь въ противорѣчій, въ «такъ надо», которое заявляетъ одна половина души о томъ, о чемъ другая половина страстно взываетъ: «не надо». И, конечно, самимъ собою оставался Толстой и тогда, когда писалъ свою «Крейцерову Сонату», и когда записывалъ въ свой дневникъ безконечно поэтическія строки, посвященныя любви: «Еще думалъ нынче же *совсѣмъ неожиданно*¹⁾ о прелести,—именно прелести,—зарождающейся любви, когда на фонѣ веселыхъ, пріятныхъ, милыхъ отношеній начинается вдругъ блестятъ эта звѣздочка. Это—въ родѣ того, какъ пахнувшій вдругъ запахъ тины или начинающая падать тѣнь отъ мѣсяца. Еще нѣтъ полного цвѣта, нѣтъ ясной тѣни и свѣта, но есть радость и страхъ новаго, обаятельнаго. Хорошо это, но только тогда, когда въ первый и послѣдній разъ». Чуткое ухо сразу уловить совсѣмъ иной тембръ голоса, какимъ произнесена послѣдняя фраза, являющаяся данью одной половины толстовскаго существа—другой половинѣ...

Только отправляясь отъ антиноміи, какъ органической сущности духа Толстого, мы и поймемъ въ немъ многое, что на первый взглядъ представляется совершенно несообразнымъ. Мы поймемъ и то, что такъ часто подмѣчали въ Толстомъ: мирное сосуществованіе величайшей силы и смѣлости ума съ мыслями, изумляющими

¹⁾ Курсивъ мой. А. Д.

своей наивностью и даже какъ бы робостью. На этой чертѣ нѣкогда останавливался и Михайловскій въ своемъ бестящемъ анализѣ десницы и шуйцы Толстого; проявляется она, конечно, и въ дневникѣ, и самымъ характернымъ образомъ. «Читалъ письмо Накашидзе,—записываетъ Толстой,—о съѣздѣ духовоборовъ, гдѣ они рѣшали общественные вопросы. Это образецъ возможности управленія безъ насилія. Нужно одно условіе,—нѣтъ, два условія: уваженіе младшихъ или вообще слабыхъ духовно къ рѣшеніямъ избираемыхъ старшихъ, болѣе сильныхъ духовно,—старичковъ, какъ духовоборы называютъ; и второе условіе, чтобы эти старички были разумны и любовны». Величайшій піететъ къ личности Толстого, разумѣется, не лишаетъ никого права улыбнуться, прочтя эти строки. За малымъ дѣломъ стало, чтобы управленіе безъ насилія осуществилось: только чтобы управляемые уважали рѣшенія управляющихъ, а эти послѣдніе хорошо управляли бы—разумно и любовно! Это напоминаетъ анекдотическое средство разбогатѣть: надобно закупить много товару по дешевой цѣнѣ и поскорѣй продать его по дорогой. И если такую мысль, наивность которой очевидна для самаго зауряднаго человѣка, заносить въ свой интимный дневникъ мудрецъ и геній, то тому должна быть причина, это не можетъ быть случайно, это—характерно для Толстого. Объясненіе же мы находимъ все въ той же антиномичности Толстого, для даннаго случая—въ «свойственной» ему внутренней необходимости во что бы то ни стало принять и оправдать «несвойственное» ему убѣжденіе, хотя бы для этого оказалось необходимо замѣнить десницу—шуйцей, мудрость—наивностью.

Надо ли пояснить, что успокоиться на истинахъ, такимъ путемъ достигнутыхъ, Толстой также не могъ. Удовлетворяться неудовлетворительнымъ онъ могъ лишь временно, лишь до поры, когда кончался процессъ усвоенія несвойственнаго и начинался параллельно противоположный процессъ—изверженія несвойственнаго, очередного бунта Толстого. Въ этихъ колебаніяхъ прошла вся его жизнь и проходила бы, сколько судьба ни отмѣрила бы ему вѣку, потому что не характеръ цѣлей, не содержаніе тѣхъ или иныхъ стремленій обуславливали эти мятежи Толстого противъ самого себя, но глубокая органическая трагичность его духа, его природная антиномичность. «Любовь хороша,—читаемъ мы въ дневникѣ,—только тогда, когда не сознаешь ея. А стоитъ сознать, да еще порадоваться на свою любовь,—и конецъ ей». А онъ вѣдь все въ себѣ доводилъ до сознанія, все анализировалъ, и любовь, конечно, такъ же, какъ и все другое, и радовался на свою любовь, и не удовлетворялся ею, анатомированной лю-

бовью, и не могъ все-таки ни пресѣчь въ себѣ стремленіе любить, ни отказаться отъ разѣдающаго и губящаго любовь анализа...

Разумѣется, значеніе дневника далеко не исчерпывается выше посильно охарактеризованной психологической чертой Толстого, но думается, что она—наиболѣе существенна и интересна для насъ, еще современниковъ жизни Толстого, со всѣми ея извилинами, противорѣчіями, сложностью, въ которыхъ все-таки чувствуется какое-то единое психологическое обобщеніе. Повторяю, пока въ поискахъ обобщающихъ чертъ возможны лишь гипотезы самаго общаго свойства, тѣмъ болѣе, что лежащій передъ нами томикъ дневниковъ далеко не съ точностью зеркала отражаетъ міръ мыслей и чувствъ Толстого. И не только въ силу того, что безупречная (объективно) исповѣдь есть недостижимый идеаль, но и проще: предъ нами копія не подлинныхъ записей Толстого, но лишь копія съ давнихъ копій, не могущихъ быть сейчасъ проверенными по причинѣ всѣмъ извѣстныхъ несогласій въ семьѣ Толстого; далѣе—редакторъ вынужденъ былъ сдѣлать въ изданіи не мало изыятій какъ по цензурнымъ соображеніямъ, такъ и потому, что многія страницы дневника касаются интимныхъ сторонъ личной, семейной жизни Толстого и его родныхъ. Наконецъ,—и это всего грустнѣе, всего драматичнѣе,—Толстой не всегда былъ свободенъ въ изложеніи своихъ мыслей и чувствъ... «Испортили мнѣ дневникъ,—читаемъ мы въ запискѣ отъ 30 іюля 1896 г.,—пишу въ виду возможности чтенія живыми». Въ другой разъ: «Нѣтъ у меня того религіознаго чувства, которое было, когда прежде писалъ дневникъ ни для кого. То, что его читали и могутъ читать, губитъ это чувство. А чувство было драгоцѣнное и помогало мнѣ въ жизни. Начну.... писать опять по прежнему,—такъ, чтобы никто не читалъ при моей жизни». Наши потомки, имѣя предъ собою всѣ дневники Толстого, будутъ обладать, такимъ образомъ, не только въ количественномъ, но и въ качественномъ отношеніи болѣе цѣннымъ и богатымъ матеріаломъ...

Намъ еще остается вкратцѣ остановиться на выполненіи нелегкаго и отвѣтственнаго труда по редактированію и изданію дневника. Въ общемъ—онъ выполненъ выше похвалы. Не говоря уже о внѣшности, прекрасной бумагѣ, ничтожной цѣнѣ,—все въ дневникѣ говоритъ о подлинномъ піететѣ къ дѣлу тѣхъ, кто его выполнилъ. Факсимиле съ писемъ и завѣщательныхъ распоряженій Толстого, указатель именъ, обзоръ жизни Толстого за періодъ, соотвѣтствующій записямъ дневника дополняютъ и безъ того обширный комментарий къ тексту, занимающій 50 слишкомъ страницъ мелкой печати. Русское общество должно быть

благодарно В. Г. Черткову за столь любовно и добросовѣстно исполненный обширный и кропотливый трудъ.

За всѣмъ тѣмъ нельзя отказаться и отъ двухъ-трехъ критическихъ упрековъ по адресу редактора. Во-первыхъ,—едва ли все-таки было необходимо именно въ этомъ томѣ дневника, относящемся къ 90-мъ годамъ, столь подробно излагать всю исторію спора наслѣдниковъ Л. Н. Толстого. Если ужъ это необходимо, пусть бы она и появилась на своемъ хронологическомъ мѣстѣ, а всего лучше—въ формѣ отдѣльнаго изданія, а въ дневникѣ достаточно было вкратцѣ объяснить причину тѣхъ или иныхъ изыятій въ немъ и отсутствія подлинниковъ, замѣненныхъ копіями.

Досадное впечатлѣніе производятъ и нѣкоторыя (весьма немногія) примѣчанія В. Г. Черткова. Такъ, въ примѣчаніи къ записи Толстого о свиданіи его съ Леонтьевымъ, читаемъ: «Борисъ Николаевичъ Леонтьевъ, одно время считавшійся единомышленникомъ Л. Н., въ 1909 г. покончившій жизнь самоубійствомъ». Въ примѣчаніи посвященномъ кн. Хилкову—въ томъ же родѣ: «Князь Дмитрій Александровичъ Хилковъ въ то время въ нѣкоторыхъ вопросахъ болѣе внѣшняго характера сходилъ съ Л. Н.-чемъ».

Бор. Ник. Леонтьевъ покончилъ съ собой; кн. Хилковъ убитъ на войнѣ, на которую пошелъ добровольцемъ. Разумѣется—характеръ смерти того и другого противорѣчитъ ученію Толстого. И все-таки я очень сомнѣваюсь, удобно ли такое посмертное «лишеніе званія» толстовца заднимъ числомъ?.. Ни сами покойники, ни, съ другой стороны, Л. Н. Толстой—не могутъ уже теперь оспорить г. Черткова, охарактеризовать степень своей близости, единомыслія, однако—она была извѣстна имъ, и только имъ однимъ, и никто не долженъ и не можетъ на основаніи фактовъ послѣдующаго періода отодвинуть отъ Толстого тѣхъ, кто себя считалъ и кого другіе считали къ нему близко стоящими, никто не можетъ взять на себя раздачу удостовѣреній въ близости къ Толстому... Я близко зналъ одного изъ этихъ «лишенныхъ званія» и мнѣ очень грустно было прочесть о немъ эти сухія слова. Онъ былъ сложнѣе, трагичнѣе и глубже, и мудрѣе ихъ... Во 2-мъ изданіи, котораго, несомнѣнно, книга скоро дождетъ, эти строки должны исчезнуть. «Различные характеры, выражаемые искусствомъ, только потому трогаютъ насъ, что въ каждомъ изъ насъ есть возможности всѣхъ возможныхъ характеровъ»,—геніально говоритъ Толстой въ дневникѣ, необычайно мѣтко характеризую поразительно сложный типъ своей личности. Но въ разной мѣрѣ всякая человѣческая индивидуальность—комплексъ всѣхъ возможностей, и вносить въ ея образъ категорическія и притомъ

посмертныя ограниченія безъ всякихъ доказательствъ,—это... не въ духѣ Толстого и его мудрости...

А. Дерманъ.

II. Нѣмецкій историкъ Эдуардъ Мейеръ объ А о нынѣшней войнѣ ¹⁾.

Одинъ изъ самыхъ выдающихся современныхъ историковъ—Эдуардъ Мейеръ, профессоръ Берлинскаго университета. Специалистъ по древней исторіи, авторъ капитальной «Geschichte des Altertums», лучшаго произведенія въ этомъ родѣ, Эд. Мейеръ—историкъ съ широкимъ кругозоромъ, съ громадными, разносторонними знаніями. О немъ справедливо говорятъ, что онъ можетъ разсуждать, какъ самостоятельный изслѣдователь, съ ассириологами—о клинообразныхъ надписяхъ и о вавилонскихъ контрактахъ на табличкахъ, съ Велльгаузенемъ и другими критиками Ветхаго Заветъ—объ Эздрѣ, Неэмїи, книгѣ Эсеири и проч., съ филологами-классиками—о возникновеніи Фукидидова труда. Э. Мейеръ хорошо знакомъ и съ новой исторіей. Въ своей «Исторіи древности» онъ часто дѣлаетъ сближенія съ явленіями другихъ эпохъ, приводитъ параллели изъ новой исторіи. Изъ сосѣднихъ странъ ему, какъ уроженцу Гамбурга, особенно, близка, казалось, Англія. Онъ посѣщалъ ее; прекрасно владѣетъ англійскимъ языкомъ; въ молодости, по окончаніи курса въ университетѣ и послѣ промоціи, былъ домашнимъ учителемъ въ семьѣ англійскаго генеральнаго консула въ Константинополѣ. Когда установился обычай обмѣниваться профессорами между нѣмецкими и американскими университетами, однимъ изъ первыхъ въ Соединенные Штаты отправился Э. Мейеръ читать тамъ лекціи въ Гарвардскомъ университетѣ въ теченіе года, и нѣкоторыя свои статьи писалъ онъ на англійскомъ языкѣ. Бывшіе на конгрессѣ историковъ въ Берлинѣ въ 1908 г., вѣроятно, помнятъ, какъ тогда нѣмцы ухаживали за англичанами, въ томъ числѣ и Э. Мейеръ, говорившій немало комплиментовъ по адресу англійскихъ ученыхъ.

Теперь онъ издалъ небольшую, но во многихъ отношеніяхъ показательную книгу объ Англіи, ея государственномъ и политическомъ развитіи и о войнѣ противъ Германіи. Впервые книга эта появилась весною 1915 г. и разошлась въ огромномъ числѣ экземпляровъ; черезъ полгода вышло новое ея изданіе, «народное». Изъ этого видно, съ какимъ интересомъ и сочувствіемъ было

¹⁾ (Ed. d. Meyer. England. Seine staatliche und politische Entwicklung und der Krieg gegen Deutschland. Volksausgabe, Stuttg.-Berl. 1916. XXIV+213).

встрѣчено въ Германіи произведеніе Э. Мейера. Поучительно ознакомиться съ его взглядами: они очень характерны для нѣмецкаго историка. Это—одно изъ яркихъ проявленій германской идеологіи.

Э. Мейеръ былъ въ числѣ тѣхъ, кто подписалъ знаменитое «воззваніе», которое оправдывало образъ дѣйствій Германіи, ея способъ веденія войны, ея поведеніе въ Бельгіи, и которое провозглашало, что борьба противъ германскаго милитаризма есть борьба противъ нѣмецкой культуры, ибо этотъ милитаризмъ лучший охранитель послѣдней. Подписывая предисловіе къ первому изданію своей книги объ Англіи, Э. Мейеръ датируетъ его такъ: «18 февраля 1915 г., въ день открытія войны посредствомъ подводныхъ лодокъ противъ Англіи». Онъ считаетъ такимъ образомъ необходимымъ отмѣтить этотъ день: онъ на сторонѣ безпощадной подводной войны и ждетъ отъ нея самыхъ благотворныхъ послѣдствій для Германіи. Въ предисловіи ко второму изданію Э. Мейеръ отмѣчаетъ, съ чувствомъ удовлетворенія, какъ значительны были результаты потопленія Лузитаніи (стр. VIII, XIII). Теперь у всѣхъ открылись глаза и является сознаніе, «что Англія легкомысленно бросилась въ войну на жизнь и на смерть»...

«Съ 4-го августа ¹⁾ 1914 г. нашъ народъ», говоритъ Э. Мейеръ, «знаетъ, что Англія—нашъ смертельный врагъ, съ которымъ примиренія не можетъ быть и не должно быть, прежде чѣмъ притязаніе Англіи на міровое господство не будетъ сломлено, и она не будетъ принуждена примириться съ новой системой государствъ, которая дастъ намъ необходимое мѣсто на землѣ... Мы должны быть готовы къ тому, что за нынѣшнею войною послѣдуетъ рядъ другихъ войнъ съ Англіей до послѣдняго окончательнаго рѣшенія. Что такъ вышло, вина не наша; мы должны принять и ясно представить себѣ положеніе, которое намъ навязано, и не должны въ страхѣ отступать ни предъ какими вытекающими отсюда послѣдствіями. Сознаніе этого совершенно живо во всѣхъ слояхъ населенія и проявляется съ такою силою, что правительство даже не могло бы уклониться, если бы и имѣло къ тому желаніе». Только въ кругу лицъ съ высшимъ образованіемъ и именно въ средѣ академической есть еще такіе, которые все еще не могутъ понять, что съ началомъ войны міровое положеніе совершенно перемѣнилось,—что они должны кореннымъ образомъ переучиться, и что многіе идеалы, въ которые мы прежде вѣрили, рушились и похоронены. Здѣсь поднимаются все еще голоса, которые говорятъ въ пользу политики примиренія и усту-

¹⁾ Нов. стиля.

покъ, противъ дальнѣйшихъ пріобрѣтеній и за возвращеніе на старый путь братства націй; даже есть ученые, занимающіе очень вліятельное положеніе, которые едва могутъ дожидаться момента, когда они будутъ имѣть возможность, растроганные пасть въ объятія коллегъ во вражеской странѣ и вызвать снова къ жизни разорванныя организациі «интернаціональной» науки» (стр. XV—XVI). Повидимому, Э. Мейеръ здѣсь намекаетъ на проф. Ганса Дельбрюка, редактора журнала «Preussische Jahrbücher», и сочувствующихъ ему лицъ, которые напоминаютъ, что война не будетъ же вѣчно продолжаться, что надо подумать о томъ, чтобы можно было потомъ наладить мирныя отношенія и возстановить культурное общеніе послѣ войны. По мнѣнію Э. Мейера, кто такъ думаетъ, тотъ только показываетъ, что онъ потерялъ способность научиться изъ прошлаго и понимать всю серьезность положенія. Его книга должна способствовать тому, чтобы поборотъ подобные голоса. Э. Мейеръ противъ «нѣжной сентиментальности» и уступчивости. Онъ привѣтствуетъ слова имперскаго канцлера: «Мы отучились отъ сентиментальности» (стр. XVI—XVII).

Уже по этому предисловію отчасти можно судить, чего ожидать въ дальнѣйшемъ, отъ самой книги Э. Мейера.

Въ первомъ отдѣлѣ своего труда Э. Мейеръ даетъ характеристику англійскаго государства и критикуетъ его строй. Говоря о развитіи и основныхъ чертахъ англійской конституціи, онъ отмѣчаетъ, что въ противоположность тому процессу, который наблюдается на континентѣ, въ Англіи носителемъ новой государственной формы сталъ не государь, а «сословная корпорація», парламентъ. Это развитіе получило завершеніе при Ганноверской династіи. Правда, въ лицѣ Георга III на престолъ вступилъ «дѣйствительно національно чувствующій» (стр. 5) или, какъ Э. Мейеръ дальше (стр. 96, прим.) называетъ его, «бравый, хотя и ограниченный, король», но было уже поздно: господство парламента упрочилось. «Теоретически это, конечно, идеальная форма государства», говоритъ Э. Мейеръ, но въ дѣйствительности она можетъ ослѣплять только тѣхъ, кто видитъ идеаль въ «народномъ господствѣ», и кто сквозь формы не въ состояніи познать истинныя отношенія. На самомъ дѣлѣ англійскій парламентъ въ пору своего расцвѣта, до реформы 1832 г., былъ не «народнымъ представительствомъ», а организованнымъ господствомъ сильной аристократіи» (стр. 5—6).

Къ концу XIX и въ началѣ XX в. господство парламента фактически уступило мѣсто господству кабинета министровъ: парламентъ оказался въ положеніи, подобномъ тому, въ какомъ былъ прежній суверенъ, король. Завершеніе этого процесса

составляетъ (1911) отмѣна права veto верхней палаты, чѣмъ устраненъ былъ послѣдній оплотъ, который противостоялъ абсолютному господству партій и всемогуществу номинально—нижней палаты, фактически—кабинета, достигшаго власти посредствомъ выборовъ. Кабинетъ это и есть настоящее правительство Англіи.

Э. Мейеръ видитъ въ Англіи государство съ отсталыми, отжившими формами и понятіями: несмотря на реформы, политическая жизнь Англіи еще и теперь, говоритъ онъ, покоится на томъ самомъ базисѣ и на тѣхъ основныхъ воззрѣніяхъ, которыя проведены были въ великой борьбѣ XVII в. и съ тѣхъ поръ господствовали надъ политической мыслью англичанина. Во многихъ отношеніяхъ Англія составляетъ діаметральную противоположность континенту, въ особенности Германіи. Она напр. не знаетъ понятія: «государство», «отечество»: въ англійскомъ языкѣ этихъ словъ не существуетъ (стр. 20—23). Въ Англіи особое понятіе о свободѣ: оно носитъ чисто отрицательный, направленный противъ притязаній государства характеръ. Оно стремится свести до минимума права государства по отношенію къ гражданину, его вмѣшательство въ жизнь отдѣльнаго лица, обезпечить послѣднему полную свободу дѣйствій. Но человекъ—соціальное существо, замѣчаетъ Э. Мейеръ, и на мѣсто государства, съ его функціями и правами, въ Англіи, а также и въ Сѣверной Америкѣ, выступаетъ то, что называется «общественнымъ мнѣніемъ». И Э. Мейеръ говоритъ о силѣ, о деспотизмѣ этого «общественнаго мнѣнія».

Глубокое недовѣріе къ государству въ Англіи, продолжаетъ авторъ, проявляется во всемъ—и въ вотированіи налоговъ лишь на опредѣленное, короткое время, и въ отношеніи къ арміи. Военская повинность, полное предоставленіе себя государству, кажется англичанину—совершенно обратно тому, какъ нѣмцу—концомъ свободы, постыднымъ рабствомъ (надо помнить, что это писано въ 1915 г.). Э. Мейеръ рѣзко осуждаетъ англійскую систему набора наемнаго войска и вообще военную организацію (какою она была въ Англіи до войны). Мало того: отвращеніе ко всеобщей воинской повинности въ Англіи, какъ и въ Америкѣ, онъ считаетъ основною причиною ненависти къ Германіи, къ нѣмецкому «милитаризму», а вмѣстѣ и нынѣшней войны. Въ войнѣ между Англіей и Германіей онъ видитъ «въ сущности борьбу отставшей отъ историческаго развитія и готовой къ гибели формы національной и политической жизни противъ далеко ушедшей впередъ, этически и политически безконечно выше стоящей», т.-е. противъ германской государственной формы (стр. 33).

Та же отсталость, въ глазахъ Э. Мейера, по сравненію съ гер-

манской организаціей государства обнаруживается въ Англіи будто бы во всѣхъ областяхъ публичной жизни. Но и Англія не могла освободиться отъ требованій новаго времени; и она должна была вступить на путь реформъ. Однако послѣдовательному проведенію ихъ здѣсь стоитъ на дорогѣ все то же англійское понятіе о свободѣ и оппозиція противъ усиленія власти государства. Въ то время, какъ въ Германіи государство имѣетъ все поглощающее значеніе, въ Англіи оно низводится до роли «ночного сторожа» (стр. 36). Отсюда—цѣлыя области, организація которыхъ принадлежитъ вездѣ къ важнѣйшимъ задачамъ государства, въ Англіи предоставляются частной инициативѣ и дѣятельности. Сюда относится вся духовная жизнь, воспитаніе, наука, искусство. И Э. Мейеръ чуть не съ презрѣніемъ отзывается о старинныхъ англійскихъ университетахъ. Онъ рѣшается даже утверждать, что Англія въ теченіе послѣднихъ поколѣній сильно отстала во всѣхъ научныхъ областяхъ и утратила прежнюю руководящую роль; что ученые, которыхъ имѣетъ Англія, большею частью получили одностороннее образованіе и оказываются «узкими специалистами» (любопытно, что это говоритъ ученый той страны, въ которой такъ много узкихъ специалистовъ)!

По Э. Мейеру, Англія отстала отъ Германіи и въ области социальнаго законодательства: въ ней господствуетъ капитализмъ, эгоизмъ и рядомъ—«гуманная фразеологія» (стр. 42—49).

Э. Мейеръ, конечно, останавливается на положеніи Ирландіи, рисуя его въ самыхъ мрачныхъ краскахъ, касаясь и того, что отошло уже въ область далекаго прошлаго. Политику Англіи онъ называетъ «близорукою», а принятіе гомруля съ тѣмъ, чтобы онъ вступилъ въ силу послѣ войны,—«комедіей»: «Ирландскіе патріоты», говоритъ онъ, «надѣются на побѣду Германіи; побѣда эта и имъ будетъ во благо и осуществить старыя стремленія Ирландіи къ независимости» (стр. 68). Онъ касается далѣе горной Шотландіи, пустынный видъ которой производилъ на него впечатлѣніе болѣе удручающее, нежели запустѣніе Малой Азіи подъ турецкимъ владычествомъ (стр. 73). Объ отношеніи современной Англіи къ колоніямъ, о томъ, что англичане, побѣдивъ буровъ, дали имъ широкую автономію и сумѣли примирить ихъ съ своимъ господствомъ, Э. Мейеръ здѣсь умалчиваетъ, а далѣе, на стр. 195, утверждаетъ, что Англія притѣсняетъ буровъ.

Онъ переходитъ къ свободѣ торговли, къ Манчестерской школѣ, сельскому хозяйству и заканчиваетъ этотъ отдѣлъ характеристикой отношенія англичанъ къ «заграницѣ»—какъ они ведутъ себя тамъ, какъ мало считаются съ иностранными обычаями и формами жизни, какъ мало знаютъ иностранные языки, какъ

не умѣютъ обращаться съ иностранцами, понимать ихъ, и какъ это вредить успѣху англійской дипломатіи.

Останавливаясь на взглядахъ Э. Мейера, разсматривать, насколько они вѣрны, опровергать или критиковать ихъ мы здѣсь не имѣемъ въ виду. Кромѣ преувеличеній и злобы нѣмецкаго патріота и поклонника милитаризма къ врагу и сопернику Германіи, перепутавшему всѣ расчеты, разстроившему ея планы и поставившему ее въ такое затруднительное положеніе, предъ нами тутъ глубокая разниа понятій и идеаловъ англійскихъ и германскихъ. Тѣмъ знаменательнѣе, что и Э. Мейеръ не могъ не признать—хотя и вскользь, какъ бы нехотя—высокаго патріотизма англичанъ (несмотря на отсутствіе въ англійскомъ языкѣ словъ: «отечество» и «государство»): когда вспыхнула война, призывъ къ національному чувству, сознается онъ, нашелъ себѣ сильный откликъ въ англійскомъ населеніи (стр. 194—5). Э. Мейеръ не можетъ отрицать сплоченности англичанъ предъ лицомъ внѣшняго врага въ моментъ опасности, когда на время приостанавливается внутренняя борьба партій,—того, что какъ ни сильна бываетъ оппозиція, она обыкновенно подчиняется мѣрамъ правительства, въ критическія времена не ставитъ ему препятствій, и слова: «right or wrong, my contry», становятся ея паролемъ (стр. 47, 125); умѣнья ихъ своевременно дѣлать уступки, иногда смѣлыми реформами предотвращать катастрофу; ихъ настойчивости, твердости въ борьбѣ (стр. 125), послѣдовательности ихъ политики, несмотря на смѣну министерствъ, принадлежащихъ къ противнымъ партіямъ (впрочемъ, Э. Мейеръ ставитъ это имъ въ упрекъ, какъ измѣну своимъ принципамъ и программамъ).

Второй отдѣлъ своей книги Э. Мейеръ посвящаетъ внѣшней политикѣ Англіи и развитію англійскаго мірового господства, начиная съ войны противъ Испаніи и противъ Голландіи. Въ послѣдующей борьбѣ противъ Франціи выступаетъ, по словамъ Э. Мейера, основная черта англійской политики: Англія соединяется съ болѣе слабыми государствами континента для борьбы съ болѣе сильнымъ. Боевой кличъ, который она выставляетъ,—«поддержаніе европейскаго равновѣсія» (стр. 90), что даетъ поводъ нѣмецкому историку говорить о вѣроломствѣ «коварнаго Альбіона» (perfidicus Albion) (стр. 91). Подробно слѣдить за изложеніемъ Э. Мейера мы не будемъ. Отмѣтимъ только нѣкоторые моменты и отдѣльныя частности.

Полнаго развитія англійское морское могущество достигло въ двадцатилѣтней борьбѣ съ французской революціей и съ Наполеономъ. Внѣшне эта война представляется, какъ борьба

принциповъ; въ дѣйствительности же она была больше войной жъ-за мірового господства.

Высшая точка мірового могущества Англіи, по Э. Мейеру,— 1814—1863 г.г. Типичный представитель Англіи середины XIX в. лордъ Пальмерстонъ, съ его политикой сѣянiя раздоровъ между государствами и смуть внутри ихъ. Съ нимъ Англія вступила въ пору господства «общественнаго мнѣнiя» и посредственностей. Англія была заносчива только съ слабыми и уступала, если ей давался энергичный отпоръ. Такъ все болѣе и болѣе падалъ «респектъ» предъ нею на континентѣ, говоритъ Э. Мейеръ на стр. 108, что, впрочемъ, не мѣшаетъ ему на слѣдующей страницѣ сказать, что въ противоположность тому враждебному отношенію, которое встрѣчало къ себѣ міровое господство Испаніи или Франціи при Людовикѣ XIV и Наполеонѣ, воля Англіи на европейскомъ континентѣ уважалась («wurde... respektiert») и нерѣдко проводилась; она господствовала надъ всѣми океанами и всею міровою торговлею неограниченно.

Кризисомъ и началомъ упадка Англіи Э. Мейеръ считаетъ 1862—1864 г.г., время междоусобной войны въ Соединенныхъ Штатахъ и датской войны въ Европѣ. Война противъ Дани, по его словамъ, была въ дѣйствительности войной противъ Англіи и ея мірового господства. Исходъ той и другой войны былъ дипломатическимъ пораженіемъ для Англіи, началомъ конца англійскаго мірового господства. Англія 1865—81 г. носитъ, по выраженію Э. Мейера, уже блѣдныя черты состарѣвшейся, пресыщенной культуры, болѣе неспособной на великія усилія и съ покорностью, скромно и фаталистически примиряющейся съ неизбѣжнымъ (стр. 123). Если передъ тѣмъ Э. Мейеръ упрекалъ Англію за ея постоянное вмѣшательство въ европейскія дѣла, то теперь въ отреченіи отъ подобнаго вмѣшательства онъ видитъ слабость. О благородной личности Гладстона онъ отзывается какъ о «дилеттантѣ въ политикѣ», который гораздо болѣе годился бы въ ортодоксальные профессора теологіи, нежели въ руководящіе государственные дѣятели, отзывъ, напоминающій слова о Гладстонѣ другого нѣмецкаго же историка—Зибеля. Съ ироніей говоритъ Э. Мейеръ объ уступчивости Гладстона, о его вѣрности доктринѣ, о его добросовѣстности и искренней вѣрѣ въ ученія, которыя онъ съ паѳосомъ проповѣдовалъ.

Большая половина этого отдѣла книги Э. Мейера касается подготовки конфликта Англіи съ Германіей, взрыва нынѣшней войны. Подробнѣе всего нѣмецкій историкъ останавливается на политикѣ Эдуарда VII,—политикѣ «окруженія» Германіи врагами. Эдуардъ VII, говоритъ Э. Мейеръ, направилъ Англію на

путь, который ведетъ страну не къ могуществу и къ славѣ, а къ гибели. Его основная мысль—что жизненные интересы Англіи требуютъ войны съ Германіей, что могущество первой не можетъ устоять и не будетъ обезпечено, если Германія не будетъ сокрушена. «Это—самый опасный врагъ, какой только являлся для Германіи въ теченіе послѣднихъ поколѣній» (стр. 143). По Э. Мейеру, не Германія, не Австрія, а Англія—зачинщица нынѣшней войны, самой ужасной, какую знаетъ всемірная исторія. Войну эту онъ сводитъ къ борьбѣ между Англіей и Германіей, да и тутъ, по его словамъ, такіе факторы, какъ экономическое развитіе Германіи, колоніальные конфликты, надежда извлечь изъ войны богатую выгоду путемъ уничтоженія нѣмецкой торговли и нѣмецкаго флота, хотя, конечно, и содѣйствовали, но не имѣли рѣшающаго значенія; въ дѣйствительности дѣло идетъ о борьбѣ не на животь, а на смерть, между двумя государственными формами—одной, остальной и болѣе уже не дѣеспособной, и другой, далеко ушедшей впередъ и способной къ сильнѣйшимъ дѣйствіямъ. Или Германія, нѣмецкое государство съ его организаціей и идеями, которыя въ немъ живутъ, въ этой войнѣ будетъ такъ сокрушена, что не сможетъ вновь оправиться, или Англія должна, если еще желаетъ что-либо значить въ мірѣ, измѣнить свои воззрѣнія съ корнемъ и принять развившуюся на континентѣ форму, которая нашла себѣ самое совершенное выраженіе въ нѣмецкомъ государствѣ (стр. 151) ¹⁾. Не изъ-за Сербіи или Бельгіи началась война, а изъ-за поддержанія мірового положенія Англіи, и Э. Мейеръ съ видимымъ сочувствіемъ цитируетъ слова изъ письма къ нему одного итальянца: «Только дѣти могутъ говорить о французской или русской войнѣ, между тѣмъ какъ исторія и взрослые люди будутъ говорить о рѣшительной борьбѣ между Англіей и Германіей на французской и русской территоріи» (стр. 192). Э. Мейеръ видитъ только одну сторону грандіознаго явленія и слишкомъ упрощаетъ борьбу, въ которой сталкиваются сложные мотивы и интересы,—конфликтъ не одной только Англіи и Германіи, но Франціи и Германіи, германства и славянства, продвиженіе нѣмцевъ на Востокъ, притязанія Германіи на міровую гегемонію и отпоръ имъ, не говоря уже объ экономическихъ причинахъ.

Какъ и большинство нѣмцевъ, Э. Мейеръ утверждаетъ, что Германія ведетъ войну оборонительную. У него эта Германія изображается не съ поднятымъ, грозящимъ бронированнымъ кулакомъ, а кроткою, смиренною, ни въ чемъ неповинною овечкою: въ теченіе сорока трехъ лѣтъ была она лучшимъ оплотомъ и защит-

¹⁾ Англія, борясь съ милитаризмомъ, замѣчаетъ въ другомъ мѣстѣ (стр. 194—5) авторъ, сама вынуждена вступить на путь милитаризма.

ницей мира, была и оставалась до конца миролюбивой! Ея политику авторъ готовъ скорѣе упрекнуть въ сентиментальности, когда она «во имя общихъ культурныхъ интересовъ Европы противъ желтой расы» поддержала Россію въ ея протестѣ противъ уступки Портъ-Артура Китаемъ Японіи (послѣ китайско-японской войны), и эта «сентиментальная политика» въ его глазахъ—самый тяжкій промахъ, который только сдѣлала Германія со времени основанія имперіи. О томъ, что Германія *первая* усиливала вооруженія, Э. Мейеръ не говоритъ. Возстановленіе трехгодичнаго срока службы во Франціи у него—результатъ требованій Россіи, а не естественный отвѣтъ на военныя приготовленія и мѣры Германіи. Франція, по его словамъ, превратилась тогда въ вассала Россіи. Онъ распространяется о миролюбіи Вильгельма II и жалуется, что этому миролюбію, въ отвѣтъ на всѣ многочисленныя увѣренія со стороны Вильгельма, другія націи не вѣрили, особенно Англія, и не вѣрили будто бы потому, что онѣ не имѣютъ представленія о томъ чувствѣ долга и отвѣтственности, которое, именно благодаря всеобщей воинской повинности и созданной этимъ силѣ, проникаетъ весь нѣмецкій народъ, руководитъ германскимъ правительствомъ и одушевляетъ монарха: государство, подобное Англіи, вообще не знаетъ дѣйствительной отвѣтственности (стр. 154). О внутренней сущности монархіи англичанинъ и американецъ не имѣютъ никакого понятія (стр. 155—6).

Миролюбіе со стороны Германіи и Австріи—искреннее, утверждаетъ Э. Мейеръ, а со стороны Англіи и ея союзниковъ—лишь кажущееся. Нѣмцы вѣрили въ миръ и хотѣли вѣрить въ него. Мѣры, принятыя державами согласія, чтобы оградить себя на случай нападенія со стороны Германіи, авторъ считаетъ за наступательныя; переговоры по поводу австрійскаго ультиматума Сербіи называетъ комедіей со стороны державъ согласія, съ цѣлью выиграть лишь время для вооруженій. Весною 1915 г., будто бы, предполагалось начать войну (стр. 179). О томъ, что австрійскій ультиматумъ нѣчто неслыханное по отношенію къ суверенному государству, Э. Мейеръ не говоритъ ни слова, равно какъ и о томъ, на какія уступки шла Сербія. Австрія, по его мнѣнію, не могла иначе дѣйствовать, если хотѣла предохранить себя отъ сербской агитаціи: дѣло шло о ея существованіи. Иногда Э. Мейеръ доходитъ до искаженія фактовъ и ихъ послѣдовательности. Онъ какъ бы забываетъ, что Англія объявила войну послѣ колебаній, только послѣ того, когда Германія рѣшилась нарушить нейтралитетъ Бельгіи. Раньше, касаясь борьбы Англіи съ французскою революціею и Наполеономъ, онъ отмѣчалъ (стр. 98), какъ относились англичане къ захвату Бельгіи другою державою еще

сто съ лишкомъ лѣтъ тому назадъ, какъ въ завоеваніи Бельгіи французами они видѣли непосредственную угрозу своему острову. Теперь, говоря о возникновеніи войны въ 1914 г., онъ не считаетъ нужнымъ упомянуть о томъ, что рѣшеніе Германіи вступить въ Бельгію было послѣднимъ, рѣшающимъ мотивомъ къ объявленію войны Англіей. Указывая на предыдущіе переговоры бельгійцевъ съ Англіей, Э. Мейеръ говоритъ, что Бельгія сама навлекла на себя участь, которая ее постигла: этими переговорами ею самой нарушенъ ея нейтралитетъ и этимъ оправдывается проходъ чрезъ нее германскихъ войскъ. Онъ не видитъ оправданія для Бельгіи въ томъ, что она считала необходимымъ гарантировать себя отъ возможныхъ посягательствъ со стороны Германіи, и совсѣмъ умалчиваетъ о знаменитой, ставшей исторической фразѣ германскаго канцлера, что трактатъ о нейтралитетѣ—лишь «ключокъ бумаги».

Э. Мейеръ распространяется о нравственномъ вырожденіи Англіи. Онъ упрекаетъ ее въ томъ, что она стремится уничтожить всѣ нѣмецкія колоніи и вмѣстѣ съ тѣмъ могучую, благотѣльную культурную работу нѣмцевъ; упрекаетъ въ способѣ веденія войны, ибо, по его словамъ, англичане главные виновники того, что война приняла характеръ страшнаго одичанія; англичане захватываютъ нѣмецкіе корабли и задерживаютъ нейтральныя суда, а война Германіи противъ Англіи есть вмѣстѣ съ тѣмъ война за свободу морей, «за истинную независимость народовъ» (стр. 197). Зато о дѣйствіяхъ нѣмцевъ, объ участи Калиша, Лувена, съ его культурными памятниками, о потопленіи Лузитаніи и т. п. или умалчиваетъ или отзывается съ одобреніемъ.

Трудно сказать, искренно ли вѣритъ Э. Мейеръ всему тому, что онъ пишетъ объ Англіи и Германіи,—невольный ли это самообманъ, ослѣпленіе со стороны такого крупнаго историка, или же лицемѣріе?.. Во всякомъ случаѣ, книга Э. Мейера объ Англіи новый яркій примѣръ того, какъ даже выдающійся историкъ, съ широкимъ кругозоромъ, часто становится пристрастнымъ, наивнымъ, узкимъ и одностороннимъ, когда говоритъ о современныхъ злободневныхъ событіяхъ, такъ волнующихъ душу и возбуждающихъ страсти...

Въ послѣднемъ отдѣлѣ своей книги Э. Мейеръ говоритъ о «новомъ міровомъ положеніи», которое наступитъ послѣ войны, «и проблемахъ будущаго» (стр. 200—213)¹⁾. Тутъ въ Э. Мейерѣ обнаруживается тотъ выдающійся историкъ, съ широко охватывающимъ взглядомъ, какимъ мы его знаемъ по его замѣчательнымъ трудамъ въ области древней исторіи.

¹⁾ Ср. мою статью въ харьковской газ. „Южн. Край“, 1916, 12 іюля.

Борьбу между Англіей и Германіей Э. Мейеръ сравниваетъ съ Пуническими войнами, съ борьбой между Карфагеномъ и Римомъ. Ситуація, говоритъ онъ, та же, но каковъ будетъ исходъ? Возможно ли достигъ окончательнаго разрѣшенія всѣхъ громадныхъ проблемъ, вызванныхъ войною, или же въ результатъ общаго истощенія будетъ только перемиріе, временная отсрочка рѣшенія? Во всякомъ случаѣ нашъ міръ послѣ войны станетъ инымъ. Превжній міръ исчезъ 1-го августа (нов. ст.) 1914 г. Сверхъ новыхъ проблемъ всплыли и старыя, казалось, поконченныя. Народы сознають, что эта борьба есть борьба за существованіе или, по крайней мѣрѣ, за сохраненіе ихъ политическаго положенія.

Особенно затруднительнымъ кажется Э. Мейеру положеніе Англіи. Онъ допускаетъ возможность побѣды ея и ея союзниковъ, но отъ этого Англіи будетъ не легче: она должна будетъ въ Европѣ и Азіи предоставить преобладаніе Россіи, а на Тихомъ и Индійскомъ океанахъ—Японіи. Неминуемымъ слѣдствіемъ явится новая война—Англіи противъ той и другой.

Но еще болѣе тревожный вопросъ: не простирается ли аналогія съ Пуническими войнами и далѣе, не есть ли это начало упадка современной европейской культуры? Симптомы обнаруживаются всюду. Международное право попорано (по Э. Мейеру,—благодаря Англіи). Война съ самаго начала велась съ невѣдомымъ въ XIX в. звѣрствомъ (вслѣдствіе «травли противъ нѣмцевъ», какъ думаетъ Э. Мейеръ). Мечты о вѣчномъ мирѣ и международномъ посредничествѣ похоронены. вмѣсто вѣчнаго мира наступитъ рядъ долгихъ кровавыхъ войнъ. Господствующимъ моментомъ явится непримиримая ненависть между Германіей и Англіей, ибо «мы, нѣмцы, никогда не забудемъ, что причинила намъ Англія». Эра мирнаго соперничества народовъ, интернаціональности погребена и не вернется. Усилятся національныя стремленія, вооруженная борьба народовъ. По мнѣнію Э. Мейера, нѣмцы до сихъ поръ проявляли еще мало націонализма. Теперь, грозитъ онъ, будетъ не то: «теперь покрывало спало съ нашихъ глазъ; нападеніе явныхъ враговъ, а еще болѣе поведеніе нейтральныхъ показало намъ, что мы жили въ мірѣ иллюзій и несбыточными мечтами». Впредь нѣмцы не обинуясь будутъ имѣть въ виду интересы только своей націи.

Каковы послѣдствія такого подъема національныхъ противоположностей для культуры—ясно. Наука и искусство пострадаютъ самымъ тяжкимъ образомъ. Созданныя для нихъ международныя организаціи не возстановятся: пропасть, здѣсь разверзшуюся, нельзя заполнить. А какъ возмѣстить тѣ жертвы, которыя война вырвала изъ рядовъ молодыхъ ученыхъ и людей

съ большимъ именемъ?.. И въ тяжкомъ раздумѣ смотритъ Э. Мейеръ на будущее духовной жизни...

Онъ отмѣчаетъ еще одинъ чрезвычайно важный моментъ, какъ параллель съ исторіей древности,—эмансипацію Востока, его пробужденіе. До конца XIX стол. европейская цивилизація была увѣрена, что ей будетъ подвластенъ весь земной шаръ. Первымъ ударомъ для нея было возвышеніе Японіи. Въ перспективѣ—господство Японіи надъ Тихимъ и Индійскимъ океаномъ, безпрепятственное стремленіе къ гегемоніи надъ Китаемъ, война Японіи съ одной стороны съ Америкой, съ другой—съ Англіей и Австраліей. Движеніе охватываетъ Индію. Но главное—подъемъ ислама. Если мусульманское движеніе одержитъ побѣду, наступитъ новая эпоха всемірной исторіи не для одной только Передней Азіи и Египта... Вкратцѣ Э. Мейеръ указываетъ и на опасности для европейской культуры въ Африкѣ.

Таковы послѣдствія, если побѣдитъ Германія. Въ противномъ случаѣ результаты, по Э. Мейеру, еще хуже: если побѣдятъ Англія и ея союзники, Европа и Азія будутъ отданы подъ господство Россіи, а русскій народъ, говоритъ Э. Мейеръ, не принадлежитъ къ европейскому культурному міру.

Какое бы ни былъ исходъ войны, она, по признанію Э. Мейера, принесла неизмѣримыя потери въ культурныхъ цѣнностяхъ и то, что принесла она добраго для нѣмцевъ, не можетъ перевѣсить всѣхъ золъ...

Мрачно смотритъ на будущее Э. Мейеръ даже въ случаѣ побѣды Германіи, знаменательный для *нѣмецкаго* историка пессимизмъ. Казалось бы, кто же главный виновникъ такихъ роковыхъ послѣдствій, какъ не Германія, съ ея непомерными притязаніями на міровую гегемонію, съ ея милитаризмомъ, съ ея культомъ силы и войны? И при видѣ тѣхъ мрачныхъ перспективъ, которыя раскрываются предъ умственнымъ взоромъ нѣмецкаго историка, казалось бы естественнѣе и послѣдовательнѣе всего съ его стороны призвать соотечественниковъ къ тому, чтобы одуматься, сознать прежнія заблужденія и раскаяться въ нихъ, пожалѣть, что исторія Германіи приняла такое направленіе, разочароваться въ благахъ милитаризма... Но Э. Мейеръ, какъ мы видѣли, защищаетъ германскій милитаризмъ, а всю вину за роковыя послѣдствія возлагаетъ на Англію.

В. Бузескуль.

III. Изъ иностранныхъ журналовъ.

1. Бумажный кризисъ при революціи.

Бумажный кризисъ, съ различной степенью остроты переживаемый въ настоящее время всѣми воюющими странами, имѣетъ историческіе прецеденты. При первой республикѣ во Франціи бумажный голодъ принималъ даже болѣе острую форму и грозилъ обществу болѣе серьезными послѣдствіями, чѣмъ это наблюдается въ наши дни. Этому любопытному эпизоду изъ исторіи революціи посвящена въ одной изъ послѣднихъ книжекъ журнала *Correspondant* (№ отъ 25 мая 1916 г.) специальная статья проф. Маріона.

Въ отличіе отъ современнаго кризиса, вызываемаго, главнымъ образомъ, разстройствомъ производства и транспорта, бумажный кризисъ при первой республикѣ былъ вызванъ также колоссальнымъ ростомъ потребления, создавшимся въ результатъ небывалаго развитія періодической печати, усложненія канцелярскаго производства (дробленіе провинцій на департаменты, мелкіе коммунальные муниципалитеты, продажа національных имѣній, республиканская полиція, новые налоги, конскрипціи и т. д.), выпуска бумажныхъ денегъ ¹⁾ и пр.

Приближеніе кризиса ощущается уже весной 1792 г., когда одинъ изъ депутатовъ Заготовительнаго Собранія (*François de Nenchâteau*) настаиваетъ на принятіи предупредительныхъ мѣръ, въ видѣ обязательнаго распоряженія о сохраненіи населеніемъ стараго бѣлья, тряпокъ, бумаги и сокращеніи непроизводительнаго потребления бѣлья, каковымъ является, напр., «одѣваніе въ саванъ покойниковъ». Въ слѣдующемъ году жирондистскій министръ Клавьеръ разсылаетъ своимъ подчиненнымъ специальный циркуляръ, предлагающій имъ экономить бумагу, пользоваться ея худшими сортами и воздерживаться отъ употребленія конвертовъ. Зимой 1794 года подобныя же мысли развиваетъ въ письмѣ къ своему секретарю яacobинскій министръ Дестурнель. «Обязанность истиннаго республиканца», пишетъ онъ, «состоитъ въ предвидѣніи всего, что можетъ содѣйствовать общественному благу, хотя бы это требовало исключительной предусмотрительности и исключительныхъ трудовъ. Въ дополненіе къ тѣмъ мѣрамъ, которыя я уже рекомендовалъ тебѣ, укажу еще одну, внушенную мнѣ однимъ изъ моихъ подчиненныхъ и заслуживающую вниманія.

¹⁾ Номинальная стоимость выпущенныхъ ассигнацій достигла къ концу Республики 45 милліардовъ, при чемъ значительную долю ихъ составляли мелкіе билеты стоимостью отъ 5 франковъ до 10 су (50 сантимовъ) и на ряду съ хорошими деньгами циркулировала масса фальшивыхъ.

Она заключается въ слѣдующемъ: нужно произвести общую ревизію всѣхъ бумагъ, находящихся въ портфеляхъ всѣхъ канцелярій и вырвать всѣ имѣющіяся тамъ бѣлыя странички. Это дастъ намъ сразу большое количество бумаги, использование которой явится для правительства большой экономіей»...

Вопросомъ о недостаткѣ бумаги занимался и 2-ой Комитетъ Общественнаго Спасенія, и «Комиссія продовольствія и съѣстныхъ припасовъ» (Commission des subsistance et approvisionnement) Указъ 16-го фримера запрещалъ употребленіе въ канцеляріяхъ вдвое сложенныхъ листовъ и предписывалъ тщательное сохраненіе старыхъ конвертовъ, исписанной бумаги и разныхъ обрывковъ, а прокламація, расклеенная на улицахъ, предлагала эти мѣры вниманію всего населенія.

Приходилось поневолѣ сокращать количество канцелярій. Уничтоженіе дистрактовъ и сліяніе коммунъ въ кантоны, по Конституціи III-го года, въ значительной степени вызывалось необходимостью экономить бумагу, сокращать административную переписку. При Директоріи многія присутственныя мѣста закрывались за недостаткомъ письменныхъ принадлежностей, и даже неаккуратное поступленіе налоговъ объяснялось часто, въ донесеніяхъ администраціи, неимѣніемъ бумаги для составленія списковъ плательщиковъ, писаніе повѣстокъ и пр. Съ 1790 года до осени 1795 года цѣна бумаги учетверилась, упятерилась, мѣстами удесятилась и продолжала еще расти. Судя по сохранившимся отъ той эпохи распискамъ, стопа (game) писчей бумаги 29 термидора III-го года покупалась за 100 франковъ; 4-го брюмера IV-го года за такую же стопу платили уже 450 франковъ.

Курьезная подробность: такъ какъ цѣна штемпелеванной бумаги долгое время не измѣнялась—государство продавало ее безъ прибыли и даже въ убытокъ, то ее стали покупать для простой корреспонденціи, а лавочники—на обертку товаровъ. Только позднѣе администрація обратила вниманіе на свою оплошность и возстановила престижъ штемпелеванной бумаги, поднявши соотвѣтствующимъ образомъ ея цѣну.

Бумажный голодъ длился во Франціи въ теченіе всего республиканскаго періода и былъ, вмѣстѣ съ общимъ хозяйственнымъ кризисомъ, ликвидированъ лишь при Консульствѣ.

2. Арестъ Людовика XVI въ Вареннѣ.

Въ послѣдней книжкѣ «Револуціонныхъ Анналъ» (Annales Revolutionnaires). Mars-Avril. 1916) опубликованъ неизданный рассказъ очевидца и участника ареста Людовика XVI и его семейства въ Вареннѣ — письмо офицера Вареннской національной гвар-

діи Фушэ къ Вареннскому депутату Жоржу. Написанное 28 іюня (черезъ недѣлю послѣ событій) въ дополненіе къ официальному протоколу Вареннской коммуны, малограмотнымъ языкомъ ¹⁾ и безъ всякихъ претензій на литературность, оно полно бытовыхъ деталей, сообщающихъ ему большой историческій интересъ.

«Я не присутствовалъ при остановкѣ кареты», пишетъ Фушэ. «Меня разбудили крики и стукъ копытъ. Я схватилъ ружье и бросился къ улицѣ Птичьего Двора (Basse-Cour) гдѣ мнѣ и рассказали, что арестовано королевское семейство, и что его направляютъ къ г-ну Сосу (Sauce) ²⁾. Послышался звонъ колоколовъ и трескъ барабановъ. Сбѣжались многіе граждане. Національныхъ гвардейцевъ, считая офицеровъ, было не болѣе 25 человекъ, когда на улицѣ показалось 40 гусарь, пріѣхавшихъ будто бы конвоировать казенныя деньги. Вмѣстѣ съ ними появилось нѣсколько эмигрантовъ, лично мнѣ неизвѣстныхъ. Адъютантъ Де-Буйэ (De-Bouillé) спѣшилъ вмѣстѣ съ гусарами у стоянки (au quartier), а потомъ сейчасъ же снова сѣлъ со своимъ отрядомъ на лошадей и хотѣлъ окружить ворота г-на Соса, гдѣ находился король. Я громко закричалъ ему, чтобы онъ увелъ своихъ людей и очистилъ ворота, а то я буду стрѣлять. Онъ отвѣтилъ мнѣ, что готовъ подчиниться, и дѣйствительно послушался меня. Національные гвардейцы сходились очень медленно, и я чувствовалъ себя слишкомъ слабымъ, чтобы противостоятъ такой силѣ; я побѣжалъ за первой ротой у конца моста и просилъ офицеровъ притти мнѣ на помощь, послѣ чего разставилъ часовыхъ впереди и позади дома, гдѣ находилась семья короля и хладнокровно обдумалъ, что могло теперь произойти. Чтобы привлечь гусарь на свою сторону, я нѣсколько разъ заставилъ свой отрядъ кричать: «да здравствуетъ король! да здравствуютъ Лозенскіе (de Lausun) гусары!», но никто изъ нихъ намъ не отвѣтилъ. Черезъ четверть часа я повторилъ то же самое, но опять безъ всякаго успѣха. Опасность была очевидная, и я предвидѣлъ уже, что мы будемъ всѣ перерублены, и вотъ почему: если бы король захотѣлъ не-премѣнно уѣхать, у насъ не хватило бы силъ, чтобы ему помѣшать; одна команда съ его стороны заставила бы гусарь кинуться на насъ. Видя все это, я пошелъ къ пушкамъ, которыя стояли у верхнихъ воротъ, и попросилъ, чтобы ихъ спустили на площадь около Замковой церкви (Église du Château), и чтобы по двѣ поставили вверху и внизу улицы Птичьего Двора. Адъютантъ и гу-

¹⁾ Бывшій ефрейторъ (fourrier) одного изъ королевскихъ полковъ, Фушэ, какъ это видно изъ его письма, былъ человекомъ безъ образованія.

²⁾ Бакалейщикъ Сосъ—прокуроръ Вареннской коммуны, остановившій ночью королевскій экипажъ и потребовавшій у короля паспортъ.

сарскіе офицеры воспротивились ихъ провозу, но канониры прорвались силой, и пушки были поставлены тамъ, гдѣ я просилъ. Я думаю, что именно эта мѣра спасла Вареннъ. Потомъ я всталъ передъ своими гвардейцами и сказалъ имъ громкимъ голосомъ, что насталъ часъ отличиться и покрыть себя лаврами, или со славой умереть. При моихъ словахъ всѣ эти brave граждане, не успѣвшіе отдохнуть отъ дневного труда и мало привычныя къ оружію, воспламенились, какъ львы, крѣпко держа свои ружья и клянясь не разставаться съ ними, пока дѣло не повернется къ ихъ славѣ. Я тѣмъ временемъ велѣлъ открыть ворота, находившіяся позади нихъ противъ дома Соса, чтобы имъ было куда отступить, если пушкамъ придется стрѣлять, а кононирамъ приказалъ стрѣлять не раньше, какъ послѣ нашего перваго залпа. Эти распоряженія смутили нашихъ противниковъ. Гусарскіе офицеры и другіе эмигранты, которые все время были въ движеніи, исчезли всѣ, кромѣ адъютанта, который не терялъ головы. Онъ успѣлъ поставить позади кононировъ шестерыхъ гусаръ съ саблями наголо, чтобы изрубить ихъ, если они помѣшаютъ подойти подкрѣпленію, которое онъ ждалъ. Какъ только я это понялъ, я велѣлъ ихъ удалить, хотя нѣкоторые изъ нашихъ офицеровъ и говорили мнѣ, что разставлялъ ихъ тамъ не я, а адъютантъ. Я имъ отвѣчалъ, что ничьи приказанія не дѣйствительны теперь, за исключеніемъ приказаній муниципалитета и офицеровъ національной гвардіи. Адъютантъ нѣсколько разъ подѣзжалъ разговаривать со мной, убѣждая, что нужно пропустить короля, что, какъ мы свободны, такъ долженъ быть свободенъ и король, что черезъ двѣ недѣли онъ вернется въ нашу среду, и мы будемъ счастливѣе прежняго, что онъ ѣдетъ лишь въ Монмеди для осмотра лагеря, но я отвѣтилъ ему такъ, что онъ скоро понялъ, что мнѣніе его мы не склонны раздѣлять. Когда занимался день, король съ королевой и дѣтьми показался въ окнѣ и сказалъ, что уже свѣтло, и что онъ надѣется, что ему дадутъ возможность уѣхать. Я отвѣчалъ ему, что не такова воля народа. Вдругъ пришло извѣстіе, что отрядъ драгунъ стоитъ у города, но его не пропускаютъ. Адъютантъ закричалъ, чтобы драгунъ пропустили въ городъ, и самъ бросился было туда, но Г. Роланъ ³⁾, какъ brave гражданинъ, не пустил его и загородилъ ему дорогу штыкомъ, черезъ который тотъ старался прорваться, напирая лошадей и обнаживъ шашку. Г. Роланъ принужденъ былъ выстрѣлить въ него изъ пистолета и сшибъ его съ лошади на землю. Когда Позенскіе гусары увидѣли себя безъ офицеровъ, одинъ изъ нихъ спѣшилъ и подошелъ ко мнѣ, говоря,

³⁾ Rolan, командиръ Вареннской національной гвардіи.

что ихъ офицеры и унтеръ-офицеры покинули ихъ, и чтобы я назначилъ имъ командира изъ національныхъ гвардейцевъ. Я попросилъ господина Итама сѣсть на лошадь и принять команду надъ гусарами, что онъ и сдѣлалъ. Опасность для насъ миновала: Лозенцы были съ нами, и со всѣхъ сторонъ подходили національные гвардейцы. Въ этотъ моментъ я почувствовалъ, что Провидѣніе на нашей сторонѣ, тогда какъ съ тѣми силами, какія были у насъ вначалѣ, мы не могли бы съ ними справиться; рота гренадеровъ охраняла верхнія ворота, рота Копилляра¹⁾—нижнія, двѣ остальные находились у воротъ дома г. Соса. Вотъ тѣ детали, которыхъ я былъ очевидцемъ. Я удостовѣряю ихъ подлинность и готовъ привести въ доказательство свидѣтельство всѣхъ видѣвшихъ мои дѣйствія гражданъ».

Фушэ, офицеръ національной гвардіи:

3. Какъ началась франко-прусская война.

Во второй іюньской книжкѣ «Revue de deux Mondes» (15 іюня 1916 г.) появилось начало неизданной переписки Тьера въ части, касающейся событій 1870-го года. Письма хранились въ Национальной Библіотекѣ подъ условіемъ быть изданными не ранѣе десяти лѣтъ послѣ смерти ихъ владѣльца, Mademoiselle Dosne. Срокъ этотъ въ нынѣшнемъ году истекъ, и письма стали доступными публикѣ. Историческая цѣнность опубликованной части переписки весьма разнообразна, но самой интересной частью ея являются, несомнѣнно, два письма, написанныя Тьеромъ послѣ «историческаго засѣданія» Законодательнаго Корпуса 15 іюля, въ качествѣ аналогіи своего поведенія²⁾ въ глазахъ политическихъ друзей и потомства. Первое изъ нихъ адресовано Просперу Дювержье де-Ораннѣ (Duvergier De-Nauranne)³⁾, второе графу Де-Ремюза⁴⁾. Датированы письма 17 и 19 іюля, и оба, какъ соб-

¹⁾ Александръ Копилляръ, серебряникъ (orfèvre), членъ Совѣта Вареннской коммуны, одинъ изъ первыхъ воспротивился проѣзду королевскаго экипажа.

²⁾ Въ засѣданіи 15-го іюля Тьеръ выступилъ, какъ извѣстно, противникомъ воинственной политики правительства и былъ предметомъ бурной «раждабной» манифестаціи большинства Палаты. Ему кричали: «Измѣнникъ!» «Ступайте въ Берлинъ» и т. д.

³⁾ Авторъ извѣстныхъ въ свое время политическихъ трактатовъ, впоследствии членъ Французской Академіи Просперъ Дювержье Де-Ораннѣ, принималъ дѣятельное участіе въ политикѣ при іюльской монархіи и 2-ой Республикѣ и составилъ себѣ славу «политическаго спутника» (sotellite) Тьера.

⁴⁾ Графъ Франсуа-Мари-Шарль Де-Ремюза былъ, подобно Дювержье, дѣятельнымъ политическимъ сотрудникомъ Тьера до конца 2-й Республики. Декабрьскій переворотъ оставилъ его не у дѣлъ. При 3-й Республикѣ, во время президентства Тьера, онъ занималъ постъ сперва французскаго посланника въ Вѣнѣ, а вслѣдъ за тѣмъ—министра Иностранныхъ дѣлъ.

ственноручно отмѣтилъ на нихъ Тьеръ, остались непосланными. Не внося ничего существенно новаго въ давно извѣстныя обстоятельства возникновенія франко-прусской войны, они очень выпукло и краснорѣчиво рисуютъ намъ настроеніе политическихъ партій Франціи въ трагическій моментъ рѣшительнаго разрыва. Вотъ наиболѣе существенная часть обоихъ писемъ:

«Дорогой Дювержье», пишетъ Тьеръ своему первому корреспонденту, «я былъ чрезвычайно тронутъ вашимъ письмомъ и благодарю васъ отъ души. Въ переживаемыхъ нами тяжелыхъ обстоятельствахъ всякая поддержка—сочувствіе друзей цѣлой жизни. Temps воздалъ данное моему поведенію въ роковой день 15 іюля и, скажу вамъ откровенно, я заслужилъ его оцѣнку ¹⁾. За сорокъ лѣтъ моего участія въ законодательныхъ собраніяхъ мнѣ ни разу еще не приходилось вынести такой борьбы. Тѣ, кто присутствовалъ при этой катавасіи (*scène diabolique*) могутъ вамъ это подтвердить. Пришедши въ ярость, безумцы оскорбляли меня, грозили, но мое негодованіе передъ лицомъ совершающагося безумнаго преступленія было такъ велико, что такъ называемое «мужество» не стоило мнѣ ничего. Со времени Гогенцоллернскаго инцидента ²⁾ я началъ энергичнѣйшую кампанію въ цѣляхъ предупрежденія войны. Хотя ждать чего-нибудь путнаго, съ моей точки зрѣнія, отъ министерства мнѣ не приходилось, я издалъ его тѣмъ не менѣе въ виду предстоящихъ выборовъ. Когда подвинулась опасность войны, я былъ радъ, что не поступилъ иначе: въ моментъ политической важности моя тактика могла принести плоды. «Вы взяли слишкомъ высокій тонъ»,—говорилъ я имъ—«однако при стараніи можно поправить еще первоначальную фальшивую ноту. Пруссія показала себя неправой, и можно будетъ заставить ее поплатиться за это серьезно. Англія будетъ стараться предупредить войну, и всѣ будутъ въ этомъ случаѣ на ея сторонѣ; Пруссіи придется устранить своего кандидата. Это будетъ для нея серьезная непріятность, настоящій ударъ, которымъ намъ и нужно будетъ удовлетвориться. Если же вы пойдете дальше, на сцену выступитъ самолюбіе, и война сдѣлается, по моему, неизбежной. Какъ ни доблестна французская армія, война эта можетъ кончиться для насъ неудачей, и подобному риску подвергать себя не слѣдуетъ»....

¹⁾ Въ № отъ 17-го іюля, въ которомъ опубликованъ отчетъ объ «историческомъ засѣданіи» 15-го іюля, Temps посвятилъ выступленію Тьера восторженную статью, называлъ этотъ день «прекраснѣйшимъ днемъ въ жизни Тьера, какъ человѣка и какъ француза» и прославлялъ его «несокрушенную твердость и по истинѣ героическій патріотизмъ».

²⁾ Т.-е. со времени выставленія кандидатуры Гогенцоллерна на испанскій престолъ.

Разсказавъ затѣмъ, какъ по полученіи депеши испанскаго посланника, увѣдомлявшей о снятіи Гогенцоллерномъ кандидатуры, Олливье виѣ себя отъ радости» (*for de joie*) прибѣжалъ въ Палату, показывая депешу всѣмъ окружающимъ, Тьеръ продолжаетъ:

«Если бы депеша эта принята была за окончательный отвѣтъ, отъ этого не произошло бы никакого ущерба, но партія войны, т.-е. бонапартисты, не рассчитывая возстановить свои престижи иначе, какъ черезъ войну, подняли яростные крики, увидѣвъ, что ссора готова утихнуть. Во главѣ этой партіи стоялъ маршалъ Лебефъ, славный человѣкъ и превосходный солдатъ, но помѣшавшійся на честолюбіи и политикѣ, весьма легкомысленный. Бонапартисты сомкнулись вокругъ него, и яростные крики ихъ отразились на настроеніи Кабинета. Что касается императора, то трудно сказать, онъ ли тащилъ за собой бонапартистовъ, или бонапартисты увлекали его. Какъ бы то ни было, пацифисты, обладавшіе большинствомъ и имѣвшіе во главѣ себя Олливье¹⁾, дали себя запугать: было рѣшено, «съ цѣлью унижить прусскаго короля» (такъ и говорили) потребовать отъ него личнаго обязательства. Я видѣлся съ министрами послѣ этого злосчастнаго засѣданія (если не ошибаюсь оно происходило во вторникъ 12-го), и сказалъ имъ, что они совершили большую ошибку, не объявивъ себя удовлетворенными, и что война снова становится вѣроятной. Они каялись всѣми богами, что будутъ благоразумны и не пойдутъ въ своихъ требованіяхъ слишкомъ далеко. Я повелъ тѣмъ временемъ цѣлую кампанію среди депутатовъ центра. Не менѣе ста изъ нихъ заявили мнѣ, что готовы итти за мной подъ лозунгомъ мира. Многіе прямо заявляли мнѣ: берите власть; мы, двѣсти человѣкъ, поддержимъ васъ; невозможно, чтобы власть оставалась въ такихъ рукахъ. Вы догадываетесь, что я отвѣтилъ имъ, продолжая, конечно, настаивать, чтобы требованіе сохраненія мира было положено во главу угла. Я не встрѣтилъ на это никакихъ возраженій, развѣ со стороны бонапартистовъ, съ которыми я, впрочемъ, почти не встрѣчался. Въ среду 13-го было рѣшено перенести окончательное объясненіе на пятницу 15-го. Я снова нѣсколько разъ встрѣчался съ министрами, и многіе изъ нихъ въ личномъ разговорѣ заявили мнѣ, что скорѣе уйдутъ въ отставку, чѣмъ согласятся принять на себя отвѣтственность за войну... Въ пятницу положеніе измѣнилось. Кабинетъ находился наканунѣ распада, когда необъяснимая ошибка прусскаго короля

¹⁾ Эмиль Олливье, премьеръ-министръ «либеральной имперіи», обезсмертившій себя въ засѣданіи 15 іюля фразой: «Мы съ легкимъ сердцемъ начинаемъ эту войну».

открыла дорогу для великаго рода гнусностей. Король еще раньше уполномочилъ своихъ министровъ заявить, что отказъ Гогенцоллерна отъ кандидатуры извѣстенъ имъ и ими одобряется. Этого было, разумѣется, совершенно достаточно. Но наши захотѣли отъ него личнаго обязательства, на что онъ отвѣтилъ отказомъ, уступая крикамъ арміи и берлинскихъ бюргеровъ; бюргеры были вначалѣ за насъ, но потомъ измѣнили свои симпатіи подъ впечатлѣніемъ нашего отношенія къ сдѣланной королемъ уступкѣ. Король заявилъ, что новыхъ уступокъ съ его стороны не будетъ, а когда г. Бенедетти ¹⁾ имѣлъ неловкость подойти къ нему на прогулкѣ, отказался съ нимъ разговаривать. Это было не оскорбленіе, о которомъ говорили, а неосторожность, могшая повернуться плохо. Хорошіе граждане постарались бы уладить дѣло, обратившись за посредничествомъ къ Англіи, и спасли бы такимъ образомъ миръ, но господа министры увидѣли въ этомъ средство, не слишкомъ позоря себя, помириться со сторонниками войны, и тѣмъ укрѣпить свое положеніе въ кабинетѣ, изъ котораго имъ скоро пришлось бы уйти. Въ пятницу 15-го они выступили со своимъ безумнымъ заявленіемъ о войнѣ. Когда въ атмосферѣ несмѣтнаго смятенія манифестъ былъ прочтенъ, какое-то оцѣпенѣніе овладѣло палатой. Группы центра, подобно министрамъ, ухватились за войну, какъ за средство удержать за собою власть, и вотъ министры изъ желанія остаться министрами, министріалами—министріалами бросили въ страшную войну страну и миръ..... Даже лѣвая, при всемъ своемъ мужествѣ, была поражена и не двинулась, когда я поднялся, схваченный порывомъ, сдержанъ который я не былъ въ силахъ. Тогда-то вся ярость и неистовство бонапартистовъ излилась на меня. Достаточно прочесть *Moniteur*, чтобы составить себѣ представленіе объ этой сценѣ....! Прощайте, дорогой мой другъ; сохраните это письмо для васъ и для вашихъ дѣтей, и, если въ будущемъ оно станетъ извѣстнымъ, потомки узнаютъ изъ него, какимъ образомъ была объявлена эта безобразная (*odieuse*) война».....

Не слѣдуетъ, однако, думать, что Тьеръ вообще былъ противникъ войны и не мечталъ, подобно другимъ своимъ соотечественникамъ, о «реваншѣ за Содовую». Чго дѣло обстояло не такъ, въ этомъ лучше всего убѣдить насъ слѣдующій отрывокъ изъ второго письма:

«Дорогой другъ»; пишетъ онъ Ремюза, «вы совершенно правы—причины этой войны самыя жалкія. Съ реваншемъ противъ Пруссіи, чтобы осуществить его въ благоприятныхъ условіяхъ, слѣдовало подождать. Такъ какъ Пруссія не могла продолжать своего

¹⁾ Французскій посланникъ въ Берлинѣ.

съ такимъ шумомъ начатаго дѣла ¹⁾, не накладывая руку на южныя государства Германіи, то этого-то и слѣдовало дожидаться: тогда мы имѣли бы за себя половину Германіи, Австрію, которая не могла бы остаться пассивной, и Англію, которая не потерпѣла бы со стороны Пруссіи новыхъ узурпацій, и если бы не вступила въ открытый съ нами союзъ, то во всякомъ случаѣ осталась бы нейтральной и сочувствующей намъ державой, достаточно сильной, чтобы удержать Россію. Вотъ когда насталъ бы моментъ для нашего выступленія, а пока слѣдовало улаживать возникавшіе инциденты, чтобы въ случаѣ, если бы разрывъ оказался неизбежнымъ, вина за него падала бы не на насъ. Пруссія была неправа, выдвинувъ кандидатуру Гогенцоллерна, но когда она исправила свою неправоту, устранивъ своего кандидата, виновной стороной оказываемся мы, и тѣмъ самымъ рискуемъ имѣть противъ себя всю Германію, при рѣшительномъ нейтралитетѣ Австріи и раздраженномъ настроеніи Англіи. Все это я изложилъ и министрамъ. Они какъ будто согласились со мной, и дѣйствительно раздѣляли мое мнѣніе, но ихъ запугали бонапартисты, рассчитывавшіе путемъ удачной войны возстановить свою власть и вернуть Имперіи ея престижъ. Министры чувствовали, что продолженіе политики мира, неизбежно влечетъ за собой правительственный кризисъ, и поспѣшили использовать желчную выходку (*mouvement d'humeur*) прусскаго короля, игнорируя послѣдовавшія за ней объясненія. Инцидентъ былъ раздутъ: война предпочтена отставкѣ. Что касается палаты, то ея настроеніе было миролюбиво. Многіе депутаты умоляли меня вступить за миръ. Но и они испугались бонапартистскихъ криковъ и отправили французовъ на бойню, какъ трусы конвента отправляли честныхъ людей на гильотину»....

Однимъ изъ главныхъ условий удачной войны Тьеръ считалъ, какъ мы видимъ, моральный престижъ защищающагося: чтобы навѣрное разгромить Пруссію, слѣдовало дожидаться момента, когда она поставитъ себя въ глазахъ Европы въ положеніе нападающаго. Бисмаркъ вполне раздѣлялъ эти взгляды, и, будучи у власти, на практикѣ осуществилъ ту политику, о которой Тьеру, бывшему въ оппозиціи, приходилось только мечтать.

4. Нѣсколько страницъ изъ жизни Жореса.

Вышедшая недавно небольшая книжка Леви-Брюля о Жоресѣ ²⁾ представляетъ собою перепечатку изъ «Ежегодника Высшей Нормальной Школы» и написана, главнымъ образомъ, для

¹⁾ т. е. дѣла объединенія Германіи.

²⁾ *L. Lévy-Bruhl. Quelques pages sur Jean Jaurès. Paris. 1916. Стр. 1.—85).*

его бывшихъ товарищей по школѣ съ цѣлью «обновить въ ихъ памяти истинный образъ Жореса, какимъ они знали и любили его при жизни»; авторъ хотѣлъ «набросать портретъ, вѣрнѣе—рядъ карандашныхъ изображеній Жореса въ различные періоды его жизни», имѣя, конечно, въ виду и интересы его будущаго біографа. При чтеніи книжки передъ нами дѣйствительно проходить рядъ очень живыхъ и полныхъ симпатіи «карандашныхъ рисунковъ».

Вотъ Жоресъ—ребенокъ, окруженный заботами отца,—человѣка «недюжинной физической силы», очень умнаго, но безпечнаго и не умѣющаго вести свои дѣла,—и матери, серьезной и вѣрующей женщины, добраго генія дома.

Кастръ (Castres)—небольшой промышленный городокъ Лангедока съ немного мрачнымъ и суровымъ для юга пейзажемъ. Природа эта оставила на душѣ Жореса неизгладимый слѣдъ: «людямъ, интимно знавшимъ его, хорошо знакома черточка меланхолии въ характерѣ этого дѣятельнаго оптимиста; она проявлялась только слегка: суровый фонъ его души покрывался природной веселостью и жизненной бодростью духа»...

Вотъ Жоресъ—гимназистъ. Семья живетъ въ пяти километрахъ отъ города. Каждое утро Жакъ отправляется съ братомъ въ колледжъ и вечеромъ идетъ черезъ лѣсъ обратно. Онъ въ восторгѣ отъ этихъ прогулокъ—подолгу любитъ небомъ, слушаетъ шумъ ручья... Но еще больше онъ любитъ болтать съ крестьянами. Въ свободные отъ уроковъ часы онъ работаетъ съ ними въ полѣ—серьезно, не для игры—нагружаетъ сѣномъ воза, правитъ плугомъ, таскаетъ на спинѣ тяжелыя корзины съ виноградомъ.

...Позднѣе воображеніе окружало его деревенской природой въ самомъ центрѣ Парижа...

Въ Парижъ онъ попадаетъ лицеистомъ (старшихъ классовъ) и студентомъ Нормальной Школы. Южный типъ, деревенская мѣшковатость и исключительная легкость въ работѣ—вотъ, что прежде всего поразило въ немъ его новыхъ товарищей. Онъ не похожъ на другихъ учениковъ—не любитъ подолгу корпѣть надъ уроками, охотно спитъ даже днемъ, а дни, свободные отъ занятій, непременно проводить на воздухѣ. Въ классѣ онъ смущаетъ старыхъ профессоровъ неожиданными вопросами и нарушаетъ привычную дисциплину «непреоборимой потребностью движенія и громкими раскатами добродушнаго смѣха»... Цѣны денегъ онъ не знаетъ, и «счастливъ, какъ король, имѣя въ карманѣ су». Случается, что у него нѣтъ денегъ на конку, но когда деньги есть, онъ тратитъ ихъ, не считая. Считать ихъ онъ кстати и не умѣетъ—

въ самомъ прямомъ смыслѣ этого слова: онъ путается при самомъ несложномъ денежномъ счетѣ...

Презрѣніе Жореса къ виѣшней элегантности служило предметомъ постоянныхъ шутокъ: «шляпа Жореса» была воспѣта въ популярной въ свое время студенческой пѣснѣ. Но Жореса уважаютъ и насмѣшливые товарищи: «Мы преклонялись», пишетъ его интимнѣйшій школьный другъ проф. Морію (Morillot), «передъ этой наивностью, этой по истинѣ дѣтской сердечной чистотой»...

Лѣтомъ Жоресь ѣдетъ въ свой Кастръ и всей душой отдается деревенскому отдыху. «Сегодня, пишетъ онъ въ августѣ 1880-го г. школьному другу, я обошелъ всѣ рестораны и рынки Кастра, продавая нашъ маленькій урожай овса. Покупатели пускались въ длинные разговоры и хитрости, но я рѣзко обрывалъ ихъ словами: «Ругать мой овесъ вы можете сколько угодно; я въ этомъ дѣлѣ все равно ничего не понимаю, но вотъ вамъ моя цѣна», и мнѣ давали мою цѣну, правда весьма невысокую».

Вотъ Жоресь—профессоръ философіи въ лицѣ Альби. Онъ любитъ свое дѣло, цѣня въ немъ «великолѣпную подготовительную школу»... Но его влечетъ уже къ истинному призванію—къ политикѣ: «Между мной и политикой,—пишетъ онъ въ 1882 году тому же товарищу,—стоитъ толпа философскихъ тайнъ. Слѣдуя примѣру другихъ, я наивно стараюсь проникнуть въ нее. Думаю, что года въ четыре мнѣ удастся справиться съ этимъ дѣломъ (Рѣчь идетъ о докторской диссертации. И. Х.). Политика только отсрочена: доберусь до глубинъ вселенной, а тамъ придется вернуться на поверхность жизни—запутанную и бурную». «Жакъ идетъ къ политикѣ, какъ утенокъ къ водѣ», говоритъ про него его дядя, утѣшая кузину, огорченную, что ея Жакъ бросаетъ ученую карьеру...

Соціализмъ Жореса (онъ примыкаетъ къ соціализму въ срединѣ 90-хъ годовъ) по преимуществу этический: его увлекаетъ «высшая радость вести людей къ полнотѣ человѣчности». Почему, вопрошаетъ Жоресь, высшая духовная жизнь доступна только немногимъ? Почему огромныя массы людей устранены отъ нея? Какъ Толстой, онъ «не можетъ наслаждаться Бетховенской музыкой, пока красота ея составляетъ привилегію избранниковъ». Его идеаль—«человѣчество, превращенное въ избранниковъ» (*faire une élite de l'humanité toute entière*); его соціализмъ—«цивилизация, осуществленная въ средѣ свободныхъ людей», «какъ если бы судный цвѣтокъ древней Греціи выросъ не на болотѣ рабства, а явился продуктомъ человѣчества въ его цѣломъ»... Жоресь—соціалистъ, потому что «господство класса есть посяга-

тельство на человѣчество», потому что «быть социалистомъ составляетъ для человѣка простой долгъ справедливости».

Инстинктъ справедливости, вмѣстѣ съ любовью къ природѣ, отличавшіе Жореса съ дѣтства, придавали его духовнымъ переживаніемъ религіозный оттѣнокъ. Его докторская диссертация пересыпана настоящими гимнами свѣту дневному и ночи, землѣ и далекимъ звѣздамъ. Отъ социалистическаго будущаго человѣчества онъ ждалъ «великаго возрожденія религіи». Старыя религіи исчезнутъ, но религіозное чувство въ человѣкѣ неискоренимо.

Если бы Жоресь оказался у власти, онъ отвѣчалъ бы идеалу Платона: философъ, управляющій государствомъ. Онъ не понималъ политики безъ идеала. «Каковъ вашъ идеалъ», наступалъ онъ на Жюля Ферри незадолго до его ухода отъ власти: «въ какую сторону идетъ, по вашему мнѣнію, развитіе человѣчества? Куда вы хотите его вести?»—«Оставимъ это, отвѣчалъ Ферри: «правительство не обязано быть трубою для будущаго».—«Но не простой же вы теорикъ», не унимался Жоресь: «есть у васъ общая концепція человѣческой исторіи и міра? Какова ваша цѣль?»...

Жоресь унесъ въ могилу цѣлую массу задуманныхъ трудовъ. «Новая армія» была первымъ и единственнымъ неконченнымъ трудомъ этой серіи. За ней должны были итти «Новая дипломатія», «Децентрализація», «Однопалатная система» и другіе вопросы современной политики, а за ними основные вопросы будущаго—организация и проблемы социализма. Особенно занимала его идея «единства человѣческаго рода въ прошломъ и будущемъ», «грядущаго сотрудничества народовъ», и «провиденціальности, присущей исторіи человѣчества».... Книги свои онъ мечталъ написать въ тишинѣ Альбы, вдали отъ тревогъ политической жизни... Смерть прервала работу его безлокойнаго и творческаго ума...

И. Херасковъ.

Критика и библіографія.

Письма А. П. Чехова, подъ ред. М. П. Чеховой. Т. VI (1900—1904). Съ иллюстраціями. Кн-во писателей въ М. Стр. X+429. Ц. 2 р. 25 к.

Въ заключительномъ томѣ писемъ А. П. Чехова меньше блеска, живой игры ума, сверкающаго юмора, чѣмъ въ предыдущихъ томахъ, особенно во II и III,—таково общее впечатлѣніе отъ этого тома при сопоставленіи его съ другими. И причина тому, повидимому, не столько въ самой болѣзни Чехова, неуклонно истощавшей его силы, сколько въ обусловленныхъ ею переменѣхъ въ строѣ жизни покойнаго художника. «Я живъ, почти здоровъ,—пишетъ А. П. изъ Ялты Соболевскому въ январѣ 1900 г.—Бываю боленъ, но не надолго, и въ эту зиму меня ни разу не укладывали въ постель, а болѣлъ я нахожу. Работалъ больше, чѣмъ въ прошломъ году, и скучалъ больше. Безъ Россіи не хорошо, не хорошо во всѣхъ смыслахъ. Живешь тутъ, точно сидишь въ Стрѣльнѣ, и всѣ эти вѣчнозеленыя растенія, кажется, сдѣланы изъ жести, и никакой отъ нихъ радости. И не видишь ничего интереснаго, такъ какъ нѣтъ вкуса къ мѣстной жизни». Художественное творчество Чехова вполне согласно и съ данными, черпаемыми изъ его писемъ, свидѣтельствуетъ о глубокомъ интересѣ Чехова къ тому, что являлось одновременно и характернымъ и близко съ дѣтства ему знакомымъ. Такъ, религіозно индифферентный, по собственному его признанію, онъ до конца дней своихъ любилъ бытовую сторону религіозной обрядности, вообще любилъ быть, и когда болѣзнь перекинула его въ совершенно иного характера укладъ окружающей жизни, онъ не могъ не тосковать и не томиться. «Я оторванъ отъ почвы,—пишетъ онъ О. Л. Книпперъ,—не живу полной жизнью, не пью, хотя люблю выпить; я люблю шумъ и не слышу его, однимъ словомъ, я переживаю теперь состояніе пересаженнаго дерева, которое находится въ колебаніи: приняться ему или начать сохнуть?»

Съ грустью надобно сознаться, что «колебаніе» разрѣшилось именно въ сторону усыханія. До какой степени глубокое и опредѣленно отрицательное вліяніе оказывала эта переменна обстановка на состояніе духа Чехова можно судить хотя бы по тому, что даже писательская работа казалась ему порою лишенною смысла. Жалуюсь на то, что «Трехъ сестеръ» писать очень трудно,

труднѣе, чѣмъ прежнія пьесы», Чеховъ затѣмъ поясняетъ: «Въ Ялтѣ, кстати сказать, писать очень трудно; и мѣшаютъ, да и все кажется, что писать не для чего, и то, что написалъ вчера, не нравится сегодня».

Чеховъ сжимался, сжимался духовно, живя все время въ чуждой обстановкѣ, словно въ гостяхъ. Онъ прекрасно признавалъ это. Въ замѣчательномъ письмѣ къ Горькому, гдѣ онъ совѣтуетъ послѣднему жить свободно, вольно, сильнымъ размахомъ,—въ одномъ изъ немногихъ писемъ въ книгѣ, напоминающихъ и по стилю и по тону прежняго, кипящаго жизнью Чехова—мы читаемъ: «Вы человѣкъ молодой, сильный, выносливый, я бы на Вашемъ мѣстѣ въ Индію укатилъ, чертъ знаетъ куда, я бы еще два факультета прошелъ. Я бы, да я бы—Вы смѣетесь, а мнѣ такъ обидно, что мнѣ уже 40, что у меня одышка и всякая дрянь, мѣшающая жить свободно».

Переменная настроенія сказала и переменной въ тонѣ и характерѣ писемъ. Всего нагляднѣе это проявилось, какъ выше указано, въ исчезновеніи блестящихъ искръ и вспышекъ чеховскаго остроумія, насыщавшихъ прежнія письма. Если исключить серію писемъ къ О. Л. Книпперъ, то въ остальныхъ чеховскій смѣхъ и веселье окажется лишь изрѣдка и случайно оброненнымъ. Такъ, незадолго до кончины, онъ съ неподобной и беспощадной мѣткостью охарактеризовалъ горьковскаго «Человѣка», открывшаго, по счастью, кратковременную, полосу разсудочнаго творчества этого писателя: «Сегодня читалъ «Сборникъ», изд. «Знанія», между прочимъ, горьковскаго «Человѣка», очень напомнившего мнѣ проповѣдь молодого попа, безбородаго, говорящаго басомъ, на о». Но такія строки, повторяю, встрѣчаются лишь, какъ исключеніе. Правда, немало остротъ разсѣяно въ письмахъ къ О. Л. Книпперъ, но надо имѣть мужество признаться, что онѣ несвободны отъ привкуса нарочитаго старанія,—это не прежнее свободное и быющее черезъ край кипѣнье живого юмора, это не прежнее остроуміе отъ избытка веселья и живости...

Не столь наглядно, но, быть можетъ, еще болѣе характерно проявилось это сжиманіе чеховской души въ общемъ господствующемъ характерѣ содержанія писемъ VI тома. Въ то время, какъ въ предыдущихъ письмахъ Чеховъ безпрестанно дѣлится съ адресатами своими мыслями, впечатлѣніями, волненіями по тому или иному поводу, даваемому окружающей жизнью, въ послѣднемъ томѣ мы находимъ отклики почти преимущественно на факты и событія личной и семейной жизни. Россія приближалась къ 1905 году, воевала съ Японіей; конечно, Чеховъ глубоко интересовался событіями той эпохи. «Мы всѣ,—пишетъ онъ въ

Мартъ 1904 г.,—интересуемся пока одной только войной и думаемъ только о ней. Я выписалъ даже «Правительственный Вѣстникъ». «Если буду здоровъ—пишетъ онъ уже почти на краю могилы,—то въ іюлѣ или августѣ поѣду на Дальній Востокъ не корреспондентомъ, а врачомъ. Мнѣ кажется, врачъ увидитъ больше, чѣмъ корреспондентъ».

Однако, этому интересу къ событіямъ совсѣмъ не соотвѣтствуетъ количество откликовъ на нихъ въ письмахъ. Точно ушла отъ Чехова потребность дѣлиться съ кѣмъ бы то ни было тѣмъ, что онъ внутри переживалъ. Письма почти сплошь носятъ характеръ дѣловой, порой это отчеты объ исполненныхъ порученіяхъ или разнаго рода совѣты, или порученія, даваемые роднымъ, или свѣдѣнія о здоровьѣ своемъ или близкихъ и т. п.

Однако, ошибется тотъ, кто сочтетъ, на основаніи отмѣченной перемѣны, VI т. писемъ Чехова менѣе нужнымъ, важнымъ или интереснымъ, чѣмъ всѣ предыдущіе. Значеніе и интересъ чеховскихъ писемъ обусловлены, конечно, не одной лишь яркостью ихъ юмора. Для того читателя, который ищетъ не одной лишь занимательности въ этихъ письмахъ, несравненно важнѣе то другое, что они даютъ: картину роста и вообще измѣненій поразительно своеобразной и захватывающе-интересной личности Чехова. Съ этой точки зрѣнія интересъ къ тому или иному опредѣленному характеру писемъ той или иной полосы жизни покойнаго писателя отступаетъ на второй планъ, занимаетъ подчиненное положеніе по отношенію къ тому интересу, который возбуждаетъ у насъ общая и полная картина чеховской души.

Послѣднюю только предстоитъ изучать да изучать—и по произведеніямъ писателя, и по замѣчательнымъ письмамъ его. Дѣло это почти еще не начато: то, что въ этомъ отношеніи сдѣлано—за рѣдкими исключеніями представляетъ малоцѣнный матеріалъ. Это звучитъ, какъ парадоксъ, но Чехову не повезло на изслѣдователей. Въ силу сцѣпленія ряда обстоятельствъ онъ былъ какъ-то канонизированъ тотчасъ послѣ смерти; о немъ стали писать не иначе, какъ въ духѣ какого-то институтскаго обожанія, въ духѣ той банальной и чувствительной лирики, которая такъ чужда и непріятна была всегда Чехову. Кажется, ни къ кому изъ русскихъ крупныхъ писателей такъ часто не прикладываютъ шаблона, никого такъ не окуриваютъ розовымъ виміамомъ, какъ это случилось съ Чеховымъ.

Все это предстоитъ разрушить почти начисто, и Чеховъ отъ этого во всѣхъ отношеніяхъ выиграетъ: прежде всего замѣтятъ, наконецъ, что не съ неба упала къ нему его сила духа, но что шагъ за шагомъ она была завоевана. Увидятъ тотъ путь ошибокъ,

промаховъ, борьбы, сомнѣній, которымъ достойно шелъ Чеховъ вплоть до могилы,—совсѣмъ не то, что изображаютъ мемуаристы. Увидать эту смѣсь поразительной прозорливости и мѣткости—съ дѣтски наивнымъ невѣдѣньемъ того, что ясно было современникамъ Чехова изъ числа самыхъ простыхъ смертныхъ. Если Чеховъ въ одномъ случаѣ пишетъ: «Новое Время» поднять нельзя, оно умретъ вмѣстѣ съ А. С. Суворинымъ. Думать о поднятіи нововременской репутаціи значитъ не имѣть понятія о русскомъ обществѣ»,—а въ другомъ: «всѣ чувствуютъ себя бодро, настроеніе приподнятое, и если будетъ то же самое и завтра, и черезъ недѣлю, и черезъ мѣсяцъ, то японцамъ не сдобровать»,—если сопоставить эти двѣ цитаты, то какъ же не видѣть, что передъ нами случай феноменальной разности общественнаго зрѣнія Чехова, что въ одномъ случаѣ онъ провидѣлъ лѣтъ на 15 впередъ, а въ другомъ буквально былъ слѣпъ на то, что происходило вокругъ него.

И эти колебанія общественнаго чутія, конечно, были не случайны, ихъ надо проанализировать въ рядѣ фактовъ, надо найти имъ общее объясненіе. Только закрывая глаза на факты, можно продолжать твердить о непогрѣшимости чеховскихъ сужденій, о близорукости и доктринерствѣ покойнаго Н. К. Михайловскаго, укорявшаго Чехова за его равнодушіе къ общественности, и т. д. ¹⁾

Такимъ образомъ ясно, что и VI томъ писемъ столь же необходимъ для познанія Чехова, какъ и другіе. А затѣмъ, если даже говорить объ интересномъ чтеніи безотносительно къ изученію Чехова, то читатель найдетъ здѣсь много прекрасныхъ страницъ, мѣткихъ характеристикъ, замѣчаній, мыслей. Артисты Художественнаго театра, писатели-современники Чехова, общественные дѣятели проходятъ передъ читателемъ въ образахъ, схваченныхъ порою двумя-тремя штрихами. Множество иллюстрацій дополняютъ впечатлѣнія читателя.

Теперь, когда изданіе переписки покойнаго художника закончено, русское общество можетъ съ благодарностью оцѣнить тщательность, чуткое вниманіе и умѣлость, характеризующія его выполненіе. М. П. Чехова разрѣшила съ честью отвѣтственную задачу, принятую на себя—большое спасибо ей за это.

А. Дерманъ.

Сергій Бертенсонъ. Дѣдъ русской сцены. О жизни и дѣятельности Ив. Ив. Сосницкаго. Петроградъ. 1916 г.

«Сценическое искусство есть искусство неблагодарное, потому что оно живетъ только въ минуту творчества и, могуще-

¹⁾ Не такъ давно г. Клестовъ въ «Совр. Міръ», въ дѣльной и строго фактической статьѣ, освѣтилъ этотъ вопросъ, показавъ, какъ Чеховъ постепенно приходилъ къ признанію взглядовъ Михайловскаго на нѣкоторые вопросы жизни.

ственно дѣйствуя на душу въ настоящемъ, оно неуловимо въ прошедшемъ». Слова Бѣлинскаго еще разъ оправдались относительно Ивана Ивановича Сосницкаго, образъ котораго не могъ ожить послѣ того, какъ потухла рампа и опустился желѣзный занавѣсъ смерти, навсегда скрывшій отъ насъ творчество «дѣда русской сцены», несмотря на то, что авторъ разбираемой книги «попытался дать возможно полный очеркъ того, что извѣстно о немъ» (стр. 6). Правда, излѣдователямъ прошлаго отечественнаго театра приходится часто расчищать дорогу въ дремучемъ лѣсу, такъ какъ и матеріалы не собраны и приемы изслѣдованія, «неуловимаго въ прошломъ» искусства не установлены, но все-таки надо было попытаться угадать, на основаніи отзывовъ и критики воспоминаній современниковъ, сценическую тайну актера, имя котораго пользовалось громаднымъ уваженіемъ и при жизни его и повторялось съ уваженіемъ потомками, при чемъ нѣкоторые біографы (Д. К-въ. И. И. Сосницкій. Ежегодникъ Имп. театровъ 1892—93 г. стр. 411) даже считали, что оно имѣетъ право на безсмертіе, но самъ г. Бертенсонъ сознаетъ, что онъ «не написалъ исчерпывающей біографіи и характеристики артиста» (стр. 6) и не выяснилъ тѣхъ вопросовъ (они лишь попутно затронуты), которые тѣсно связаны съ именемъ Сосницкаго, значеніе котораго въ исторіи русскаго театра было велико и какъ одного изъ піонеровъ реализма, и какъ учителя цѣлаго ряда крупнѣйшихъ именъ, среди которыхъ, напр., была В. Н. Асенкова. Рѣшеніе этихъ вопросовъ несомнѣнно стояло на очереди, такъ какъ біографіи Ив. Ив. Сосницкаго у насъ имѣлось уже достаточно, матеріаловъ къ возстановленію его художественной личности накопилось большое количество, и уже возможно было приступить къ систематизированію ихъ. Авторъ этого не сдѣлалъ и ограничился лишь довольно подробной ¹⁾ біографіей, въ которой попутно, хронологически даются отзывы критиковъ, свидѣтельства современниковъ и т. д., которые могли бы быть выдѣлены, и тогда получилась бы несомнѣнно болѣе убѣдительная картина (напр., о преподавательской дѣятельности, стр. 81, 121, 149, или, напр., о роли Городничаго стр. 83, 97, 115 и мн. др.). И перечень отзывовъ въ критикѣ въ хронологическомъ порядкѣ можетъ вызвать даже недоумѣніе читателя передъ выводомъ автора, который говоритъ (стр. 174), что «Сосницкій, какъ артистъ, представлялъ собою явленіе выдающееся и исключительное». Въ самомъ дѣлѣ, изъ художественнаго репертуара лишь роль Репетилова (стр. 69, 129), вызвала единодушный во-

¹⁾ Есть все-таки пропуски, напр., цѣлаго ряда ролей, сыгранныхъ Сосницкимъ. Кстати, необыкновенно желательно имѣть хронологическій списокъ всѣхъ ролей въ біографіи сценическаго дѣятеля.

сторгъ критиковъ, да «въ отзывахъ объ игрѣ Сосницкаго сошлись и хулители и поклонники Гоголя»—въ роли Городничаго (стр. 83), хотя дальше (стр. 96) приводится отзывъ Межевича, который сравниваетъ его со Щепкинымъ не въ пользу перваго, и рѣзкое сравненіе Бѣлинскаго (стр. 97) и А. Д. Галахова, который считалъ, что «Сосницкій представлялъ не Городничаго, а скорѣе ловкаго частнаго пристава (стр. 99); цѣлый же рядъ ролей вызывалъ отзывы критиковъ, которые не могутъ объяснить славы Сосницкаго: такъ, напр., роль Кочкарева «совсѣмъ не удалась ему» (стр. 120), или, напр., отчетъ о первомъ спектаклѣ «Горя отъ ума», совсѣмъ не упоминаетъ объ исполнителѣ Фамусова, и даже малотребовательный рецензентъ «Репертуара» отзывается объ немъ очень сдержанно (стр. 107); роль маршала въ «Коварствѣ и Любви» Шиллера, вызываетъ даже такое замѣчаніе въ «Сѣверной Пчелѣ», особенно благоволившей къ нашему исполнителю: «артистъ совершенно не понялъ своей роли и долженъ былъ или не браться за нее, или же не передѣлывать ее на свой ладъ» (стр. 58) Роль Полонія вызвала восторгъ Кольцова, но г. Бертенсонъ почему-то считаетъ (стр. 91), что «гораздо больше вѣры заслуживаютъ слова А. И. Вольфа, отмѣтившаго въ своей хроникѣ, что Сосницкій придалъ Полонію слишкомъ шутовской характеръ, но мастерски велъ объясненіе съ мнимо-сумасшедшимъ Гамлетомъ, который его дурачить»¹⁾; сравненіе Сосницкаго съ другимъ исполнителемъ всегда бываетъ не въ пользу нашего артиста: мы уже приводили сравненіе со Щепкинымъ въ роли Городничаго, кромѣ того, параллель между Сосницкимъ и извѣстными актерами Михайловскаго театра Эрикомъ-Бернаромъ (стр. 103) или Полемъ Мине (стр. 104) также даетъ преимущество не нашему дѣятелю сцены; прибавимъ къ этому упрекъ инспектора труппы А. И. Храповицкаго, что Сосницкій плохо училъ текстъ роли, «упрекъ, который встрѣчается по адресу нашего артиста нѣсколько разъ» (стр. 63—Напрасно г. Бертенсонъ добавляетъ, что это «не подтверждается критическими отзывами», плохо и то, что инспекторъ труппы это замѣтилъ, но и критика это указывала, напр., стр. 22—«актеры»—въ томъ числѣ и Сосницкій—были весьма

¹⁾ Кстати, здѣсь подлинныя слова Вольфа приведены безъ кавычекъ (такихъ случаевъ нѣсколько); а иногда кавычки стоятъ тамъ, гдѣ приводится очень неточная перефразъ, напр. (стр. 12) Сосницкій опредѣленъ на роли «молодыхъ любовниковъ и повѣсь» со ссылкой на С. В. Танѣева (Паденіе театра. Вып. IV, стр. 29), который, однако, говоритъ буквально слѣдующее: «С., воспитанникъ театральнаго училища, прекрасный актеръ и машинистъ, первоначально занялъ амплуа *молодыхъ повѣсь* въ молодой труппѣ, сформированной тогда кн. Шаховскимъ. Кромѣ того, фактическія данныя приводятся обыкновенно безъ всякой ссылки, что, конечно, уменьшаетъ цѣнность изслѣдованія (напр., стр. 33, 35, 45 и т. д.).

не тверды въ рѣчахъ своихъ и чувствительно «импровизировали», или стр. 15—«роль была имъ исполнена почти импровизаціей, безъ всякаго вниманія къ суфлеру»), вспомнимъ, что Шаховской кричалъ Сосницкому: «Опять засюсюкалъ, миленькій» (стр. 16)! И, наконецъ, приведемъ слова самого автора книги, что Сосницкій «могъ иногда прибѣгать къ дешевымъ эффектамъ, которые такъ приходились по вкусу невзыскательному большинству публики, воспитанной на водевилѣ» (стр. 103)—и намъ станетъ понятнымъ, что нельзя хронологически приводить отзывы современниковъ, не провѣряя ихъ и не сопоставляя другъ съ другомъ, а главное не уяснивъ, въ чемъ состояло дарованіе актера, потому что, не удовлетворяя рецензентовъ и критиковъ исполненіемъ цѣлаго ряда ролей, актеръ можетъ быть все-таки признанъ крупнымъ, разъ онъ обладаетъ силой непосредственнаго вліянія на толпу въ моментъ творчества. Постараемся выяснитъ, въ чемъ заключалось это вліяніе, другими словами попытаемся выяснитъ сущность дарованія Сосницкаго.

Издавна существуютъ три типа актерскихъ дарованій, яркими представителями которыхъ въ эпоху Бѣлинскаго были Мочаловъ, Каратыгинъ и Щепкинъ. Первый актеръ «нугра», всѣхъ заражавшаго, второй—виртуозной техники и детальной обработки роли и, наконецъ, послѣдній счастливо соединялъ въ себѣ то и другое. Въ Сосницкомъ не было вдохновенія и творческаго таланта, не даромъ Бѣлинскій желалъ бы «слышать этотъ трепетъ чувства, эту электрическую теплоту души, которыми Щепкинъ такъ обаятельно и такъ могущественно волнуетъ массы и увлекаетъ ихъ по волѣ своей огненной натуры» (стр. 110), но зато и Бѣлинскій, и громадное большинство критиковъ сходилось въ томъ, что «на г. Сосницкаго нельзя довольно насмотрѣться въ роляхъ свѣтскихъ молодыхъ людей и, вообще, гдѣ требуется *умъ и ловкость*» (стр. 57), вѣдь «сценическій умъ, при опытности и привычкѣ къ сценѣ ¹⁾, иногда дѣлаетъ незамѣтнымъ недостатокъ вдохновенія и творческаго таланта» (стр. 115). Поэтому понятно, что «искуснымъ и вмѣстѣ съ тѣмъ, естественнымъ пониженіемъ и повышеніемъ голоса онъ опредѣляетъ въ полнотѣ каждую мысль автора, и, съ игрой фізіономіи соединяя приличныя дѣйствию жесты, очаровываетъ зрителя» (стр. 57). Кромѣ того, Сосницкій обладалъ несомнѣннымъ подражательнымъ талантомъ. Напр., «онъ такъ умѣлъ поддѣлать свое лицо (въ роли Вольтера), что

¹⁾ «Онъ на сценѣ, какъ дома, а это дается не всякому: съ этою неоцѣненною способностью онъ является актеромъ превосходнымъ, которому рѣшительно пока нѣтъ соперниковъ» (Прибав. къ «Инвал.» 1838 № 32, стр. 637, Бертенсонъ стр. 95).

безъ всякаго обмана воображенія въ немъ можно было узнать сходство со всѣми бюстами и портретами Вольтера» (стр. 44), или въ комедіи Шаховскаго «Фальстахъ» онъ «вышелъ на сцену совершеннымъ двойникомъ» автора (стр. 46), при чемъ, по словамъ Аксакова «копія была такъ похожа на оригиналъ, что въ креслахъ поднялся хохоть» (стр. 47), или по свидѣтельству Арапова («Лѣтопись рус. театра» стр. 239), помниваго графа С. Сологуба (см. Бертенсонъ стр. 18), «Сосницкій принялъ всѣ его движенія, усвоилъ его манеры и, такъ сказать, олицетворилъ его на сценѣ». Любопытно, что Араповъ добавляетъ: «удачная эта репрезентация открыла ему входъ въ лучшіе дома» (ibid, Араповъ). Добавимъ еще одно весьма характерное свидѣтельство современника (Нильскій: «Закулисная Хроника» изд. 2-е стр. 79): въ Репетилловѣ «Грибоѣдовъ сдѣлалъ художественный снимокъ съ нѣкоего Шатилова. Иванъ Ивановичъ, знавшій его лично, такъ же въ свою очередь художественно воспроизвелъ его оригинальную фигуру на сценѣ». Обладая этимъ подражательнымъ даромъ, Сосницкій могъ иногда «перерождаться, подобно Протею, въ тѣхъ роляхъ, которыми можетъ овладѣть вполне»; почему «только афиша могла увѣрить меня»—писалъ Бѣлинскій,—«что это былъ Сосницкій» (стр. 110). Слѣдуетъ еще указать, что Сосницкій иногда вызывалъ восторгъ отъ игры неотдѣланной, когда онъ экспромтомъ замѣнялъ другого, въ какіе-нибудь три часа выучивъ роль, которая «была очень велика и совершенно ему неизвѣстна». (стр. 15). Несомнѣнно, что онъ обладалъ большимъ личнымъ обаяніемъ, недаромъ г. Бертенсонъ указываетъ, что «всѣмъ нравился талантливый юноша, стройный, красивый, съ выразительнымъ лицомъ, съ пріятной улыбкой, живыми и умными глазами, отъ природы изящный и ловкій» (стр. 15), вѣдь онъ «одаренъ въ высокой степени игривостью, живостью» (стр. 95), и «истинное назначеніе нашего артиста—роли свѣтскихъ людей съ большимъ, живымъ характеромъ» (стр. 97).

Чтобы закончить нашу попытку обрисовать сценическій образъ Сосницкаго, считаемъ нужнымъ указать, какой публикѣ, какимъ ея классамъ былъ особенно дорогъ Сосницкій. Г. Бертенсонъ приводитъ свидѣтельство В. Ушакова, напечатанное въ «Сѣверной Пчелѣ», очень показательное въ этомъ отношеніи, на которомъ несомнѣнно автору слѣдовало остановиться: «лучшая часть публики наполняла первыя мѣста театра, при чемъ пустовали лишь раекъ и верхнія мѣста». Сосницкій «слишкомъ малъ для этой высоты. Надобно спуститься пониже» (иронически добавляетъ Ушаковъ), «чтобы умѣть его оцѣнить» (стр. 73). И, дѣйствительно, извѣстно, что талантъ Сосницкаго былъ ближе

двору, знати и аристократіи, чѣмъ зрителямъ, ищущимъ въ театрѣ непосредственнаго захвата, и самъ Сосницкій «до старости сохранилъ типъ русскаго барина съ манерами французскаго аристократа» (Нильскій, стр. 79).

Вопросъ о роли Сосницкаго въ исторіи русскаго сценическаго искусства также не выдѣленъ и не разсмотрѣнъ подробно. Приведено лишь замѣчаніе Живокини о томъ, что онъ былъ пораженъ, увидя Сосницкаго на спектаклѣ такимъ же, какимъ видѣлъ его утромъ на репетиціи: «такой же человѣкъ, и нѣтъ въ немъ никакой важности, и все у него такъ просто и понятно. Мнѣ тогда это было въ диковинку, не къ тому привыкли мы, да и не тому совсѣмъ насъ въ школѣ учили. По школьному, да глядя на другихъ актеровъ, я думалъ, что быть актеромъ Богъ знаетъ какъ трудно, а посмотрѣлъ на Сосницкаго, и показалось мнѣ, что онъ вовсе не игралъ, какъ училъ насъ Фрыгинъ» (стр. 38, 39). Любопытно дополнить это, напр., замѣчаніемъ бывшаго режиссера Петербургской труппы Н. И. Куликова: «во Франціи первый сбросилъ съ себя рутину и заговорилъ по-человѣчески геніальный Тальма, а у насъ Сосницкій» (Цитата по Варнеке: «Истор. рус. театра» изд. 2-е стр. 502).

Что касается преподавательской дѣятельности Ив. Ив. Сосницкаго, то извѣстны жалобы А. И. Шубертъ («Моя жизнь» СПб. 1913 г.) на то, что «Сосницкій училъ съ голоса, а я на это была безтолкова, благодаря своему плохому слуху», при чемъ она добавляетъ, «онъ былъ современникъ М. С. Щепкина, но какъ далекъ отъ него въ пониманіи и отношеніи къ драматическому искусству!» Этотъ приѣмъ ученья «съ голоса» во всякомъ случаѣ не позволяетъ назвать Сосницкаго, какъ дѣлаетъ это г. Бертенсонъ, продолжателемъ Дмитревскаго (стр. 79), особенно потому, что Дмитревскій авторомъ въ своихъ педагогическихъ приѣмахъ сравнивается съ Тальма (стр. 10). Послѣдній писалъ: «Я никогда не училъ декламации: я только помогаль иногда молодымъ артистамъ моими совѣтами, если замѣчалъ въ нихъ способности. Я твердо убѣжденъ, что драматическому искусству учить нельзя: тутъ лучшіе учителя—сердце, таланъ и здравый смыслъ». Кромѣ того, нельзя не отмѣтить, что зачастую ученица Сосницкаго, удачно дебютировавшая, оказывалась полной бездарностью, что самъ преподаватель объяснялъ слѣдующимъ: «одну роль могъ я ей съ большими усиліями передать механически и насильственно, но дѣйствительнаго таланта дать ей не могу и каждую роль не могу такъ выучить» (стр. 81). Слова эти противорѣчатъ свидѣтельству Нильскаго, приводимому г. Бертенсономъ (стр. 149), Нильскій обратился за помощью къ Сосницкому и «тутъ только

понялъ, какимъ тонкимъ знатокомъ искусства былъ этотъ почтенный старикъ; тутъ только я понялъ какъ много (а не одну лишь механическую память!) требуется отъ актера, желающаго серьезно служить дѣлу. Школьные преподаватели, при сравненіи съ Сосницкимъ, казались мнѣ сами школьниками. Иванъ Ивановичъ былъ до того требователенъ даже въ мелочахъ, что просто наводилъ на меня страхъ какъ при урокахъ, такъ и на репетиціи... (Нильскій 81). Эти слова, подкрѣпляемая Нильскимъ тѣмъ, какъ проходилъ съ нимъ Сосницкій роль Чацкаго, весьма существенны, какъ существенно и другое свидѣтельство Нильскаго, упущенное г. Бертенсономъ: «Показывая многое въ дѣлѣ драматическаго искусства, Сосницкій однажды представлялъ мнѣ человѣческій смѣхъ въ различныхъ формахъ: онъ хотѣлъ по крайней мѣрѣ на пятнадцать манеръ, и каждый хохотъ былъ въ высшей степени натураленъ и заразителенъ; (Нильскій, стр. 82)».—Это позволяетъ намъ еще разъ убѣдиться въ большомъ сценическомъ мастерствѣ дѣда русской сцены.

Несмотря, однако, на отсутствіе какого-либо метода въ изслѣдованіи и ряда указанныхъ промаховъ, книга г. Бертенсона представляетъ большой интересъ для любителей театральнаго прошлаго, такъ какъ это одна изъ немногихъ попытокъ серьезнаго характера въ нашей бѣдной, по части біографій дѣятелей отечественной сцены, литературѣ. Снабжена книга портретами Ив. Ив. Сосницкаго, жаль лишь, что не перепечатано ни одного портрета въ роли, въ родѣ извѣстныхъ, напр., портретовъ Городничаго, Репетилова, Фигаро и т. д.

Владиміръ Филипповъ.

А. В. Флоровскій. Составъ законодательной комиссіи 1767—74 г. г. Одесса—1915 г. Ц. 3 р. 50 к., для студентовъ 1 р. 75 к.

Уложенная комиссія Екатерины II уже давно заинтересовала изслѣдователей нашего XVIII вѣка, какъ явленіе въ высшей степени характерное для тѣхъ новаторскихъ затѣй, которыми была обуреваема просвѣщенная императрица въ первые годы своего царствованія. Это одна сторона вопроса о знаменитой комиссіи: предпріятіе, выдѣлившее Екатерину II изъ ряда остальныхъ современныхъ ей государей Европы, характеризуетъ прежде всего самое русскую императрицу, какъ государственнаго чело-вѣка той эпохи. Это—показная сторона, которая всесторонне можетъ быть освѣщена лишь при детальномъ изученіи цѣлаго ряда относящихся сюда болѣе частныхъ вопросовъ.

Но, кромѣ отмѣченной стороны, существуютъ и другія стороны все того же самаго вопроса о большой екатерининской комиссіи.

Какъ отнеслись разные слои общества къ правительственному призыву, какъ бы заставлявшему вспомнить о давно забытой имъ эпохѣ земскихъ соборовъ, и какъ правительство реагировало на нѣкоторыя тренія, которыя возникли на мѣстахъ при осуществленіи манифеста о созывѣ депутатовъ, при выборахъ. Г. Флоровскій, взявъ тему о составѣ законодательной комиссіи 1767—1774 г.г., не ограничился только тѣмъ матеріаломъ, который непосредственно относится къ этому специальному вопросу, а повелъ свое изслѣдованіе въ той плоскости, которая опредѣляется вышеуказанными частными вопросами. Такая постановка темы заставила автора перешагнуть за ея сравнительно узкіе предѣлы, но зато сообщила разработкѣ ея болѣе крупный историко-соціологическій интересъ.

Въ тѣхъ предѣлахъ, которые отмежевалъ себѣ авторъ въ громадномъ матеріалѣ о комиссіи, сочиненіе г. Флоровскаго даетъ богатое фактическое содержаніе и не мало новыхъ выводовъ, основанныхъ на строгомъ документальномъ изученіи. Такъ, авторъ убѣдительно доказываетъ, что «предположенія о созывѣ комиссіи для составленія проекта Новаго Уложенія», изданныя проф. Маркевичемъ (Одесса, 1897 г.), являются болѣе ранней попыткой въ предстоявшемъ императрицѣ дѣлѣ составленія и обнародованія актовъ о созывѣ и выборѣ депутатовъ, чѣмъ тотъ проектъ, который былъ выработанъ въ комиссіи кн. Вяземскаго. Очень вѣроятнымъ представляется и мнѣніе г. Флоровскаго о томъ, что авторомъ упомянутыхъ «предположеній» былъ А. И. Бибиковъ. Если это такъ, то тогда вполне понятно, почему императрица изъ двухъ кандидатовъ на постъ «маршала» Уложенной комиссіи (предсѣдателя) остановилась на А. И. Бибиковѣ: онъ принималъ ближайшее участіе въ разработкѣ вопроса о созывѣ ея и о выборахъ въ нее.

Вообще ходъ этой разработки, хронологическая послѣдовательность разныхъ, относящихся сюда, бумагъ, принадлежащихъ перу какъ самой Екатерины, такъ и другихъ лицъ, выяснена г. Флоровскимъ весьма обстоятельно и съ достаточной отчетливостью. Не менѣе детально и основательно выяснены и самый ходъ выборной кампаніи, и отношеніе къ необычному законодательному предпріятію правительства со стороны разныхъ группъ населенія. Авторъ своимъ изслѣдованіемъ поправляетъ иной разъ очень крупныя недоразумѣнія, встрѣчающіяся въ писаніяхъ о комиссіи 1767 года.

Такъ, статистическое изслѣдованіе городскихъ депутатовъ привело автора къ выводу, что «громадное большинство» ихъ «принадлежало къ составу торгово - промышленнаго класса»

(85,55%), и, слѣдовательно, города, гдѣ управленіе находилось въ рукахъ торгово-промышленнаго класса, вообще не склонны были передавать свое право представительства «дворянамъ или важнымъ чиновникамъ», какъ иногда утверждалось. На основаніи фактическихъ данныхъ, проводимыхъ г. Флоровскимъ въ своемъ изслѣдованіи, можно даже подмѣтить, что провинціальное дворянство отнеслось къ выборамъ въ комиссію съ меньшею отзывчивостью, чѣмъ другіе, ниже его находившіеся, общественные слои, а мѣстной администраціи то тамъ, то сямъ приходилось торопить съ дѣломъ выборовъ, понуждать къ нимъ. Это и понятно: дворянство меньше нуждалось въ «перемѣнѣ» законовъ, чѣмъ другіе, особенно низшіе классы, и поэтому меньше было заинтересовано въ законодательномъ предпріятіи императрицы. Еще менѣе были заинтересованы въ немъ южная и сѣверо-западная окраины — Малороссія и остзейскія провинціи: онѣ, въ лицѣ своихъ высшихъ классовъ, совсѣмъ не нуждались въ «перемѣнѣ» законовъ и желали остаться при своихъ старыхъ правахъ и вольностяхъ,—и это отрицательное теченіе въ выборной кампаніи тоже отчетливо отбѣняется въ изслѣдованіи г. Флоровскаго. Русское дворянство нуждалось въ ту пору лишь въ усиленіи полицейской охраны, да въ государственномъ обезпеченіи и укрѣпленіи своего господствующаго экономическаго и социальнаго положенія; низшимъ же слоямъ необходимо было удовлетвореніе ихъ самыхъ неотложныхъ матеріальныхъ и правовыхъ нуждъ. Не удивительно, что эти слои взглянули на законодательное предпріятіе государыни, какъ на моментъ очень удобный для заявленія о своихъ «изнеможеніяхъ» и для обращенія къ монаршей, милости. Естественно, что врученные депутатамъ указы отъ этихъ слоевъ получили характеръ старинныхъ челобитій.

Отсюда понятно, почему иногда люди низшей социальной группы выбирали своимъ представителемъ дворянина или чиновника: они рассчитывали, что ихъ наказъ—челобитная, въ рукахъ такого человѣка, «барина», скорѣе достигнетъ цѣли, чѣмъ если бы его привезъ свой братъ.

Съ другой стороны, приводимыя г. Флоровскимъ фактическія свѣдѣнія свидѣтельствуютъ, что участія въ законодательной комиссіи помогали даже кочевые сибирскіе инородцы, которымъ не было предоставлено ни активнаго, ни пассивнаго избирательнаго права: это указываетъ на то, что и инородческая Сибирь, по примѣру русскаго народа, въ сущности надѣялась на далекую верховную власть, какъ на послѣднюю инстанцію, откуда только и можетъ притти право, справедливость и защита.

Но въ сочиненіи г. Флоровскаго имѣются и такія сужденія,

съ которыми едва ли можно согласиться, по крайней мѣрѣ, безъ надлежащихъ оговорокъ. Такъ, г. Флоровскій, разбирая мнѣнія ученыхъ о томъ, почему въ комиссіи Новаго Уложенія не было сословнаго представительства духовенства, а было только представительство св. Синода, приходитъ къ заключенію, что въ данномъ случаѣ Екатерина послѣдовала примѣру своей предшественницы по организаціи законодательной комиссіи: въ этомъ-де, и заключается разгадка какъ будто бы страннаго игнорированія цѣлаго сословія, имѣвшаго столь серьезное значеніе въ жизни; на самомъ дѣлѣ, по мнѣнію автора, духовенство вовсе не было обойдено: представители св. Синода и должны были отстаивать интересы духовенства; что же касается мнѣнія, что Екатерина не желала услышать въ комиссіи отъ прямыхъ представителей духовенства оппозиціонныхъ голосовъ по адресу только что состоявшейся секуляризаціи церковныхъ вотчинъ, то возможности такого настроенія императрицы г. Флоровскій не отрицаетъ, но онъ полагаетъ, что оно какъ нельзя лучше подошло къ тому прецеденту, которымъ Екатерина въ вопросѣ объ участіи въ законодательной комиссіи духовенства собственно и руководствовалась. Не правильнѣе ли однако думать, что настроеніе императрицы и явилось главной причиной, почему данный вопросъ былъ рѣшенъ не согласно съ рѣшеніемъ другихъ аналогичныхъ вопросовъ, а согласно съ прецедентомъ, какового не искали въ другихъ случаяхъ: здѣсь же потому прецедентъ и потребовался, что императрица отрицательно отнеслась къ представительству отъ чернаго духовенства, какъ отъ сословія, о настроеніи котораго, послѣ дѣла Арсенія Мацѣевича, она не могла быть двухъ мнѣній. Что же касается бѣлаго духовенства, то объ немъ много не думали, да было бы странно устанавливать представительство лишь отъ одной части духовенства.

Едва ли къ этому надо прибавлять поясненіе, что послѣ обнаруженной Синодомъ покорности по отношенію къ секуляризаціи, Екатерина ясно видѣла, что Синодъ и духовенство—не одно и то же, и получила увѣренность въ полной лояльности высшаго церковнаго учрежденія. Далѣе, намъ кажется, что г. Флоровскій нѣсколько преувеличилъ искренность Екатерины II въ задуманномъ ею широкомъ законодательномъ предпріятіи. Не повторяя другихъ доводовъ, которые уже высказывались въ исторической литературѣ, обратимъ вниманіе хотя бы на приводимое г. Флоровскимъ отрицательное мнѣніе Екатерины о выясненіи вопроса въ многочисленныхъ представительныхъ собраніяхъ,—при помощи преній. Въ запискѣ, хранящейся, по цитатѣ автора, въ государственномъ архивѣ, Императрица писала: «Toute assam-

blève nombreuse de peuple ou de depute, est incapable de decider autrement que par Oui ou par Non, ainsi quand en premier lieu on aura lu ce que les Cinq auront réglé, et qu'il s'eleve dispute entre les deputes il faudra reduire la question au simple et demander, voulez vous que cela sait ou—non?».

Эти замѣчанія не мѣшаютъ намъ признать диссертацию г. Флоровскаго капитальнымъ ученымъ изслѣдованіемъ.

Н. Ойрсовъ.

Густавъ Шпетъ. Исторія, какъ проблема логики. Критическія и методологическія изслѣдованія. Часть I. Матеріалы М. 1916. Стр. VIII + 476. Ц. 4 р. 50 к.

Тема, къ выполненію которой авторъ приступилъ, написавъ эту книгу, увлекала его, какъ онъ о томъ сообщаетъ въ предисловіи, когда онъ находился еще на студенческой скамьѣ. Онъ признается, что при вступленіи въ университетъ онъ былъ «зачарованъ радикализмомъ и простотой того рѣшенія исторической проблемы, которое обѣщаль заманчивый тогда историческій матеріализмъ», но увлеченіе имъ у автора было непродолжительнымъ и смѣнилось подчиненіемъ идеямъ Риккерта, тоже являвшимся въ свое время какимъ-то откровеніемъ. Г. Шпетъ самъ говоритъ о своемъ новомъ увлеченіи, какъ о своего рода остромъ зараженіи эпидеміей новокантіанства, о нахожденіи подъ гипнозомъ того, что потомъ призналъ «кантіанскимъ заблужденіемъ» и т. п. Потомъ оказалось, что онъ напрасно «повѣрилъ» Риккерту, будто до-кантовская философія «не сдѣлала рѣшительно ничего для выясненія вопросовъ логики исторической науки». И въ этомъ потомъ ему пришлось разувѣриться. Г. Шпетъ, въ концѣ концовъ, пришелъ къ тому выводу, что «Кантъ былъ помѣхой, а не подмогой въ рѣшеніи вопросовъ логики и философіи исторіи».

Это положеніе, однако, нельзя еще считать доказаннымъ въ книгѣ г. Шпета. Пока мы имѣемъ въ рукахъ первую часть его труда, въ которомъ онъ еще не воспользовался изученнымъ имъ матеріаломъ для систематическихъ цѣлей, какъ самъ заявляетъ объ этомъ, что, впрочемъ, отмѣчено на подзаголовкѣ: «матеріалы». Послѣднихъ онъ собралъ немало, но нѣсколько преувеличиваетъ трудность ихъ собиранія, когда говоритъ (все въ томъ же предисловіи), что «въ большинствѣ случаевъ ему приходилось итти не по проложенному или хотя бы только изслѣдованному пути, а прямо по новинѣ». Дѣло объясняется проще: при всей своей начитанности въ литературѣ предмета г. Шпетъ не всегда (если не большею частью) не зналъ своихъ предшествен-

никовъ въ дѣлѣ собранія именно тѣхъ самыхъ матеріаловъ, которые ему были нужны. Сошлюсь хотя бы на то, что когда болѣе тридцати лѣтъ тому назадъ я собиралъ тѣ же матеріалы, вошедшіе потомъ въ первое изданіе моихъ «Основныхъ вопросовъ философіи исторіи», я уже имѣлъ извѣстныхъ руководителей въ своихъ поискахъ.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, и надобности не было въ какомъ-либо специальномъ руководствѣ на неизвѣданныхъ путяхъ. Въ первой главѣ книги г. Шпета рѣчь идетъ о такихъ писателяхъ, какъ Юмъ, Болингброкъ, Вольтеръ, Руссо, Тюрго, Д'Аламберъ, да и въ слѣдующихъ главахъ мы встрѣчаемся съ общеизвѣстными именами Вольфа, Гердера, Канта, Шеллинга, да и такіе писатели, какъ Хладеніусъ, Изелинъ, Вегелинъ, Аделунгъ и т. п., входили въ болѣе ранніе обзоры историко-философской литературы. Справедливость требуетъ только отмѣтить, что, благодаря поискамъ автора, списокъ писателей, занимавшихся въ XVIII в. интересующими его темами, дѣлается болѣе полнымъ. Укажу для примѣра на Г. Ф. Мейера (о которомъ см. стр. 251 и слѣд.), Тетенса (стр. 343), Фиртазера (стр. 349), Дону и др.

Писатели, изъ которыхъ большая часть нами выше названа, г. Шпетомъ болѣе или менѣе подробно излагаются, анализируются и критикуются. Весь этотъ матеріалъ онъ представляетъ читателю, главнымъ образомъ, въ качествѣ «*instantiarum negativarum* противъ нѣкоторыхъ утвердившихся въ философіи исторіи предразсудковъ и предвзятыхъ сужденій». Самымъ важнымъ изъ нихъ для автора является то, что «современная философія называетъ себя по преимуществу «философіей *позитивной*», тогда какъ на самомъ дѣлѣ это—философія отрицательная, ибо, прежде всего, она стремится къ тому, чтобы быть «не-метафизикой». Г. Шпетъ—рѣшительный антикантіанецъ: для него философія Канта является типично-отрицательной, какъ, наоборотъ, типично позитивной философія Платона. Съ этой точки зрѣнія онъ, конечно, относится неблагоклонно и къ Конту, и къ Миллю, и къ Спенсеру со всѣми ихъ родоначальниками (Бэкономъ, Д'Аламберомъ и др.). Не раздѣляя основного вывода г. Шпета, пишушій эти строки, тѣмъ не менѣе, сочувствуетъ автору, когда онъ вооружается противъ взгляда, будто наука заключается въ познаніи только общаго и будто единичное не можетъ быть предметомъ философіи.

Въ этомъ смыслѣ заслуживаютъ вниманія тѣ немногія страницы въ началѣ книги (20 и слѣд.), на которыхъ авторъ, такъ сказать, предвосхищаетъ отложенное къ концу систематическое изложеніе своихъ взглядовъ. «Было бы, читаемъ мы тутъ, неправильно

думать, будто наука исторіи ограничиваетъ свои задачи только пониманіемъ и интерпретаціей, т.-е. обходится безъ того логическаго требованія, которое предъявляется ко всякой эмпирической наукѣ и которое называется объясненіемъ или составленіемъ теоріи... Историческія теоріи суть не менѣе теоріи, чѣмъ теоріи физики или біологіи, какія бы свои особенности ни имѣли эти теоріи и науки. Кажущееся противорѣчіе между единичнымъ и неповторяющимся характеромъ историческихъ явленій и законмѣрностью явленій природы, проистекающей именно изъ повторенія ихъ, является въ результатѣ только совершенно произвольнаго отождествленія теоретическаго и подчиненнаго закону.... Исторія можетъ не быть наукой законоустанавливающей, и тѣмъ не менѣе *она есть наука объяснительная*, т.-е. наука, логической задачей которой является установленіе объяснительныхъ теорій» (стр. 24—25). При всемъ своемъ нерасположеніи къ Конту, г. Шпетъ не отрицаетъ значенія такой общей систематической науки о социальномъ, какою является намѣченная имъ динамическая социологія (вѣрнѣе, социальная динамика). Но и при допущеніи социологіи авторъ совершенно правильно не отождествляетъ съ нею философію исторіи. Еще болѣе вниманіе «чистыхъ» историковъ способны остановить тѣ страницы, гдѣ авторъ останавливается на несогласованности употребленія въ недавней и текущей историко-теоретической литературѣ такихъ терминовъ, какъ «теорія историческаго значенія», «методологія исторіи», «историка» (Die Historik). Нельзя не привѣтствовать также заявленія автора, что въ цѣломъ рядѣ методологическихъ вопросовъ исторической науки компетентны только сами историки. Но, въ общемъ, въ вышедшей части труда г. Шпета болѣе общается, нежели дается, и это только заставляетъ усиленно желать появленія систематической части, гдѣ исторія на самомъ дѣлѣ будетъ разсматриваться, какъ проблема логики.

Въ одномъ мѣстѣ книги (стр. 45) мы читаемъ: «современная логика, говорятъ, есть логика абстрактнаго, а исторія конкретна; логика вообще безсильна передъ конкретнымъ, слѣдовательно, и передъ исторіей». Авторъ вполне согласенъ, что «современная логика мало считалась съ конкретнымъ» и не находитъ оснований, «чтобы логическое опредѣленіе науки устраняло возможность включить въ число наукъ также исторію». Это—дѣйствительно интересная тема, но мнѣ невольно думается, что для подхода къ ней не было надобности въ собираніи такой массы «матеріаловъ», въ которыхъ столь много и не имѣющаго прямого отношенія къ темѣ.

Н. Карпѣвъ.

Галиція въ ея старинѣ. Очерки по исторіи архитектуры XII—XVIII вв. и рисунки Г. К. Лукомскаго. Изданіе т-ва Голике и Вильборгъ, Петрогр. 1915, цѣна 15 руб.

В. А. Верещагинъ. Старый Львовъ, Петроградъ, 1915, цѣна 6 р. Первоначально вышло въ журналѣ «Старые годы» 1915, кн. IV, тамъ же:

А. Трубниковъ, Прогулка по Львову.

Оккупация Восточной Галиціи и Львова осенью 1914 г. вызвала въ Россіи неслыханный дотолѣ интересъ къ этому старому историческому гнѣзду. Появилась цѣлая, очень значительная по числу названій литература, спѣшившая удовлетворить этотъ интересъ. Но она же свидѣтельствовала, насколько неожиданно ворвался въ російскую жизнь этотъ далекій край, со своимъ своеобразнымъ, но далекимъ и чуждымъ ей складомъ, интересами, прошлымъ и настоящимъ: такъ скудно было наличіе свѣдѣній и пониманій, такъ неудачны были попытки освѣщенія этой сложной и многогранной жизни въ большинствѣ этихъ изданій, осужденномъ этимъ самымъ на скорое забвеніе, на чисто библиографическій или, пожалуй, еще политическій интересъ.

Особое мѣсто среди этой литературы занимаютъ художественныя изданія, посвященныя старому искусству Галиціи. Последняя вполнѣ заслуживаетъ, конечно, вниманія историковъ культуры и искусства, и въ Россіи въ особенности. Въ ней съ весьма старыхъ, еще доисторическихъ временъ перекрещивались, и своеобразно сочетались культурныя и художественныя вліянія, подъ воздѣйствіями которыхъ развивалась культура Юга Россіи: восточныя и средиземныя, византійско-славянскія и романо-германскія, Балканскихъ странъ и Персіи, Італіи, Нидерландовъ,—Германіи, Франціи.

Эта сложная, многогранная исторія искусства Галиціи не нашла своего отраженія въ тѣхъ художественныхъ изданіяхъ, о которыхъ я веду здѣсь рѣчь. Изъ художественной старины Львова и Галиціи они сосредоточили свое вниманіе на наиболѣе показномъ, но въ то же время наименѣе интересномъ: отраженіяхъ западнаго искусства, главнымъ образомъ монументальнаго—готики, ренессанса и бароко. Это объясняется не только тѣмъ, что это наиболѣе показная, наиболѣе доступная и бросающаяся въ глаза сторона художественнаго прошлаго Галиціи, но также и потому, что она наиболѣе изучена, наиболѣе иллюстрирована, въ особенности въ польской литературѣ и въ польскихъ кругахъ, подъ вліяніемъ и руководствомъ которыхъ знакомились съ памятниками прошлаго Галиціи авторы этихъ изданій. Какъ извѣстно, охрана и изученіе памятниковъ Галиціи, какъ западной

такъ и восточной, находились все время фактически въ польскихъ рукахъ и особымъ вниманіемъ ихъ, естественно, пользовалось прежде всего то, что утверждало польское прошлое, польскія вліянія въ прошломъ. Подъ вліяніемъ своеобразныхъ національныхъ и политическихъ отношеній этого края утвердилась точка зрѣнія, заносившая въ активъ польской культуры, польскаго господства все, что говорило о западномъ, католическомъ вліяніи, а на долю «Руси» оставлялись славянскіе, византійско-балканскіе, до нѣкоторой степени восточные элементы.

Въ дѣйствительности западныя вліянія не шли исключительно чрезъ посредство польской культуры, они и начались здѣсь раньше польскаго господства и позже имѣли свои собственные очаги—въ нѣмецкихъ общинахъ края. Первые два столѣтія польской оккупации главная роль принадлежитъ городской, мѣщанской культурѣ, и культура эта главнымъ образомъ нѣмецкая: нѣмецкій характеръ имѣютъ привилегированныя мѣщанскія общины Львова и другихъ городовъ, культурная жизнь польской (и ополяченной) шляхты еще очень скромна, и культурная роль ея—тоже. Только со второй половины XVI в. пульсъ польской шляхетской культурной жизни здѣсь—какъ и въ другихъ областяхъ Польши, начинаетъ биться живѣе, благодаря усилившемуся вывозу сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, чрезвычайно увеличившему шляхетское благосостояніе, открывшему притокъ наличныхъ денегъ въ шляхетскія шкатулки и въ результатъ поднявшему культурный уровень шляхетской жизни и запросы въ области искусства, точнѣе—въ области роскоши. Одновременно съ этимъ усиливается паденіе городской жизни, вслѣдствіе неблагоприятныхъ экономическихъ условій и стѣснительнаго шляхетскаго законодательства; нѣмецкіе и другіе иноземные элементы ассимилируются привилегированною польскою стихіею, и съ XVII в. культурная гегемонія отъ мѣщанскаго патриціата рѣшительно переходитъ къ шляхетскому магнатуству. Съ этого времени дѣйствительно можно сказать, что западные элементы искусства въ галицкую жизнь проходили чрезъ польскую среду, хотя носителями ихъ являлись все-таки преимущественно мастера-иноземцы—нѣмцы главнымъ образомъ, также италіянцы и французы. «Русь» въ это время падаетъ еще болѣе, подъ вліяніемъ неблагоприятныхъ условій польскаго режима, оттѣсняется все глубже въ сферу крестьянскую; слабѣютъ связанныя съ ея культурой вліянія, и полное преобладаніе получаютъ западныя, католическія. Эту перспективу измѣненій въ удѣльномъ вѣсѣ различныхъ національныхъ классовыхъ вліяній необходимо имѣть въ виду при изученіи прошлаго культуры и искусства Вост. Галиціи.

Изъ художественныхъ изданій, которымъ я посвящаю эту рецензію, самымъ крупнымъ явленіемъ нужно признать, конечно, книгу Лукомскаго. Она очень хорошо издана въ типографскомъ отношеніи, представляетъ извѣстную художественную цѣнность, и приходится пожалѣть, что высокая—сравнительно съ этою цѣнностью—цѣна изданія сдѣлаетъ ее удѣломъ лишь библіотекъ или богатыхъ любителей. Дѣло въ томъ, что въ тѣхъ условіяхъ, въ которыхъ г. Лукомскому пришлось издавать эту книгу,—откликаясь на возникшій въ обществѣ интересъ къ прошлому Галиціи, отъ не смогъ дать того, что могъ бы дать въ нормальныхъ условіяхъ. Какъ узнаемъ изъ предисловія, авторъ нѣсколько разъ посѣтилъ проѣздомъ Галицію, Западную и Восточную, и во время этихъ экскурсій, въ 1902 и въ 1911 гг. сдѣлалъ довольно много зарисовокъ, хотя, повидимому, не имѣлъ при этомъ какаго-либо опредѣленнаго плана. Въ моментъ изданія однако значительная часть ихъ оказалась для него недоступными, и ему пришлось довольствоваться тѣмъ, что у него осталось подъ рукою, стараясь по сохранившимся эскизамъ, по памяти кое-что возстановить, увеличить, полнѣе разработать. Такъ какъ зарисовки не предназначались для знакомства съ архитектурою, а служили часто чисто художественнымъ цѣлямъ,—пришлось по чужимъ фотографіямъ разрабатывать ихъ архитектурное содержаніе. Это лишило рисунки печати непосредственности, не придавъ имъ точности (раскраска нѣкоторыхъ, хорошо мнѣ извѣстныхъ видовъ настолько разнится отъ дѣйствительныхъ тоновъ, что невольно вызываетъ сомнѣніе и относительно остальныхъ). При этомъ составъ ихъ остается достаточно случайнымъ, не связаннымъ органически съ предлагаемыми очерками. Кромѣ рисунковъ изъ Восточной и Западной Галиціи авторъ по аналогіи архитектурнаго содержанія ввелъ также зарисовки нѣкоторыхъ памятниковъ Царства Польскаго, и этимъ только усилилъ пестроту ихъ состава.

Очерки автора подъ болѣе общимъ заглавіемъ «Галиція въ ея старинѣ», имѣютъ подзаголовокъ «Очерки по исторіи архитектуры XII—XVIII вв.», но не отвѣчаютъ и этому, болѣе специальному, заголовку. Авторъ ограничивается памятниками каменнаго зодчества западнаго, отдѣляясь разными общими и не всегда точными фразами отъ всѣхъ другихъ (не исчерпывая даже тѣхъ указаній, какія имѣлись въ польской литературѣ, которою онъ пользовался), а та глава, гдѣ онъ желаетъ познакомить читателя съ деревяннымъ зодчествомъ украинскимъ (русинскимъ)—церковнымъ и крестьянскимъ, настолько бѣдна содержаніемъ, сбивчива и неясна, что пожалуй было бы лучше, если бы ея не было вовсе. Но и въ области, гдѣ авторъ себя чувствуетъ болѣе хозяиномъ,

номъ, его изложеніе не отличается ни отчетливостью, ни выпуклостью: это не исторія западныхъ стилей и Галиціи, не впечатлѣнія путешественника; рассказъ загроможденъ массою ненужныхъ подробностей, перечисленій и изобилуетъ недосмотрами и неточностями. При этомъ бросается въ глаза очень неодинаковая мѣрка, которою мѣрятся притязанія на національное содержаніе въ художественныхъ памятникахъ съ польской и украинской стороны, а вовсе ужъ странное впечатлѣніе производитъ выпадъ противъ «украинофиловъ» въ заключеніи (с. 116).

Книга Верещагина посвящена специально «жизни и искусству старого Львова», которая онъ впрочемъ пытается освѣтить на фонѣ общей исторіи галицкой жизни, какъ ея синтезъ, или центральный узелъ. Но страницы, посвященныя общимъ судьбамъ края и города, обличаютъ очень слабую оріентировку автора въ этихъ вопросахъ, что пожалуй и не удивительно, если послѣдняя создавалась на основаніи очень убогихъ—зато руссофильскихъ—галицкихъ книжечекъ, далекихъ не только отъ науки, но и отъ литературы, фигурирующихъ въ заключительномъ указателѣ книги (с. 133—4) подъ громкимъ титуломъ «источниковъ». Подлинное содержаніе мѣстной жизни, ея національныя и культурныя отношенія, очевидно, остались внѣ зрѣнія автора; характеръ мѣстной народной и культурной стихіи представляется ему до крайности сбивчиво и неясно, въ формахъ борьбы польскихъ и «московскихъ» вліяній. Въ сущности, какъ и Лукомскій, онъ смотритъ на культурное прошлое края и Львова сквозь призму польскую, хотя, въ противоположность предшествовавшему автору, и относится отрицательно къ представленіямъ о самостоятельно-польскомъ характерѣ мѣстнаго художества. Къ тому, что выходитъ за рамки новаго западнаго искусства и его отображеній, авторъ относится съ полнымъ равнодушіемъ, въ которомъ и расписывается съ совершенной откровенностью (с. 111—2). Впрочемъ, настоящею сферою его интересовъ, въ отличіе отъ книги Лукомскаго, является не монументальныя памятники, а собраніе художественной старины западныхъ стилей, которыми онъ съ особеннымъ вниманіемъ и любовью занимается въ послѣднихъ главахъ книги; не безынтересныя для любителя, для исторіи мѣстной культуры, эти случайно попавшіе въ львовскія собранія предметы, которые онъ описываетъ и издаетъ въ снимкахъ, даютъ немного или и вовсе ничего.

Прежде чѣмъ выйти въ свѣтъ отдѣльнымъ изданіемъ это сочиненіе появилось въ одной изъ книжекъ «Старыхъ Годовъ» вмѣстѣ съ «Прогулкою по Львову» Трубникова; написанный безпритязательно и живо, этотъ послѣдній очеркъ знакомитъ съ наиболѣе

замѣтными, бросающимися въ глаза монументальными памятниками Львова, и вся книжка журнала была иллюстрирована большимъ количествомъ (свыше ста) снимковъ съ фотографій, хорошо исполненныхъ, если и не всегда удачно выбранныхъ. Они и придають извѣстную цѣлость этимъ публикаціямъ. Однако слѣдуетъ имѣть въ виду, что иллюстраціи книги г. Верещагина и книжки «Старыхъ Годовъ» не совпадаютъ. Въ отдѣльное изданіе «Стараго Львова» не вошло много снимковъ «Стар. Годовъ», и среди нихъ нѣкоторые имѣющіе интересъ съ точки зрѣнія львовской старины; наоборотъ снимки, прибавленные въ отдѣльномъ изданіи «Стараго Львова» преимущественно воспроизводятъ предметы собраній, съ львовскимъ прошлымъ не связанные сколько-нибудь тѣсно.

М. Грушевскій.

С. Ф. Либровичъ. *Исторія книги въ Россіи*. Ч. II. Изд. Т-ва М. О. Вольфъ. Ц. 1 р.

«Исторія книги въ Россіи» г. Либровича не есть самостоятельное изслѣдованіе научнаго характера; въ то же время она не представляетъ собой сводки и итога всего того, что сдѣлано другими изслѣдователями въ этой области. «Исторія книги въ Россіи»—это популярная, часто очень поверхностная компиляція, лишенная научнаго аппарата. Если не ошибаемся, до выхода въ свѣтъ отдѣльной книгой, работа г. Либровича была дана отдѣльными выпусками въ видѣ приложенія къ одному изъ дѣтскихъ журналовъ («Задушевное Слово»). Какъ книга для юношества, сочиненіе г. Либровича не лишено извѣстнаго значенія и интереса, но взрослого читателя, любящаго серьезное чтеніе, оно едва ли удовлетворитъ: слишкомъ бѣгло изложеніе г. Либровича, слишкомъ неглубоко захватываетъ онъ трактующій вопросъ.

Вторая часть «Исторіи книги въ Россіи» охватываетъ XVIII столѣтіе—съ царствованія Петра I и до конца царствованія Павла I. Въ ней г. Либровичъ разсказываетъ послѣдовательно, по царствованіямъ, какія книги, русскія и переводныя, издавались при томъ или другомъ государѣ, какой онѣ имѣли внѣшній видъ (о ихъ содержаніи онъ не говоритъ почти ничего), какія типографіи, книжныя лавки и библіотеки тогда существовали, когда возникла въ Россіи періодическая печать и какъ она развивалась въ теченіе XVIII столѣтія. Но во всемъ этомъ не мало пробѣловъ, и часто весьма существенныхъ. Въ главахъ, посвященныхъ исторіи книги въ царствованіе Петра I, г. Либровичъ говоритъ между прочимъ (гл. V) объ изданіи съ 1703 г. «Вѣдомостей», но посвящаетъ этому вопросу въ общей сложности менѣе 1½ страницы;

разумѣется, при такомъ условіи нельзя выяснить этого вопроса сколько-нибудь глубоко и серьезно; въ частности, остается совсѣмъ неясной роль Петра I въ изданіи «Вѣдомостей». На стр. 92 г. Либровичъ говоритъ: «Вообще переводная литература Петровскаго времени отличалась большимъ разнообразіемъ и выросла до весьма значительныхъ размѣровъ», но какова именно она была и до какихъ именно размѣровъ выросла,—это читателю мало выяснено; между прочимъ, говоря о заботахъ Петра относительно перевода иностранныхъ книгъ на русскій языкъ, слѣдовало бы привести письмо Петра къ Зотову отъ 25 февраля 1709 года по поводу перевода книги Блонделя. Оно—болѣе раннее свидѣтельство заботъ Петра о переводныхъ книгахъ, чѣмъ тѣ документы, которые цитируетъ г. Либровичъ, и ясно свидѣтельствуешь, какой взглядъ на сущность перевода былъ у Петра уже въ 1709 г., задолго до извѣстнаго указа 1724 года о переводѣ книгъ. Характеристика печатной литературы при Петрѣ I не полна: тутъ указаны не всѣ *типы* изданныхъ тогда книгъ, и нѣтъ хотя бы только перечисленія школьныхъ драмъ, объясненій триумфальныхъ вратъ и т. п. Говоря о книгахъ царствованія Анны Іоанновны, г. Либровичъ называетъ и тѣ, которыя были тогда только *написаны*, а изданы значительно позднѣе (стр. 134), но почему-то не дѣлаетъ того же самаго относительно времени Петра I, и потому о сочиненіяхъ Посошкова, писателя эпохи преобразователя Россіи, читатели книги г. Либровича не узнаютъ ничего. Такіе же пробѣлы есть и въ главахъ, посвященныхъ царствованію Екатерины II. Тутъ, напримѣръ, отсутствуетъ указаніе на журналы Крылова, да и вообще журналистика екатерининскаго царствованія охарактеризована очень неполно и поверхностно. Изъ сочиненій Радищева названы только: «Письмо къ другу, жительствовавшему въ Тобольскѣ» и «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву», о «Трудахъ Вольнаго Экономическаго Общества» не сказано ни слова и т. д.

Книга г. Либровича снабжена большимъ количествомъ снимковъ съ рѣдкихъ изданій, образцовъ древней печати, копій гравюръ, автографовъ и т. п. Это едва ли не наиболѣе интересная сторона всего труда г. Либровича.

К. Сивковъ.

Книги, поступившія въ редакцію для отзыва.

1) Архангельскій, П. Погостные
наказы 1767 г. Казань. 2) Бертен-
сонъ, Л. Изъ воспоминаній о Д. В.
Григоровичѣ. 3) Библиографическій
обзоръ популярной сельско-хозяй-
ственной литературы. В. II. Имп. | вол. эк. 0-во ком. по расп. сель-
хоз. зн. П. Ц. 80 к. 4) Бѣлорусское
возрожденіе. (Изд. «Украинск.
Жизни». М. 5) Дель-Веккю, Д., проф.
Моральныя причины нашей войны.
М. Ц. 45 к. «Задруга». 6) Дѣло. |
|---|---|

- Двухнед. научн. и общ.полит. журналъ № 1 М. Ц. 45 к. 7) Кистяковский, Б. Соціальныя науки и право. М. Изд. М. и С. Сабашниковыхъ. Ц. 5 р. 8) Либровичъ, С. На книжномъ посту. Изд. Т-ва М. Вольфъ. П. и М. 9) Модзалевскій, Б. Новыя строки Пушкина. П. 10) Морозовъ, Н. Какъ прекратить вздорожаніе жизни? М. Ц. 60 к. 11) Нелидова, Е. Русь въ ея столицахъ. Владимиръ. П. Ц. 55 к. 12) Отчетъ о дѣят. моск. справ. бюро о военнопл. П. 13) Павловъ, А. Благословенный. Тифлисъ. 14) Перцевъ, В. Учебникъ древней исторіи Ч. I и II. Греція и Римъ. М. «Задруга». Ц. I ч.—1 р.; II ч.—2 р. 15) Письма морского офицера (1806—1809) П. И. Панафилина. Съ пред. и прим. Б. Модзалевскаго. П. 16) Шмитъ, Ф. проф. Законы исторіи. Введ. къ кур. всеоб. ист. искусств. В. I Харьковъ. Ц. 2 р. 17) П. Е. Щегловъ. Дуэль и смерть Пушкина. Изд. ак. н. Ц. 4 р. 50 к.

И. Г. Симоновъ.

22 августа, отъ внезапнаго обостренія сахарной болѣзни, въ своемъ имѣніи Землино, Московской губ., скончался Иванъ Григорьевичъ Симоновъ.

Врачъ по образованію, онъ былъ близокъ намъ не только по своимъ общественнымъ интересамъ, но и какъ одинъ изъ участниковъ по изданію «Голоса Минувшаго».

Иванъ Григорьевичъ только недавно вступилъ въ нашу товарищескую среду—и вдругъ такъ неожиданно прервалась его жизнь, которая могла быть еще столь богатой и полной: ему было немногимъ болѣе 40 лѣтъ. Великая скромность, присущая И. Г., помѣшала ему пріобрѣсти ту широкую популярность, которую онъ заслужилъ, какъ истинный другъ русскаго народа и русской интеллигенціи. И только послѣ смерти многіе узнали то, что знали одни его близкіе друзья—какъ широко благотворительствовалъ, почти въ скрытности, Иванъ Григорьевичъ (См. некрологъ С. А. Савинковой въ «Рѣчи», отъ 25 августа). Онъ не требовалъ почета и пышныхъ лавровъ, когда своими средствами поддерживалъ различныя просвѣтительныя начинанія (напр., курсамъ Лесгафта имъ было дано свыше 100,000 р.), когда приходилъ на помощь русскимъ гражданамъ, загнаннымъ судьбою далеко отъ родины... И. Г. дѣлалъ по убѣжденію, а не на показъ. Быть можетъ, эта скромность наилучшимъ образомъ характеризуетъ И. Г., какъ человѣка и какъ общественнаго дѣятеля.

Всегда бываетъ особенно тяжело, когда уходятъ отъ насъ такіе люди.

Редакція.

Братья Рубинштейны.

(Историческая справка къ пятидесятилѣтію Московской Консерваторіи).

Антонъ и Николай Григорьевичи Рубинштейны несомнѣнное украшеніе Москвы; каждый изъ нихъ—европейская величина, а Николай Рубинштейнъ къ тому же и специально московская величина, памятникомъ которой служить Консерваторія московскаго отдѣленія русскаго музыкальнаго общества на Большой Никитской улицѣ; старшее поколѣніе москвичей еще живо помнить обоихъ братьевъ.... Новая Москва постоянно видитъ въ консерваторскомъ залѣ обликъ Николая Рубинштейна, въ художественномъ созданіи Рѣпина—вдохновенное лицо Антона Рубинштейна и въ театрахъ слушаетъ «Демона», который не сходитъ съ репертуара.

Братья Рубинштейны вышли изъ состава московскаго купечества, изъ его молодыхъ и невысокихъ слоевъ; объ этомъ едва ли кто помнить, а большинство и вовсе не знаетъ... Братья Абрамъ (Абрагимъ) и Григорій Романовы Рубинштейны, житомірскіе первой гильдіи купеческіе дѣти, т.-е. дядя и отецъ знаменитыхъ братьевъ, появились въ Москвѣ въ 1834 г., по крайней мѣрѣ на одномъ официальном документѣ отъ 1 мая этого года читается такая надпись: «Лафертовской части у Покровскаго моста, въ 3 кварталѣ, въ Казенномъ Прачешномъ домѣ имѣютъ проволошное заведеніе» (дѣло № 5183). 1 мая этого года Московская Казенная Палата предписала Дому Московскаго Градскаго Общества по случаю объявленія братьями Рубинштейнами желанія открыть торговый домъ подъ одною фирмою перечислить ихъ на 1834 г. въ московское по третьей гильдіи купечество по одному капиталу съ правомъ наименованія обоихъ купцами. 2 мая въ Присутствіи купческаго отдѣленія Дома было постановлено числить ихъ въ московскомъ купечествѣ по третьей гильдіи и вмѣстѣ съ тѣмъ препроводить въ московскую городскую шестигласную думу копію съ указа казенной палаты, послѣ чего братья Рубинштейны дали «*вмѣсто присяги*»¹⁾ подписку въ томъ, что быть имъ въ москов-

¹⁾ Софья Григорьевна Рубинштейнъ, живущая нынѣ въ Москвѣ, какъ сообщила редакціи Ю. Д. Энгель, говорить, что Рубинштейнъ крестился еще до переѣзда въ Москву. Произошло это въ 1830 или 1831 г. «Крестивъ всю семью свою, нашъ дѣдъ—разсказываетъ С. Г. Рубинштейнъ,—виднo, хотѣлъ угодить Николаю Павловичу!» Такъ что трое младшихъ дѣтей Г. Р. Рубинштейна (въ томъ числѣ и Николай) родились въ православіи; старшіе же два сына (въ томъ числѣ и Антонъ) крещены были уже послѣ обрѣзанія.

скомъ по третьей гильдіи купечеству въ Голутвенной слободѣ, всякія государственныя подати платить, гражданскія службы служить въ равенствѣ, купечеству убытка никакого не доставить, ничего неблагопристойнаго и законамъ противнаго не чинить. Согласно тогдашнимъ порядкамъ Рубинштейнами былъ представленъ изъ купцовъ поручитель, который долженъ былъ обязаться внести за нихъ всѣ подати въ случаѣ ихъ, Рубинштейновъ, несостоятельности. Такимъ поручителемъ подписался московскій второй гильдіи купецъ Кадашевской слободы Ив. Ив. Манухинъ. Такъ 15 іюня 1834 г. Григ. Ром. Рубинштейнъ изъ житомирскаго первой гильдіи купеческаго сына превратился въ московскаго третьей гильдіи купца Голутвенной слободы и внесъ за 6½ мѣсяцевъ 1834 г. гильдейскаго платежа 15 руб.; 8 января 1847 г. онъ умеръ, не успѣвъ внести 24 руб. гильдейскаго платежа на этотъ годъ, и таковой въ апрѣлѣ того же года былъ взысканъ съ его наслѣдниковъ сиротскимъ судомъ (дѣло № 11038).

По смерти Григорія Рубинштейна ¹⁾ осталась его вдова Калерія Христофорова съ дѣтьми: въ 1848 г. дѣти были причислены къ семейству и капиталу московской третьей гильдіи купчихи вдовы К. Х. Рубинштейнъ, а именно: сыновья Яковъ 21 года, Антонъ 19 лѣтъ, Николай 13 лѣтъ и дочери Любовь 17 лѣтъ и Софья 5 лѣтъ. Эти Антонъ и Николай Григорьевичи Рубинштейны и явились музыкальными звѣздами Москвы (дѣло № 11966). Въ 50-хъ годахъ XIX-го столѣтія семья Рубинштейновъ продолжала жить въ Москвѣ, а Калерія Рубинштейнъ принадлежать къ составу московскаго купечества; въ 1850 г. она жила въ Якиманской части, въ приходѣ Петра и Павла, въ домѣ Сердобинской; 31 декабря этого года, согласно ея прошенію, было выдано изъ Дома Градскаго Общества свидѣтельство дочери ея Любви Григорьевны, 19 лѣтъ, на предметъ представленія въ церковь св. Николая чудотворца, что на Пескахъ, по случаю вступленія ея въ бракъ съ коллежскимъ секретаремъ Яковомъ Исаевымъ Вейнбергомъ въ томъ, что со стороны Дома къ выходу Любви Григорьевнѣ въ замужество «препятствій не имѣется».

Съ этого момента и начинается постепенное исчезновеніе Рубинштейновъ изъ состава московскаго купечества (дѣло № 14285). Въ октябрѣ (16-го) 1851 г. Калерія Рубинштейнъ просила Домъ Градскаго Общества выдать ей свидѣтельство «о недостаточномъ состояніи» для представленія въ правленіе Московскаго Университета; при прошеніи Рубинштейнъ представила удостовѣреніе, подписанное группой московскихъ купцовъ, въ

¹⁾ Абрагимъ Рубинштейнъ съ 1835 г. перечислялся въ мѣщанство.

томъ, что она, московская третьей гильдіи купчиха, сыну своему *Николаю*, «по обильному ея семейству и недостаточному состоянію, приличнаго воспитанія дать не можетъ». Это удостовѣреніе подписали купцы: Дмитрій Кочетковъ (3 гил., Кузнецкой слободы), Алексѣй Ив. Поповъ (3 гил., Сыромятной слоб.), Василій Сем. Тарлыковъ (3 гил., Конюшенной-Овчинной слоб.), Ив. Федор. Третьяковъ (Садовой Большой слоб.), Петръ Ларіоновъ Ливашовъ (Кадашев. слоб.), московскій временный купецъ Ив. Степан. Кузьминъ и купецъ 3 гильдіи Никиф. Никиф. Волковъ. Купеческое отдѣленіе Дома Градскаго Общества постановило выдать свидѣтельство для представленія въ правленіе Московскаго Университета въ томъ, что К. Х. Рубинштейнъ ¹⁾ сыну своему *Николаю Григорьевичу* приличнаго воспитанія дать не можетъ и платить за ученіе его въ Московскій Университетъ не въ состояніи (дѣло № 15543). Текстъ выданнаго Домомъ Градскаго Общества свидѣтельства повторяетъ слова удостовѣренія, подписаннаго семью купцами. Выходитъ такъ, что въ половинѣ XIX вѣка московскіе купцы третьей гильдіи подъ «*приличнымъ воспитаніемъ*» для ихъ дѣтей подразумѣвали какъ будто бы образованіе университетское. Въ 1852 г. изъ купеческаго сословія выбылъ Яковъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, какъ окончившій въ этомъ году курсъ наукъ въ Московскомъ Университетѣ со степенью лѣкаря. Указъ московской казенной палаты объ исключеніи его изъ состава купечества былъ полученъ купеческимъ отдѣленіемъ 5 августа 1852 г., постановленіе послѣдняго состоялось 19 августа того же года, при чемъ канцеляріи было предписано объ этомъ исключеніи «сдѣлать въ капитальной и слободской книгахъ надлежащія отмітки» (дѣло № 16835) и считать таковое состоявшимся съ 1 января 1852 года.

Съ 1 января 1855 г., постановленіемъ 17 октября 1855 г., былъ исключенъ изъ купечества Николай Рубинштейнъ, какъ удостоенный степени *лѣкаря* (дѣло № 21525 и 21748), а 24 сентября 1857 г. — Антонъ Рубинштейнъ, какъ удостоенный званія артиста перваго разряда императорскихъ театровъ (дѣло № 25097). Процедурѣ полного исключенія изъ сословія предшествовалъ пріемъ предварительнаго изъ него увольненія, требовавшій specialнаго общественнаго приговора. Въ отношеніи Николая Григорьевича Рубинштейна такой приговоръ состоялся 2 іюня 1851 г. Текстъ его можетъ представлять и specialный, и общій интересъ. «1851 г. іюля 2 дня въ присутствіи г. московскаго градскаго главы, по-

¹⁾ Объявленный его на 1851 г. купеческій капиталъ былъ 2400 руб., какъ и въ годъ смерти Григорія Рубинштейна; у нея было карандашное заведеніе.

четнаго гражданина, временно московскаго первой гильдіи купца и кавалера Ильи Афанасьевича Щекина избранные и уполномоченные отъ всего московскаго купеческаго общества присяжные повѣренныя, будучи въ Домѣ Московскаго Градскаго Общества въ собраніи, слушали прошеніе московской третьей гильдіи купчихи вдовы Калеріи Христофоровой Рубинштейнъ, въ коемъ изъясняетъ, что имѣетъ она въ семействѣ своемъ сына *Николая Григорьева*, который желаетъ поступить по ученой части, на что и она согласна, почему, представляя въ обезпеченіе платежа за него государственныхъ податей, которыя могутъ востребоваться до будущей десятой ревизіи или до исключенія его изъ оклада, билетъ московской сохранный казны писанный на неизвѣстнаго 18 іюня 1851 г., за № 76487, суммою въ 75 руб. сер., проситъ означеннаго сына ея, Николая, изъ купеческаго званія для поступленія по ученой части уволить и выдать ему на сей предметъ надлежащее свидѣтельство. А по справкѣ оказалось, что означенная вдова Кал. Хр. Рубинштейнъ состоитъ на сей 1851 годъ купчихою по 3 гильдіи и въ семействѣ ея значатся сыновья Яковъ, Антонъ и Николай Григорьевы, изъ коихъ сыну Николаю по сказкѣ девятой народной переписи прошлаго 1850 г. октября 22 числа показано отъ роду 15 л. и къ увольненію его по ученой части препятствія по дѣламъ Дома Градскаго Общества нѣтъ, а представленный вдовою Рубинштейнъ сохранный казны билетъ, за № 76487, по запискѣ въ приходѣ отданъ въ храненіе г. городовому старостѣ Шмагину. По выслушаніи чего *приговорили*: упомянутаго купеческаго сына Николая Григорьева Рубинштейна изъ купеческаго званія для поступленія по ученой части уволить и предоставить Дому Градскаго Общества выдать ему на сей предметъ надлежащее увольнительное свидѣтельство». 25 сентября 1851 г. аналогичный приговоръ состоялся въ отношеніи Якова Гр. Рубинштейнъ, которому по девятой ревизіи показано 22 года (Антону Гр.—20 лѣтъ 10 мѣс.).

К. Х. Рубинштейнъ продолжала состоять въ московскомъ купечествѣ и по исключеніи изъ него сыновей, а послѣдніе слѣды упоминанія о ней встрѣчаемъ въ документахъ 1892 г. (дѣло № 53989 л. 43 отъ 1892 г.). Изъ только что названнаго дѣла видно, что въ Московскую Купеческую Управу была представлена выпись изъ третьей части метрической книги Херсонской губерніи города Одессы, Срѣтенской церкви за 1891 г., выданной родственницѣ ея, Рубинштейнъ, Зинаидѣ Зацѣпиной 3 іюня 1892 г., въ томъ, что К. Х. Рубинштейнъ скончалась 17 сентября 1891 г., 76 лѣтъ, отъ старческой дряхлости, и погребена на Новомъ кладбищѣ города Одессы *по православному обряду*.

Всѣ приведенныя выше свѣдѣнія заимствованы изъ подлинныхъ документовъ, хранящихся въ архивѣ Московской Купеческой Управы.

Василій Сторожевъ.

Одно мѣсто настоящей исторической справки можетъ вызвать недоразумѣніе. Біографы обыкновенно утверждаютъ, что Николай Гр. Рубинштейнъ былъ *юристомъ* по образованію. На основаніи данныхъ Архива Московской Купеческой Управы пришлось сказать, что съ 1 января 1855 г., постановленіемъ 17 октября того же года, былъ исключенъ изъ купечества Николай Рубинштейнъ, какъ удостоенный степени *лѣкаря*. Въ послѣднемъ случаѣ не можетъ быть никакихъ сомнѣній, если только изслѣдователь имѣетъ въ виду прежде всего современные официальные документы, а не показанія отдѣльныхъ лицъ. Показаній, что Николай Рубинштейнъ былъ юристомъ по образованію, существуетъ не одно, и Ю. Д. Энгель, видѣвшій историческую справку еще въ рукописи, усомнился въ правильности показанія автора справки ¹⁾. Такое положеніе вопроса возлагаетъ на автора справки сугубую отвѣтственность, вслѣдствіе чего представляется необходимымъ привести болѣе точное указаніе на источникъ свѣдѣнія о *медицинскомъ* образованіи Николая Рубинштейна.

Дѣло № 21.748 Архива Моск. Куп. Управы открывается нижеслѣдующимъ официальнымъ документомъ въ оригиналѣ отъ 11 октября 1855 г., за № 16.259-мъ: «Указъ Его Императорскаго Величества Самодержца Всероссійскаго Дому Московскаго Градскаго Общества Казенная Палата *приказали*: удостоенныхъ степеней лѣкаря московскихъ 3-й гильдіи купеческихъ дѣтей Николая Григорьевича Рубинштейна и Илью Савватіева Малышева, согласно отношенію г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа, исключить съ начала 1855 г. изъ здѣшняго купечества...». Указъ

¹⁾ Ю. Д. Энгель указывалъ, что объ окончаніи Н. Г. Рубинштейнъ юридическаго факультета свидѣлствуютъ единогласно всѣ люди, близко знавшіе Рубинштейна. Категорически подтверждаетъ это и сестра его Софья Григорьевна. Н. Д. Кашкинъ въ своихъ воспоминаніяхъ о Н. Рубинштейнѣ (т. XLVII «Русскаго Обозрѣнія») приводитъ между прочимъ разсказъ тогдашняго профессора юридическаго факультета Ѳ. Б. Мюльгаузена, какъ плохо экзаменовался у него на выпускномъ экзаменѣ Н. Рубинштейнъ. На основаніи этого Ю. Д. Энгель предполагалъ, что въ цитируемомъ документѣ вслѣдствіе канцелярской небрежности Николай Рубинштейнъ былъ спутанъ со своимъ старшимъ братомъ Яковомъ, который дѣйствительно былъ «лѣкаремъ».

С. Г. Рубинштейнъ, по словамъ Ю. Д. Энгеля, и въ другихъ частяхъ проведеннаго В. Н. Сторожевымъ документа находитъ неточность. Такъ по ея разсказу, Антонъ Рубинштейнъ никогда на службѣ въ императорскихъ театрахъ не состоялъ и званія «артиста перваго разряда императорскихъ театровъ» не имѣлъ.

этотъ былъ доложенъ Присутствію Купеческой Части Дома Градскаго Общества 17 октября, о чемъ составленъ журналъ, въ который вошла справка по документамъ тогдашней канцеляріи. Изъ этой справки видно, что означенный въ Указѣ Казенной Палаты отъ 11 октября 1855 г. Николай Григорьевичъ Рубинштейнъ состоитъ въ Голутвенной слободѣ при матери его 3-ей гильдіи купчихъ вдовѣ Калеріи Христофоровой Рубинштейнъ (увольнительное свидѣтельство на поступленіе въ университетъ было выдано 6 іюля 1851 г., за № 2131).

Такимъ образомъ офиціальныи документъ утверждаетъ, что Николай Рубинштейнъ въ 1855 г. окончилъ московскій университетъ со степенью *лѣкаря*, а журналъ Присутствія Купеческой Части Дома Градскаго Общества удостовѣряетъ, что этотъ *лѣкарь* Николай Гр. Рубинштейнъ есть сынъ Калеріи Христофоровой и Григорія Романова Рубинштейновъ, вписанныхъ въ Голутвенную слободу 3-ей гильдіи московскаго купечества. Всякія сомнѣнія въ томъ, что документальный *лѣкарь* Николай Рубинштейнъ есть именно знаменитый московскій музыкантъ и основатель московской консерваторіи реальный Николай Рубинштейнъ,—исчезаютъ.

В. См.

Редакторъ-издатель С. П. МЕЛЬГУНОВЪ.

Вышли новыя книги:

ИГНАТОВЪ, И. Н. Театръ и зрители. Историк.-литературные очерки. Ц. 3 руб.

РОПШИНЪ, В. То, чего не было. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Изд. 2-е. Ц. 2 р. 50 коп.

Его же. Ео Франціи во время войны. Ц. 1 р. 75 коп.

ДЖ. ДЕЛЬ-ВЕККИО. Моральныя причины нашей войны. Перев. съ итальянскаго. Ц. 45 коп.

МЕЛЬГУНОВЪ, С. П. О современныхъ литературныхъ нравахъ. Ц. 60 коп.

ПЕРЦЕВЪ, В. Н. Учебникъ древней исторіи, ч. II. Исторія Рима. Ц. 2 руб.

То же. Ч. I. Исторія Греціи. Ц. 1 руб.

ФРИЧЕ, В. М. Итальянская литература XIX вѣка. Ч. I. Ц. 2 р.

ФРИЧЕ, В. М. Германскій имперіализмъ въ литературѣ. Ц. 1 р. 25 к.

РЫЕНИКОВЪ, Н. А. Деревенскій школьникъ и его идеалы. Ц. 1 руб.

КОРНИЛОВЪ, К. Н., РЫБНИКОВЪ, Н. А. и СМІРНОВЪ, В. Е. Простѣйшіе школьные психологическіе опыты. Ц. 90 коп. Изд. 2-е.

ЕФИМОЪ, Е. Н. Элементарныя понятія о правѣ и государствѣ. Курсъ законовѣдѣнія для школы и самообразованія. Ц. 1 р. 25 коп.

Книгиздательство „ЗАДРУГА“, Москва, М. Никитская, 29.

Отд. въ Петроградѣ: Книгоиздательство „Огни“, Фонтанка, 80

**Выписывающіе изъ склада на сумму не менѣе 3 рублей за
пересылку не платятъ.**

ПОЛНЫЙ КАТАЛОГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

Издание Л. Э. Бухгейма.

Отрывки изъ воспоминаній М. К. Рейхель и письма къ ней А. И. Герцена. Ст. 4 портр. М. 1909. Цѣна 1 руб.

А. Н. Пыпинъ. Мои змѣтки. Съ приложеніемъ статей: „Два мѣсяца въ Прагѣ“ и „Вячеславъ Ганка“. Подъ редакціей В. А. Ляцкой. Съ портретомъ и факсимиле А. Н. Пыпина. М. 1910. Цѣна 2 руб.

К. С. Аксаковъ. Воспоминаніе студентства (1832—1835 гг.). Съ приложеніемъ портрета К. С. Аксакова, неизданнаго стихотворенія и отклика А. И. Герцена на его кончину. Спб. 1911. Цѣна 60 коп.

А. С. Грибоѣдовъ. Горе отъ ума. Комедія. Текстъ Жандровской рукописи, хранящейся въ Историческомъ Музеѣ въ Москвѣ. Съ 2 портретами и 5 снимками съ рукописи. Редакція, введеніе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. М. 1912. Цѣна 3 руб.

У. Г. Иваскъ. Григорій Николаевичъ Геннади. Обзоръ жизни и трудовъ. Съ 2 фототипич. портретами. М. 1913. Цѣна 2 руб. 75 коп. (Распродано).

У. Г. Иваскъ. Жизнь и труды Василя Ивановича Соболевскаго, старшаго иблотекаря и архитектора Императорской Публичной Библіотеки. Съ гравир. портретомъ. М. 1914. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Н. Синявскій и М. Цяловскій. Пушкинъ въ печати 1814—1837. Хронологическій указатель произведеній Пушкина, напечатанныхъ при его жизни. М. 1914. Цѣна 3 руб.

М. Цяловскій. Два автографа Пушкина. Съ двумя снимками. М. 1914. Цѣна 1 руб.

Три письма В. Г. Бѣлинскаго къ Н. М. Щепкину. Съ неизданнымъ портретомъ Бѣлинскаго. М. 1914. Цѣна 50 коп.

Письма И. С. Аксакова, Н. П. Барсукова, П. С. Билярскаго, О. М. Бодянскаго, кн. П. А. Вяземскаго, В. П. Гаевского, Г. Н. Геннади, Н. В. Гербея, Г. З. Елисеева, П. А. Ефремова, Н. И. Костомарова, М. А. Максимовича, В. И. Межова, М. П. Погодина, А. Н. Пыпина, М. М. Стасюлевича, М. И. Сухомлинова, Н. С. Тихонравова и А. А. Хованскаго къ библіографу С. И. Пономареву. Съ 1 гравюрой и 14 иллюстраціями. М. 1915. Цѣна 5 руб.

(Осталось небольшое количество экземпляровъ).

Сочиненія Михаила Николаевича Лонгинова. Томъ первый. (1850—1859). Съ портретомъ М. 1915. Цѣна 4 руб. 50 к.

В. П. Семенниковъ. Когда Радищевъ задумалъ „Путешествіе“? М. 1916. Цѣна 1 руб.

СНЛАДЪ ИЗДАНІЙ:

Москва, Покровка, Введенскій пер. 28. Л. Э. Бухгеймъ. Тел. 5-13-63.

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКІЙ СЛОВАРЬ

Т-ва «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°».

- Седьмое совершенно переработанное и значительно расширенное издание под редакціей профессоръ

Ю. С. Гамбарова, В. Я. Желѣзнова, М. М. Ковалевскаго, С. А. Муромцева (†) и К. А. Тимирязева.

Изъ отзывовъ печати: «Характеръ основныхъ статей Словаря отличается во вновь вышедшихъ томахъ такими же высокими достоинствами, какъ и въ предыдущихъ... Превосходныя статьи К. А. Тимирязева, М. А. Мензбира, М. М. Ковалевскаго и многихъ другихъ авторовъ по своей содержательности далеко превосходятъ статьи на аналогичныя темы даже въ лучшихъ западно-европейскихъ энциклопедіяхъ. Превосходной остается и внѣшность изданія» («Русскія Вѣдомости» 1913 г., № 66). «... Такія статьи, какъ М. М. Ковалевскаго о Великобританіи, П. Н. Милюкова—о гр. С. Ю. Витте, В. А. Мякотина—о Государственной Думѣ и о дворянствѣ въ Россіи, К. А. Тимирязева—о биологіи, Эмиля Вандервельде—о Бельгіи, П. Г. Виноградова и А. К. Дживелегова—о Германіи, И. И. Мечникова—о долголѣтности, М. И. Туганъ-Барановскаго—о земельномъ вопросѣ, В. И. Семевскаго—о крестьянахъ, Е. В. Тарле—о папствѣ и мн. др., читаются съ захватывающимъ интересомъ. Въ отличіе отъ имѣющихъ энциклопедій, редакція седьмого изданія гранатовскаго словаря заботится о томъ, чтобы свѣдѣть словарь живой книгой, книгой для чтенія, а не для однихъ лишь утилитарныхъ справокъ. Не забыта, конечно, и чисто справочная часть. Много справочныхъ свѣдѣній выдѣлено въ особыя приложенія, набранныя мелкимъ шрифтомъ и составляющія иногда цѣлые обзоры («Рѣчь» 1915 г., № 183). «... Все названное и многое другое въ Словарѣ является оригинальными работами, написанными для Словаря лучшими знатоками вопроса, сказавшими въ данной области свое слово и внесшими это свое и въ работу для Энциклопедіи... Вотъ почему на этотъ Энциклопедическій Словарь нельзя смотрѣть только какъ на справочное изданіе: ему принадлежитъ и широкая образовательная роль» («Русская Школа», май—іюнь 1915 г.). «Иллюстративная часть далеко оставляетъ за собой все, что до сихъ поръ давалось подобными изданіями не только въ Россіи, но и за границей» («Утро Россіи» 1910 г., № 317).

Изъ содержанія 32-го и 33-го тт.: Персія—исторія (36 стб.)—проф. А. Е. Крымскаго. Петрашевцы—В. И. Семевскаго. Петроградъ, Петроградская губернія, петроградскій университетъ (38 стб.)—Л. Д. Синицкаго, В. Ф. Добрынина и Б. И. Сыромятникова. Петръ I (15 стб.)—проф. Н. Н. Фирсова. Пироговъ—проф. Ф. А. Рейна и И. М. Соловьева. Писаревъ—И. Н. Игнатова. Питетная торговля—доц. А. Р. Свиршевскаго. Писчебумажное производ.—проф. А. П. Лидова. Пишевареніе (11 стб.)—проф. В. В. Завьялова. Планеты (11 стб.)—прив.-доц. С. Н. Блажко. Платонъ (10 стб.)—прив.-доц. И. М. Малинина. Погода (12 стб.)—проф. А. И. Воейкова и прив.-доц. В. В. Шипчинскаго. Подоходный налогъ (12 стб.)—доц. А. Р. Свиршевскаго и прив.-доц. А. А. Соколова. Позвоночныя (10 стб.)—проф. М. А. Мензбира. Полинезійцы—А. Н. Максимова. Польша—исторія до Вѣнскаго конгресса, этнографія, литература, искусство (113 стб.)—проф. А. Л. Погодина, Л. Крживицкаго, Л. С. Козловскаго и С. А. Боровскаго. Поляризація свѣта (11 стб.)—прив.-доц. А. К. Тимирязева. Полярныя экспедиціи и страны (прилож.) (20 стб.)—прив.-доц. С. Г. Григорьева. Португалія (20 стб.)—А. Деренталя. Потребленіе (прилож.) (20 стб.)—прив.-доц. С. А. Первушина. Право (30 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. Право авторское (11 стб.)—С. А. Бѣлякина. Право водное (прилож.) (12 стб.)—проф. Ю. С. Гамбарова. Право государственное (16 стб.)—проф. М. А. Рейснера. Право международное (съ прилож.) (23 стб.)—проф. В. А. Уляницкаго. Представительное государство (17 стб.)—проф. М. А. Рейснера. Преступленіе и преступность (23 стб.)—проф. П. И. Люблинскаго. Прибыль на капиталъ (14 стб.)—проф. М. В. Бернацкаго. Призрѣніе общественное—прив.-доц. А. А. Бороваго. Приливы и отливы—докт. геогр. Л. С. Берга. Продовольственный вопросъ (прилож.) (11 стб.)—прив.-доц. М. Д. Загряцкова. Промыслы отхожіе—П. П. Маслова. Психологія и психологія экспериментальная (16 стб.)—проф. Н. Н. Ланге. Птицы—(17 стб.)—проф. М. А. Мензбира.

Въ вышедшихъ томахъ помѣщено: 169 текстовъ, прилож. (2,349 стб.) и 575 иллюстриров., въ т. ч. разборныя модели по анатоміи и техникумъ, 42 репродукціи въ краскахъ и 80 англійскихъ гелиографуръ.

Цѣна тома (при подпискѣ на все изданіе)—3 р. 30 к. За переплеть (по рис. ак. жив. Л. О. Пастернака)—80 к. За пересылку по стоимости. По соглашенію допускается разсрочка. Иллюстрированные проспекты высылаются по требованію.

Т-во «Бр. А. и И. ГРАНАТЪ и К°», Москва, Тверской бульваръ, 15.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ“.

Петроградъ. Фонтанка, домъ 38, кв. 19. Телефонъ 227—42.

Сочин. М. Горькаго.

- Т. X. Жизнь ненужнаго человека. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Городокъ Окуровъ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XII. Матвей Кожемякинъ. Ч. I. Ц. 1 р. 75 к.
Т. XIII. Матвей Кожемякинъ. Ч. II. Ц. 1 р. 85 к.
Т. XIV. Лето. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XV. Мать. Ц. 3 р.
Т. XVI. Пожаръ. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVII. Скачки. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XVIII. Хозяинъ. Ц. 1 р. 50 к. Въ переп.—2 р. 10 к.
Т. XIX. По Руси. Ц. 1 р. 50 к.
Т. XX. Дѣтство. Ц. 1 р. 50 к.
Описателяхъ-самоучкахъ. Ц. 25 к.

С. Гусевъ-Оренбургскій. ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Разказы. Ц. 1 р.
Т. II. Хозяинъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Страна отцовъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Въ приходѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Золотой сонъ. Ц. 1 р.
Т. VI. Надъ пошкой. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Дьяволъ и смерть. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Непоумѣніе. Ц. 1 р.
Т. IX. Мгла. Ц. 1 р.
Т. X. Куричанскіе прихоты. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XI. Враги. Ц. 1 р.
Т. XII. Въ глухомъ утѣдѣ. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 60 к.
Т. XIII. Люди. Ц. 1 р.
Т. XIV. Призракъ. Ц. 1 р. 15 к. Въ переп.—1 р. 85 к.

Семенъ Юшковицъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Распадъ. Ц. 1 р.
Т. II. Ита Гайне. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. III. Еврен. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Наши сестры. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. V. Прологъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Невинныя. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VII. Въ городѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. VIII. Очерки дѣтства. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. IX. Комедія брана. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. X. Драма въ домѣ. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.

- Т. XI. Вышла изъ круга. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Голуби. Ц. 1 р. 25 к. Въ переп.—1 р. 85 к.
Т. XIII. Леонъ Дрей. Ч. I. Ц. 1 р.
Т. XIV. Леонъ Дрей. Ч. II. Ц. 1 р. Человѣкъ воздуха. Ц. 1 р.

Скиталецъ.

ПОЛНОЕ СОБРАНИЕ СОЧИНЕНІЙ.

- Т. I. Сквозъ строй. Ц. 1 р. 25 к.
Т. II. За тюремной стѣной. Ц. 1 р. 25 к.
Т. III. Полевой судъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IV. Огарки. Ц. 1 р. 25 к.
Т. V. Этапы. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VI. Метеоръ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VII. Местъ. Ц. 1 р. 25 к.
Т. VIII. Пѣсни. Ц. 1 р. 25 к.
Т. IX. Дѣти. Ц. 1 р. 25 к.
Т. X. Вѣрность. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XI. Бѣлая пустошь. Ц. 1 р. 25 к.
Т. XII. Манфредъ.—Небо и земля.—Кантъ. Въ пер. И. Бунина. Ц. 1 р.
Т. XIII. Конрадъ Валленродъ. Ц. 60 к.
Т. XIV. Темный ликъ. Ц. 2 р.
Т. XV. Въ рабочихъ кварталахъ. Ц. 1 р.
Т. XVI. Чаша смертной. Ц. 1 р. 25 коп.
Т. XVII. Въ странѣ озеръ. Ц. 1 р. 25 коп.
Т. XVIII. Знаменіе времени. (О дѣлѣ Бейлиса). Ц. 1 р.
Т. XIX. Шевченко, пѣвецъ Украйны. Ц. 60 к.
Т. XX. Въ культурномъ скиту. 60 к.
Т. XXI. Избранная произведенія русск. поэзій.—Сбор. стих. отъ Пушкина до нашихъ дней. Ц. 2 р., въ пер. 3 р.
Т. XXII. Бѣдный. Басни. Ц. 60 к.
Т. XXIII. Человѣкъ сталъ летать. Ц. 65 к. Въ переп.—1 р. 15 к.
Т. XXIV. Швейцарія. Ц. 80 к.
Т. XXV. Въ смертельной опасности. Ц. 65 к. Въ переп.—85 к.
Т. XXVI. Приключенія Романа Кальбры. Ц. 1 р. Въ переп.—1 р. 20 к.
Т. XXVII. Что говорятъ забытыя могилы. Ц. 65 к. Въ переп.—1 р. 20 к.
Т. XXVIII. Подъ роднымъ солнцемъ. Ц. 1 р.

П. Н. Сурожъ. В. Зеленый шумъ. Ц. 85 к.

Ал. Алтаевъ. Поэты юности. Ц. 1 р. 85 к.

Его же. Внизъ по Волгѣ рѣкѣ. Историч. повѣсть. Ц. 65 к. Въ переп.—85 к.

Его же. Пѣвецъ страданія и свободы. Ц. 1 р.
Его же. Юноша-поэтъ. (С. Я. Надсонъ). Ц. 50 к.

Н. А. Вигдорчикъ. Жертвы мирнаго труда. (о несчастныхъ случаяхъ при фабричной работѣ). Ц. 25 к.

А. М. Коллонтай. Общество и материнство. Государственное страхованіе материнства. Ц. 3 р. 50 к.

С. Т. Семеновъ. 25 лѣтъ въ деревнѣ. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Капитализмъ. Наемный трудъ и заработная плата. Ц. 2 р.

П. П. Масловъ. Исторія народнаго хозяйства. Ц. 2 р.

Дешевая бібліотека. (большинство книгъ съ рис.).

Всеволодъ Гаршинъ. Сигналъ. Ц. 6 к.

Его же. Скака о гордомъ Аггеѣ. Ц. 6 к.

Его же. То, чего не было. Ц. 5 к.

Его же. Лягушка путешественница. Ц. 5 к.

С. И. Гусевъ-Оренбургскій. Пастырь добрый. Ц. 10 к.

Его же. Казетника. Ц. 7 к.

Его же. Конокрадь. Ц. 4 к.

Его же. По теченію. Ц. 8 к.

Его же. Интрига. Ц. 7 к.

Его же. Рабочій. Ц. 7 к.

Его же. Сквозъ преграды. Ц. 7 к.

Его же. На родину. Ц. 8 к.

Его же. Заступникъ. Ц. 8 к.

Его же. Отецъ Памфила. Ц. 7 к.

М. Ю. Лермонтовъ. Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Ц. 3 к.

Его же. Уэникъ и др. стих. Ц. 4 к.

Его же. Мшари. Ц. 4 к.

Его же. Ашикъ-Керибъ. Ц. 4 к.

Его же. Вѣтка Палестины и др. стих. Ц. 6 к.

Его же. Измаиль-Бей. Ц. 12 к.

Его же. Баба. Ц. 7 к.

Его же. Максимъ Максимовичъ. Ц. 5 к.

Его же. Демонъ. 8 к.

С. Т. Семеновъ. Своя судьба. въ народн. театрахъ. Ц. 12 к.

Демьянъ Бѣдный. Диво-дивное и др. снази. Ц. 10 к.

Его же. Пирогъ да блинъ. Сказки. Ц. 10 к.

Нижинскій складъ и магаз. «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ». Петроградъ, Фонтанка 38, кв. 9. Тел. 227—42.

Книжный магазинъ и складъ «ЖИЗНЬ и ЗНАНИЕ» принимаетъ на себя выполненіе всѣхъ книжныхъ заказовъ какъ для частныхъ лицъ, такъ и для городскихъ, земскихъ, общественныхъ и правительственныхъ учреждений.—Выполняетъ заказы по пополненію и устройству новыхъ книжныхъ складовъ и магазиновъ.—Высылаетъ регулярно всѣ новинки книжнаго рынка.—Составляетъ новыя и пополняетъ уже существующія бібліотеки и читальни. Подробныя каталоги высылаются бесплатно.

Выписывающіе въ провинцію изданія книгоиздательства «Жизнь и Знание» не мѣтъ платить на два рубля, непосредственно изъ нашего магазина, а посылку не платятъ. Заказы исполняются скоро и аккуратно.

Всѣ заказы, письма, рукописи и пр. по дѣламъ склада и издательства «Жизнь и Знание» просятъ адресовать такъ: Книжный складъ и магазинъ (или книгоиздательство) «Жизнь и Знание», Владиміру Дмитріевичу Бончъ-Бруевичу. Петроградъ, Фонтанка, д. 38, кв. 19.

Книжный магазинъ И. М. ФАДЪЕВА. Моховая, д. 26.

	цѣна р. к.		цѣна р. к.
Орловъ, А. Лекціи по русской древней литературѣ. . .	3.—	Винклеръ. Гербы городовъ.	10.—
Лихачевъ. Матеріалы для исторіи русскаго иконописанія. 2 тома въ листъ.	275.—	Книга Калила и Димана. Сборникъ арабскихъ басенъ.	3.—
Щедровский. Альбомъ типовъ Москвы 50-хъ гг. XIX в.	75.—	Дмитріевъ. Взглядъ на мою жизньъ.	2.—
Луи Бланъ. Исторія французской революціи. 12 т.	30.—	Дмитріевъ. Мелочи изъ за- паса моей памяти. . .	1.50
Соловьевъ. Исторія Россіи. 7 т.	20.—	Рѣшетилло. Лѣченіе лучами Рентгена.	3.—
Батюшковъ, К. Сочиненія 3 т. Лучшее издан. съ рис.	40.—	Болотовъ. А. Памятники протекшихъ временъ (изъ временъ Павла I.)	1.50
Веберъ. Всеобщая исторія т. 5, 6, 7, 8, 9.	15.—	Пастуховъ. Разбойникъ Чур- кинъ. 4 части.	4.—
Лилеевъ. Исторія раскола на Вѣткѣ въ Старо- дубьи.	4.—	Фойгтъ. Возрожденіе клас- сической древности или вѣкъ итальянскаго гу- манизма. 2 т.	6.50
— Новые матеріалы по расколу.	2.—	Магаффи. Греческая литера- тура (пер. классич.) 2 т.	6.—
Вегеле. Данте.	3.—	Саади. Гулистанъ.	1.—
Гюбаръ. Современная испан- ская литература. . . .	1.—	Селивановъ. Видѣнное и слышанное.	1.50
Тьюкъ. Духъ и тѣло. . . .	2.50	Обольяниновъ. Н. Каталогъ русскихъ иллюстр. из- даній 1725—1860 г. 2 т.	15.—
Давидъ Саважо. Реализмъ и натурализмъ.	2.—	Ровинскій, Д. Русскія народ- ныя картинки 2 т. съ указ.	8.—
Пелисье. Французская лите- ратура XIX в.	2.—	Собко, Н. Словарь русскихъ художниковъ т. I в. 1. А. (500 именъ) т. II в. 1. II (400 именъ) т. III. в. 1. II. (700 именъ).	5.—
Дмитріевъ-Мамоновъ. Пуга- чевцы.	2.50	Праховъ, А. Альбомъ истори- ческой выставки пред- метовъ искусства. . . .	20.—
— Декабристы въ Сибири.	2.50	Дройзенъ. Эллинизмъ. 3 т.	11.—
Болотовъ. Исторія церкви т. I. Ц. 2 р. 25 к.—т. II Ц. 3 р.—т. III.	2.—	Тикноръ. Испанская лите- ратура 3 т.	9.50
— Сиро-персидская цер- ковь.	3.50	Крижаничъ. Сочиненія въ изданіи Безсонова. . .	5.—
— Церковная исторія Еги- пта. День и годъ муче- нической кончины св. евангелиста Марка. . .	1.25	Элихенъ. Греческій и рим- скій театръ.	1.—
Веберъ. Исторія всемірной торговли 3 т.	7.50	Забѣлинъ. Опыты изученія русской жизни 2 т. . .	5.—
Куглеръ. Исторія живописи.	7.—	Максимъ Грекъ. Сочиненія. 3 т.	6.—
Любке. Исторія пластики.	5.—	Чернышевскій. Матеріалы для біографіи Добро- любова	2.—
Каррьеръ. Исторія искусства. т. 2, 3, 4. Перев. Корша	12.—	Мережковскій. Трилогія 3 т. 5 р. 75 к., лучшее изд.	50.—
Семевскій. Слово и дѣло. — Царица Екатерина Але- ксѣевна и Анна Монсъ.	2.— 2.50		
Дневникъ Храповицкаго. . .	3.—		
Стасовъ. Сочиненія 3 т. съ атласомъ.	10.—		
Лабуле. Балканскій полуо- стровъ.	2.—		

Покупка книгъ цѣлыми домашними бібліотеками и отдѣльными сочиненіями, также книгъ церковной старой славянской печати и древнихъ рукописей по хорошей цѣнѣ.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ СКЛАДЪ

Т - в а „О Г Н И“.

Петроградъ, Фонтанка, 80.

Московское отд.: Книгоизд. «ЗАДРУГА»; М. Никитская 29.

Н О В Ы Я к н и г и:

Г. Гриммъ. Микель-Анджело Буонарроти. Выпускъ 5. Роскошно иллюстриров. изданіе, выходящее по предварит. подпискѣ. Ранѣе вышли вып. 1—4. Цѣна каждого выпуска 2 р. 25 к. Продолжается подписка на условіяхъ: задатокъ 2 р. и при полученіи первыхъ 17 вып. по 2 р. 25 к., 18-й вып., какъ оплаченный задаткомъ, выдается бесплатно.

А. Н. Пыпинъ. Русское масонство XVIII и первая четверть XIX в. Редакція и примѣчанія Г. В. Вернадскаго. 1916 г. Ц. 4 р. 75 к.

А. Н. Пыпинъ. Религіозныя движенія при Александрѣ I. Предисловіе и примѣчанія Н. К. Пиксанова. 1916 г. Ц. 4 р.

Къ 10-лѣтію I-й Государственной Думы. Сборникъ статей переводимцевъ: Н. А. Бородинъ, Л. М. Брамсона, А. Н. Букейханова, А. В. Васильева, М. М. Винавера, Н. А. Гредескула, В. М. Долженкова, И. Н. Ефремова, Я. К. Имшенецкаго, Н. И. Карѣева, крестьянина И. Л., О. Д. Крюкова, В. Д. Кузьмина-Караваева, М. М. Ковалевскаго, В. П. Обнинскаго, кн. В. А. Оболенскаго, Н. А. Огородникова, Д. Д. Протопопова, И. И. Рамшвили, О. И. Родичева, кн. Д. И. Шаховскаго и бар. О. Р. Штейнгеля. 1916 г. 2 р. 25 к.

В. М. Хинияковъ. Воспоминанія земскаго дѣятеля. Предисловіе В. Я. Богучарскаго. 1916 г. Ц. 2 р. 25 к.

О. О. Озаровская. Бабушкины старины. Сказительница былинъ М. Д. Кривопольнова. Съ портретами сказительницы и нотными прилож. 1916 г. Ц. 1 р. 20 к.

Л. Н. Модзалевскій. Для дѣтей. Стишки. Съ иллюстраціямъ Г. И. Нарбута. 1916 г. Ц. 80 коп.

А. Вѣтровъ. Во что вѣрить сегодня Германія? 1916 г. Ц. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

Д. Меремновскій. Зачѣмъ воскресъ? Религіозная личность и общественность. 1916 г. Ц. 40 к. (Изд-во «Корабль»).

Г. Чулковъ. Судьба Россіи. Бесѣда о современныхъ событіяхъ. 1916 г. 65 к. (Изд-во «Корабль»).

З. Гиппиусъ. Зеленое кольцо. Пьеса въ 4-хъ дѣйствіяхъ съ послѣсловіемъ «Зеленое Бѣлое-Алое». 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

Е. Гинзбургъ-Гальперина. Мировая война и судьбы международного права. 1916 г. Ц. 60 коп.

Р. Эшеръ. Пангерманизмъ. Сокращен. переводъ съ англійскаго В. Я. Фанъ-деръ-Флита. 1916 г. Ц. 75 к.

Н. А. Бородинъ. Сѣверо-Американскіе Соед. Штаты и Россія. 1916 г. Ц. 2 р. 50 к.

П. Виллари. Никколо Макиавелли и его время. Томъ I. Перев. съ итальянскаго И. М. Кригеля со вступит. статей М. М. Ковалевскаго. Ц. 3 р. 50 к.

М. Вундтъ. Греческое мировоззрѣніе. Перев. Ф. Д. Капелюша. 1916 г. Ц. 1 р. 25 к.

О. Генри. Сердце запада. Разказы. Перев. съ англійскаго. 1916 г. Ц. 1 р. 50 к.

А. А. Норниловъ. Русская политика въ Польшѣ со времени раздѣловъ до начала XX вѣка. 1916 г. Ц. 80 к.

Э. Леви. Греческая скульптура. Перев. съ итальянскаго В. Конради. 1916 г. Ц. 3 руб. 50 коп.

Сказки. Утѣхи досужія. Тексты избралъ Е. А. Ляцкий при участіи М. Н. Чернышевскаго. 1916 г. Ц. 2 р.

Литературно-художественные сборники «ОГНИ».

Книга первая. **С. Кондурушкинъ.** Въ солнечную ночь. Ц. 1 р. 25 к.

Книга вторая. **Г. Гребенниковъ.** Змѣй горынычъ. Ц. 1 р. 25 к.

Книга третья. **Латинскій сборникъ** современной художеств. литературы подъ ред. А. Деглавъ. Ц. 1 р. 75 к.

Складъ высылаетъ всѣ книги, имѣющіяся въ продажѣ; каталоги—бесплатно.

ИЗДАТЕЛЬСТВО СВОБОДНОЕ ИСКУССТВО

ПЕТРОГРАДЪ, Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., 9. ТЕЛ. 684-36 и 565-23.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА ВЫХОДЯЩУЮ ВЪ ОКТЯБРЬ

НОВУЮ КНИГУ.

ПОСВЯЩЕННУЮ ТВОРЧЕСТВУ ХУДОЖНИКА

Н. К. РЕРИХА

ВЪ КОТОРУЮ ВХОДЯТЪ СТАТЬИ:

Ю. БАЛТРУШАЙТИСА, АЛЕКС. БЕНУА, А. ГИДОНИ, А. РЕМИЗОВА и С. ЯРЕМИЧА, а также десять сказокъ и притчъ Н. К. РЕРИХА. Худож. редакція В. ЛЕВИЦКАГО. Изданіе выходитъ въ свѣтъ въ 500 нумерованныхъ экземплярахъ на лучшей бумагѣ въ переплетѣ съ большимъ количествомъ красочныхъ воспроизведеній fac-simile картинъ Н. К. Рериха и репродукціями, исполненными всевозможными способами графическаго искусства. Вся книга исполнена въ Художественно-Графическомъ Заведеніи «УНИОНЪ» въ Петроградѣ

Для любит. отпечатаны 25 именныхъ экз. на голландской бумагѣ.

Стоимость книги въ переплетѣ и картонной коробкѣ съ 1-го сентября повышена:

ЛЮБИТЕЛЬСКАГО ИМЕННОГО 85 руб.

НУМЕРОВАННАГО ЭКЗЕМПЛЯРА 43 руб.

КНИГА ПОСТУПИТЬ ВЪ ПРОДАЖУ 15 СЕНТЯБРЯ.

ПОДПИСКА НА ОСТАВШИЕСЯ ЭКЗЕМПЛЯРЫ ПРИНИМАЕТСЯ ВЪ КОНТОРѢ ИЗДАТЕЛЬСТВА—Б. КАЗАЧІЙ ПЕР., 9.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ ВО ВСѢ ЛУЧШІЕ КНИЖНЫЕ МАГАЗИНЫ

ИСПОЛНЕННАЯ ДѢТЬМИ

подъ редакціей А. АРНШТАМА, при ближайшемъ содѣйствіи АЛЕКС. БЕНУА
М. ДОБУЖИНСКАГО, Н. КУЛЬБИНА, Е. ЛАНСЕРА и Н. РЕРИХА

ДѢТСКАЯ ХУДОЖЕСТВЕННАЯ КНИЖКА

„НАША ПЕРВАЯ КНИЖКА“

„НАШЪ ЖУРНАЛЪ“

Цѣна 3 р. 25 к.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Иллюстрированные проспекты высылаются по требованію бесплатно.

Издательство К. Ф. НЕКРАСОВА. Москва, Цвѣтной бульв., 12.

КНЯЗЬ АДАМЪ ЧАРТОРИЖСКІЙ. Мемуары. Пер. А. Дмитриевой. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера. Т. I. Ц. 2 р. 50 к.; т. II. Ц. 2 р.

П. МОРАНЪ. Павелъ I до восшествія на престолъ. Пер. съ франц. Н. Ширяевой. Ц. 3 руб.

ГР. ШУАЗЕЛЬ ГУФФЪЕ. Историческіе мемуары объ императорѣ Александрѣ и его дворѣ. Пер. З. Мировичъ. Вступит. статья А. А. Кизеветтера. Ц. 1 р. 50 к.

МЕУАРЫ Г-ЖИ ДЕ-РЕМЮЗА. Пер. О. Рудченко. Редакція и вступит. статья С. Ф. Фортунатова. Т. I. Ц. 2 р.; т. II, ц. 1 р. 25 к.; т. III, ц. 1 р. 25 к.

«Мемуары г-жи де-Ремюза» продолжаютъ ту интересную и изящную библиотечку мемуаровъ, какую безъ шума и ненужной рекламы выполняетъ книгоиздательство Некрасова. Ремюза была придворной дамой при дворѣ Жозефины, жены Наполеона. Это былъ внимательный, тонкій, немного злой умъ, одинъ изъ тѣхъ, которыми превосходно удаются записки. Кто хотѣлъ бы изучать личность Наполеона, этого человѣка, «поднявшаго корону изъ грязи конякомъ своей шпаги», тотъ не долженъ пройти мимо записокъ Ремюза.

(Р. С. № 293. 1912.)

АББАТЪ ЖОРЖЕЛЬ. Путешествіе въ Петербургъ въ царствованіе императора Павла I. Перев. Н. Соболевскаго. Ред. и вступит. статья А. А. Кизеветтера(Ц. 1 р. 20 к.

Аббатъ Жоржель направился въ Петербургъ сопровождать депутацію великой пріоріи германской мальтійскаго ордена къ новому гротмейстеру послѣдняго—императору Павлу I. Наблюдательный, уже много повидавшій разѣе аббатъ рѣшилъ ознакомиться съ впечатлѣніями своего путешествія и почти полугодичного пребыванія въ Петербургѣ, какъ тѣхъ, которые намѣревались бы совершать ту же поѣздку, такъ и прямо интересующихся страной и ея жизнью. Вѣроятно считался именно съ первыми онъ такъ цѣнно для насъ описалъ свой путь, отмѣчалъ и состояніе дорогъ и стоимость проѣзда, давалъ свѣдѣнія о мѣстоѣмѣхъ городовъ, его гостиницахъ и условіяхъ жизни въ немъ вообще, обращая вниманіе на денежный курсъ, и при всемъ этомъ не забывая упомянуть о гастрономической новости русскаго обѣда. Скорѣе для вторыхъ написана еще болѣе интересная часть книги, посвященная Петербугу и его жизни, а затѣмъ и современному правительству

Интересная и содержательная и отношеніемъ къ нему автора книга должна найти широкій кругъ читателей. («День» № 285—1913).

А. КИЗЕВЕТТЕРЪ. Историческіе отклики. Ц. 2 р. 50 к.

Въ книгу талантливаго историка вошли статьи и замѣтки, напечатанныя за послѣдніе годы въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ. Наиболѣе крупной изъ статей явится мастерски сдѣланный на широкомъ историческомъ фонѣ портретъ Ф. В. Ростокина. Чрезвычайно ярко написанный этотъ портретъ получаетъ въ свѣтѣ нерекливаемыхъ событій особую рельефность и жизненность.

Этюдъ г. Кизеветтера, посвященный знаменитому патріоту дѣвнадцатаго года, является бесспорно лучшею характеристикой Ф. В. Ростокина, освѣщая многія оставшіяся въ тѣни черты его характера и дѣятельности.

Очень содержательная маленькая замѣтка объ «Избраніи на царство Михаила Феодоровича Романова». Большая статья посвящена Николаю Александровичу Милютину. Но эта статья менѣе удалась автору, принявъ слишкомъ апологическій характеръ.

Остальные статьи посвящены «Русскому обществу и реформѣ 1861 г.», «Борьба на земство при его возникновеніи», «Московскому университету и его традиціи», Т. Н. Грановскому, А. Герцену, В. Ключевскому.

Всѣ статьи написаны съ большимъ публицистическимъ подъемомъ и во всѣхъ историческихъ откликахъ А. Кизеветтера чувствуется горячая пульсация публицистической мысли, никогда, однако, не искажающей исторической перспективѣ и строгихъ историческихъ чертъ, лицъ и событій. Книга А. Кизеветтера читается съ большимъ интересомъ, давая и знанія, уча и поощряя историческія событія и историческія уроки.

Издана книга К. Некрасовымъ превосходно.

(«День» № 108—1916).

РОССІЯ И РУССКІЕ. Николая Тургенева. Томъ I. Воспоминанія изгнанника. Пер. Н. И. Соболевскаго подъ ред. А. А. Кизеветтера. Ц. 2 р. 50 к. (Постановленіемъ Моск. Судаебн. палаты отъ 29 Апр. 1916 г. арестъ снятъ).

РУССКАЯ ИСТОРИЯ ВЪ КУЛЬТУРНО-БЫТОВЫХЪ ОЧЕРКАХЪ подъ общей редакціей В. Я. Уланова.

М. Н. Коваленскій. Русскій ученый XVIII вѣка. Страницы изъ жизни Ломоносова. Ц. 45 коп.

Мин. Нар. Просв. допущена въ ученич. библиотекѣ высш. нач. училищъ и признана заслуживающей вниманія при пополненіи бесплатныхъ народныхъ библиотекъ и читаленъ. (Увѣдомл. отъ 1 сентября 1915 г. за № 40086).

Н. Д. Шаховская. Въ монастырской вотчинѣ XIV—XVII вѣка. (Св. Сергій и его хозяйство) Ц. 40 коп.

Мин. Нар. Просв. внесена въ списки сочиненій, заслуживающихъ вниманія при пополненіи ученическихъ библиотекъ среднихъ учебныхъ заведеній и бесплатныхъ народныхъ читаленъ и библиотекъ. (Увѣдомл. отъ 4 ноября 1915 г. за № 180).

П. П. Кащенко. Судъ въ Моск. государствѣ (XVI—XVII столѣт. Ц. 30 к.

Н. Д. Комовская. Въ странѣ великаго хана. (Картины изъ жизни монголовъ.) Ц. 40 коп.

Н. Н. Коваленская. Вельможи въ фаворѣ и ссылкѣ (кн. Долгорукіе) Ц. 40 коп.

М. Н. Коваленскій. Путешествіе Екатерины II въ Крымъ. Ц. 50 коп.

Изданія М. С. САБАШНИКОВЫХЪ.

- Беловъ, Г.** Городской строй и городская жизнь средневѣковой Германіи. Пер. Е. Петрушевской подъ ред. и со вступит. статей Д. Петрушевскаго. 1 р. 25 к.
- Бемеръ, Г.** Иезуиты. Съ введеніемъ и примѣчаніями Г. Моно. Пер. Н. Попова. 1 руб. 25 коп.
- Богучарскій, В.** Активное народничество семидесятихъ годовъ. 2 р.
- Брзестедъ, Д.** Исторія Египта, въ 2-хъ томахъ. Авторизованный переводъ съ англійскаго В. Викентьева, со спеціальнымъ предисловіемъ автора къ русскому изданію и многочисленными иллюстраціями. 8 р.
- Буассье, Г.** Археологическія прогулки по Риму. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.
- Гершензонъ, М.** Грибоѣдовская Москва. 1 р. 25 к.
- Гершензонъ, М.** Декабристы Кривцовъ и его братья. 2 р.
- Гиршъ, М.** Народные университеты. Ихъ задачи, организація, развитіе, пропаганда. Пер. Н. Сперанскаго. 20 к.
- Диль, Ш.** По Грецію. Пер. М. Безобразовой. 1 р. 25 к.
- Диль, Ш.** Византійскіе портреты. Пер. М. Безобразовой, подъ ред. П. Безобразова. Два вып. по 1 р. 25 к.
- Диль, Ш.** По берегамъ Средиземнаго моря. Пер. О. Анненковой. 1 р. 25 к.
- Дживелеговъ, А.** Александръ I и Наполеонъ. Историческіе очерки. 1 р. 75 к.
- Ешевскій, С.** Собраніе сочиненій по русской исторіи. 2 р.
- Норниловъ, А.** Курсы исторіи Россіи XIX в. ч. I. 1 р. 25 к.; ч. II. 1 р. 25 к.; ч. III. 1 р. 50 к.
- Норниловъ, А.** Молодые годы Михаила Бакунина. Изъ исторіи русскаго романтизма, 4 р. 50 к.
- Норниль, Н.** Пророки. Перев. подъ ред. Н. Никольскаго. 75 к.
- Лависсъ Э. и Рамбо, А.** Эпоха крестовыхъ походовъ, въ 2-хъ т. Пер. М. Гершензона, съ предисл. проф. А. Савина. 4 р.
- Лависсъ, Э.** Очерки по исторіи Пруссіи. Пер. А. Тимофеевой. 1 р. 25 к.
- Ланглуа, Ш.** Инквизиція. Пер. Н. Сперанскаго. 45 к.
- Лихтенбергъ, А.** Современная Германія. Пер. Н. Попова. 1 р. 40 к.
- Лоуэлль, Л.** Государственный строй Англіи. Пер. подъ редакц. О. Кокошкина. 3 р.
- Масперо, Г.** Во времена Рамзеса и Ассурбанипала. Пер. Е. Григоровичъ. В. I. Египетъ. 1 гр. 25 к.; в. II. Ассирія. 1 р. 25 к.
- Морз, А.** Во времена фараоновъ. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
- Морз, Царп** и боги Египта. Пер. Е. Григоровичъ. 1 р. 25 к.
- С. А. Муромцевъ.** Сборникъ статей: К. Арсеньева, Н. Астрова, С. Бондарева, М. Вилавера, В. Гредескула, Н. Давыдова, Н. Каблукова, А. Кизеветтера, О. Кокошкина, С. Котляревскаго, А. Ледницкаго, П. Милокова, В. Набокова, Н. Тесленко, А. Пурикова, кн. Д. Шаховскаго и Г. Шершеневича. Съ приложеніемъ 7 портретовъ. 2 р.
- Огарева-Тучнова, Н. А.** Воспоминанія 1848—1870 гг. 1 р. 50 к.
- Петрушевскій, Д.** Великая Хартія Вольностей и конституціонная борьба въ англійскомъ обществѣ во второй половинѣ XIII в. Съ прилож. латинскаго и русскаго текста Великой Хартіи и др. документовъ. 85 к.
- Петрушевскій, Д.** Возстаніе Уота Тайлера. 2 р. 75 к.
- Розенбергъ, В.** Лѣтопись русской печати (1907—1914 г.). 70 к.
- Розенбергъ, В. и Якушкинъ, В.** Русская печать и цензура. 1 р.
- Сакулинъ, П.** Изъ исторіи русскаго идеализма. Князь В. О. Одоевскій. Мыслитель—Писатель. Т. I. Ч. 1 и 2. 6 р. 50 к.
- Сенъ-Викторъ, П.** Боги и люди. Пер. М. Волошина. 1 р. 25 к.
- Сперанскій, Н.** Очеркъ исторіи средней школы въ Германіи. 1 р.
- Сперанскій, Н.** Борьба за школу. 1 р. 20 к.
- Струве, П.** Крѣпостное хозяйство. Изслѣдованія по исторіи экономической Россіи XVIII и IX вв. 2 р.
- Ферреро, Г.** Величіе и паденіе Рима. Пер. А. Захарова. Т. I. Созданіе Имперіи. 1 р. 75 к. Т. II. Юлій Цезарь. 1 р. 75 к.
- Якушкинъ, В.** О Пушкинѣ. 1 р.
- Вукидидъ.** Исторія. Пер. О. Мищенка, подъ ред. и со вступит. статей С. Жебелева. 2 т. 6 р.

Складъ у издателей: Москва, Тверской бульв., 6.

НОВАЯ КНИГА.
Библиотека мемуаровъ. Вып. II.
**ЗАПИСКИ ДЕКАБРИСТА
И. И. ГОРБАЧЕВСКАГО.**

Съ 2-мя портретами, приложеніями, именнымъ указателемъ и вступительной статьей Б. Е. Сыроѣчкова. XXXIV + 323 стр.
Ц. 2 руб.

Библиотека мемуаровъ. Вып. I. **Цезарь Ложье.** Дневникъ офицера великой арміи въ 1812 г. Пер. съ франц. подъ ред. Н. П. Губскаго съ предисловіемъ А. М. Васютинскаго. Ц. 80 коп.

Книгоиздательство «ЗАДРУГА» Москва, М. Никитская, 29. Отдѣл. въ Петроградѣ:
к-во «ОГНИ», Фоптанка, 80.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1917-ый годъ

НА НОВЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКІЙ ЖУРНАЛЪ

научно-популярнаго характера

ПСИХОЛОГІЯ и ДѢТИ,

посвященный вопросамъ воспитанія, основаннаго на изученіи природы ребенка.

Ближайшими задачами журнала являются:

1. Научное изученіе жизни дѣтей. 2. Примѣненіе выводовъ психологіи къ практикѣ воспитанія. 3. Выясненіе общихъ основъ воспитанія и обученія. 4. Ознакомленіе съ современнымъ движеніемъ педологической мысли въ Россіи и на Западѣ. 5. Критика и библиографія въ формѣ систематическихъ обзоровъ по вопросамъ, относящимся къ прикладной психологіи.

Въ составъ редакціоннаго комитета входятъ:

Н. Н. Корниловъ, Н. А. Рыбниковъ (ассистенты Психологическаго Института им. Л. Г. Щукина). **В. Е. Смирновъ, И. М. Соловьевъ, И. П. Тутышкинъ, А. М. Шубертъ.** Журналъ выходитъ 8 разъ въ годъ, книжками 5—6 листовъ. Подписная плата съ доставкой и пересылкой **4 руб. въ годъ, на полгода 2 р. 50 коп.,** отдѣльная книжка **75 к.** Книгопродавцамъ обычная скидка.

Первый номеръ выйдетъ въ январѣ.

Контора и редакція журнала помѣщаются—**Москва, Малая Никитская, 29, Книгоиздательство «ЗАДРУГА».**
Редакторъ **И. М. Соловьевъ.**

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1916 ГОДЪ
на литературный, научный и политическій журналъ
„РУССКІЯ ЗАПИСКИ“
ВЫШЕЛЪ № 8 (АВГУСТЪ).

СОДЕРЖАНІЕ: Амазонка. Романъ **Е. В. Бровцыной**. — Подоходный налогъ на Западъ и у насъ. (Окончаніе). **І. Нулишера**. — Молодое 1. Дома. 2. Мгновенія. **Татьяны Фидлеръ**. — Идиллія (Страничка изъ воспоминаній семид. сятницы). **П. Ивандовской**. — Дороже всего. **С. Матвѣева**. — Жена сэра Айзэкса Хармана. Романъ **Г. Уэльса**. (Продолж.) Переводъ **А. Даманской**. — Очерки социальной исторіи Малороссіи. 4. Образованіе крестьянскаго сословія въ лѣвобережной Малороссіи XVI—XVIII вв. (Продолж.) **В. Мякотина**. — Изъ записной книжки **Л. П.** — Изъ Англіи „Дюббл“. **Діонео**. — Буржуазія и трудовая демократія Франціи во время войны. **Е. Сталинскаго**. — Старыя традиціи и новый органъ. **Вл. Нороленко**. — Наброски современности. Въ людяхъ и дома. **В. Мякотина**. — Библіографія. Отчетъ конторы журнала. — Объявленія.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА съ доставкою и пересылкою: на годъ—12 р., на 6 мѣс.—9 р., на 3 мѣс.—3 р., на 1 мѣс.—1 р.; безъ доставки: на годъ—11 р., на 6 мѣс.—5 р. 50 к., на 3 мѣс.—2 р. 75 к., на 1 мѣс.—1 р.; за границу на годъ 15 р., на 6 мѣс.—8 р. Отд. книжка 1 р. 50 к.

Подписчиковъ просятъ адресовать деньги и корреспонденцію исключительно по адресу редакціи „Русскихъ Записокъ“—Петроградъ, Баскова, 9. Тел. 20—83.

Редакторъ **В. Н. Цѣховская (Ольнемъ)**.

Издатель **Н. С. Русановъ**.

На складъ товарищества «Задруга»

(Москва, Мал. Никитская, д. № 29, кв. 6.)

имѣются слѣдующія изданія **Е. Н. ВОДОВОЗОВОЙ**.

Е. Н. Водовозова. Какъ люди на бѣломъ свѣтѣ живутъ:

Англичане	Цѣна — р. 40 к.
Испанцы.	„ — „ 40 „
Итальянцы.	„ — „ 40 „
Нѣмцы.	„ — „ 40 „
Французы.	„ — „ 40 „
Чехи, Поляки, Русины . . .	„ — „ 40 „
Швейцарцы	„ — „ 40 „
Ея же. Умственное воспитаніе	„ 2 „ — „
— Изъ Русской жизни	„ 1 „ 50 „

В. И. Водовозовъ. Разсказы изъ Русской исторіи в. I. Цѣна — р. 40 к.

„ „ „ „ в. II. „ — „ 60 „

Его же. Очерки по исторіи XVIII вѣка. „ 1 „ 50 „

Открыта подписка на новое издание Т-ва «МІРЪ»:

Исторія РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ до XIX в.

подъ редакціей А. Е. Грузинскаго.

Первый томъ выйдетъ въ сентябрѣ с. г. **Содержаніе 1-го тома:** Введеніе. Особенности древне-русской литературы, влияющія на способы ея изученія. Проф. М. Н. Сперанскаго. Территорія и племя. Допсторическій бытъ и вѣрванія. Первые формы государственнаго обществ. Присф. М. Н. Любавскаго. Русский языкъ, его особенности. Анад. А. А. Шахматова. Начало письменности. Характеристика начального періода литературной жизни. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древнѣйшій періодъ (XI—XII в. в.) Историческій очеркъ Киевской Руси. Проф. М. Н. Любавскаго. Общий обзоръ литературы кievскаго періода. Проф. А. С. Архангельскаго. Апокрифъ и легенда. Проф. М. Н. Сперанскаго. Древне-русское летописаніе. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Слово о полку Игоревѣ. Прив.-доц. С. Н. Шамбинаго. Средній періодъ (XIII—XVI в. в.). Историческая жизнь Руси въ XIII—XVI в. в. Проф. М. Н. Любавскаго. Общая характеристика областной литературы. Проф. М. Н. Сперанскаго. Летописное дѣло въ XIV—XVI вв. Прив.-доц. А. Е. Прѣснякова. Литература Московскаго государства въ XVI в. Прив.-доц. А. С. Орлова. Переводныя повѣсти древней Руси. Прив.-доц. А. С. Орлова. — 316 стр., 18 иллюстрацій на отдѣльныхъ листахъ, изъ нихъ 6 цвѣтныхъ таблицъ.

Изданіе составитъ 4 тома (3 тома — „Исторія русск. литературы до XIX в.“ и 1 томъ — „Устное творчество“) по 22—23 листа каждый; многочисленныя иллюстраціи. Цѣна 4 томовъ въ переплетѣ безъ пересылки — 24 руб.; при подпискѣ уплачивается 3 руб. и при полученіи каждаго тома по 7 руб. (кроме перес.); задатокъ засчитывается при высылкѣ послѣдняго тома.

Продолжается подписка на другія изданія т-ва „Мір“:

Исторія западной литературы (1800—1910).

подъ редакціей В. Д. Батюшкова. При бли. уч. проф. В. А. Брауна, акад. Н. А. Котляревскаго, проф. Д. Н. Петрова, пр.-доц. Е. В. Анничкова и пр.-доц. Н. Ф. Тян-дера. Около 6 т. въ перепл. Цѣна по подпискѣ — 8 р. за томъ въ переплетѣ (безъ пересылки). Вышли I и II томы.

Итоги науки въ теоріи и практикѣ. ЭНЦИКЛОПЕДІЯ СОВРЕМЕННОГО ЗНАНІЯ. Подъ редакц. проф. М. М. Ковалевскаго (†), проф. Н. Н. Ланге, Николая Морозова и проф. В. М. Шимкевича. Изданіе распадается на четыре большихъ отдѣла: I. Мертвая природа. II. Жизнь. III. Психическій міръ. IV. Общественная жизнь. 12 томовъ. Цѣна въ переплетѣ (безъ перес.) 96 руб. Вышло 9 томовъ (I, II, III, V, VI, VII, IX, X и XI).

Г. В. Плехановъ. Исторія русск. обществ. мысли. Около 6 томовъ. Условія подписки: при подп. упл. 2 р. 50 к. и при получ. каждаго тома въ переплетѣ — 3 р. 20 к. (включая перес.) и за перев. плат. — 10 к. Вышли I и II томы.

Русская литература XX вѣка (1890—1910). Подъ ред. С. А. Венгерова. Около 15 книгъ, въ 7—8 листовъ каждая. УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ: при подпискѣ уплачивается 2 р. 50 к. и при полученіи каждаго книги — 2 р. 20 к., (включая пересылку) и, сверхъ того, по 10 к. за перев. платежъ. Вышли I—V книги.

Исторія русской литературы XIX в. Подъ ред. акад. Д. Н. Овсяннико-Куликовскаго, при ближайшемъ участіи А. Е. Грузинскаго и проф. П. Н. Сакулина. 5 т. въ переплетѣ, безъ пересылки 38 р. Изданіе закончено.

М. Н. Покровский. — Русская исторія съ древнѣйшихъ временъ.

При уч. Н. М. Никольскаго и В. Н. Сторожева. 5 т. въ перепл. (безъ пересылки) — 32 р. Изданіе закончено.

Исторія еврейскаго народа. Изданіе составитъ 15 томовъ по 30—35 листовъ въ каждомъ, ок. 1,500 рисунковъ, 18 географ. картъ и плановъ. Цѣна 15 томовъ въ переплетѣ (безъ пересылки) — 128 р., а веленовой бумагѣ — 160 р. Вышелъ томъ „Древнѣйшая эпоха еврейской исторіи“ и XI томъ „Исторія евреевъ въ Россіи“.

Карусъ Штерне. — Эволюція міра. НАУЧНО-ПОПУЛЯРНАЯ ИСТОРИЯ МІРОЗНАНІЯ. Переводъ съ изданія, переработан. В. Бельше, подъ редакціей В. К. Гафенова. Съ дополнительными статьями профессора Н. А. Умова и Н. А. Морозова. 2-е улучшенное изданіе. 3 тома. 1,424 страницы. 742 рисунка. Цѣна изданія безъ пересылки, въ издѣльномъ переплетѣ — 24 р. ИЗДАНІЕ ЗАКОНЧЕНО.

Допускается рассрочка платежа. Проспекты безплатно.

Главная контора т-ва „МІРЪ“. Москва. Знаменка, 9. — Телефонъ 1-87-31.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО и КНИЖНЫЙ МАГАЗИНЪ
 Бывшій **М. В. ПОПОВА.** ПЕТРОГРАДЪ,
 Невскій пр., 66.

ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ НОВЫЯ КНИГИ.

«ОТЕЧЕСТВО». Сборники. НАЦИОНАЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА РОССИИ. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВОПРОСЪ. Подъ редакціей проф. И. Бодуэнъ де Куртене, проф. Н. Гредескула, Б. Гудевича, ин. П. Долгорукова, проф. В. Сперанскаго. Томъ I. 1) ОТДѢЛЪ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ. 2) ЛИТЕРАТУРЫ НАРОДОВЪ РОССИИ, стр. 108+488. Ц. 3 руб. 75 коп.
 Г. ПЛЕХАНОВЪ. Дневникъ социаль-демократа. Вып. 1. Изд. 2-е. Ц. 40 коп.
 Г. ПЛЕХАНОВЪ. Интернаціонализмъ и защита отечества. Цѣна 40 коп.
 Н. СУХАНОВЪ. Наши направленія-марксизмъ и «народничество». 2-е изд. Ц. 1 руб.
 А. ПОТРЕСОВЪ. Война и международное демократическое сознаніе. Ц. 75 коп.
 А. ПОТРЕСОВЪ. П. Б. Аксельродъ (Опр. Суд. Палаты арестъ святъ). Ц. 25 коп.

Проф. Н. ГРЕДЕСКУЛЬ. Россія и ея народы. Ц. 75 коп.
 М. ПАВЛОВИЧЪ. Смерть Жюреса. Изъ дневника Эмигранта. Ц. 60 коп.
 С. ЗОЛОТАРЕВЪ. Диаграмма и историко-литературн. карта по исторіи русской литературы. Ц. 80 коп.
 Г. МАГНИТСКІЙ. Докторъ Орловъ. Романъ въ 3-хъ частяхъ. Ц. 2 руб.
 Б. ВЕРХОУСТИНСКІЙ. Маленькая буря. Романъ. Ц. 1 руб. 50 коп.
 Д. ЛЛОЙДЪ-ДЖОРДЖЪ. Рѣчи во время войны. Изд. 2-е. Ц. 1 руб. 50 коп.
 З. ПАНКХЕРСТЪ. Моя жизнь. Записки суфражистки. Ц. 2 руб.
 ДЖЕМЪ ЛОНДОНЪ. Смирительная рубашка. Ц. 2 руб. 25 коп.

Постоянно на складѣ большой выборъ художественной и научной литературы по всѣмъ отраслямъ знаній и по специальнымъ вопросамъ.

Книжный магазинъ принимаетъ на себя выполненіе книжныхъ заказовъ для школъ, общественныхъ и частныхъ библиотекъ.

Лицамъ, интересующимся литературой по опредѣленному вопросу, регулярно высылаются соответствующія книжныя новинки.

КАТАЛОГИ СЪ ОТЗЫВАМИ ВЫСЫЛАЮТСЯ ПО ТРЕБОВАНІЮ.

Въ провинцію книги высылаются наложеннымъ платежомъ.

Книгоиздательство „ЗАДРУГА“.

МОСКВА, М. Никитская, 29, кв. 6.

Московское отдѣленіе изданій журнала „Русское Богатство“.

Имѣются на складѣ слѣдующія книги В. Г. Короленко.

ОЧЕРКИ И РАЗСАЗЫ. Кн. 1-я. (Въ дурномъ обществѣ. Сонъ Макара. Лѣсъ шумитъ. Въ ночь подъ Сивѣлый праздникъ. Въ послѣдственномъ отдѣленіи. Старый звонарь. Очерки спбтскаго туриста. Соколинецъ). 13-е изд. Ц. 1 р. 50 коп.

ОЧЕРКИ И РАЗСАЗЫ. Кн. 2-я. (Рѣка играетъ. На затмѣніи. Ать-Даванъ. Черкекъ. За иконой. Ночью. Тѣмъ. Судный день). 9-е изд. Ц. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ И РАЗСАЗЫ. Кн. 3-я. Огоньки. Сказаніе о Флортѣ, Агриппѣ и Менахемѣ, сынѣ Іегуды. Парадоксъ. «Государевы ямщики». Морозъ. Послѣдній лучъ. Марусина заимка. Мгновеніе. Въ облачный день. 5-е изд. Ц. 1 р. 25 к.

ОЧЕРКИ И РАЗСАЗЫ. Кн. 4-я. Чудная. Феодалы. Смиранные. По пути. Въ Добруджѣ: 1) Надъ Ломаномъ. 2) Наши на Дунаѣ. 3) Турчинъ и мы. 4) Нирвана. Ц. 1 р. 50 к.

ОЧЕРКИ И РАЗСАЗЫ. Кн. 5-я. Птицы небесныя. Въ Крыму (2 очерка). Необходимость. Нѣ страшное. На Волгѣ. Божій городокъ. Въ пустынныхъ мѣстахъ. Ц. 1 р. 50 к.

ВЪ ГОЛОДНЫЙ ГОДЪ. Наблюденія, размышленія и замѣтки 6-е (исправленное и дополненное изданіе. Ц. 1 р.).

СЛѢПОЙ МУЗЫКАНТЪ. 13-е изданіе. Ц. 75 коп.

БЕЗЪ ЯЗЫКА. Разсказъ. 6-е изд. Ц. 75 коп.

ПИСЬМА КЪ ЖИТЕЛЮ ГОРОДСКОЙ ОКРАИНЫ. 2-е изд. Ц. 5 к.

СОРОЧИНСКАЯ ТРАГЕДІЯ. (По даннымъ судебнаго разслѣдованія). Ц. 10 к.

ОТШЕДШІЕ. Объ Успенскомъ. О Чернышевскомъ. О Чеховѣ. 2-е изд. Ц. 40 к.

БЫТОВОЕ ЯВЛЕНІЕ. Замѣтки публициста о смертной казни). Ц. 15 к.

ИСТОРІЯ МОЕГО СОВРЕМЕННОКА. I. Раннее дѣтство и годы ученія. 2-е издан.

Цѣна 1 руб. 50 коп.

**КНИЖНАЯ ТОРГОВЛЯ ПОСТАВЩИКА
УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ, БИБЛІОТЕКЪ, ЗЕМСТВЪ И ГОРОДСКИХЪ УПРАВЛЕНІЙ**

И. Ф. КОСЦОВА.

ПЕТРОГРАДЪ, Литейный просп. 28—3.

АККУРАТНО И НА ВЫГОДНЫХЪ УСЛОВІЯХЪ ПОПОЛНЯЮ БИБЛІОТЕКИ

школьныя, ученическія и учительскія, общественныя, публичныя, городскія, земскія, полковыя, для общественныхъ собраній, клубовъ, обществъ трезвости и проч.

Условія высылаются по первому требованію.

Исполненіе заказовъ тщательное и добросовѣстное. ✂ Высылаю всё вышедшія и вновь выходящія книги.

Вновь прибрѣтены—удешевленно продаются и высылаются съ наложен. платеж. (дѣны без. пер.).

Изд. Брокгауза-Ефронъ.

Классическое Искусство. Г. Вельфлинъ, съ предисловіемъ проф. Ф. Ф. Зѣлинскаго. Введеніе въ изученіе итальянскаго возрожденія. Роскошный томъ съ 10 таблицами въ краск. и 79 табл. на иѣловой бумагѣ. Вмѣсто 8 р. за 5 р. 50 к.

Очеркъ греческой исторіи и источниковъ ея. Р. Пельмана. Эллинизмъ культуры. Ф. Баумгартена, Ф. Поланда, Р. Вагнера. 590 стр. съ рис. Оба сочин. въ 1 т. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія античнаго коммунизма и социализма. Р. Пельмана. 712 стр. за 2 р. 50 к.

Мартини изъ бытовой исторіи Рима въ эпоху отъ Августа до конца династіи Антониновъ. Часть 1. Л. Фридендера. Вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Раннее христіанство. Отдѣлъ 1. «Израильско-иудейская религія», Веллгаузенъ; «Сущность христіанства», А. Гарнака; «Религія Іисуса и начала христіанства до Никейскаго собора», А. Юмлера; «Древнѣйшія христіанскія общины». Э. Добшопъ. 485 стр. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Раннее христіанство. Отдѣлъ II. «Эллинизмъ и христіанство», Э. Гатце; «Римъ и христіанство», Э. Ренана; «Исторія догматовъ», А. Гарнака. 460 стр. вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія Франціи въ раннее средневѣковье. «Норманнская Галлія и римская Галлія», Г. Блока; «Христіанство въ Галліи и утвержденіе варваровъ», Ш. Балле; «Меровингскій періодъ», Ш. Пфистера. 536 стр.; вмѣсто 4 р. за 2 р. 50 к.

Исторія Израильскаго народа. Эрнста Ренана. Въ 1 т. 1080 стр. вмѣсто 7 р. за 4 р. 75 к.

Человѣкъ въ его прошломъ и настоящемъ. Составили: проф. Г. Обермайеръ, Ф. Бирнеръ. 2 роскошныхъ тома. Перев. съ нѣм. кн. П. Ю. Шингеля, подъ ред. проф. М. А. Менажера. Томъ 1. Г. Обермайеръ, «Доисторическій человѣкъ». Съ 4 картанки, 12 цвѣтными и 17 черными таблицами и 404 рисунками въ текстѣ. Томъ II. Ф. Бирнеръ, «Расы и народности человѣчества». Съ 8 картанки, 11 цвѣтными, 9 черными таблицами и 564 рисунками въ текстѣ, въ 2 т. вмѣсто 14 р. за 9 руб.

Успенскій, Ф. И. Исторія Византизма. Минеринъ, роскошн. иллюстриров. изданіе въ роскошн. перепл. вмѣсто 22 р. за 17 р.

Лунъ Блантъ. Исторія Французской революціи. 12 т. около 5000 стр. единств. русск. изданіе. Перев. проф. А. Рѣкина, вмѣсто 36 р. за 12 р.

Беляше, В. Любовь въ природѣ. 3 т. за 4 р. 50 к.

Сокровища русской живописи альбомы картинъ въ краскахъ, изданныхъ Лангмунъ въ Парижѣ на роскошной бумагѣ большого формата.

1) Музей Имп. Александра III. 506 листовъ съ текстомъ въ роскошной золоченой коленкоровой папкѣ 15 р.

2) Третьяковская галлерея. 50 листовъ съ текстомъ, въ роскошн. коленкор. тиснен. золот. и красками папкѣ 15 р.

3) Сокровища Липсбургскаго музея въ Парижѣ. 50 листовъ въ роскошн. коленкор. тиснен. золот. и красками папкѣ 20 руб.

Образцы декоративнаго и прикладнаго искусства изъ Императ. дворцовъ, церквей и коллекцій въ Россіи роскошн. изд. Эиспедит. заготов. Государств. бумагъ въ краскахъ 13 альбомовъ большихъ форм. 15/23 дюйм. за 30 руб.

Полное собраніе сочиненій Гюи де Мопассана.

въ ПЕРЕВОДАХЪ ЛУЧШИХЪ РУССКИХЪ ПЕРЕВОДЧИКОВЪ, 16 ТОМОВЪ, 4470 стр., за 5 руб.,

Красота Женщины.

Разсказъ женской красоты 353 страницы текста проф. Штраца съ 242 рисунками, исполненными по фотографіямъ съ натуры, роскошное изданіе на иѣловой бумагѣ, вмѣсто 4 руб. 75 коп. за 3 руб.

Полныя собранія сочиненій:

Л. Андреева 17 т. 6 р., М. Тютчевъ 10 т. 10 р., Ст. Пшибышевскаго 10 т. 15 р. 50 к., Вересаева 10 т. 3 р., А. Шингелъ 9 т. 9 р., Б. Шоу 10 т. 9 р., А. М. Майкова 8 т. 2 р. 50 к., Г. Аннунціо 12 т. 12 р., И. Тургенева 10 т. 15 р., Фр. Шингелъ 12 т. 11 р., С. Надсона 2 р. 40 к., Г. Бенга 10 т. 9 р., С. Лагерлефъ 12 т. 11 р., А. Франка 12 т. 11 р., В. Миксе 10 т. 9 р., А. Писемскаго 38 т. 6 р. 50 к., А. М. Толстого въ 3 т. 3 р., И. Гербумова 4 т. 1 р., Мольера 10 т. 2 р. 50 к., Ф. Шлегель 9 т. 9 р., А. Гарберга 7 т. 7 р., А. Стриндберга 12 т. 12 р., Пьера Лоти 12 т. 12 р., М. Метерлинка 8 т. 2 р. 50 к., Ж. Реденбахъ 5 т. 5 р., Д. Л. Мордовцова 50 т. 10 р., А. М. Фета 8 т. 1 р. 75 к., М. Галсуна 18 т. 4 р. 50 к., Г. Ибсена 18 т. 4 р. 50 к., М. Помпаловскаго 4 т. 1 р., Э. Ростана 5 т. 1 р. 50 к., В. Жуковскаго 1 т. 1 р. 75 к., Н. Гоголя въ 1 т. съ рис. 1 р. 75 к., Гонимъ 9 т. 9 р., М. Станиславскаго 40 т. 7 р., В. Бѣлинскаго 4 т. 3 р. 50 к., О. Уайльда 8 т. 2 р. 75 к., Г. Гейне 16 т. 2 р. 75 к., Г. Гауффмана 10 т. 1 р. 75 к., И. Буника 12 т. 3 р., Лѣсковъ 36 т. 5 р. 50 к., В. Тютчевъ 3 т. 1 р., Л. Менъ 8 т. 1 р. 50 к., М. Салтыкова 40 т. 8 р., М. Коренько 27 т. 7 р., Михайлова-Шеллера 50 т. 17 р. 50 к., Г. Успенскаго 28 т. 6 р. 50 к.

КРАТКІЙ КАТАЛОГЪ КНИГЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ БЕЗПЛАТНО.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА на 1916 г.

— — НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ — —

ИСТОРИИ и ИСТОРИИ ЛИТЕРАТУРЫ

„ГОЛОСЪ МИНУВШАГО“

подъ редакціей *С. П. Мельгунова и В. И. Семева*.

(4-й годъ изданія).

Журналъ посвящается разработкѣ вопросовъ исторіи и исторіи литературы русской и всеобщей.

ПРОГРАММА ЖУРНАЛА:

I. Статьи по вопросамъ русской и всеобщей исторіи, исторіи литературы, философіи, искусства и археологіи.	V. Біографіи русскихъ и иностранныхъ дѣятелей.
II. Мемуары, записки, дневники и письма современниковъ.	VI. Критика и библіографія.
III. Матеріалы по исторіи, исторіи литературы и т. д.	VII. Новости русской и иностранной науки.
IV. Историческая беллетристика.	VIII. Обзоръ журналовъ русскихъ и иностранныхъ.
	IX. Хроника.

Журналъ ИЛЛЮСТРИРУЕТСЯ картинами изъ прошлаго и портретами дѣятелей русскихъ и иностранныхъ.

УСЛОВІЯ ПОДПИСКИ съ доставкой и пересылкой въ Россію: на годъ 12 руб., на 1/2 года 6 руб., за границу 15 руб., 1/2 года 8 руб.

— — — — — Перешлѣна адреса 30 коп. — — — — —

Въ ОТДѢЛЬНОЙ ПРОДАЖѢ книга журнала 1 руб. 50 к.

Комплекты за прежніе годы по 8 руб.: 1913 г. (безъ № 1) 1914 г., 1915 г. (безъ №№ 4, 5). На пересылку накладывается платежъ.

Подписка принимается:

Въ **Москвѣ:** въ конторѣ журнала (складъ книгоиздательства «Задруга», Малая Никитская, д. № 29; тел. 4-50-61).

Въ отдѣленіи конторы: Петроградъ, Фонтанка, 80. Книгоиздательство «ОГНИ».

Адресъ редакціи: Москва, Гранатный, 2, кв. 31.

ПРІЕМЪ ПО ДѢЛАМЪ: вторникъ, отъ 4 до 6 час.

Тип. Т-ва Гябушискихъ. Москва.